
ПОБЕДИТЕЛЬ
LOCUS
2020
ФИНАЛИСТ
HUGO
2020
ТОМУ, ЧТО ТЕБЯ ЛЮБИТ,
ПРОЩЕ ВСЕГО ПРИЧИНИТЬ
ТЕБЕ БОЛЬ
18+
ШЕННОН МАКГВАЙР
СЕЗОННЫЕ СТРАХИ
В переводе Дарьи Кальницкой
ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА «МИТТЕЛЬШПИЛЬ»

Сезонные страхи
Шеннон Макгвайр

Аннотация
Шеннон Макгвайр. Сезонные страхи
Книга I. Конец сезона
  Начало правления
  Побег
  Взлет
Книга II. Начало
  Садовница
  Футбол
Книга III. Утраченная Линор
  Пульс
  Сказки и секреты
  Ледяной Джек
  В лесу
Книга IV. Весна справедливая
  Пробуждение
  Там, где начинается тропинка на обочине
  Спящая красавица
  Объяснение
  В лес
  Побережье Калифорнии
  Первое столкновение

Книга V. Область залива Сан-Франциско
Зона отдыха
Фермерский рынок
Преследователи
Дом с часами вместо стен
Клубничное лето
Отъезд
Книга VI. Сбей его с ног
На запад
Похищение
После драки
Путешествие
Аризона
Путешествие
Возвращение
Ускорение
Книга VII. Алабама
Красная глина
Лабиринт
Авен
Во тьму
Что дальше
Книга VIII. Коронация
Похоронные хлопоты
Без адреса для пересылки
Вид-на-замок

Благодарности

Аннотация

Продолжение романа «Миттельшпиль». Семнадцатилетняя Мелани – дочь алхимика, но Мелани предстоит умереть: у нее больное сердце, и она очень слаба. Ее друг, Гарри, не хочет терять самого близкого человека на свете. Когда Мелани и Гарри сообщают, что они могут стать Зимней королевой и Летним королем, они соглашаются без раздумий, не зная, что им предстоит кровавая борьба за победу. На этом пути они встретят родственников, о существовании которых даже не подозревали, врагов, притворяющихся друзьями, и уже знакомых нам Роджера и Доджер. «Сезонные страхи» – это мрачное психологическое фэнтези с неоднозначными, глубокими персонажами и сложно устроенной вселенной в лучших традициях Шеннон Макгвайр.

** В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram (организации, запрещённые на территории РФ).*

*** Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.*

Шеннон Макгвайр
Сезонные страхи

Посвящается Уэсу и Мэри – они там,
где земля истекает красным,
и всё еще помнят меня.

И Филу, в зарослях кукурузы

Раньше, чем сейчас, но позже, чем могли бы, уже после великих эпох героев и чудищ, когда в школах вдобавок к предметам, изучаемым и поныне, обучали и разному другому: не только литературе, но и фехтованию, не только арифметике, но и алхимии, не только естествознанию, но и искусству выслеживать чудовищ и спасаться от них, – в самом обыкновенном городке жили-были двое ребятишек. Жизнь их текла споро, и славно, и очень обычно, дни сменялись ночами без малейшего признака неряшливой немыслимости, притаившейся рядом; глядя на детей, родители прочили им совершенно обыкновенное будущее безо всякого волшебства, чудищ и прочих сложностей.

Хотя эти двое всю жизнь прожили на одной и той же обыкновенной улице, их родители дружбы не водили – от одной лишь мысли о дружбе, бросающей вызов классовому и социальному положению и, о боже, грубо попирающей разделение на своих и чужих, они пришли бы в ужас, а потому ребятишки учились в разных школах, ко-

торые находились на противоположных концах их обыкновенного городка, и там заводили себе таких друзей, которых бы точно одобрили родители; друг с другом же они никогда не встречались, даже ни разу не здоровались на городской площади. Эйвери был чопорным аккуратистом – совсем неподходящим товарищем для Циб, а ее во многих смыслах можно было уподобить большущему костру, который уговорили втиснуться в шкуру маленькой девочки, чтобы неистовствовать среди летних холмов.

Так и росли Эйвери Александр Грей и Хефциба Лорел Джонс, день за днем, год за годом, в блаженном неведении о том, что все это время совсем рядом, всего в какой-то миле живет тот, кто станет лучшим из многих повстречавшихся в жизни друзей, тот, кому суждено однажды подобрать ключ к дверце, ведущей к приключению. Но вот в один прекрасный день большой подземной трубе, снабжавшей их обыкновенный городок водой, вздумалось лопнуть, из-за чего прямо на пути у идущего в школу Эйвери приключился потоп. Подобного рода неприятности происходят во всех уголках света, но их обыкновенный городок они до сей поры по большей части обходили стороной. В конце концов, приключения противоречат всем цивилизованным законам, и их лучше избегать.

А. Дебора Бейкер, «Вдоль Солистого моря»

Книга I
Конец сезона

Король скончался – скошен урожай,

Но сын его живет – и зреет новый.

***Уильям Шекспир, «Король Ричард III»*[1]**

Робкий шепот, мольбы, свечи, слезы и ахи,

Всем ни за что не помочь, но она попытается.

Лето, следом зима, и сезонные страхи,

Снова пора ураганов на нас надвигается,

И, глядя на небо, паства ее содрогается…

Талис Кимберли, «Дева Мария из тон-

---

[1] Примечания: 1

Перевод Б. Лейтина. — *Здесь и далее прим. перев.*

Циб знала о колодцах больше, чем Эйвери. Ее отец родился на ферме, и эта ферма до сих пор принадлежала ее бабушке и дедушке. Циб проводила с ними каждое лето: носилась дикаркой по полям, засаженным кукурузой и клубникой, по лесам, где веточки цеплялись за ее шевелюру, таскала еще теплые яйца прямо из-под наседок. Хорошенько пошарив, она нащупала сбоку рукоятку и принялась крутить ее, поднимая болтающуюся на конце веревки бадью.

Когда наконец Циб ее вытянула, та оказалась блестящей и серебристой, без малейшего следа ржавчины, а вода в ней была до того прозрачной и чистой, что Циб, еще даже не попробовав, сразу поняла, какая чудесная она на вкус. Дрожащими руками она потянулась к бадье, а остальные столпились у нее за спиной.

– Это колодец желаний, – довольным голосом сказала Нив. – Обычно они безобидные, в них не селятся обездоленные речные ведьмы или жуткие проклятия.

– Такие колодцы исполняют желания? – спросил Эйвери.

Циб в это время притянула к себе бадью.

– Вовсе нет, – ответила Нив. – Колодец, исполняющий желания, – что за нелепость! Так еще, чего доброго, трава начнет на стол накрывать, а облака – управлять погодой. Нет, колодец желаний – это колодец, который пожелали. Они появляются там, где больше всего нужны. Или куда их принесли. Думаю, этот вот раздобыла для нас невероятная дорога.

И Нив сурово посмотрела на брусчатку у себя под ногами.

Невероятная дорога искрилась в солнечных лучах, тихая и довольная.

А. Дебора Бейкер, «Вдоль Солистого моря»

…хотя Доктрина Этоса никогда раньше не воплощалась в материальной форме, она представляет собой исходный идеал вселенной. Она направляет мысль, память, даже творение. А значит, следует

предположить, что она подчиняется правилам, действующим и для других подобных воплощений, которые наш мир создает по собственной прихоти, когда у него появляются место и возможность. Мы имеем дело, если угодно, с почти универсальным принципом, согласно которому в людском обличье воплощаются разнообразные идеи, такие как смерть, природа и сами сезоны. Эти основополагающие концепты не призывают алхимики, содержащие их сосуды не создает ничья рука, и все же сосуды наполняются и концепты воплощаются, подчиняясь нуждам самого мира. Я утверждаю, что мир нуждается в Доктрине Этоса, чтобы функционировать в соответствии со вселенским замыслом, но Доктрина так расплывчата и всеобъемлюща, что вселенная не сумела пока втиснуть ее в физическую форму. Как жемчужница научается искусству изготовления жемчуга, только когда в ней появляется песчинка, так и мы должны изменить мир, если желаем, чтобы мир понял, что ему необходимо измениться. Эти переме-

ны и породят Доктрину Этоса, и тогда начнется наконец, как и надлежит, наше восхождение.

Из речи Асфодель Д. Бейкер перед Американским алхимическим конгрессом, 1901 год

Начало правления

ПО КАЛЕНДАРЮ:

15 мая 1730 года, убывающая весна, цветочная луна.

Монотонное пение переходит в приглушенное бормотание, да и то бормочут лишь те, кто стоит позади. Многие вообще поют не по-английски, будто добрый христианин способен разобрать их языческие заклинания! Ясно, что все это какой-то языческий обряд, если не что похуже, но он старается не думать об этом несоответствии, особенно теперь, когда будущее определено.

Все было бы иначе, коронуйся он в Англии, в стране, где остались его корни; там он понял бы все до последнего слова. И гораздо лучше бы подготовился. Ну что ж, готов или нет, тем не менее он победил, и это его корона. Он всегда знал, что когда-нибудь станет королем. Только не знал каким.

Он идет к возведенному служителями помосту, где состоится коронация, и некоторые в толпе пялятся на него. Пялятся, потому что не одобря-

ют, ему об этом известно; они полагают здешние сезоны своими, считают, что Зима и Лето могут быть связаны только с ними, а не с выскочкой-поселенцем вроде него.

Как будто лето и зима не сменяют друг друга на всем белом свете. Как будто так странно, что человек его положения и происхождения посвящен в таинства.

Что ж, они еще увидят. Господь предназначил этот край Англии и населяющим ее народам, империя будет вечно процветать даже на этих далеких берегах. И он горд тем, что представляет корону и свою страну в новом краю, что с помощью столь знакомого ритуала еще теснее свяжет его с империей. Нельзя сказать, что в жизни ему сильно везло, но он всегда знал о сезонных обрядах и о том, к чему они неизбежно приведут. Когда он почувствовал, как кровь в жилах обратилась в лед и стужа откликнулась на его зов, то сразу все понял, еще до того, как тот ирландский парнишка, которого пришлось поучить манерам, явился за ним, чтобы сопроводить в испытаниях. Ничего поразительного в этом не было.

Поражало разве только то, что здешние жители, и туземцы, и колонисты, похоже, тоже весьма неплохо осведомлены о сезонных обрядах. Они

затянули подходящие случаю песнопения, едва он расправился с последней претенденткой; жестокость, с которой он с нею покончил, изумила не только наблюдателей, но, кажется, и ее саму. Вероятно, раньше восхождения здесь обходились без подобной кровожадности, и проигравшие легко смирялись с судьбой. Он последним из претендентов на Зиму вошел в лабиринт, а она не желала уступать корону, и потому он свершил что должно.

Что ж, кто ищет погибели, тот всегда ее находит. Он же гибнуть не намерен. Он Зимний король, избранный, обагренный кровью, предопределенный. Он будет жить вечно, вознесшийся, сияющий, явленный, и те, кто осмелится бросить ему вызов, падут, сгинут, словно тени на снегу.

К помосту подводят женщину, которая, как и он сам, преодолела все испытания. Довольно миловидная, коренастая. Кожа чистая, без оспин, волосы темные, лицо красноватое — вряд ли она из состоятельной семьи, но держится величаво, вполне подойдет на роль его королевы. И если уж о чем и остается жалеть, раз здесь все проходит в точности как дома, так это о том, что сам он в этом деле ничего не решает. Когда началось состязание, все, кто находился достаточно близ-

ко, способен был примерить корону и не желал погибнуть, явились участвовать; сильнейший получает все. По крайней мере, это женщина. Не придется коротать вечность в одиночестве.

И тут он замечает выражение ее лица. Подходя ближе, она смотрит на него так, как смотрят на змею, на грязное пятно на подоле; верхняя губа вздернута, лицо преисполнено отвращения.

— Приветствую, — говорит он, надеясь, что просто неверно истолковал ее мину. — Сколь отрадно видеть, что моя Летняя королева еще и прекрасна.

— Мы не должны были здесь оказаться, — огрызается она. Служители помогают ей взойти на помост. Интересно, как называли их туземцы, покуда не явились поселенцы и не научили местных правильным названиям.

— Разумеется, должны были. Мы победили.

— Ты победил жестокостью и силой.

Расправив плечи, она награждает его презрительным взглядом; лунный свет, играющий на ее волосах, напоминает ему, что ее сезон нынче нарастает, а его — убывает. Если бы ему было дозволено выбирать корону, он забрал бы летнюю сладость себе, а этой… этой ведьме оставил бы бесплодную зиму, которая ей столь к лицу.

Но они не выбирают. Они словно погода — их влечет по воле ветра, покуда они не поднимутся и не войдут в силу, чтобы выбирать за своих. Но никогда за себя.

Нет. За него всегда будет выбирать Годовой круговорот, но он сможет выбирать за других. Сможет стребовать с них плату за то, во что они ему обошлись.

— Как и ты сама, — парирует он. — Чтобы предъявить права на корону, мы должны сражаться.

— Нет, — в ее голосе звучит удивление. — Сражаться не обязательно. Нас не так просто сместить с трона. Ты дрался так, как эти люди не дерутся, а потому они не были готовы к противостоянию с тобой. И когда претенденты на Лето увидели, с чем им придется встать рядом, если их изберут, они отказались от притязаний и уступили дорогу мне. Это не наша земля. Это не наша страна. Эти короны не должны принадлежать нам.

— Но будут нам принадлежать.

— Будут, потому что из-за тебя не осталось никого, кто смог бы удержать Зиму, — рычит она совершенно по-звериному, и тут он понимает, что кожа у нее красноватая вовсе не потому, что

она разгневана. Сражаясь за место, принадлежащее ему по праву, он расправился не со всеми дикарями. Одна дикарка стоит рядом с ним, и с нею он связан навечно. — Ты явишь свой сезон, а я явлю мой, потому что никто не желает быть с тобой рядом. Они знают, что кто-то должен вместить Лето, но никто не готов ради этого встать подле убийцы.

— А ты готова.

— Я сделаю то, что должна, ради Лета и буду терпеть твое общество столько, сколько того потребует наша судьба, — она чуть приосанивается, в ее взгляде по-прежнему злоба. — Недолго тебе править.

Уильям вспоминает алхимика, который обратился к нему в начале коронации и посулил победу и безраздельную власть, если только Уильям, направляя Зиму, как надлежит ему по праву рождения, не позабудет в своих трудах недавно созданный Американский алхимический конгресс. Тогда он отказался, но, кажется, ситуация изменилась.

Он будет править вечно.

Побег

ПО КАЛЕНДАРЮ:

9 октября 2005 года, осень, охотничья луна.
275 лет спустя.

Мелани снова нездоровится.

Мама говорит, все потому, что у Мелани что-то с сердцем, но Гарри не понимает, как так. У бабушки было что-то с сердцем, она пошла к доктору, ей дали такую специальную машинку, которая называется стимулятор, и все стало хорошо. Теперь бабушка в порядке, пусть она больше и не бегает вместе с ним в парке, когда Гарри приезжает погостить. Но взрослые обычно бегать и не любят. Значит, если у Мелани что-то с сердцем, надо просто пойти в больницу, чтобы ей дали стимулятор, и с ней снова все будет в порядке.

А Мелани и так проводит в больнице гораздо больше времени, чем все остальные. Насколько Гарри знает, она там почти каждую неделю. Иногда ей приходится там торчать и в выходные, и домой не пускают, и она даже не может с ним говорить по телефону. Ему это не нравится.

В прошлом году Мелани пропустила две недели в детском саду, он ходил к ней домой, но дома ее тоже не было. Иногда там был ее папа и его чудны́е друзья. Все взрослые чуток чудны́е. Мелани говорит, к ним чудно́е липнет, как наклейки. У Гарри есть такой камушек, он на него клеит классные наклейки, когда удается их раздобыть, и родители разрешают, ведь тогда он их не клеит в других местах.

— Практично, — говорит мама.

— Удобно, — говорит папа.

Так что камушек они не трогают. Теперь он уже в три раза больше, чем когда Гарри его нашел, а все из-за наклеек. Если чудно́е липнет, как наклейки, тогда понятно, почему взрослые чуднее детей.

Дети чудны́е по-своему. Гарри это знает. Каждый человек чудно́й по-своему, и это здорово, потому что если бы не все были чудны́ми, то Гарри сам стал бы главным чудаком — ему трудно представить мир, где бы он им не был. Во-первых, у него в семье все богатые. Он сам тут ни при чем, но все равно выходит, что иногда ему не надо думать о том, о чем другим детям приходится думать постоянно; скажем, раз Гарри спросил, почему Карен Нельсон бесплатно дают

молоко в столовой, а ему нужно приносить из дома четвертаки, если вдруг захочется такую же гладкую коробочку. А во-вторых, его бабушка и дедушка живут в Висконсине в замке, самом что ни на есть настоящем, его сначала построили на другом берегу океана, а потом по кусочкам перевезли в Америку и снова собрали, как будто домик из лего.

Гарри обожает гостить у бабушки с дедушкой в их домике из лего, хотя папа говорит, что это не дом, а страхолюдина, и денег на него уходит куча, а лучше бы их отложить на какой-нибудь колледж, если Гарри вдруг захочется еще поучиться после школы. Вряд ли ему захочется, да и у домика из лего есть собственное название — никакая он не страхолюдина. Называется он «Вид-на-замок», и название Гарри очень нравится, хотя оно и странное — ведь дом и есть замок, других замков из него не видно, разве что если встанешь во дворе и голову задерешь так, что шея заболит. Название будто из волшебной сказки, из страны Под-и-Над, а в волшебных сказках никто никогда не пропускает уроки, потому что у него что-то с сердцем.

В волшебных сказках тебя могут превратить в камень, можно упасть в дыру и угодить в другой

мир, женщина из дыма может коснуться твоей груди, обратить сердце в уголек и украсть его, не успеешь и глазом моргнуть, но там никому не дают стимуляторы, и никому не приходится все время торчать дома, и никто не пугает друзей так, как Мелани пугает его.

Еще и из-за этого Гарри чудно́й: у него есть лучший друг, Мелани, и ему плевать, что все девчонки вшивые; если Мелани вшивая, то и ему вшей подавай. Пусть ползают по нему, как муравьи на пикнике. Когда-нибудь, когда они оба подрастут, Гарри на ней женится. Может, лет в двенадцать. В двенадцать ты уже, наверно, совсем взрослый и можешь жениться.

Только ничего не получится, если она больше не выйдет на улицу.

У Гарри богатая семья, ему семь лет, и иногда эти два обстоятельства приводят к тому, о чем никто не удосужился подумать.

— Мальчику нужен велосипед, — сказал папа и купил ему самый лучший горный велосипед, какой только нашелся в магазине, идеально подходящий для семилетнего мальчугана, который любит долгие поездки по горам, по долам, хотя Гарри никогда ни к чему такому интереса не выказывал.

«Его лучшая подружка болеет, а до ее дома ехать целую милю, если Гарри захочет ее повидать, то попросит отвезти, а мы ему скажем, что ей нужно отдыхать», — подумала мама, и так бы все и вышло, если бы Гарри ходил пешком, но ведь он теперь не пешком.

У него есть превосходный велосипед.

Если прохожий вдруг заметит на засаженной деревьями улице на окраинах Портленда маленького мальчика на велосипеде, он и слова не скажет. Маленькие мальчики всегда катаются на велосипедах, у маленьких мальчиков всегда есть друзья, и даже если этого конкретного маленького мальчика прохожий не узнал, вероятно, это друг кого-то из местных детей. Конечно, родители не упустят из виду собственного ребенка и не разрешат ему одному разъезжать по городу. Конечно, волноваться тут не о чем.

И вот, пользуясь тем, что волноваться не о чем, Гарри доезжает до самого дома Мелани, возле которого на подъездной дорожке припаркован автомобиль ее отца. Гарри останавливается у соседнего дома. Он не уверен, нравится ли ему доктор Косгроув.

Во-первых, он от всех требует, чтоб его называли доктором, а белого халата, как у докторов по

телевизору или у тех, которые помогали бабушке со стимулятором, у него нет. Он обычно носит костюм с галстуком, и вид у него такой, будто он с радостью удавил бы крольчонка голыми руками. Лицо у доктора Косгроува меняется, только когда он смотрит на Мелани, но и тогда его выражение Гарри не нравится.

Доктор Косгроув смотрит на дочь так, как папа самого Гарри смотрел на велосипед, когда они его притащили из магазина. Гордо и так… по-хозяйски, словно он его не купил, а сам сделал. Когда Гарри впервые услышит слово «собственник», ему на ум тут же придет отец Мелани, а почему — он и сам объяснить не сможет.

Гарри знает, что доктор Косгроув очень любит дочь, а Мелани очень любит папу. Но что-то в этом есть неправильное, хотя Гарри не может это что-то описать или объяснить, как бы ни старался. Это нечестно, но так оно и есть, и Гарри знает: если позвонить в дверь, доктор Косгроув его не пустит.

Вообще-то Гарри хороший мальчик, не разбалованный родительским богатством. Но иногда он ведет себя неосторожно, ведь ему кажется, что все на свете можно заменить. Может, именно поэтому Гарри просто бросает велосипед возле

живой изгороди, а сам идет дальше пешком, убеждая себя, что если доктор Косгроув выглянет в окно и увидит его, то примет за какого-нибудь другого белобрысого мальчика, вышедшего на прогулку. Гарри — умный ребенок и понимает, что ему не положено забираться так далеко от дома без взрослых. Но ему плевать.

Обогнув дом, Гарри бросает делать вид, будто беззаботно прогуливается, и бежит прямиком во двор к большому дубу, растущему под окном у Мелани. По этому дубу так здорово лазать, ветки у него широкие и изогнутые; на глазах у Гарри Мелани сто раз на него залезала, когда ее папа сидел в доме и не говорил ей, что она слишком хрупкая и не может лазать.

Гарри считает, что Мелани никакая не хрупкая. Она сильнее всех, и намного сильнее, чем может вообразить ее отец, и Гарри бы очень хотел ей это втолковать. Может, потом, когда они вырастут и поженятся. Когда им стукнет двенадцать.

Ухватившись за самую высокую ветку, какую только удается достать, Гарри подтягивается; ему невдомек, что окно, мимо которого придется лезть, — это окно кабинета доктора Косгроува и что отец Мелани сейчас там, разговаривает по телефону. Но вот Гарри слышит из едва

приоткрытого окна мужской голос. И замирает, завороженный этим взрослым голосом, словно змея дудочкой. Гарри знает, что не должен сейчас здесь быть. Он не в силах сдвинуться с места.

— Разумеется, я буду сообщать вам о том, как у нее продвигаются дела. Вы же знаете, как я благодарен за все, что вы для меня сделали. Если бы у меня не было доступа к исследованиям Асфодель… Да, сэр, — повисает жуткая долгая пауза. — Да, сэр. Я знаю, какое огромное доверие вы мне оказали, когда разрешили попробовать, и думаю, что заплатил достаточно, чтобы доказать свою преданность. Пожалуйста, позвольте мне продолжить работу. Уже совсем скоро мы узнаем, смогут ли они обе достичь зрелости, или одну следует отбраковать, чтобы восстановить другую.

Снова пауза, на этот раз короче, потом доктор Косгроув заливается громким хохотом. Не похоже, чтоб он услышал что-то смешное. Так смеются, столкнувшись с чем-то очень страшным, так смеялся Гарри, когда студентка-нянечка включила фильм, где мужчина в маске убивал других людей, там было столько крови, повсюду, будто в кошмарном сне, это было жутко, мрачно, нечестно. Именно так доктор Косгроув сейчас и смеется.

Гарри не в силах сдвинуться с места. Он в жизни не слышал, чтобы взрослый издавал такие ужасные звуки. Даже когда его папе позвонили из больницы и сказали, что бабушке нужен стимулятор, и папа заплакал и все плакал и плакал.

— Да, ваши ушли дальше, — наконец говорит доктор Косгроув. — Намного дальше, и их создали для того, что раньше никому не удавалось заполучить. Мои больше похожи на насекомоядные растения. Мелани, кажется, уже привлекает сезон, которому была предназначена, но трудно сказать наверняка, пока к нам на порог не явится Ледяной Джек и на горизонте не замаячит коронация. Не думаю, что есть хоть малейший шанс… Нет, вряд ли. Жаль. Он уже давно перестал приносить пользу, хотя я понимаю, почему вы не желаете состязания.

Голос доктора Косгроува становится тише, удаляется от окна. Гарри не двигается с места, но вот он слышит щелчок — это закрылась дверь кабинета, — и лед, сковавший руки и ноги, рассыпается на осколки. Гарри лезет дальше, на этот раз быстрее, ему не так страшно упасть, как не успеть в комнату Мелани раньше доктора Косгроува.

Если бы Гарри и Мелани жили ближе к друг

другу, это мог бы быть первый, но далеко не последний раз, когда он вот так вот влезает к ней в окно, первый, но далеко не последний раз, когда он забирается к спящей подруге в комнату. Но они живут далеко, и все сложится иначе: после этого случая Гарри Марч никогда больше не влезет в это окно. Добравшись до рамы, он аккуратно пробует ее: слава богу, не заперто и к тому же легко открывается, он тянет раму вверх, и она сразу поддается.

В комнате на подоконнике нет сиденья, рядом не стоит стул. Мелани очень хрупкая, и никто не хочет, чтобы ей вдруг вздумалось лазать в окно. Гарри переваливается через подоконник, надеясь на лучшее.

Надеждам не суждено сбыться. Гарри падает на пол, раскинув руки-ноги и заработав парочку синяков, с таким грохотом, что сейчас точно прибежит отец Мелани. На долгое мгновение Гарри замирает на полу, будто доктор Косгроув может каким-то чудом не заметить открытое окно и незваного мальчишку. Но ничего не происходит. Гарри медленно распрямляется, встает, стряхивает налипшие на руки кусочки коры. В комнате темно, и это средь бела дня.

— Мел?

Она спит под балдахином в большой кровати, какие бывают у принцесс, такой кровати место в Виде-на-замок. Вот когда Гарри вырастет и станет его хозяином, эта кровать точно переедет в Вид-на-замок, и Мелани вместе с ней. Они будут ходить друг к другу в комнаты с ночевкой, каждую ночь смотреть кино, и что бы у нее там ни было с сердцем, это ей больше не навредит. Мама говорит, машины — это просто помощники, они делают то, что люди сами делать не хотят. Вот Гарри и станет для Мелани стимулятором, будет делать так, чтобы ее сердце радовалось, чтобы Мел не нужно было сидеть одной у себя в комнате.

— Мел?

Гарри делает шаг к кровати, полог задернут, Мелани, наверное, спит. Она не отвечает, и Гарри отдергивает полог.

На долгое мгновение он застывает, смотрит серьезно, не двигается. Мелани тоже не двигается. Лежит тихо, будто статуя или куколка, вырезанная из мыла. Она всегда была бледной, бледнее всех, кого Гарри знает, но теперь кажется, будто из нее выкачали всю кровь и вместо нее налили воду. Будто от Мелани ничего не осталось.

Она не дышит.

Глаза у Гарри распахиваются все шире и шире, больше и больше, пока не становится больно векам. А когда он понимает, что это уже чересчур и нужно что-нибудь сделать, хоть что-нибудь, чтобы стало по-другому, то снова зовет ее, шепотом, на этот раз полным именем, как учитель в классе, надеясь, что она все-таки ответит правильно.

Но она не отвечает.

Склонившись над кроватью, Гарри берет ее за руку. Рука холодная. Ну конечно, холодная. Ему только семь лет, но он в состоянии отличить мертвое от живого, и Мелани мертва. Мертвые теплые, только если их вынести на солнце, а в этой комнате солнца нет. Здесь так холодно, слишком холодно даже для октября. Мел не дышит, и рука у нее холодная, и ничего хуже с Гарри в жизни не приключалось, это даже хуже, чем то кино про человека с ножами, Гарри задыхается, все так ужасно, что даже смеяться не получается, потому что это слишком. Слишком, слишком, чересчур, слишком…

Будь Гарри постарше, порешительней, возможно, он вспомнил бы волшебную сказку — такую, где храбрый принц пробуждает спящую принцессу поцелуем, хотя сейчас Мелани не может дать согласия. Но Гарри еще маленький, и, хоть он

вовсе не размазня, ему всего семь, а его лучшая подруга может вдарить будь здоров. Не станет он целовать Мел без ее согласия, с таким же успехом можно выпрыгнуть в окно спальни, надеясь, что вырастут крылья. Что-то можно делать, а что-то нет, и целовать Мелани впервые в жизни, когда она не может сказать «да», точно нельзя.

(Сезонные создания линейны по своей природе: они бегут только в одном направлении, шаг за шагом, все дальше и дальше в неясное будущее. В другой истории они могли бы сыграть иначе, по другим правилам. Если вас удивляет, что Гарри точно знает, чего делать нельзя, когда он так мал и так напуган, просто подумайте вот о чем: в каком-то смысле он уже бывал здесь раньше, так же, как и все мы, снова и снова, раз за разом, столько, что в голове не укладывается.)

Все еще сжимая руку Мелани (руку *мертвой* Мелани), Гарри заливается слезами. Не какими-то там маленькими скромными слезинками — он рыдает громко и навзрыд, рыдает как мальчишка, которого только что чудовищно предали, который не понимает, как такое вообще может быть. И уже через несколько секунд доктор Косгроув, с топотом взбежав по лестнице, распахивает дверь. И при виде Гарри, который стоит в

комнате его дочери, держит ее за руку и рыдает, доктор Косгроув испытывает не страх, не тревогу — его сразу охватывает гнев.

— Отойди от нее, дурак! — громко кричит доктор Косгроув, бросается на Гарри и отнимает у него руку Мелани. Потом свирепо смотрит на мальчика. — Немедленно убирайся из этой комнаты! Ты хоть представляешь, сколько вреда мог причинить? Представляешь, какие исследования только что чуть не пустил прахом?

Рука Мелани, соскользнув, безжизненно свисает с края кровати. Мел не двигается. Конечно, не двигается — она мертва и никогда, никогда больше не шевельнется. Гарри все плачет, пока доктор Косгроув выволакивает его из комнаты и тащит вниз по ступенькам, плачет, пока тот звонит его родителям, плачет пятнадцать минут спустя, когда тренькает дверной звонок.

— Стой здесь и никуда не ходи! — велит доктор Косгроув и идет открывать дверь родителям Гарри, а тот сидит на диване и плачет. Первой вбегает мама, лицо у нее встревоженное, она раскрывает ему свои объятия, и Гарри не нужно другого приглашения — он бросается к ней, вцепляется в нее, все еще рыдая.

— Малыш, что стряслось? — спрашивает мама.

На лице у доктора Косгроува странное и жуткое выражение, будто он боится того, что сейчас услышит. Но Гарри едва его замечает. Глядя маме прямо в глаза, он набирает в грудь побольше воздуха и ревет:

— Умерла, умерла, Мелани умерла!

Голос у него высокий и пронзительный, искренний в своем отчаянии, как бывает только у детей. Может, именно поэтому от него такой эффект. Гарри стоит, уткнувшись маме в сгиб локтя, плача навзрыд, а она просит объяснить, что он такое говорит, и тут вдруг Гарри слышит то, чего не может быть. В гостиной их только четверо, но вот на лестнице раздаются чьи-то шаги.

Вырвавшись из теплых маминых объятий, Гарри разворачивается и видит черноволосую девочку в красной ночнушке, которая стоит, положив одну руку на перила, а другой трет глаза.

— Папа? — говорит она. — А почему Гарри плачет?

Гарри не отвечает.

Он лежит на полу в глубоком обмороке.

Взлет

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.
Десять лет спустя.

Земля слишком мягкая.

Он понимает это, уже сойдя с мощеной дорожки для пассажиров и торопливо шагая по газону. Земля слишком мягкая. Она засасывает каблуки итальянских кожаных туфель, пытается его разуть, хочет его проглотить. Эта земля хочет оставить его себе. Завладеть им так, как он и выразить не может и ни за что не позволит. Он бы не забрался так высоко, если б поддавался капризам безмозглой почвы.

Он не какой-нибудь червь. И даже не человек. Он божество и остается божеством вот уже более трех сотен лет, с того самого дня, как сумел возвыситься, и, как и любое другое божество, не намерен так просто сдаваться. Он не виноват. Так нечестно. На такое он не соглашался.

Но мир уже давно изменился, пока сам он оставался неподвижным; сезоны больше не следуют

один за другим в том четком порядке, какой он помнит. И потому земля слишком мягкая, и, когда он ступает туда, где должен быть безопасный промерзший газон, нога почти на целый дюйм погружается в грязь, и он едва успевает ее выдернуть, прошлогодние травинки цепко хватаются за туфлю. Почему-то они помнят его, хотя он никогда раньше здесь не ходил, так нечестно, неправильно. Рид ведь обещал…

Но если верить знакомым алхимикам, Рид погиб, как до того погибла Асфодель. Как до того погиб Мило. Как гибли все те мимолетные людишки, связанные узами лет, те, кто не стоит у руля. Рид погиб, а с ним почти все члены Американского алхимического конгресса за исключением очень немногих мастеров, не явившихся на ту встречу, где были уничтожены его старшие и во многом лучшие представители. Больше их обещания ничего не стоят. Америка осталась без защиты.

Он сам остался без защиты, а земля слишком мягкая, близится оттепель. Буквально десятилетиями он оттягивал этот момент, а теперь, когда все наконец вот-вот свершится, ему не за кем и не за чем укрыться.

В глубине души Уильям Монро всегда был тру-

сом. Когда он понял, что остальные школяры не слышат, как поют на лету снежинки, то не стал никому ничего рассказывать — не из-за жажды власти или силы, которые дарует тайное знание, но из-за внутреннего убеждения: стоит хоть в чем-то стать другим, и сразу превратишься в мишень. Он был лисом в окружении волков и, как и все хитроумные лисы, научился прикидываться маленьким, не выпячивать тот факт, что само его тело — яркий красный флажок, само его присутствие напоминает кровь на снегу.

С этим убеждением он вступил в коронацию — притворялся маленьким, притворялся добреньким, пока не наступал момент нанести удар, и тогда, стремясь стать божеством, он наносил удар, и еще раз, и еще, без всякого милосердия.

И вот теперь все его знания, все прожитые годы, все союзы, которые он заключал с хищниками покрупнее, с чудовищами, умевшими ловко скользить по опушке, прячась среди теней и света, все нелегкие битвы — все это ничего не значит здесь и сейчас, когда земля стала такой мягкой. Когда отступил лед. У него должно было быть больше времени. Еще по крайней мере две недели до оттепели!

Он ускоряет шаг, каблуки туфель стучат по

надежной, неопасной взлетной полосе; на сером асфальте остается грязный след, по которому его сможет выследить любой хищник, но хищников здесь нет. Разве что сам Уильям, а он никогда не был охотником. Предпочитал сидеть в засаде, долго караулить, а потом без лишних трудностей набивать брюхо.

Ему никогда не хватало смелости рисковать, он избегал опасности, если мог, и чем прочнее становилось его положение в центре его собственной маленькой вселенной, тем меньше рисков ему приходилось брать на себя. Ему всегда нравилась такая симметрия. И до сих пор нравится.

Впереди ждет самолет, который унесет его подальше отсюда, подальше от этой беззащитной страны, где земля слишком мягкая; унесет в безмятежное безопасное место к прекрасным антиподам, где все еще властвует холод. Ему будет недоставать снега: в той части Австралии, которую он называет домом, снег идет очень редко; по всей вероятности, придется заключать новые соглашения с Австралийским алхимическим конгрессом, когда там поймут, что он нацелился сместить их Зимнюю королеву, эту жалкую притворщицу, и занять ее место, но они наверняка сумеют постичь его логику, понять, почему ему

нельзя терять высокое положение. Так же гораздо лучше, чем жить по старой системе, которая досталась ему в наследство от предшественника. Перемены — это хаос, а хаос нарушает самые лучшие планы.

Спасибо и на том, что проклятые кукушата Рида учинили свой переворотец посреди лета — и посреди кукурузы. Он узнал обо всем загодя. Было время подготовиться.

Можно было поторопиться, сделать все раньше — следовало сделать все раньше, если б только он знал, — но он отвык от спешки, не подумал хорошенько, к чему приведет нарушенный баланс, а потом стало слишком поздно. И все равно у него в распоряжении оставались добрый кусок лета и вся осень, чтобы подготовиться к весне, которая, как он знал, обещала стать тяжелой.

Вот только она не должна была наступить так скоро. Ведь в небесах еще светит неприкаянная, налитая червивая луна, совсем недавно она сменила луну голодную. Все метеорологи, которых он спрашивал, утверждали, что есть еще несколько недель, чтобы привести дела в порядок, и только когда вчера вечером Уильям заснул прямо за письменным столом, он понял, что надо торопиться.

И вот впереди ждет самолет, который унесет его из всеми забытой глуши в большой город, где ждет другой самолет, до Мельбурна. Здесь нет службы безопасности, никто не проверяет его, не досматривает багаж, никто не осмелится досаждать ему, здесь его власть. Уильям Монро торопливо проходит мимо человека в белой форме пилота и буквально взлетает по узенькому трапу в салон.

— Давай быстрей, — бросает он через плечо.

Уильям умеет многое — за долгие годы кое-чему выучился по необходимости, а кое-чему и от скуки, — но только не водить самолет. Слишком многие важные люди погибли, возомнив себя могущественнее небес.

Он-то уж точно могущественнее небес — по праву повелевает двумя из четырех ветров, а еще два захватил силой, — но это совершенно не значит, что нужно дразнить такую громадину. Пусть самолетами управляют люди, которые еще помнят о благопристойной скромности, а он полетит вместе с ними, в безопасности, под защитой других, как всегда.

Первый пилот, который вот уже почти десять лет управляет частным самолетом мистера Монро и к которому тем не менее тот ни разу не

обратился по имени, умудряется сдержать усмешку, входя вслед за боссом в чересчур шикарный салон, где уже ждут с коктейлями в руках две женщины в форме, будто позаимствованной прямиком из семидесятых. Пилот кивает в ответ на их искоса брошенные взгляды. Эта работа унизительна для всего экипажа, но платят хорошо, а иногда только это и важно.

Второй пилот уже пристегнулась. Она старается лишний раз не пересекаться с мистером Монро, который воспринимает ее как улучшенную разновидность бортпроводницы и никак не может взять в толк, почему она не желает подставляться под его блудливые руки.

— Готовы? — спрашивает второй пилот.

— Он сегодня торопится, — отвечает первый пилот, принимаясь за свою часть предполетной проверки. Они проходят ее гораздо быстрее, чем следовало бы, потому что все, что можно было сделать заранее, до прибытия их единственного пассажира, уже давно сделано, чтобы мистеру Монро не пришлось ждать.

— Говорит капитан вашего судна, — объявляет первый пилот по громкой связи. — Нам утвердили маршрут до Миннеаполиса, судя по прогнозу, турбулентность не ожидается, небо ясное. Мистер

Монро, пожалуйста, займите свое место. Экипаж, пожалуйста, подготовьте судно к взлету.

Он знает, что мистер Монро сейчас усядется в кресло, но не станет утруждаться пристегивать ремни. Этот человек явно полагает себя неуязвимым, и как же хочется иногда залететь в зону турбулентности, просто чтобы босса пару раз приложило о стенку, чтоб до него дошло: законы физики подкупить невозможно, но это наверняка будет стоить пилоту места. Он не станет этого делать, чтобы не подставлять экипаж. Но как же хочется.

Диспетчер дает зеленый свет. Пилот заводит двигатель, толкает штурвал вперед и медленно начинает разворот, после которого можно будет разогнаться и, достигнув нужной скорости, воспарить.

Самолет слушается охотно, даже с радостью, и вот они уже скользят по взлетной полосе, набирая скорость, набирая инерцию, и вот наконец достигнута та точка, когда затормозить, даже самому современному воздушному судну, практически невозможно. Теперь все решает физика. Они подчиняются ей.

Второй пилот хватает его за руку. И первый пилот, увидев то же, что и она, почти на автомате

объявляет по громкой связи:

— Мистер Монро, сейчас мы сделаем резкий поворот и, надеюсь, сумеем остановиться. На взлетной полосе женщина.

Дверь распахивается, и единственный пассажир врывается в кабину (на обычных коммерческих лайнерах дверь запирают именно для того, чтобы это предотвратить). Он смертельно бледен и больше всего напоминает сейчас воскового Санта-Клауса.

— Нет! Нет, весна еще не началась! — то ли кричит, то ли стонет он. — Мой сезон еще в силе!

Пилоты смотрят на него так, будто он явился к ним прямиком из какой-то другой истории, гораздо более душераздирающей и драматичной. Он едва их замечает. Взгляд его прикован к женщине на взлетной полосе.

Диана.

Она выглядит точно так же, как в день их возвышения: темные волосы и темные глаза; белое платье, предназначенное для весенней девы, сейчас больше всего похоже на развевающийся саван. Она не воздевает руки, не ликует, не бросает вызов — просто стоит на месте, словно восставший мертвец, безмолвная, как могила, неподвижно стоит прямо на пути у мчащегося на

нее самолета.

Вот уже несколько веков все происходило так, как было угодно Уильяму, без всякого вмешательства этой женщины, которая должна была стать его противоположностью, равной ему.

— Поворачивай, черт побери! — вопит он. — Поворачивай!

Мистер Монро хватается за штурвал, и пилот, совершенно не понимающий, что же делать с женщиной, которая явно решила броситься под самолет, не успевает его остановить. Судно, крошечное по сравнению с огромными коммерческими авиалайнерами, ускоряется.

Оно гораздо меньше своих собратьев, но и его вполне достаточно. Диану размазывает по асфальту, и она умирает, не издав ни звука.

Сердце Уильяма останавливается в тот же миг, что и сердце Дианы, и оба они мертвы.

Джордж Халас

Книга II
Начало

Пусть падают листья, кружатся; пусть увядают цветы;

Пусть удлиняются ночи, пусть сокращаются дни...

Эмили Бронте

Никто из тех, кто сделал все, что мог, об этом не пожалел.

Садовница

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Памела Ковингтон (для друзей Дженни, а для коллег Кукурузная Дженни, хоть коллег у нее и немного) со вздохом закрывает входную дверь и принимается одной рукой нашаривать в кармане ключи, зажав в другой ремешок от сумки. Ее снова вызывают в больницу, опять придется делать прививки от гриппа, которые по-хорошему нужно было сделать несколько месяцев назад, помогать детишкам, засунувшим в нос мелок, или подросткам, упавшим с дерева и растянувшим запястье. Такая у нее жизнь, и ей она все еще нравится, хотя занимается этим Памела уже добрых лет десять.

Ее претендентка спит. И, если верить прорицаниям, будет спать до самой смерти. Если только ничего не изменится, Памела тут бессильна.

Она все еще ищет в глубоком кармане пальто ключи, когда внезапно кто-то прижимает к ее носу и рту тряпочку, от которой несет растворите-

лем — хлороформ. Ноги подгибаются, голова идет кругом, но Памела не падает. В конце концов, у нее чуть больше сил, чем у обычного человека.

Стоящий позади юноша с гладким приятным лицом, которое она бы точно узнала, если б увидела, наклоняется к ее уху и шепчет:

— Привет, Пэм. Давай-ка мы с тобой зайдем в квартиру.

Памела не успела запереть дверь, и потому он с легкостью вталкивает ее внутрь.

Обстановка по-спартански простая. С годами стремление Памелы к материальному выгорело почти дотла. У нее есть одна гипотеза: старики часто становятся барахольщиками, потому что пытаются, как могут, воплотить свои воспоминания, привязать важные моменты к предметам и артефактам, необъяснимым образом чувствуя, что разум уже набит битком и ничего туда больше не влезет. С ней такого никогда не приключится, ведь она может столько всего свалить в зиму, а еще Памелу научили бояться разоблачения — бояться, что ее раскроют суеверные соседи или, что еще хуже, местные алхимики, одержимые беспредельной алчностью, убежденные, что все на свете можно классифицировать и контролировать. Поэтому Памела срезает все лишнее,

соскабливает ненужное и старается оставаться как можно более рациональной и практичной.

Напавший на нее юноша не убирает тряпку от ее лица; не ослабляя хватки, он толкает Памелу к дивану, хоть и задерживается на секунду, чтобы закрыть дверь. Делает он это необычайно аккуратно, будто не хочет никого беспокоить, хлопая дверями. А может, сам боится разоблачения, но Памела чувствует в нем мягкость. Возможно, это ее разум в панике ищет оправдания случившемуся. Хотя нет, вряд ли. Она хорошо понимает человеческую природу, понимает, что такое злоба, — от этого человека злобой не веет. Он делает то, что считает необходимым.

— В этом городе два претендента. — Он снова толкает ее к дивану; стряхнув с плеча рюкзак, присаживается рядом на корточки и открывает самый большой карман, по-прежнему не убирая тряпку от ее лица. Памела до сих пор его не разглядела. — Ты это понимаешь. Кивни, если понимаешь.

Памеле, которая тщетно силится сделать вдох, каким-то образом удается кивнуть. Едва-едва. Не будь юноша так близко, и не заметил бы. Но он замечает, вздыхает и чуть расслабляется. Памела его узнала — этот голос, эти руки. Она сама обу-

чала мальчишку, и его предательство… больно обжигает. Как же больно.

— Да. Ты все понимаешь, — он убирает тряпку и одновременно вытаскивает из рюкзака маленький пистолет с глушителем. — Наша Цветочная госпожа пробудилась и намерена прекратить тот фарс, в который превратилось ее правление. Вот-вот начнется коронация, а здесь два претендента. Одна твоя, второй мой. Мой претендент мне не по душе, и я знаю, что ты свою так и не нашла — вероятно, решила, что она умерла в младенчестве. Не умерла. А потому я заберу твою претендентку, а своего брошу на произвол судьбы. Твоя претендентка победит, если это хоть как-то тебя утешит. Победит, потому что я буду ее направлять.

Памела смотрит на него широко раскрытыми глазами. Ей до сих пор трудно дышать. Ей полагается уже потерять сознание, но она слишком долго здесь пробыла; не будь зима все еще в силе, он ни за что не застал бы ее врасплох. Памела бы загодя почувствовала его приближение. Она должна была почувствовать, что Госпожа пробудилась, что близится коронация.

— Не… — хрипит она. — Не так… это устроено. Направляешь, но… они сами.

— Возможно. Но шансы на стороне моей девоч-

ки. Мне очень жаль, правда жаль. Я не стал бы этого делать, если б был другой выход.

И он жмет на спусковой крючок. Раздается выстрел, тихий, словно дождь, громкий, словно гром, и Памелы больше нет. Она больше не пытается сделать вдох. Вообще больше не дышит. Ей пришел конец, и все дальнейшие события произойдут без ее участия.

Спустя сотню с лишним лет Памела Ковингтон наконец обретает свободу.

Юноша, который ее убил, Тревор Уорт, долго смотрит на ее труп, будто ждет, что Памела сейчас шевельнется. Но она лежит неподвижно, и он бросает оружие обратно в рюкзак, вздергивает его на плечо и уходит.

Все вот-вот завертится, очень-очень скоро.

И он не хочет это пропустить.

Футбол

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

В небе тает полная луна, оставляя по себе лишь память и перешептывания. Она вернется завтра ночью, а потом исчезнет на месяц и явится уже обновленной и с новым именем: рыбья луна или, быть может, розовая — зависит от того, кто дает имена. И так происходит не только с луной. Но здесь и сейчас прекрасное февральское утро, удивительно теплое, сегодня будут танцы в честь Дня святого Валентина, и никогда еще мир не был таким ясным и ярким.

Сезон уже закончился, но члены школьной команды по американскому футболу все еще тренируются на поле в своих фиолетово-желтых шлемах и наплечниках, словно возвещающих приближение весны. Тренер дует в свисток, и звук получается сильным, пронзительным, резким, будто последний порыв зимнего ветра, и все это уже бывало раньше, и все это идеально, с какой стороны ни посмотри. Мелани Косгроув

не стала бы ничего менять, она выходит на поле с помпонами в руках, сердце в груди колотится слишком громко.

Она ненавидит этот стук, ненавидит это ощущение — звук, отзывающийся в костях, барабанная дробь, запертая в грудной клетке. С самого рождения Мелани сидит на лекарствах, а доктора один за другим приходят осмотреть бедняжку, которая растет без матери и у которой так ужасно искалечено сердце. Мелани пропустила последнюю игру сезона, упустила свой шанс покричать, попрыгать и помахать помпонами вместе с другими девчонками. Они посылали ей в больницу письма, сочувствовали, писали, как скучают по ней, но ни одна не пришла проведать — боятся, как начинали бояться все ее сверстники, как только дорастали до понимания, какая она хрупкая; только подойди ближе — и подхватишь эту хрупкость, заразишься.

Все устроено совсем не так. И никогда еще такого не бывало, но они все равно боятся, а потому боятся и ее саму. Именно поэтому, после того как Мелани упала в обморок прямо посреди игры на их школьном стадионе и ее на глазах у друзей увезли на скорой, задыхающуюся, с посиневшими губами, школьный совет постановил отдать

ей корону королевы матча — этот ритуальный жест им ничего не стоил, а для нее значил очень много. Корона до сих пор лежит на прикроватной тумбочке, а внутри короны сложены лекарства, которые Мелани принимает каждый день, чтобы не остановилось предательское сердце. Она ненавидит эти лекарства и любит их, и иногда ей кажется, что она очень хорошо понимает фразу «физическая зависимость», ведь у нее совершенно точно зависимость: от жизни, от маленьких таблеток — одни твердые, другие горькие и крошатся во рту, она глотает их по четыре раза на дню, чтобы все работало так, как работает совершенно естественным образом почти у всех остальных людей.

Но здесь и сейчас, сегодня, все это не имеет никакого значения. Здесь и сейчас, сегодня, Мелани — обычная девчонка, пришла поболеть за своего парня, обычного мальчишку, который через несколько месяцев поступит в колледж и больше не вспомнит о той, что осталась в прошлом. Но прямо сейчас Мелани его любит, а у нее было целых семнадцать лет, чтобы усвоить, как важны здесь и сейчас, как важно сконцентрироваться на моменте. Особенно когда в этот самый момент не больно, дышится легко, а тело наконец вспом-

нило, что должно любить хозяйку, а не убивать.

Хотя, наверное, одно всегда неотделимо от другого. Тому, что тебя любит, проще всего причинить тебе боль, потому что ты подпускаешь его близко. Приглашаешь в парадную дверь, отбрасываешь в сторону щиты, подставляешь горло и предлагаешь покормиться, если оно голодно, потому что любишь, потому что желаешь ему счастья.

Мелани любит Гарри. Она желает ему счастья. Иногда, наверное, желает больше всего на свете, даже больше, чем чудодейственного исцеления для своего сердца, больше, чем донора, больше, чем будущего для себя. Она желает ему счастья и здоровья, долгой благополучной жизни, в которой будет столько всего прекрасного, и она вполне может желать всего этого и притом даже не допускать мысли, что когда-нибудь он будет с другой девочкой, а потом и с другой женщиной, с кем-то, кто поможет ему стать счастливым, когда сама она умрет.

А умрет Мелани совсем скоро. Она знает это так же хорошо, как знает свои длинные ноги, как знает, что мышцы ноют после тренировки чирлидеров в тех редких случаях, когда ей разрешают на эту тренировку пойти. Мелани чувствует это в

биении собственного сердца, хотя его и накачали лекарствами до полного бесчувствия. Доктора говорят, у нее все отлично; если удастся продержаться еще полгодика, худшее останется позади, и она окончательно оправится после последнего приступа, но Мелани слишком хорошо знает свое тело и знает кое-что, чего не знают доктора.

Она знает, что они ошибаются.

Поэтому Мелани выходит на футбольное поле со своими помпонами, клетчатая фиолетово-желтая лента в ее волосах похожа на победоносное знамя, Мел не обращает внимания на косые взгляды других чирлидерш, на их приглушенные шепотки — ее оценивают с головы до ног. Холодный февральский воздух приятен, он слегка покусывает голую кожу на ногах — полосочку между высокими гетрами и подолом юбки. Хотя официально гетры должны начинаться ровно там, где заканчивается юбка, между ними все равно остается зазор как минимум в четыре дюйма. Это, вероятно, заговор, и его устроил тот же самый человек, который решил, что в американском футболе решительно нельзя обойтись без пляшущих девиц в откровенных нарядах. Мелани обожает выступления чирлидеров, обожает эту свободу, зрелищность, американскость

(если тут слишком много откровенного самолюбования, что ж, Мелани — девчонка с больным сердцем и всю жизнь прожила в футбольной стране; она посмотрела целую кучу фильмов, в изобразительных средствах разбирается получше многих критиков и может позволить себе немножко откровенного самолюбования, если от этого чувствует себя лучше). Мелани обожает даже других чирлидерш, многие из которых временами бывают жестокими, а если загнать их в угол, то и откровенно злобными. К ней они всегда относились как к несчастной бедняжечке и одновременно как к смертельно опасной сопернице, видели в ней загадочную красотку, которая в любой момент может упасть замертво, деву-невесту на прекрасном погребальном холме и бессердечную ведьму, вознамерившуюся утащить за собой в ад их парней.

Но им не о чем беспокоиться, совершенно не о чем. Кое в чем история Мелани чудовищно напоминает книжку — из нее никогда не получилось бы хорошего кино, даже вроде тех слезодавилок, которые ставят по романам Джона Грина — про то, как больные раком детишки красиво умирают, не травмируя друг дружку. Но Мелани в последнее время думает, что в жизни каждому

позволено одно безупречное клише, и такое клише у нее есть: они с Гарри повстречались еще в детском садике — маленькие пухленькие колобки, втиснутые в свитера и зимние штаны, ручки торчат в разные стороны из толстых пуховиков. Он жил по соседству, и она полюбила его, когда еще даже по-настоящему не сознавала, что на свете есть другие, отличные от нее люди.

Чудесная правда, прекрасная ложь, Гарри полюбил ее почти так же быстро и точно так же сильно. С тех самых пор, как им стукнуло четыре, они были неразлучны, шли по жизни рука об руку, вместе претерпевали болезни и ссоры, мирились со своими неуклонно разрастающимися эго, которые иногда схлестывались сильнее, чем им бы того хотелось. В одиннадцать они целый год друг другу даже не нравились, но это было совершенно неважно, потому что они достаточно сильно любили друг друга и смогли все преодолеть. Так всегда было и всегда будет.

Лишь однажды она ему соврала: Гарри все еще думает, что женится на ней, что всю жизнь будет просыпаться с ней рядом, а она будет спать у него под боком — чернильно-черные волосы рассыпаны по подушке, может, даже слюни будет пускать во сне, — его Мелани, все равно прекрасная, по-

тому что его. Потому что он ее любит.

Потому что для него этого всегда было достаточно.

Мелани еще не сказала ему, что ей все сложнее дышать по утрам, что все чаще пульсоксиметр показывает опасно низкий уровень кислорода в крови. Не сказала, что у нее такое ощущение, будто заканчивается завод, будто сердце замедляется, хоть состояние пока и стабильно. Может, если найдется донор, пересадка ее спасет.

Но Мелани сомневается. Что-то в этом есть неправильное, что-то не вписывается в клише. Она станет его утраченной Линор, а он будет счастлив без нее, и это хорошо, потому что неизбежно.

Кто-то из мальчишек на поле выкрикивает команду — неразборчиво, потому что слишком далеко, и футболисты разбегаются в разные стороны, на них в основном только шлемы, щитки и наплечники, мало кто надел форму (даже среди чирлидерш, у которых форма гораздо удобнее, гораздо соблазнительней, одна Мелани при полном параде), но они все равно красивые, такие красивые, что на мгновение дух захватывает, потому что ведь они никогда больше не будут такими молодыми и красивыми.

Сегодня Мелани наденет платье цвета пролитого на белоснежную скатерть красного вина, и Гарри повяжет ей на запястье бутоньерку в тон. Может, это тоже клише — красное платье на День святого Валентина, но некоторые клише вполне оправданны. Некоторые символы становятся символами не просто так. Гарри наденет взятый напрокат смокинг и заедет за ней, и они будут танцевать в школьном спортивном зале до самого закрытия, и он поцелует ее прямо под аркой из воздушных шариков, и все будет идеально.

Им осталось не так уж много идеальных вечеров. И никакая сила на всей Земле не отнимет у Мелани этот.

Поэтому, проснувшись сегодня утром, Мелани встала с постели, заглянула в общий чат, чтобы убедиться, что девчонки не отменили тренировку на поле, приняла лекарства и надела форму. Тщательно расчесала волосы, чтобы они легли на спину сияющей черной волной, чернильным пятном на фоне фиолетово-желтого платья. Самую чуточку накрасилась — только чтобы выглядеть живой девочкой, а не ходячим трупом, и отправилась в школу — встретиться с Гарри на футбольном поле.

Их ждет идеальный вечер. Нужно проследить,

чтобы и день тоже вышел идеальным, таким, который он сможет потом вспоминать до конца жизни, о котором будет думать, когда ее опустят в могилу. (Мелани предпочла бы кремацию. Но отец категорически против. Ее мать и сестру похоронили, так что в конце концов семья должна воссоединиться. Воссоединиться во что бы то ни стало.)

Мальчишки больше не бегают. Они собираются посреди поля, взмокшие и довольные, со смехом хлопают друг друга по плечам, встают на позиции. Кое-кто будет играть и в следующем году, младшие ждут не дождутся своего момента футбольной славы, когда они окажутся на вершине школьной пищевой цепи и весь мир будет у их ног. А кое-кто уедет, поступит в колледж в надежде на светлое будущее, ведь все до единого верят, что лучшие деньки еще впереди.

Кое-кто из них ошибается. Кое-кто уже достиг наивысшей точки, и дальше их ждут только медленно угасающие мечты, медленное расставание с детской любовью. Мелани не желает такого будущего для Гарри. Она хочет, чтобы он смог начать с чистого листа, пойти дальше, не оглядываясь. Именно поэтому, если в ближайшее время для нее не найдется донор, она не будет терпеть

до конца лета.

Совершить самоубийство очень легко, если ты и так уже мертва и в этом мире тебя держат только молитвы да медики. Всего-то и нужно забыть принять таблетки, а природа довершит начатое. Мелани не собирается приковывать Гарри к себе.

Кто-то из футболистов ее заметил. Мелани трудно не заметить, она это знает: она всегда отличалась бледностью, а последний год вообще почти не вылезала из больниц и собственной спальни, а с солнечным светом там неважно, поэтому кожа совсем бесцветная. Она похожа на Белоснежку и пользуется этим — а что еще остается? Губы Мелани подведены кроваво-красной помадой, ногти им под стать, и форму свою она носит так, словно только это ей и пристало.

Заметивший ее мальчишка пихает локтем соседа, тот что-то говорит — негромко, ей не расслышать, зато слышит Гарри. Он поднимает голову, и его золотистые волосы блестят в солнечном свете, он такой юный, такой сильный, такой совершенный в своем шлеме и наплечниках, нет никого на свете прекраснее, и сердце у него такое сильное, совсем не как у нее. Он все это переживет.

Где-то в двух тысячах миль Уильям Монро хватается за штурвал своего частного самолета, отпихнув пилота, которому сам платит за то, чтобы тот безопасно перевозил его с места на место; возможно, не сделай он этого, столкновения удалось бы избежать; возможно, наблюдай он спокойно со стороны, пилот сумел бы развернуть машину и остановиться, не раздавив женщину на взлетной полосе. Возможно, тогда бы Уильям Монро остался в живых. Но все складывается иначе, а время — это такая дорога, по которой большинство людей может пройти лишь в одну сторону: они не умеют договариваться с прошлым так, как умеет кое-кто, как однажды сумела девчонка, у которой на месте сердца цифры. Все происходит гораздо позже, чем когда-либо происходило в этой вселенной. Часы запускаются заново, и будущее уже здесь.

Гарри машет Мелани рукой, он весь сияет, его улыбка предназначается ей, принадлежит ей, мало что когда-либо вот так вот всецело ей принадлежало. Это улыбка влюбленного мальчика, который уже очень скоро станет мужчиной, и от этой мысли сердце наполняется светом и любовью и, кажется, вот-вот лопнет.

А в двух тысячах миль самолет врезается в сто-

ящую на взлетной полосе женщину, и женщина умирает жуткой и быстрой смертью, запоздавшей на несколько сотен лет. Умирает с улыбкой на губах, хотя ей больно, хотя ее тело раздавлено. Она была готова умереть уже очень-очень давно.

А Мелани Косгроув не готова.

Ей семнадцать, она прекрасна, как летнее солнышко. Может, она и смирилась с тем, что в ее распоряжении отнюдь не вечность, но это совершенно не означает, что она этому рада. Она собирается умереть в конце августа, но не из покорности судьбе, а скорее из потребности хоть что-то контролировать в собственной жизни, хоть что-то сделать самой. Не Мелани решила, что у нее будет больное сердце, что у нее умрет мать и погибнет сестра-близнец, не Мелани решила выбрать такой трагический сюжет и даже любимого мальчика. Но уж зато она сама решит, когда ей умереть.

И она точно не собиралась умирать именно в этот момент.

Но когда Уильям Монро падает замертво в кабине своего частного самолета, предательское сердце разбивается у нее в груди. Боль просто невероятная. Эта боль похожа на волну, которая так быстро и с такой силой обрушивается на бе-

рег, что нет времени никого эвакуировать. И, как любая волна, она уходит, утягивая за собой в море абсолютно все. Мелани гаснет, словно свечка. Вот она стоит на поле, яркая и прекрасная, машет своему парню, и вот ее уже нет, остался лишь мешок с костями, который падает на землю, на холодную влажную траву.

Мелани не слышит, как кричат другие чирлидерши, не видит, как они, побросав помпоны и бутылки с водой, бегут к ней. (Одна из них, Кристина, держит в руке телефон, запись с него появится в сегодняшних вечерних новостях, реплики запыхавшейся Кристины неразрывно свяжутся с этим моментом, который мгновенно завирусится и во всем штате, и по всему миру.) Мелани не видит, как Гарри бросается к ней, никогда в жизни он еще так быстро не бегал; не видит, как он хватается за грудь и падает. Она ничего не видит.

Глаза у Мелани открыты, но она ничего не видит, потому что ее больше нет.

Мелани Косгроув мертва.

Книга III
Утраченная Линор

Тщетно ждал я так, однако
тьма мне не давала знака,

Слово лишь одно из мрака до-
неслось ко мне: «Линор!»

Эдгар Аллан По, «Ворон»[2]

Люди же недалекого ума не в состоянии постичь великих идей: их слабому зрению ничто, кроме них самих, не представляется действительно великим и важным.

Сэр Джеймс Джордж Фрэзер, «Золотая ветвь: Исследование магии и религии»[3]

– Ты в бадье, – сказала Циб осторожно и тихо.
– Да, я заметила, – отозвалась Нив. – Я специально сюда залезла. И ты тоже за-

---

[2] Примечания: 2
Перевод М. А. Зенкевича.

[3] Примечания: 3
Здесь и далее перевод М. К. Рыклина.

лезай, если хочешь.

– Вряд ли я туда умещусь, – сказала Циб.

– Это же колодец желаний. В бадью уместится все, что нам нужно, – терпеливо объяснила Нив.

– Я раньше никогда не забиралась в бадью, – с этими словами Циб вскарабкалась на край колодца и протянула руки Нив. Утонувшая девочка взяла их и легонько потянула, Циб свалилась в бадью и обнаружила вдруг, что распрекрасно сидит на бортике, уперев босые ноги в прохладное деревянное донышко. Давненько ей не было так удобно. Она с ослепительной улыбкой повернулась к Эйвери и позвала:

– Давай, Эйвери. Мы все тут поместимся, если потеснимся, тут так приятно сидеть.

Эйвери посмотрел на бадью и прикусил губу, ведь он обратил внимание на то, что Девочка-ворона так и не вернулась со дна колодца, да еще немного лучше Циб чувствовал сюжет, недаром же он всегда предпочитал сидеть у себя в комнате и

читать.

– Если я в него залезу, не порвется ли веревка и не упадем ли мы все в колодец?

– Нет, – сказала Нив. – Обещаю, веревка не порвется.

А. Дебора Бейкер, «Вдоль Солистого моря»

Оба полетели вниз. Девочка-ворона кубарем покатилась за ними и едва не рухнула прямо на Циб. Вскрикнув, она выплюнула воду, а потом превратилась в ребенка и спросила:

– Это вы меня за собой утащили?

– Нет, – выдохнула Циб, голос у нее весь пропитался водой, как губка во время большой уборки. – По-моему, тебя схватило растение.

Она показала на кучу извивающихся зеленых побегов внизу. Больше они никого не хватали, не тащили, не пытались сожрать. Уже хорошо, и Циб совсем не хотелось об этом думать, нет уж.

Нив подползла к валяющемуся возле поломанной бадьи Эйвери. Когда он спускался, веревка лопнула, и растрепанный

конец теперь лежал у него на груди, словно оборвавшаяся привязь. Нив опасливо потрясла его за плечо.

– Ну же, Эйвери, – сказала она. – Я знаю, каково это, когда тонут, – ты не утонул. Открывай глаза и возвращайся на место.

Еще несколько секунд Эйвери лежал тихо и неподвижно, а потом закашлялся, изо рта у него полилась вода, он сел, и его стошнило прямо в поломанную бадью. Судорожно вдохнув, мальчик нагнулся над бадьей, и его опять стошнило.

– Удивительно, какой ты чистюля, – восхитилась Нив. – Тошнишь только на тех, кому тебя успели представить. Я бы еще посоветовала не сидеть на тех, кому тебя не успели представить, но уже слишком поздно, и, поскольку это дивное создание пыталось нас всех утопить, сиди уж – око за око.

– Создание? – осоловело переспросил Эйвери.

Несколько ближайших к ним зеленых побегов приподнялись и весело помахали, точь-в-точь пальцы на огромной руке. Эйвери закричал.

Циб развернулась к нему и тоже завопила, гораздо громче и пронзительней. Девочка-ворона распалась на птиц, которые с громким и суматошным карканьем разлетелись по пещере. Эйвери все кричал, Циб тоже. Нив закатила глаза.

– Вопли никак не помогут и ничего не изменят, – сказала она. – Хоть извопитесь, факт остается фактом. Никогда еще не встречались мне факты, которые можно было бы извести шумом, хоть, полагаю, где-то такие и должны водиться. Если кого-то мучает головная боль, а вы завопите бедняге прямо в ухо, факт состоит в следующем: головная боль может усилиться, а вы можете схлопотать по носу, притом со всей силы.

А. Дебора Бейкер, «Вдоль Солистого моря»

Пульс

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Мелани умирает очень быстро и потому не видит, как остальные бросают ее труп сразу же, как только падает Гарри, а если б и видела, то не стала бы их ни в чем упрекать. Этого момента Мелани ждала всю жизнь, и хотя она страшно бы разозлилась, узнав, что всё решили за нее, пришла бы в ужас и не поверила, скажи ей кто-то, что она умерла, потому что какая-то женщина по имени Диана наконец-то ухитрилась стряхнуть путы зачарованного алхимического сна, выбралась из могилы и устроила свою кончину, — несмотря на все это Мелани гораздо больше испугалась бы, узнав, что все тратили время на нее, когда так нужны были Гарри.

Это она должна умереть, а не он. Гарри должен стать героем истории, парнем, у которого в юности трагически погибла девушка, он не должен превратиться во второй труп на футбольном поле.

Но именно это произошло с ним здесь и сейчас.

Один из футболистов, одиннадцатиклассник по имени Тревор, который в следующем сезоне, видимо, войдет в основной состав (он пришел на тренировку поздно и был чем-то озабочен, такого с ним раньше не бывало), падает на колени и прижимается ухом к груди Гарри. Прошлым летом Тревор окончил курсы первой помощи, потому что работал в местном бассейне. Он очень серьезно относился к работе спасателя, поэтому никто не возражает, хотя все знают, что Тревор терпеть не может Гарри, это просто притча во языцех. В средней школе Тревор в числе прочих неудачливых ухажеров таскался за Мел, втрескался в нее по уши, взрослые называют это детской влюбленностью и смеются, как будто чувства детей не имеют никакого значения, как будто они не могут причинить боль. Мел даже не заметила его неуклюжие попытки, предоставив Гарри возможность продемонстрировать свои давнишние права… И это уже само по себе было неприятно.

Но потом Тревор решил растолковать Мелани, что она встречается с настоящим неандертальцем, который относится к ней как к собственно-

сти, а она только посмеялась и сказала, что Гарри не перегибает палку — просто ведет себя точно так же, как и она сама. Делает только то, что она сама от него хочет. С тех самых пор Тревор с ними обоими практически не разговаривал, старался лишний раз в школе на Мелани не смотреть и единственный не подписывал открытки, которые отправляли ей в начале года в больницу.

Но он единственный умеет оказывать первую помощь. Поэтому никто из учеников не возражает, все просто молча стоят и, затаив дыхание, ждут, что он скажет.

Наконец Тревор распрямляется и говорит:

— Он жив. Сердце бьется. Кто-нибудь позвонил в девять-один-один?

Никто не позвонил. Все произошло слишком быстро, телефон с собой только у Кристины, а она увлеклась замаячившей перед ней карьерой независимого медиаконсультанта и даже не подумала никуда звонить.

— У меня телефон в сумке, — говорит кто-то из чирлидерш, и девчонки разбегаются, обрадовавшись, что можно наконец хоть что-то сделать.

Никто и не думает проверять пульс у Мелани. Ни к чему. Она лежит на поле с открытыми глазами, вперив невидящий взгляд в затянутое

облаками небо, не моргает, не двигается, так может лежать только мертвец. Она умерла, и все это знают, им не требуются никакие доказательства: зачем проверять труп, и так все понятно.

Поэтому, когда Мелани моргает, это проходит для всех незамеченным. Никто не видит, как она вдруг делает неглубокий вдох, как едва приподнимается ее грудь. Ей все еще больно, она испытывает чудовищную, непостижимую боль, которая затмевает собою весь мир, но Мелани и раньше чувствовала боль. Почти с самого рождения, с самого первого вдоха. И этот ее вдох похож на тот первый, они будто слились непередаваемым образом, который тем не менее определяет абсолютно все. Если бы только Мелани сумела понять эту взаимосвязь, то поняла бы абсолютно все. Она словно заново родилась.

Хотя мир и окутан болью, впервые на ее памяти — вообще впервые за много-много лет — не болит в груди. Мелани выучилась, словно вечный часовой, неустанно следить за своим пульсом, вслушиваться в нарушение ритма, но прямо сейчас она не слышит ничего. В грудной клетке тихо. Ребра не сотрясаются из-за сбившегося сердцебиения. Ей… хорошо.

Мелани моргает, глядя в небеса, медленно про-

веряет, все ли с ней в порядке. Всепожирающая боль ощущается во всем теле, но после той первой волны она уже не страшнее той боли, с которой Мел прожила всю жизнь. На эту боль можно не обращать внимания. Понятно, что Мелани лежит на земле: под ней мокрая холодная трава, полиэстеровая форма промокла и липнет к телу. По всей вероятности, ей холодно, но холод ее совсем не беспокоит: она не дрожит, ей не хочется сжаться в комочек.

Это не так странно, как могло бы показаться. Мелани всегда удивительно хорошо переносила холод, в детстве отец иногда заставал ее босой на улице на снегу — она ловила руками снежинки и внимательно их разглядывала. Раньше они никогда не таяли. Мелани очень хорошо это помнит. Таять на коже снежинки начали, когда она вступила в период пубертата, и в ту зиму Мелани очень огорчилась. Слыхала она, что единороги подходят только к девственницам (патриархальная чушь, будто конь, он же фаллический символ, будет переживать из-за какой-то там девственности), но никогда не слыхала, чтобы снег не таял на ладошках только у тех девочек, у которых еще не выросли волосы на лобке.

Нет пульса — и это странно. Нет холода — и это

приятно и вовсе не удивительно. Будь Мелани помладше или не будь у нее волосы черными как вороново крыло, сверстники, скорее всего, дразнили бы ее Эльзой, а не Белоснежкой, когда были еще достаточно наивными и жестокими, чтобы обзывать девчонку со смертельным кардиологическим заболеванием. Нет Гарри — и это невероятно.

Он должен был оказаться рядом в ту же секунду, когда к ней вернулась способность видеть, должен был стоять на коленях, пытаясь привести ее в чувство. Так уже бывало раньше, когда Мелани при нем теряла сознание, и пусть она терпеть не может его расстраивать, в этом есть что-то замечательно успокаивающее: Гарри точно будет рядом, когда она очнется. Медленно-медленно Мелани приподнимается на локтях, недоуменно смотрит на толпу футболистов и чирлидерш, собравшуюся в нескольких ярдах от нее.

Кристина, у которой в руке все еще зажат телефон со включенной камерой, оборачивается на это движение и кричит.

Ее вопль пронзает самую сердцевину мира, словно ледоруб. Мелани слышит в этом звуке целую историю: ужас, падение, невероятная неизбежность. Она с трудом поднимается на

ноги, кроссовки скользят по грязи, но тело слушается, словно почти вся боль осталась валяться на земле. Болят теперь только голова и копчик — видимо, она сильно ушибла их при падении, так что ничего удивительного. Мелани все еще испытывает боль от удара. Но больше ничего не болит.

— Гарри? — громко говорит она.

Кристина все кричит, от нее ответа не дождешься. И Мелани повышает голос:

— Гарри?!

Толпа расступается, открывая лежащего на земле мальчика. Он не двигается. Сердце Мелани, ее предательское сердце, не заходится в груди, не пропускает удар — в этот раз оно, будто у нормальных людей, спокойно бьется, так слабо и так обыденно, что Мелани его вообще не чувствует, — но все равно кажется, что оно разбилось, потому что ей даже не обязательно видеть лицо.

Мелани знает Гарри. Знает каждую его черточку, каждый изгиб, она изучала его взглядом художницы, взглядом маленькой девочки, которая может часами любоваться снежинками, когда хочет их понять.

— Гарри! — ахает она и бросается вперед, и бежит так быстро и так легко, как не бегала вот уже

много месяцев с тех самых пор, как в последний раз вернулась домой из больницы, с тех самых пор, как доктор стал отводить глаза, отвечая на ее тщательно сформулированные вопросы.

Ученики уступают ей дорогу. Мелани не уверена, что смогла бы простить их, не разойдись они в стороны, если бы пришлось расталкивать их, если бы она оттолкнула хоть одного. Она падает на колени перед Гарри, упирается в землю руками. Он лежит неподвижно. Так неподвижно — это не он, не ее Гарри, он не бывает неподвижным никогда-никогда. Он всегда в движении, потому что для него это естественно, так же естественно, как для нее естественно иногда замирать. Он не спит, он не дышит, он не здесь.

Осознание обрушивается на нее физическим ударом, бедой, которой она боялась всю жизнь, больно, больно, как больно. Так же больно, как от той недавней волны, так же больно, как в тот раз, когда впервые остановилось сердце.

— Не смей, — шипит Мелани, по-звериному оскалившись. — Не смей, Гаральд Марч, мы так не договаривались. Ты на это не подписывался.

Она должна была умереть первой. Такие были условия. И да, Мелани откуда-то знает, отвлеченно, абстрактно, что, строго говоря, так и

произошло; знает, что упала на землю замертво; знает, что что-то неладное творится в груди, там, где должно стучать сердце. Но сейчас все неважно. Важно то, что перед ней — безмолвный, искалеченный — лежит Гарри, важно то, что вовсе не это он ей обещал. Она не должна была застать его похороны. Никогда, ни за что. Может, это эгоистично, а может, и нет, но только это ей в жизни и было обещано, и ей это нужно, как цветку нужны солнечные лучи.

— Ты не можешь умереть без меня, — и она прижимается губами к его губам.

Несколько чирлидерш ахают и перешептываются: да она же целуется с мертвым мальчиком! Мелани Косгроув целуется с трупом, и неважно, что это ее парень, что он еще теплый, что Тревор сказал, будто у него сердце бьется, — слишком уж это все восхитительно отвратительно.

На этом месте и заканчивается видео Кристины — вспышкой ослепительного света, такого белого, что смотреть больно, внезапного и неизъяснимого, выжегшего линзу фотоаппарата на телефоне. Вот Мелани стоит на коленях возле неподвижного Гарри, а вот все заливает сияющая белизна, и больше ничего.

(Когда в новостях будут показывать запись

Кристины, то скажут, что это батарейка села, и больше до появления скорой снять ничего не удалось. Никто не возразит. Объяснить это так, чтобы хоть кто-то поверил, невозможно.)

А на футбольном поле под горьким февральским небом все видят вот что: Мелани стоит на коленях возле Гарри, уперевшись руками в поросшую травой землю слева и справа от его головы, целует его так, будто боится, что его сейчас отнимут. В школе уже привыкли, что эти двое особо и не скрываются, еще с девятого класса, но очень странно смотреть, как она целует его, а он при этом ее не обнимает, вот все и пялятся. Может, именно поэтому Гарри поднимает руки, обхватывает Мел и только потом отвечает на ее поцелуй, и они замирают в объятиях, которые будут длиться вечно.

Наконец Гарри отрывается от Мел, но лишь для того, чтобы заглянуть ей в лицо широко распахнутыми обиженными глазами, и говорит:

— Ты упала.

— Ты тоже.

— Я думал, ты умерла.

Он не говорит (да ему и не нужно), что уже давным-давно, как и она сама, свыкся с мыслью, что он ее переживет, если не случится чудо, если

их не выручит какое-нибудь клише из тех романтических книжек для подростков, которые ему нравятся гораздо больше, чем ей, эти книжки она таскает в сумочке, чтобы ему было что почитать, когда они одни и некому над ним потешаться; с мыслью, что точно застанет ее смерть и похоронит ее, а все захотят, чтобы он жил дальше, один в мире без Мелани.

(Все это она знает. Зато не знает, что уже давным-давно Гарри сдал анализ, чтобы пройти проверку на совместимость, узнать, не сможет ли он стать тем самым донором, на появление которого Мелани так старается не надеяться. Но они несовместимы. Гарри не может ее спасти. Если б мог, уже бы спас, придумал бы какой-нибудь способ самоубийства, чтобы она смогла получить его сердце и остаться там, где ее место, пусть даже они не смогут жить в этом мире вдвоем.)

Мелани смотрит на него печально и смиренно, воздух тяжелеет от их невысказанного знания. Гарри знает, что Мел собирается умереть этим летом, если не случится то самое чудо; что она не хочет, чтоб он уехал в колледж, а дома осталась умирающая подружка. Знает, что она решила, будто должна разбить ему сердце, чтобы ее собственное сердце не погубило их обоих. Знает,

что она ошибается, и знает, что она сама этого не знает, поэтому Гарри ничего не говорит, ведь он не может ей помешать.

Он отдал бы все на свете, чтобы ей помешать.

— Ты не можешь, — он притягивает ее к себе, одновременно садясь, и прижимает к груди с такой силой, что чувствует, как под пальцами подаются ребра. Если не ослабить объятия, он сделает Мелани больно, но Гарри не может их ослабить. — Не можешь, — повторяет он, уткнувшись носом в ее шею, в ее волосы, чувствуя запах ее кожи и мятного геля для душа.

— Я здесь, с тобой, — говорит Мелани, похлопывая его по спине.

Воют сирены, значит, скорая уже едет: Тревор умудрился растолкать кого-то из впавших в ступор учеников, и этот кто-то набрал 911 и вызвал врачей. Мелани вскидывается, в звуке сирен она ясно угадывает, что сейчас будет, и потому, отпрянув от Гарри, так проворно вскакивает, что он цепляется за пустоту.

— Мне нельзя здесь оставаться, — торопливо говорит она, не улавливая иронии — ведь эта фраза так контрастирует с предыдущей.

— Врачи из скорой проверят, все ли с тобой в порядке. — Гарри и сам медленно поднимается

на ноги.

С Мелани совсем не все в порядке. Она знает, что с ней не все в порядке, потому что до сих пор не чувствует биения сердца, не чувствует боли, которая не покидала ее вот уже много-много лет. Но почему-то все это совершенно не важно, а важно то, что…

— Папа запретил мне идти на тренировку. Если ему позвонят (а они точно ему позвонят, даже если после осмотра выяснится, что со мной все хорошо), он не выпустит меня из дома. Я пропущу танцы. Мне нельзя здесь оставаться.

В данный момент, несмотря ни на что, Мелани может думать только об этих танцах, другого будущего она сейчас не видит. Никто ее не остановит, даже Гарри, она разворачивается и припускает бегом по футбольному полю — бежит, в самом деле бежит, так, как бегала в детстве, когда слова «врожденная сердечная недостаточность» были просто словами, которыми так любят кидаться взрослые, а не чем-то настоящим, способным повлиять на их жизнь. Гарри вот уже много лет не видел, чтобы Мелани так бегала.

Он смотрит ей вслед, но не окликает, ведь он так же сильно хочет пойти с ней на танцы. Им семнадцать, они плохо осознают, что такое дол-

госрочные последствия. Сколько оба себя помнят, они жили от одного удара сердца до другого, и, если бы не научились жить настоящим, это была бы не жизнь.

Когда прибывает скорая, футболисты выпихивают Гарри вперед и заявляют, что его нужно осмотреть, так что у него нет времени глядеть вслед убегающей Мелани. Остается только надеяться, что ее отец ни о чем не узнает.

(Конечно, узнает, точно узнает, хотя бы из тех же вечерних новостей. Но тогда уже будет слишком поздно — он не успеет вмешаться. Его роль разъяснится позже, когда они лучше поймут происходящее. В конце концов, доктор Косгроув многое сделал еще до начала этой истории, так что сейчас он уже не настолько для нее важен.)

Мелани бежит под серым февральским небом, в котором укрылась за облаками угасающая червивая луна, хотя Мел и не знает еще этого названия — у нее пока не было повода выучить все те слова, которыми различают и размечают время и смену сезонов. Земля под ногами мягче, чем должна быть в феврале, уже оттепель, все готовится к предстоящей весне, и кроссовки раз за разом увязают в грязи, которая чвакает и чавкает под ногами, грозясь засосать их совсем. Но у Ме-

лани всегда были сильные ноги, пусть сердце и оставалось слабым, даже когда приходилось дни напролет просиживать за письменным столом и поддерживать тонус мышц при помощи физиотерапии. Мелани раз за разом высвобождает ноги и бежит.

И в какой-то момент бежит уже не для того, чтобы сбежать, а просто ради самого бега, чтобы чувствовать, как хорошо слушаются ноги, как обдувает лицо ветром, как пружинит под ногами земля, как расстилается над головой небо. Ничего не болит. Совсем ничего. Она не чувствует пульс, но боль преследовала ее всю жизнь, поэтому сейчас Мелани все равно. Она не хочет его чувствовать. Хочет просто бежать.

И бежит.

Бежит, пока школа позади не скрывается из виду; бежит, пока врачи скорой осматривают Гарри (они объявляют, что у него чуть повышена температура, но это нормально, он же только что был на футбольной тренировке, беспокоиться не о чем, все в пределах нормы, нет-нет, все в порядке); бежит, и никто из учеников не говорит врачам, что она тоже была на поле, никто не указывает на валяющиеся на земле помпоны — там, где Мелани рухнула на траву, — никто ее

не выдает; Кристина уже запостила свое видео, и когда она полезет проверять сообщения, то увидит запрос от местной студии новостей, но это же не стукачество, нет-нет, она не стукачка, просто ухватилась обеими руками за хорошую возможность засветиться в интернете, как сделал бы любой вменяемый ребенок, выросший в эпоху социальных сетей. Мелани не обидится. Мелани вообще ни на что не обижается, если только не расстроить Гарри. Она бежит, и вот ее улица, вот ее дом, на подъездной дорожке стоит отцовская машина, и тут она наконец замедляется.

Не то чтобы Роланд Косгроув был плохим человеком, или жестоким человеком, или чересчур строгим отцом. Просто он потерял любовь всей жизни из-за осложнений при беременности, и в итоге одна его дочь погибла, а другая живет, но обречена, и сердце ее потихоньку замедляется, словно кончается завод в стеклянных часах, и жизнь в ней приходится поддерживать целой бригаде медиков. Его собственная жизнь в последние семнадцать лет почти целиком была посвящена тому, чтобы Мелани не умерла; совершенно очевидно, что Роланд не представляет, как будет жить без нее. Мелани очень жаль, что она не увидит того мужчину, в которого суждено

превратиться Гарри. Но она очень рада, что не придется смотреть, как рассыпается на части отец. Смерть избавит ее и от того, и от другого зрелища.

Всю жизнь она поступала наперекор отцу, начиная с их с Гарри первого поцелуя и заканчивая командой чирлидеров (печальный список достижений, но ей ведь, в конце концов, только семнадцать, и сверстники не слишком далеко от нее ушли, хотя ей и грустно смотреть на их фото в «Инстаграме»[4], на эти селфи, снимки, сделанные на каникулах, приключения, о которых ей остается только мечтать). Отец просто хочет ее защитить. Просто хочет обеспечить ей безопасность, пока может, ведь времени у нее в обрез.

У Мелани всегда было мало времени. Когда Роланду Косгроуву в больнице дали подержать новорожденную (ей тогда исполнилось почти шесть недель, и состояние наконец достаточно стабилизировалось), он уже успел побеседовать с доктором, двумя специалистами и советником при больнице и знал, что она вряд ли доживет до года, не говоря уже о пяти. Не говоря уже о семнадцати. Но он заботился о ней, опекал, за-

[4] Примечания: 4

«Инстаграм» принадлежит компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией.

щищал, удерживал на этом свете. Его малышка — это чудо, которое сотворила медицина, трудясь бок о бок с алхимией, и, если сама Мелани не в состоянии этого оценить, значит, ему просто надо ценить это за них обоих, и в один прекрасный день она наконец поймет, что́ он для нее сделал. Чем пожертвовал, чем заплатил за ее безопасную, безмятежную жизнь.

Тихо и осторожно Мелани заходит в собственный двор, огибает дом, стараясь не мелькать перед окнами тех комнат, где в это время дня может оказаться отец, и вот оно, идеальное клише — дуб прямо под окном ее спальни. Семейная легенда гласит, что это дерево очень любила ее мать, поэтому отец его не срубил. Мелани лазала по своему разлюбезному дубу вверх-вниз с тех самых пор, как ей исполнилось шесть и она могла улизнуть от родителя на несколько драгоценных минут, чтобы поспорить с гравитацией. Вся ее проприоцепция сформировалась, когда она прыгала на кровати и болталась на ветке старого дуба, и она любит это дерево, для нее оно как нянечка, которую ей всегда так хотелось иметь.

Лишь однажды отец всерьез пригрозил его срубить. Мелани тогда было семь, и Гарри тайком забрался по ветвям в ее комнату, она болела и

заснула после школы, а Гарри решил, что она умерла, и перепугался насмерть. Мел умоляла отца не рубить дуб, просила и плакала до тех пор, пока он не согласился, но при условии, что они двое никогда больше не будут по нему лазать, и, поскольку Мелани понимала, что после того случая Гарри дуба боится, то с легкостью дала обещание, которое сама не собиралась исполнять. Она все еще частенько лазает на дуб. Гарри больше не залезал на него никогда.

Подтянувшись на нижнюю ветку, Мелани замирает и ждет, не кольнет ли коварное сердце. Но нет. Она по-прежнему не чувствует боли, не ощущает истошного трепыхания в груди.

Пульса у нее нет, но об этом Мелани будет волноваться когда-нибудь потом, если начнутся проблемы. А прямо здесь и сейчас она все еще испытывает облегчение.

Совершенно бесшумно Мелани карабкается вверх, к окну спальни на втором этаже, к своему тихому убежищу.

К дому.

* * *

Мелани никогда не бывала на первом этаже в кабинете отца в тот момент, когда она сама влеза-

ет в спальню через окно. Как Роланд ни старался, ему так и не удалось полностью обратить причинно-следственные связи в своем доме, а даже если б удалось, ему бы точно не пришло в голову приглашать дочку к себе и демонстрировать ей, что он всегда знает, где она. Поэтому Мелани и не подозревает, что, когда она влезает или вылезает в окно, доска на полу чуть прогибается под ногой. В спальне этого не слышно — звуки заглушает ковер. Но вот на первом этаже, о да, на первом этаже раздается громкий скрип.

Прижав к уху телефонную трубку, Роланд смотрит на потолок и хмурится — дочь вернулась. Он знает, что она тайком улизнула на тренировку Гарри, ведь Мелани вовсе не такая ловкая, как ей самой кажется. Ей семнадцать, и обманываться насчет своей ловкости ей в буквальном смысле необходимо для выживания. А еще Роланд знает, что тренировка закончится только через два часа, потому что в кухне на холодильнике висит расписание. Ей еще рано домой.

Если бы мальчишка наконец-то сумел взять себя в руки, включить голову и порвать с Мелани, пока она сама не порвала с ним, попросту сойдя в могилу, она бы плакала — Роланд достаточно хорошо знает свою дочь. Мелани вошла бы через

дверь и рыдала бы так, будто, если сильно постараться, все печали можно избыть слезами, но она пробралась, как ей кажется, незаметно, а значит, не так уж сильно огорчена.

Тогда почему так рано? К этой тайне Роланд отношения не имеет, а такие тайны его не интересуют: уж точно не сегодня, когда у него второй по тревожности звонок за прошедший год. Уильям Монро, Зимний король, который вот уже три сотни лет держал при себе корону, не давая ей перейти в другие руки, мертв. Его королева каким-то образом пробудилась от наведенного сна и явилась на взлетную полосу, на которой разгонялся отвозящий Монро в Миннеаполис самолет. Бросилась под него и умерла. Монро умер мгновением спустя, потому что не смог достаточно быстро переключиться на другого летнего претендента поблизости.

С этими природными вечно так. Им нужен особый ключик, оборотная сторона медали. Искусственные подходят лучше, лучше приспосабливаются, формируют разнонаправленные связи. Природные почти никогда не выстраивают новую связь, утратив двойника, поэтому тоже гибнут, словно потерявшиеся в бурном море корабли.

Уильям Монро был падальщиком и трусом, почти все время тратил на то, чтобы сбежать от собственной смерти, и не успевал при этом жить той жизнью, за которую так бился. Но Монро был удобен, знаком. Если корона снова в игре, у Роланда нет власти, чтобы ее направить.

У него даже нет власти допустить или не допустить Мелани до состязания. Она его любимая доченька и его величайший неудачный эксперимент — ее тело не выдержит корону. В последние несколько лет Роланд пытался поправить то, что сам натворил, пытался сделать Мелани тем, чем она и должна была изначально стать, и теперь ему представился единственный шанс узнать, получилось ли.

Она здесь. В своей комнате, на своем месте, не бежит к нему в кабинет и не бросается ему на шею в ужасе от того, что с ней происходит, значит, вероятно, с ней ничего и не происходит. Может, тогда, в самом начале, у него все вышло гораздо хуже, чем он думает, а может, потом вышло гораздо лучше, и она превратится в обычную умирающую девочку.

Один раз Роланд ее уже обрек. А может, и спас.

Отцу странно на такое надеяться. В любом случае этого должно хватить.

В телефонной трубке интересуются, куда он подевался. Роланд заставляет себя сосредоточиться и отвечает:

— Да-да, я тут.

— Хорошо. Момент чрезвычайно неудачный. Мы знаем только, что мистер Монро хотел улететь из страны, потому что решил, что мы больше не сможем его защитить, ведь в Американском алхимическом конгрессе погибло столько народу. Он мог бы помочь нам восстановиться, но вместо этого бежал.

— Мы всегда знали, что он трус.

— В смысле, мы всегда знали, что Рид считает его трусом. Ну что ж, Рида больше нет, и его уже не вернуть.

— Это правда, — кивает Роланд. — Его больше нет.

Осенью он был там, где раньше располагалась лаборатория Рида; тогда в небе светила охотничья луна, и Роланд собственноручно обыскал пепелище. Все труды Рида сгинули. Сам Рид сгинул, а с ним и эта чудовищная кукла, женщина, которую он звал своей правой рукой. Два чудища сгинули, и Америке это только на пользу, но сперва им нужно все вернуть и восстановить, и все это так некстати.

— Прошу прощения. Восемь месяцев назад это не входило в мою компетенцию.

— Не страшно. Мы все сейчас приспосабливаемся к новому статус-кво.

И этот статус-кво подразумевает, что два сильнейших воплощения, какие только видел мир, оба искусственно созданные и оба не испытывающие ни малейшей благодарности к своим создателям, разгуливают на свободе и делают что вздумается.

Предпринимались разные попытки отыскать Доктрину, с поисками, даже при учете весьма скудной информации, предоставленной Ридом, не должно было возникнуть проблем: было известно, что часть уравнения, отвечающая за язык, ведет себя сдержанно и смирилась со своим местом во вселенной, а вот та, которая отвечает за математику, имеет склонность к крикливости и эффектности и просто не в силах не привлекать к себе внимание. Вместе они получили в свое распоряжение такую силищу, что должны были сиять, как маяк на горизонте, указывая преследователям путь к Невозможному городу.

Но никто ничего не нашел. Вот уже много месяцев — ничего. Рид погиб, его лаборатория уничтожена, его труды сгорели, а Доктрина бродит

по миру, неподотчетная и неподконтрольная.

Совсем неподходящий момент, чтобы передать короны, которые вот уже триста лет пребывали в покое, пусть даже в момент передачи откроется, хоть и ненадолго, другой путь к Невозможному городу.

Роланд и согласился-то на этот проект только потому, что короны пребывали в покое, и уже лишился жены и младшей дочери, а последние семнадцать лет лишается и старшей, постепенно, по одному удару сердца за раз. Если бы короны не пребывали в покое, он бы никогда не подверг ее опасности.

(Роланд может сколько угодно себя убеждать. Все равно он алхимик, член Американского алхимического конгресса, а Конгресс превыше всего ставит результат, результат любой ценой, его бы сочли недостойным, не будь он готов пожертвовать во имя прогресса тем, что, по его же утверждениям, любит. Знание — свет, и свет этот должен указать им путь в великую эпоху логики и благоденствия. Не исключено, что не к Невозможному городу Рида, а к чему-то лучшему. И Роланд поступил бы точно так же, даже если бы короны должны были сменить хозяев обычным чередом.)

— Монро погиб, и нужно быть настороже. Есть все основания полагать, что Мелани не будет участвовать; если она не участвует, продолжай действовать, как задумано: ход эксперимента гораздо важнее, чем изменившаяся ситуация. Но если есть хоть малейший шанс, что она участвует, если проснется Авен…

— Сейчас февраль. Знаю, довольно тепло, но сейчас февраль, луна еще в небе, луна еще светит.

— А мы все приливные создания.

— Да. Если за ней кто-нибудь и явится, это будет Ледяной Джек.

Из всех природных проявлений труднее всего выявить этих промежуточных. Конгрессу известно об их существовании из книг, к тому же Монро просто обожал изгонять неугодных, но они так слабо привязаны к сезонам, что очень похожи на обычных людей, просто чуть лучше переносят холод или жару. Конгресс разобрал по косточкам нескольких таких, но так и не научился предсказывать их появление. Несмотря на обыкновенную природу, их на удивление трудно удержать.

Роланд не умеет их удерживать, зато умеет убивать. В последние десять лет они являлись

за Мелани раз в год, как по часам. И он делал то, что сделал бы на его месте любой хороший отец, — расправлялся с ними, пока они до нее не добрались. Лекарства не просто поддерживают сердечный ритм Мелани. Они отделяют ее от сезона, который хочет ее украсть, от того самого сезона, к которому Роланд привязал ее еще в самом начале, и Зима уже отчаялась. Он все еще не восстановил защиту после того последнего.

Если сегодня вечером за Мелани явится Ледяной Джек, Роланд не сможет ему помешать.

Тревожная мысль, но он слышит, как дочь расхаживает наверху; что бы ни привело ее домой так рано, все явно не настолько плохо, не могли они вдвоем с Гарри стать претендентами и при этом ничего не заметить. Короны не переходили к новым хозяевам вот уже несколько веков, но в книгах есть упоминания о более ранних временах, Роланд в общих чертах знает, как это бывает. Мелани должна инстинктивно понять, что участвует в состязании, а она так мало знает о том, что́ она такое, для чего ее создали, — она точно пришла бы к отцу, почувствовав неладное.

Роланд Косгроув не считает себя плохим человеком, он просто ученый, который совершил несколько предосудительных поступков (даже

сейчас он не желает мысленно произносить слово «непростительных»), и все ради знаний. Он всегда старался быть хорошим отцом для созданной им девочки. Но он не понимает чувства семнадцатилетней девушки, которую держат под замком и которая точно не доживет до совершеннолетия из-за больного сердца.

Ему почему-то никогда в голову не приходило, что Мелани может от него что-то скрывать, хотя она вот уже много лет тайком влезает в спальню через окно, чтобы избежать ненужных вопросов. Как и все облеченные властью мужчины, Роланд старательно закрывает глаза на собственные предубеждения, не понимает, что сам спровоцировал эту скрытность, потому что, если дочь призна́ется в том, что ее мучает, ее ждут еще более тяжкие мучения.

— Если они явятся за ней, я узнаю, — говорит доктор Косгроув спокойно и совершенно уверенно, и это не ложь лишь потому, что он ведать не ведает, насколько ошибается.

Наверху тихо: Мелани забралась в кровать и легла. Роланд со вздохом переключает все внимание на телефонный звонок. Корона ищет нового хозяина, но это не Мелани. Точно не Мелани.

Она и не должна была участвовать.

Сказки и секреты

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Мелани забирается на кровать, нелепое пышное сооружение с балдахином, розовый бархат, рюши; она переросла все это давным-давно, но кровать не разрешают заменить. К тяжелым кленовым столбикам приделаны крючки и крепления для капельниц и мониторов, а капельницы требуются Мел гораздо чаще, чем ей бы того хотелось; здесь почти так же спокойно и безопасно, как в больнице. Отец потратил тысячи долларов, чтобы переоборудовать и перестроить эту кровать, купил матрас, который поднимается и опускается без ущерба для рамы, создал идеальное место, где будет умирать его драгоценный ангелочек. Мелани даже вообразить не может, сколько инновационных технологий скрывает ее кровать. Ей не хочется это воображать.

Мелани ненавидит ее почти так же сильно, как флаконы с таблетками на прикроватной тумбочке, которые лежат в надежном кольце той самой

короны со школьного матча и только и ждут подходящего момента — экстренного случая или обычного сигнала будильника на телефоне. Мелани со стоном падает спиной на матрас, на знакомую подушку с эффектом памяти; все здесь предназначено для ее удобства, для ее заточения. Вот уже много лет кровать служит гробом, в который она заживо ложится раз за разом.

Мелани чувствует приятную боль в ногах, и этот призрак движения напоминает ей о том, что она и правда убежала с футбольного поля. Ей не привиделось в сладком сне. Сегодня она бежала, по-настоящему бежала и не запыхалась, и голова не кружилась. Совсем ненадолго, но все же удалось почувствовать себя нормально, и, хотя Мелани знает, что нельзя перенапрягаться, ей хочется этого больше всего на свете.

«Не перенапрягайся» — это чудовище почти целиком сожрало ее подростковую жизнь, огромное, злобное, вечно голодное, оно отбирает, отбирает, отбирает все, вокруг чего может обвиться. Сначала отобрало свободу передвижения, когда Мелани все чаще и чаще начали запирать дома. Потом отобрало рисование, когда Мелани все труднее и труднее стало подолгу сидеть за мольбертом, что уж говорить о пленэре. Хотело

отобрать и Гарри, но Гарри не дается, и, пока у него есть силы отбиваться, он держится.

Это хорошо. Если бы чудовище по имени «Не перенапрягайся» отобрало все, Мелани вряд ли бы это пережила.

Мелани хочется пробежаться по комнате, выпрыгнуть из кровати и наматывать круги по дому, пока не вернулся губительный пульс; хочется прыгать, крутить сальто и вопить футбольные кричалки, еще и еще. Но она ничего такого не делает. Просто закрывает глаза и вдыхает поглубже, запечатлевая память о том, как бежала, как Гарри очнулся, когда она уже решила, что потеряла его, как она жила, хотя бы чуть-чуть, жила так, как хочется. Как жила бы, если бы не сердце.

Через несколько часов (за это время два раза сработает будильник на телефоне) ей нужно будет встать и переодеться для танцев, натянуть платье, накраситься так, чтобы казаться живой. Есть еще время подумать о том, что сегодня случилось, решить, что́ она хочет по этому поводу чувствовать и хочет ли что-нибудь предпринять.

Незаметно подкрадывается сон, одолевает, утягивает во тьму под веками. Просто сон.

Обычной девчонке сны Мелани, наверное, показались бы скучными, обыденными, простыми.

Ей снится, как она идет по замерзшему лесу, так легко ступая по ледяному насту, что он даже не трескается. Ноги скользят, не оставляя следа. Она идет, и лес распахивает ей навстречу свои ветви, холод ее не касается, в груди не болит. Большего Мелани никогда и не желала.

Она много-много раз видела этот лес во сне, не каждую ночь, но часто, почти всю жизнь. Лес знаком ей так же хорошо, как и реальный мир, и она ему рада. Холодно, но и сама Мелани холодна, здесь мороз ее не донимает, она совсем его не чувствует — даже чуточку, как наяву. Наверно, странно видеть во сне, как идешь босиком по снегу и не чувствуешь холода, будто ничего лучше и не бывает, но такова жизнь Мелани, и есть то, о чем не стоит спрашивать. Никогда не стоило спрашивать.

Мелани не бывала за границей, не видела океан, не забиралась в горы, не проводила вдали от дома больше недели, если не считать больницы. Во сне у нее есть лес, а наяву — кровать, вот и все.

Она идет по лесу, под ногами снег, вокруг черные деревья, для всего этого она и была создана, это место идеально ей подходит, ей предназначено стать его частью. Лес принимает ее

приветливо и по-своему тепло. Ветерок доносит до нее цветочный аромат.

И Мелани идет дальше, на аромат цветущих нарциссов и нагретой солнцем травы, и в конце концов выходит к опушке. Там, где заканчиваются деревья, заканчивается и зима. Туда, куда не дотягивается тень от ветвей, снег и лед не доходят. За лесом раскинулась широкая купающаяся в солнечных лучах поляна, заросшая травой и крошечными цветочками. А за поляной другой лес — пышный, плодоносящий, зеленый.

В центре поляны стоит Гарри. Во сне Мелани на мгновение останавливается и смотрит на него с неприкрытым вожделением, какое редко позволяет себе наяву.

Гарри не самый красивый мальчик в школе, при взгляде на него не перехватывает дыхание, про него не говорят, что ему непременно нужно сниматься в кино, но Гарри принадлежит ей, а потому он лучше всех кинозвезд и знаменитостей на свете. У него от природы смугловатая кожа, которая летом становится еще темнее, ведь он проводит много времени на улице, если только не сидит с Мелани в ее спальне с разрешения ее отца. Мел, наверное, единственная девочка во всей школе, которой папа не запрещает, а велит

сидеть с мальчиком в спальне.

По прихоти климата и генетики волосы у Гарри остались золотистыми, тогда как почти у всех его сверстников давно потемнели, и Мелани всегда это нравилось, нравилось, какой контраст они составляют вместе, как уравновешивают друг друга. У Гарри тоже голубые глаза, но совсем другого оттенка: глаза Мелани точь-в-точь лед — такие яркие и светлые, что раньше отец даже беспокоился, нет ли у нее проблем со зрением, а у Гарри — голубые, как прекрасное летнее небо.

Отчасти из-за его глаз Мелани и занялась рисованием. Еще в начальной школе учитель как-то объяснял, что небесно-голубой цвет яркий и солнечный, но особой глубины в нем нет, а Мелани тогда уже давно пристрастилась сравнивать глаза Гарри с небом, и ее это объяснение слегка задело — так бывает только в детстве, когда маленького ребенка обижает очевидная ложь из уст взрослого. В тот год Мелани попросила акварельные краски и, получив их, снова и снова пыталась запечатлеть цвета этого мира такими, какие они есть, а не такими, какие хотят навязать взрослые.

Даже во сне на Гарри обычная одежда, в которой он ходит на тренировки: спортивные штаны

и футболка, не очень-то сочетающиеся друг с другом. Мелани не представляет, как он будет собираться сегодня на танцы.

— Гарри! — зовет она и выходит на поляну, к нему навстречу… вернее, пытается. Солнечные лучи обжигают, окатывают кожу кислотой, не оставляя видимых ожогов, и Мелани сразу понимает, что на поляну ей путь заказан: лето не для нее, лето для поцелованных солнцем мальчишек вроде Гарри, для золотистых девчонок вроде Хлои из их команды чирлидеров (эта самая Хлоя, не особенно стесняясь, дала Гарри понять, что готова «утешить» его, если с Мел что-нибудь приключится еще до выпускного).

Мелани отступает, прячется под сенью деревьев. Но Гарри ее услышал, разглядел среди зимнего леса. На его лице расцветает широкая улыбка, и он бежит к ней, а Мелани хочется крикнуть, взвизгнуть, предупредить: пусть не приближается. Если ей заказано лето, то ему заказана зима.

Гарри ступает на снег и падает. Мелани бросается к нему, но он не дышит, не открывает глаз. Не открывает глаз.

Мелани просыпается от веселенькой песенки на будильнике и собственных всхлипываний.

Ледяной Джек

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Окно открыто.

Что-то неладно: Мелани всегда закрывает его, когда возвращается домой, — не хочет лишний раз привлекать внимание отца, а то вдруг он подойдет ближе, заметит на подоконнике царапины и догадается, что она залезала на дерево. Это, конечно, не детективный сериал, а папа никакой не следователь, но, раз увидев такую сцену в «Законе и порядке», Мел не может выкинуть ее из головы.

Она садится (нужно скорей закрыть окно) и вдруг понимает, что еще кое-что неладно — дело гораздо серьезней открытого окна; может, именно потому оно и открыто, хотя Мелани всегда очень тщательно, скрупулезно заметает следы. В спальне кто-то есть.

Здесь, в ее комнате.

Кто-то сидит за ее письменным столом и листает альбом с набросками, и на мгновение Мелани

охватывает страшная обида — без спроса трогают очень личную вещь, — и эта обида затмевает ужас от того, что кто-то забрался в ее личное пространство. Только на мгновение, но Мелани его хватает, чтобы рассмотреть незнакомца и понять, что сердце по-прежнему не бьется, не выпрыгивает из груди. Что-то неладно. Мелани это знает, знает, что нужно немедленно сказать отцу, но еще она знает, что, если б сердце действительно не билось, она бы умерла, поэтому, наверное, все в порядке. Наверное, это естественная реакция, тело наконец решило дать ей столь желанную передышку.

Наверное.

Незнакомец за письменным столом поднимает голову и улыбается, сверкнув в темноте белыми зубами. Улыбка помогает лучше разглядеть незваного гостя, заметить подробности, которые Мелани поначалу пропустила из-за нахлынувшего ужаса: перед ней ребенок, одиннадцати или двенадцати лет, в ярко-желтых вельветовых штанах и голубой футболке с блестящими серебристыми снежинками. Волосы у ребенка темные и кудрявые, собраны в два тугих хвостика, а кожа вся сплошь усыпана веснушками.

— Я девочка, если ты об этом задумалась, — го-

ворит ребенок вполне будничным тоном. — В основном при встрече со мной все задаются именно этим вопросом. Если не считают себя самыми умными, конечно.

— Вопрос у меня на самом деле совершенно другой: что ты делаешь в моей спальне? А также как ты попала сюда и почему взяла мой альбом? В произвольном порядке.

— Он показался мне интересным — один-одинешенек в этой комнате, которую всю будто заблевали диснеевскими принцессами; попала я сюда тем же путем, каким, видимо, попадаешь и ты, девочка, у которой под окошком растет большой дуб с подозрительно гладкой корой в некоторых местах; а пришла я потому, что оказалась ближе всех, когда мы поняли, что происходит. — Девчонка снова улыбается, сверкнув в полутьме белыми зубами. — Нужно поговорить.

— Нужно выставить тебя из моей спальни, — возражает Мелани, слезая с кровати.

Она заснула в одежде (в лесу на ней было платье, которое она носит только во сне), так что вполне готова действовать.

Вот только Мелани совершенно не готова к нахлынувшему головокружению, от которого она едва не шлепается на пол. При этом сердце в груди

не сбивается с ритма, нет вообще никаких привычных ощущений — просто головокружение, сотрясающее мир до самых основ. Мел хватается за столбик кровати и пережидает; волна отступает, она опять может стоять нормально.

Когда Мелани поднимает взгляд на девчонку, то видит у нее в глазах сочувствие. Незнакомка больше не улыбается.

— Будет только хуже, — говорит она. — Значит, кто-то продвинулся еще немного дальше. Может, кто-то все объяснил быстрее меня. Прости. Просто не хотела тебя будить.

Мелани хмурится.

— В смысле, будет только хуже? Кто продвинулся куда? И почему ты залезла ко мне в комнату?

— Я залезла к тебе в комнату, потому что все, кто хоть чуточку петрит в сезонах, знают, кто твой отец, и он бы точно не впустил меня через парадную дверь. Я совершила восхождение меньше года назад. И совсем не готова все бросить. Мне очень нужно поговорить с тобой, потому что ты ничегошеньки не знаешь, а оставлять тебя в неведении неправильно и нечестно.

Мелани в таком недоумении, что дальше просто некуда.

— В неведении насчет чего?

— Насчет всего.

Девчонка со вздохом закрывает альбом, аккуратно кладет его на письменный стол, опускает руки на коленки и внимательно смотрит на Мелани.

— Меня зовут Джек, — сообщает она. — Меня не всегда так звали, но теперь только это имя для меня и важно. Я дух Зимнего асцендента, а значит, мое место рядом с тобой, я принадлежу к твоему двору… если ты победишь. Если продвинешься как можно дальше и как можно быстрее.

Мелани понимает, что ошиблась: теперь она в еще большем недоумении, чем секунду назад, но от этого осознания ничуть не легче. Трещит голова, и из-за головной боли Мелани вспоминает, что только что совершила самый страшный грех, какой только можно совершить в ее коротенькой жизни, — не приняла лекарство, когда прозвонил будильник.

— Погоди! — говорит девчонка — говорит Джек, — когда Мелани тянется к флакону с таблетками. Голос у нее встревоженный, будто Мел вот-вот допустит ужасную ошибку. — Погоди, ладно?

— А что такое? — рука Мелани замирает. — Нужно выпить лекарство, иначе сердце остановится,

а я должна встретиться в школе со своим парнем, там танцы в честь Дня святого Валентина. Прости уж, странная девочка, вломившаяся ко мне в комнату, но Гарри для меня гораздо важнее твоих нелепых объяснений.

— Твое сердце не может остановиться, ведь оно уже остановилось. Ты мертва вот уже много часов, но все еще двигаешься.

Мелани изумленно смотрит на нее.

— Ладно, все круто, просто я еще не проснулась.

— Нет, все происходит на самом деле. И ты, как и я, совершенно точно не спишь.

— Во-первых, я вообще не уверена, что ты существуешь, прими это, пожалуйста, к сведению. Во-вторых, ты утверждаешь, что я умерла… Ты про то, как я упала на футбольном поле? Про что еще… Но я по-прежнему в сознании и хожу, получается, я зомби. Не пора ли тебе делать ноги, пока я не нацелилась тебя сожрать?

— Никакая ты не зомби, — отвечает Джек. — Зомби не существуют. Ты воплощение Зимы, ну или можешь им стать, если продвинешься быстрее соперников. Если что, я болею за тебя. Остальные претенденты в основном не очень.

Мелани удивленно хлопает глазами.

— Ты вроде говорила, что ты сама и есть Зима или кто там еще.

— Я Зимний асцендент. А ты воплощение Зимы. Это вовсе не одно и то же; прости, мне следовало рассказать тебе об этом раньше, как только я явилась служить короне, но мне это место досталось потому, что последний Ледяной Джек в здешних краях пытался попасть к вам в дом, и твой отец от него избавился. За последние лет десять он избавился от многих, а мы не всегда успеваем сообщить друг дружке, что происходит. Предполагается, что можно служить лет сто, но мой предшественник продержался меньше полугода. Ты его хоть помнишь?

Мелани, нахмурившись, качает головой. Если уж не удается проснуться, вполне можно и подыграть.

— Не знаю никого по имени Джек, уж извини.

Но правда ли это?

В седьмом классе у одного учителя был помощник. Этот помощник ее хвалил, после его подсказки она попробовала работать пастелью, ему нравились ее рисунки, он называл ее умницей. Раз Мелани пришла в школу очень усталой, потому что все выходные провела в больнице, и помощник что-то такое сказал, мол, заглянет к

ней домой и побеседует с отцом о том, как лучше сочетать ее состояние и учебу, а после этого в школе его больше не видели.

Остальные ученики про него словно позабыли. Да и Мелани уже много лет его не вспоминала. Она медленно моргает и ничего не говорит.

Лицо у Джек становится довольное.

— Как же давно я хотела это сделать, — говорит она. — Когда я стала асцендентом, мне было всего двенадцать, и случилось это отчасти потому, что твой отец порешил столько наших. Я для этой должности еще не годилась. Но получила ее и твердо намерена за нее держаться, и я не позволю какой-то напичканной таблетками чирлидерше всего меня лишить.

Джек с вызовом смотрит на Мелани. Мелани понятия не имеет, что здесь такое творится, она так запуталась, что до сих пор не понимает, спит она или нет, поэтому просто молча садится на краешек кровати.

— Чепуха какая-то, — говорит она. — Что значит «Зимний асцендент»?

— Ладно, объяснение получится странное.

— Куда уж страннее, — возражает Мелани.

— Твоя правда, — беспечно отвечает Джек. Голос у нее довольный. — Чтобы наш мир крутился,

люди ему на самом деле не нужны. Он их даже не особенно-то и хочет. Мы — это такой побочный продукт, который получается, когда вселенная упорядочивает самое себя, такие себе помехи, возникающие при передаче сигнала. Маленькие частички времени и материи, достаточно упорядоченные, чтобы мыслить и чего-то хотеть, а миру это очень неудобно, ведь ему нужно как-то существовать, пока мы в нем ходим-бродим со всеми своими желаниями, чувствами и стремлениями. Ему надо нас как-то встраивать, учиться с нами жить.

— Понятно, — говорит Мелани, хотя ей совершенно ничего не понятно.

— И вот реальность начала привязывать людей к своим основным функциям. Чтобы нас чем-то занять, чтоб не слишком балагурили. Но дело вот в чем: стоит какой-нибудь функции реальности получить человеческое лицо, как она больше не может правильно работать без воплощения. Для всего, что в наши дни регулярно воплощается, когда-то был избран первый человек; все эти функции прекрасненько себе жили-поживали, пока не научились быть людьми. Как только функция осознает саму концепцию воплощения, она на нее подсаживается. Стоит после этого

убрать человека, придется убирать из вселенной и само понятие. Улавливаешь?

— Нет. Совсем не улавливаю.

— Хотела бы я сказать, что дальше будет проще, но вряд ли, — Джек пожимает плечами. — Извини, мне очень жаль.

— Ни капельки тебе не жаль.

— Да, ни капельки. Мне жаль, что именно я тебе это пытаюсь растолковать, ведь я сама не так давно обо всем узнала, но чего уж тут. Меня обучала одна дама, Кукурузная Дженни, вот она бы отлично все разложила по полочкам. Плохо, что она не годится. Но у меня есть ее номер, — Джек оживляется. — Наверняка она сейчас толкует с твоим парнем, раз уж вы полыхнули одновременно. И наверняка у нее получается гораздо лучше, а он потом растолкует тебе. Здорово, да? Тебе же наверняка проще воспринимать кого-то из близких. Я тоже когда-нибудь стану к тебе ближе, если победишь. Но пока я всего-навсего странный ребенок, без приглашения забравшийся в твое окно.

— Я уже совсем потерялась, — хмурится Мелани.

— И никогда не найдешься, если не победишь, — Джек подается вперед, уперев локти

в колени, взгляд ее серьезен. — Смотри, пока на службу не призвали первого Скупого Джека, осень распрекрасно себе наступала безо всякого человеческого лица, но стоило привязать ее к человеческому облику, стоило ей понять, каково это — дышать, ходить среди людей, — она подсела, и теперь, если убрать Джека, придется убрать и всю осень. Лето будет переходить сразу в зиму, и нарушится баланс.

Мелани молчит. И просто таращится на Джек.

— Асценденты сезонов появлялись один за другим, когда год научился разделять сам себя. Джек в зеленом направляет весну. Кукурузная, или Пшеничная, Дженни хранит лето. Скупой Джек — осень. А твоя покорная слуга, расчудесный и распрекрасный Ледяной Джек, заботится о зиме. Но чем дольше мы служили, тем тяжелее становился год, и в конце концов мы утратили над ним власть. Два самых сильных сезона срослись в две короны. Зима и лето. И у них появились не только асценденты, но и воплощения.

— И?..

— И ты всегда выходила зимой на улицу без пальто, даже когда не вылезала из болячек. И вечно забывала надеть носки и перчатки. И ты совершенно не знаешь, каково это — когда

холодом прихватило. И пока отец не подобрал специальные лекарства, чтобы отделить тебя от зимы, снежинки не таяли у тебя в руках. — Джек улыбается. — Я тоже от рождения обладаю задатками, позволяющими служить зиме, но у тебя зима в крови. А теперь старый Зимний король умер, и у тебя появился шанс заявить права на корону. Нужно действовать быстро, потому что в состязании участвуешь не ты одна, но если окажешься первой, то проживешь столько, сколько зима тебя стерпит. А если нет, умрешь.

— Чудненько, и это все?

— А тебе мало?

— Для дурдома в самый раз. — Мелани снова ложится на кровать и закрывает глаза. — Я посплю, пока не придет время вставать.

Что совсем неудивительно, Джек не спорит, и мир снова куда-то ускользает.

В лесу

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Мелани открывает глаза в лесу, на том самом месте, где стояла, когда проснулась. Перед ней на земле лежит Гарри. Примятый при падении снег тает от тепла его тела. Мелани тянется к нему, хочет растолкать, но отдергивает руки. Гарри такой горячий, что она обожглась.

Вероятно, здесь кроется глубокий символизм, но прямо здесь и сейчас Мелани хочет лишь одного — чтобы он очнулся и утешил ее. Хочет убедиться, что все это не взаправду, что она не умерла, что она не какое-то там время года или другая похожая дичь. Она просто спит.

Но все, что говорила девочка Джек, кажется правильным, кажется правдой, будто Мелани объяснили, как устроен мир, о существовании которого она сама всегда словно подозревала, тот мир, который существовал совсем рядом с ее миром, где есть доктора и таблетки, где она постепенно умирает. Мелани это не нравится. Она

спит, просто спит, все совершенно нормально, все прекрасно.

Просто спит, а над ухом звонит будильник.

Мелани Косгроув открывает глаза, и на этот раз в комнате никого нет; пора собираться на танцы в честь Дня святого Валентина, все совершенно нормально.

Правда.

Книга IV
Весна справедливая

Надежды на приход весны кому угодно хватит, чтобы пережить жестокую зиму.

Джен Селински

Ведь миф изменяется, в то время как обычай остается неизменным, и люди следуют обычаям своих предков, хотя причины, по которым предки эти обычаи соблюдали, давным-давно пришли в забвение.

В истории религии неизменно присутствует стремление примирить древний обычай с его современным истолкованием, то есть создать здравую теорию, объясняющую абсурдную практику.

Сэр Джеймс Джордж Фрэзер, «Золотая ветвь: Исследование магии и религии»

Пока они шли, в пещере, в начале такой темной, становилось все светлее, жем-

чужно-серые сумерки перешли во что-то гораздо больше похожее на розоватое предрассветное сияние, будто где-то вдалеке солнце серьезно обдумывало, не взойти ли ему. Они шли, и сияние перешло в зарю, внезапно наполнив пещеру мягким светом, и стали видны все до единой пляшущие в воздухе пылинки, поднятые их шагами, эти пылинки получились из мела, песка, остатков раковин давно почивших морских созданий и теперь учились своими драгоценными силами пускаться в пусть и недолгий полет.

Засмеявшись, Циб стрелой помчалась к большой арке, вырезанной в стене пещеры. Остальные поспешили следом, Девочка-ворона снова рассыпалась птицами – так не терпелось ей посмотреть, что́ там, и вот все выскочили под яркие теплые солнечные лучи на берег моря. Перед ними был пляж со сверкающим, словно глазурь на рождественском печенье, девственно-белым песком, простирающийся влево и вправо до самого горизонта, впереди он уступал место накатывающим друг на друга волнам беспредельного моря

цвета индиго. Вода казалась теплой и ласковой; гладя песок, она будто шептала: «Да, детки, милые детки, да, милые детки, идите сюда, идите поплавайте, идите поплавайте, искупайтесь вместе с сиренами и морскими феями, со всеми дивными созданиями, которые тешит и тащит вода. Идите, детки, идите».

– Слышишь? – спросил Эйвери. Его неожиданно охватила тревога, и он подвинулся к Циб.

Пусть она была шумной и дикой и не понимала, как важно до блеска начищать свои ботинки, но происходила из того же обычного городка и знала, что океану не положено разговаривать. Уж точно не так отчетливо, не так ослепительно, обжигающе настойчиво.

– Оно хочет, чтобы мы пошли купаться, – мечтательно ответила Циб. А потом потрясла головой и бросила на Эйвери быстрый тревожный взгляд. – Как оно может чего-то хотеть? Это же море. Морю не полагается ничего хотеть.

– Это Солистое море, – объяснила Нив. – Тут-то и схлестываются Король

Пентаклей и Король кубков. Это самая настоящая граница между их владениями.

– А почему из-за этого вода умеет говорить? – спросил Эйвери. – Воде говорить не положено.

– У Короля кубков теперь есть Паж застывших вод, а раньше у него была Госпожа соли и скорби, – ответила Нив. – Она покровительница моего города. Все горожане ее любят, а она любит нас, пусть даже больше не может выбраться из моря, чтобы с нами говорить. Мы все знаем, что это Паж виновата в том, что она потеряла корону и собственную прекрасную шкурку, но не можем этого доказать, потому что не можем отыскать ее косточки.

– А кто-нибудь сказал об этом Королю? – спросила Циб.

Девочка-ворона снова соткалась перед ними из вихря птиц, которые слетались в нее, пока вместо многих созданий не осталось одно.

– Ему все равно, – сказала она, и в голосе ее было больше печали, чем обычно. – У него есть Паж, а она не подвергает сомнению желания Короля, не просит его не творить те ужасные вещи, которые ему кажутся приятными. Может, они и приятны – ему. Не знаю. Я просто девочка-ворона, у меня даже имени нет, а имена меняют все.

А. Дебора Бейкер, «Вдоль Солистого моря»

Пробуждение

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Не так далеко от Мелани — по меркам старшеклассника, который только в прошлом году получил первую машину (а эта мерка весьма отличается от велосипедных исчислений подростка помладше, подсчетов ребенка, который повсюду ходит пешком, или взрослого, который уже привык ездить на большие расстояния), — Гарри Марч собирается на танцы.

Иногда Гарри очень рад, что он не девочка. Тому есть множество причин, но главная связана как раз с такими вот моментами, когда нужно привести себя в приличный вид перед каким-нибудь событием и Мелани рассчитывает, что они будут достаточно презентабельной парой. Гарри знает, что Мел купила новое платье, которое пока ему не показывала, и потратит по крайней мере час, накладывая разнообразные тональники и хайлайтеры, чтобы меньше походить на ходячий труп и больше — на ту девочку, которой

Гарри должен любоваться на школьных снимках в общежитии в колледже. Она будет причесываться, завиваться, укладываться, пройдет свою тысячу шажков к царству социально одобряемой женской красоты, где Гарри никогда не бывал и куда совершенно не рвется. Сам-то он одевается точно так же, как и на зимний бал, а до того на празднование после школьного матча, проводит расческой по волосам — и сойдет. Это нечестно. Но это так.

Гарри уже не раз говорил Мел, что ей не обязательно ради него румянить щеки, он знает, как обескровила их болезнь, и ему все равно, он считал и всегда будет считать ее самой красивой девушкой на свете. Мелани с улыбкой называет его зайчиком и снова принимается чиркать по руке помадой, подбирая цвет, будто ей предстоит участвовать в неведомом грандиозном конкурсе красоты, куда Гарри никогда не допустят.

Другие девчонки иногда бывают довольно злобными, хотя в последнее время в основном приберегают злобные шпильки друг для друга. Раньше и Мелани шпыняли точно так же, как и всех остальных, но в один прекрасный день ученица, чья мать работала в приемной кардиолога, принесла в школу новости о том, что Мелани при-

везли где-то за полночь и непонятно, выпишут ли теперь вообще. Ее выписали в конце недели, но с тех пор ничего и никогда уже не было как прежде. Ни для кого из них.

Гарри видел, как подобное происходит с другими детьми — например, больными раком или жертвами страшных аварий. Про таких никогда не знаешь, дотянут ли они до выпускного. Такое вот напоминание о том, что ничто не вечно, будто сдирает налет повседневной жестокости, которым покрывают себя подростки, срывает пелену желчного безразличия и снова превращает их в детишек, готовых поделиться пакетиком с соком и вместе подурачиться на площадке. Дети тоже могут быть жестокими, Гарри об этом известно (у него наверняка еще остались по этому поводу какие-то иллюзии, но меньше, чем у других, потому что он всю жизнь дружит с больной девчонкой), но подростки гораздо, гораздо хуже, ведь они гораздо лучше знают, как устроено сердце.

Им всем на четырнадцатилетие словно вручают острые бритвы и объясняют, что старшая школа — это что-то вроде «Голодных игр».

Но Мелани удалось высвободиться из всего этого — просто потому, что она буквально стоит на краю могилы, — а вместе с ней высвободился

и Гарри, почти ненароком. Никому не хочется задирать парня умирающей девчонки. Такая вот интересная обратная дискриминация инвалидов: например, иногда кто-то думает, будто Мелани не в состоянии сделать домашку, потому что пьет слишком много лекарств, или ей нельзя в следующем году пробоваться в команду чирлидеров, раз она может стать обузой.

И хотя Гарри прекрасно знает, и Мелани знает, и Мелани знает, что Гарри знает: никто не будет открыто осуждать ее сегодняшний наряд, — Гарри также знает, что она изо всех сил постарается сделать этот вечер как можно более нормальным, потому что хочет, чтобы у Гарри был нормальный вечер. Наверное, Мел — самый добрый человек из всех, кого он знает, и иногда ему так хочется, чтобы она меньше внимания уделяла ему и больше — самой себе.

Ему от Мел нужно лишь одно, и именно этого, как он хорошо понимает, она дать ему не может; глядя в зеркало и поправляя галстук, Гарри желает этого больше всего на свете. Желает и всегда желал лишь одного — чтобы Мелани его не покидала.

Уже февраль, но в комнате жарко, как в сауне, хочется снять пиджак, и Гарри снимает его, пе-

рекидывает через плечо и внимательно изучает себя в зеркале. Вид вполне обыденный. Как у мальчишки, который совершенно не переживает из-за того, что его девушка грохнулась на землю прямо у него на глазах (когда у нее закатились глаза, Гарри решил, что на этот раз все, ощутил, как разбилось сердце, ощутил в глубине души стыд, потому что, пока она падала, испытал облегчение), или из-за того, что медики из скорой не отпускали его, пока за ним не приехали родители.

Папа с мамой просили его сегодня остаться дома. И разрешили пойти на танцы, лишь когда Гарри пустил в ход свой козырь — умирающую подружку. Он поправляет бутоньерку и хмурится. Когда он ее приколол, она выглядела прекрасно — бутоны едва раскрылись, а теперь цветы полностью распустились и роза уже почти размером с ладонь.

У них с Мелани должны быть одинаковые бутоньерки, но они будут совсем не похожи, разве что оба пакетика с подкормкой, которые ему дал флорист в цветочном, сработали как-то не так. Бутоньерка Мел ждет своего часа в холодильнике на первом этаже — бутоны и плотно свернутые листочки должны продержаться весь вечер.

Гарри понятия не имеет, как объяснить столь бурное цветение; может, виновата царящая в комнате жара.

Ему жара всегда была нипочем. Он знает, что Мел больше по душе холод, она никогда не дрожит в кинотеатре, когда кондиционер работает на полную, даже если Гарри и хотелось бы, чтоб дрожала, ведь, когда твоя девушка дрожит, она к тебе льнет, а какой смысл торчать вдвоем в социально одобряемом темном местечке, если даже не пообниматься? Сам Гарри никогда особенно не потеет и ни разу в жизни летом не обгорел, даже если расхаживал без солнцезащитного крема и буквально на это напрашивался. Будто солнце его любит. И так было всегда.

Он загорает, но не обгорает, а Мелани всегда прохладная, но не мерзнет, и так было всегда; пусть Гарри и собирается попросить папу проверить регулятор температуры в комнате, ему на самом деле плевать, что тут жарища. Лишь бы не испортилась бутоньерка.

Мел не рассердится. Она никогда не сердится, если видит, что он старался. Она сердится, когда Гарри ведет себя глупо и гадко, но он изо всех сил пытается так не делать и ради нее, и ради себя самого.

В конце концов Гарри Марчу неизбежно суждено превратиться в бедного мальчугана, у которого умерла любимая девушка, как грустно, какая трагедия, что бы он ни делал, как бы ни желал, чтобы все сложилось иначе. Меньшее, что он может, так это делать Мел счастливой, пока этого не произошло.

Так, с пиджаком, беззаботно перекинутым через плечо, Гарри выходит из комнаты, бросает ключи от машины в карман и вприпрыжку спускается на первый этаж.

Если бы не вся эта тягомотина — моя девушка умирает, и никто ничего не может с этим поделать, — Гарри можно было бы назвать счастливчиком. Его родители весьма состоятельны: он в жизни не голодал дольше нескольких часов, ему всегда было на что купить бензин для машины и где найти крышу над головой. Отец Мел сражается с трудностями в одиночку, и Гарри догадывается, как тяжело ему оплачивать бесконечные медицинские счета. Мелани храбрится, но Гарри всегда платит за нее, когда они идут куда-нибудь вместе, жест галантный и уместный.

Родители ждут в гостиной. Мама тут же принимается над ним ворковать: какой уже взрослый мальчик, какой красавец; отец стоит позади,

засунув руки в карманы. Гарри ему кивает. Отец кивает в ответ. Всем понятно, что будет дальше: Гарри заберет Мелани и привезет ее сюда, чтобы родители их пофотографировали; мать настаивает, что нужно делать фотографии при любом удобном случае.

Гарри и хотел бы возразить, пожаловаться, что они напрасно тратят время и разводят суету. Но никогда не возражает. Он знает, почему для них это так важно, почему это еще важнее для него, важнее, чем он может объяснить. Времени мало.

Может, Гарри слишком часто об этом думает, но чем дальше, тем очевиднее, что времени не просто мало, оно почти вышло. И вот Гарри достает бутоньерку Мел из холодильника (красная роза и ирис, лиловый, будто синяк), целует маму в щеку на прощание, отец хлопает его по плечу, Гарри выходит из дома и шагает к машине, в ночь, в свое будущее.

Будущее — неведомый край, Гарри не хочется туда отправляться, но они все туда отправятся, в свое время. В его паспорте уже поставлен штамп. Единственный способ не ехать — как у Мел, но и она тоже отправится в будущее, просто другой дорогой. Ужасной холодной дорогой, по которой он не сможет за ней пойти.

Печку в машине в последний раз запускали неведомо когда. Какой смысл — Мел никогда не мерзнет, а у Гарри полно свитеров. Но когда он подъезжает к ее дому, в салоне уже душно и жарко. В темноте ярко сияют окна гостиной. Может, у него температура поднялась? Но тогда врачи скорой заметили бы и сказали ему. Ерунда, с ним наверняка все в порядке.

Гарри идет по дорожке, поглощая длинными ногами пространство, и на мгновение ему мерещится, что в тени под дубом стоит ребенок и смотрит на него. Гарри останавливается, смаргивает — никакого ребенка. Это и понятно, откуда темным февральским вечером во дворе у Мелани взяться ребенку. Он мотает головой, отгоняя от себя наваждение, доходит до двери. Дверь не заперта (как всегда), но он все равно нажимает на кнопку звонка и ждет.

Ручка поворачивается, дверь распахивается, на пороге стоит Роланд Косгроув и смотрит сурово, свысока, слегка запрокинул голову, чтобы очки не сползали с носа.

— Мистер Марч, — говорит он торжественным голосом прирожденного гробовщика, который непонятно почему избрал стезю школьного учителя химии. — Чем обязаны?

— Я приехал, чтобы отвезти Мел на танцы в честь Дня святого Валентина, сэр, — Гарри, будто в доказательство добрых намерений, протягивает коробочку с бутоньеркой. — Она велела приехать в семь.

— Она весь день не выходила из комнаты. Думаю, Мелани слишком устала и не сможет пойти с тобой на танцы. Извини.

Но Гарри его не слушает. Пока Косгроув говорил, на лестнице раздались шаги, и вот она, Мел, — в длинном платье, стоит, положив руку на перила, просто глаз не оторвать.

Гарри знает, что нельзя владеть другим человеком, нельзя по-собственнически относиться к Мел, но в такие вот моменты он смотрит на нее и может думать лишь о том, какая она красивая, до чертиков красивая, и принадлежит ему. Именно он будет держать ее за руку, обнимать, зная, что она этого хочет, целовать в губы (сегодня кроваво-красные, будто Мелани решила по максимуму обыграть темные волосы и белую кожу и примерить образ Белоснежки), ощущать вкус ее помады.

Сегодня Гарри поведет ее по школьному спортивному залу, где они бывали уже тысячу раз (иногда кажется, даже больше; кажется, что они

проделывают это снова и снова вот уже миллион лет, и Гарри счастлив будет провести так еще миллион лет, если только им будет позволено), и остальные мальчишки будут завидовать ему, а остальные девчонки будут жалеть, что их парни не смотрят на них так, как он смотрит на Мелани, и все будет идеально. Все всегда идеально, когда он с Мел. Она — его сказка. Никакой другой он никогда не желал.

— Со мной все в порядке, папочка, — говорит она. — Весь день пролежала в кровати, я в полном порядке.

На щеках у Мелани румянец, и даже Гарри не может с уверенностью сказать, естественный он или нет. Она спускается и целует отца, у того на скуле остается кровавый росчерк помады. В этом чувствуется едва ли не предзнаменование, и Гарри никак не может оторвать взгляд, но вот Мел подходит к нему, и все его внимание снова, как и должно быть, обращено на нее.

Платье сшито из чего-то вроде атласа; наверное, у этой ткани какое-нибудь мудреное название, которое Гарри и выговорить бы не смог, она сияет и сверкает на свету, будто пытаясь посрамить все пайетки на свете. Платье обнимает Мелани так, как он сам бы желал ее обнимать, превосходно

сидит и при этом словно вовсе не касается кожи. Гарри в восторге от этого платья. Завидует ему. Хотел бы стать им в следующей жизни.

Вырез весьма пристойный, почти скромный, но Гарри уверен, что Мелани все равно будет самой сексапильной девушкой в зале, а значит, он будет самым сексапильным парнем, ибо в старшей школе сексапильность имеет свойство передаваться от человека к человеку. Он молча протягивает бутоньерку — какое облегчение, она в порядке, в отличие от его собственной: бутоны не распустились, листья не развернулись. Мел берет ее и удивленно приподнимает бровь, кивая на цветы на его лацкане, Гарри пожимает плечами. Не первый раз он напортачил по мелочи. И не последний.

— Ты потрясающе выглядишь, — говорит он, наконец отлепив язык от нёба и заставив себя вспомнить человеческую речь. — Это платье… просто… Ух!

— Тебе нравится? — Мелани кружится, сжимая в руке коробочку с бутоньеркой. — Я боялась, что оно чересчур старомодное.

Юбка почти до пола и прикрывает ремешки туфель. Гарри знает, что едва ли не все девчонки на танцах, несмотря на холод, будут в платьях

не ниже колена, особенно чирлидерши. Вот уже много лет они соревнуются, кому удастся ближе всех подобраться к установленной правилами длине, счет идет уже на одну восьмую дюйма. Юбка у Мел гораздо длиннее, чем будет у них, но Гарри все равно, ведь Мелани в этом платье выглядит так, будто только так и никак иначе следует приходить на танцы.

— Ты само совершенство, — с горячностью говорит он.

— Ты должен вернуть ее домой до десяти, — вмешивается Роланд. — Не в половину одиннадцатого, не в пять минут одиннадцатого, ровно в десять. Я ясно выразился?

Гарри хорошо знает эту пьесу.

— Да, сэр.

— Гарри, сегодня ты должен обращаться с ней очень осторожно. Ради тебя Мелани храбрится, но чувствует она себя не очень хорошо. — Вид у Роланда такой серьезный, будто он изрекает великую и мрачную мудрость.

— Папочка! — Мелани с укоризненным взглядом легонько шлепает его по руке.

— Это так, и Гаральд заслуживает того, чтобы это знать, если уж ты разрешаешь ему вывести себя в свет. Мелани, ты нездорова. И должна это

признать.

Гарри не знает, разговаривают ли так со своими детьми другие родители, напоминают ли постоянно о болезни. Его родители так не делают, но, с другой стороны, с ним-то ничего плохого никогда не приключалось, разве что руку однажды сломал (тут никак не прикинешься, что все в порядке: тогда ему наложили гипс, и чесалось все так, словно по руке ползали разъяренные муравьи). Мелани точно будет напрягаться, если ей это позволить. Вот только Гарри не уверен, что нужно ее останавливать. Он ее парень, а не сторож.

— Да, сэр, — тем не менее отвечает он, и это такая же ложь, как и всегда, Роланд кивает, вроде бы принимая его слова за чистую монету, как и всегда, и наконец ритуал завершен.

— Мелани, надень пальто, ты же знаешь, твой организм сейчас не справится с холодом, — велит Роланд.

— Папочка, у меня палантин, — закатывает глаза Мелани. Так и держа на весу коробочку с бутоньеркой, она снимает этот самый палантин с крючка, куда повесила его именно на такой вот случай.

Они оба по опыту знают: если Мелани наденет

что-нибудь с коротким рукавом, Роланд потребует, чтобы она прихватила свитер; если спустится в свитере — будет совать куртку. Как выяснилось, единственный способ выйти из дома так, чтобы Мел не укутали на случай арктических холодов (каких в Портленде отродясь не бывало, а если бы вдруг они приключились, Мел все равно бы не замерзла), — это спуститься в прихожую как можно более неподготовленной.

— В десять, и ни секундой позже, — повторяет Роланд, не сводя глаз с Гарри.

— Да, сэр, — отвечает тот, не желая тратить время на споры: они и так уже опаздывают на танцы, а ведь надо еще заехать к нему и сделать фотографии. Он протягивает Мел руку. — Готова?

— Всегда готова, — отвечает Мелани, одной рукой берет Гарри под руку, а второй, в которой зажата коробочка с бутоньеркой, машет отцу.

(Прощание гораздо более окончательное, чем в этот миг понимает кто-либо из них, этот миг практически разграничивает их жизни на до и после, как и смерть Уильяма Монро, но зачастую понимание приходит с расстоянием, а прямо здесь и прямо сейчас никакого расстояния нет; есть только время, и оно не стоит на месте, секунда проходит за секундой, все ближе весна.)

— Пока, папочка, — весело прощается Мелани.

Роланд улыбается, его лицо смягчается, и на мгновение он кажется любящим отцом, так хорошо знакомым Мелани.

— Пока, моя принцесса, — отвечает он, наблюдая, как Гарри тянет ее из дома в холодный февральский вечер.

На крыльце они останавливаются, чтобы она накинула на плечи палантин, винно-красный, в тон платью, а потом идут к машине.

— Он знает? — тихонько спрашивает Гарри, как только они отходят достаточно далеко, чтобы их не было слышно.

Мелани качает головой.

— Не знает, и ты ему не говори. Ничего такого ему знать не нужно.

(В доме звонит телефон. Роланд Косгроув ответит на звонок, как только убедится, что машина Гарри отъехала, что его драгоценная девочка окончательно вверена чужим заботам. А пока он смотрит им вслед и жалеет, что пришлось ее отпустить. Жалеет, что эксперимент у него вышел такой непослушный и своевольный — не хочет стоять там, куда поставили. В этом-то и проблема, когда создаешь людей, хоть детей, хоть конструкты. Никогда-то они не слушают.)

— Твои врачи…

— Скажут ему, если обнаружат что-нибудь во время осмотра, — Мелани открывает пассажирскую дверь. Сама она водить не умеет. Отец не разрешал ей учиться: она частенько падает в обморок, это небезопасно. Мелани даже нельзя стоять в основании пирамиды — она боится из-за приступа кого-нибудь уронить. Если посадить ее за руль, жди беды.

Гарри как-то поучил ее на парковке перед универмагом «Таргет», и тот случай так их потряс, что оба решили больше не пробовать.

Мелани садится в машину. Гарри хмуро наблюдает за ней, потом садится на водительское место. В салоне уже гораздо холоднее, и он вздрагивает, пристегивая ремень.

— Ко мне, фотографироваться?

— Я же знала, с кем пойду на танцы, когда соглашалась, — улыбается Мелани.

Гарри поворачивает ключ в замке зажигания и выезжает на улицу. Улыбка на лице Мел сменяется серьезным выражением, таким серьезным, что ему становится не по себе, желудок медленно и гаденько сжимается. Так Мелани выглядела в тот день, когда сказала ему, что смертельно больна и без второй пересадки сердца умрет еще

до поступления в колледж и уж точно не сможет выйти за него замуж, чтобы жить вместе в замке. Так она выглядела в тот день, когда сказала, что ее определили в резерв в команде чирлидеров, разрешили надевать форму и приходить на матчи, но запретили соревноваться.

Если и есть на свете самый главный эксперт по выражениям лица Мелани Косгроув, то это Гаральд Марч. Всю жизнь он подмечал ее выражения и так хорошо изучил ее улыбку, что и сам вполне мог бы так улыбаться, поэтому Гарри знает: от этой серьезной мины добра не жди. Он хочет пошутить, снять напряжение, пока Мел не сказала что-нибудь ужасное, но не знает как. Не знает, что тут поможет. Ведь она смотрит так мрачно, а глаза у нее такие печальные.

— Гарри…

Он ударяет кулаком по рулю, и Мелани отшатывается, широко распахнув глаза от удивления.

— Прости, — выдавливает Гарри. — Прости меня. Я просто не могу… Нет. Мелани, ты не можешь. Не можешь. Только не сегодня. Знаю, рано или поздно ты это сделаешь, но на носу День святого Валентина, ты должна быть моей валентинкой. Мы вместе едем на танцы, и если ты собралась бросить меня, то вполне можешь

сделать это завтра, как нормальный человек, а не в моей машине, после того как взяла у меня бутоньерку. Прости, но ты просто не можешь. Я не буду тебя слушать.

— Я могу тебя бросить? — изумленно спрашивает Мел, будто никогда в жизни не представляла эти слова в таком вот порядке, будто Гарри только что рассказал ей что-то совершенно невероятное.

— Я машину веду вообще-то, — напоминает Гарри и так вцепляется в руль, что костяшки яростно белеют в полумраке. Он сжимает пальцы почти до боли. Он так и не выучился отпускать.

— Это вряд ли, — тон у Мел все еще немного отсутствующий, словно она обдумывает новую для себя концепцию. — В смысле, я, конечно, представляю, как умру у тебя на руках. Очень часто представляю, думаю, как это все будет выглядеть, в воображении я уже столько раз прослушала твою надгробную речь на моей могиле, что могу ее даже во сне процитировать…

— А давай не будем? Можно ведь устроить одно нормальное свидание, чтобы ты не расписывала, как я буду тебя хоронить? Особенно когда ты только что бухнулась в обморок на футбольном поле прямо у меня на глазах? Мелани, я боялся,

что ты умерла. Уверен был, что ты умерла.

— Ну да. Ты же у нас умный парень. Но вот это «я тебя брошу» — это ты вообще с чего?

Гарри ударяет по тормозам и сердито поворачивается к ней.

— В каком это смысле я умный парень? Что ты имеешь в виду?

— Я первая спросила. Гаральд, я не собираюсь тебя бросать. Я тебе еще во втором классе сказала, что выйду за тебя замуж, и, насколько я знаю, все до сих пор в силе, или было бы в силе, если бы последние два года мне не грозила неминуемая смерть. Я никогда тебя не брошу.

— Нет, ты просто от меня уйдешь.

— Только если у меня не будет другого выбора.

Гарри ничего не понимает. Насупившись, он снова смотрит на дорогу; в салоне теплеет.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Ты сказал, что был уверен, я умерла. Что ты видел?

— Ты мне помахала, побледнела, даже больше обычного, глаза у тебя потускнели. И закатились, а потом я сам очнулся на земле, и ты склонилась надо мной. Тревор сказал, ты потеряла сознание. Не шевелилась, и они решили… решили… — Он даже не может это выговорить. И снова ударяет

кулаком по рулю.

Гарри вовсе не из тех парней, которые дубасят бессловесные предметы, не способные дать сдачи, но прямо сейчас он в ужасном раздрае, этот раздрай в нем просто не умещается, поэтому лучше сделать хоть что-то, если это поможет ему встряхнуться, пусть даже немножко, просто чтобы можно было снова нормально дышать.

— У меня не было пульса, — говорит Мелани.

И это вовсе не похоже на простую догадку.

— Ага.

— Я хочу, чтобы ты успокоился и ехал ровно.

— А что ты?..

— Если не можешь, останови машину и высади меня прямо сейчас.

— Мелани, до школы больше мили. На улице темно и холодно.

— А я когда-нибудь боялась холода? — Мелани с вызовом смотрит на него.

Она такая бледная, что лицо ярко выделяется даже в полумраке салона. Мел похожа на привидение.

Это сравнение Гарри очень не нравится. Он гонит от себя эту ассоциацию.

Мелани меж тем не торопится напомнить, что сегодня пробежала от школы до самого дома,

будто ей опять тринадцать, будто она сильная и бессмертная и еще целый год остался до ужасающего откровения: ее жизнь — штука недолговечная и скоро закончится. В один прекрасный день мир проснется, а Мелани Косгроув — нет, точно так же, как когда-то не проснулись ее мать и сестра-близнец. Все они обречены.

Может, именно поэтому Мел и выслушала ту девочку, которая вломилась к ней в спальню, пусть даже и не поверила ни единому слову. Но она до сих пор не чувствует сердцебиения, а в машине очень душно. Хочется выйти. Выйти и броситься бежать, а не торчать в закрытом школьном зале, где не видно холодной зимней луны.

Вот-вот начнется весна, и в глубине души Мелани знает, что весной силы ее иссякнут. Она еще не понимает как и почему. Но поймет. Ей просто нужно время.

— Ладно, — говорит Гарри. — Я нормально еду. Видишь? Еду же.

— И будешь спокойно ехать, хорошо? Не станешь резко выворачивать руль, не угробишь нас, врезавшись в дерево, даже если тебе не понравится то, что я скажу?

— Мелани, — обиженно говорит Гарри. Она хорошо слышит его обиду, полным именем он

называет ее, лишь когда сердится или рядом ее отец. — Я хоть раз врезался в дерево? Ну честное слово, я думал, ты меня считаешь хорошим водителем.

— У меня действительно не было пульса. И до сих пор нет.

Машина слегка виляет. Гарри едва не потерял управление, но рядом нет деревьев, врезáться не во что, так что, видимо, слово свое он сдержал. Он выравнивает машину и смеется.

— Очень смешно, Мел. Должен быть пульс. Если бы у тебя не было пульса, ты была бы мертва.

— Ага. Очень смешно.

В клатче, красном в тон платью, звонит телефон. Мелани открывает сумочку, шарит среди флаконов с лекарствами.

— Это папа. Нужно ответить.

— Уже?

Отец Мелани вечно проверяет их во время свиданий, будто стоит оставить их наедине хотя бы на пятнадцать минут, и Гарри тут же кинется стаскивать с Мел одежду. Но все же он обычно дожидается, пока они доедут до места.

Приложив трубку к уху, Мелани заставляет себя улыбнуться. Отец поймет по тону, если она не улыбается.

— Привет, папочка! А что?.. Правда? Прямо сейчас? Ты уверен? — она замолкает, и эта тишина говорит Гарри о многом. Он уже такую слышал.

Но вот чего он не слышал — так это как пищит у нее в сумочке пейджер. Пейджер должен запищать, если Мел наконец подобрали донора. Гарри бы сбежал с собственного дня рождения, если бы ей подобрали донора.

— Хорошо, папочка, — отвечает Мелани и бросает телефон в сумочку.

— Едем назад?

Она молчит.

— Мел, отвезти тебя домой?

Мелани отворачивается к окну и смотрит на залитые лунным светом улицы. Пауза тянется тянучкой, а потом лопается. Мел что-то для себя решила. Только вот Гарри не знает, что именно.

— Остановись-ка, — просит она.

— Мелани, что?..

— Остановись, и я расскажу тебе все, что знаю. Все, что смогу. Или отвези меня домой, но, думаю, потом ты больше меня никогда не увидишь, — она поворачивается к нему. — Тебе решать.

Там, где начинается тропинка на обочине

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Гарри без раздумий сворачивает на обочину и притормаживает возле тротуара. Здесь он никогда раньше не останавливался: вокруг жилой квартал, дома совсем рядом — в машине не пообнимаешься, и от дома слишком далеко — Мелани не высадишь. Гарри ни за что бы ей не признался, но ему не нравится, когда она одна идет домой пешком, поэтому он старается по возможности ее подвозить. Может, с его стороны это самонадеянный шовинизм, он же знает, что Мел может за себя постоять, но он ведь встречается с умирающей девушкой. И может позволить себе чуточку гиперопеки.

Дождавшись, когда Гарри заглушит двигатель, Мелани поворачивается к нему и протягивает обнаженное запястье.

— Проверь у меня пульс.

— У меня в бардачке пульсоксиметр, — говорит

Гарри.

Отец Мелани потребовал, чтобы Гарри его купил, когда тот начал выезжать с Мел, мол, как бы ни сложилась ситуация, у них должна быть возможность проверить частоту сердечных сокращений и насыщенность крови кислородом. Использовали они пульсоксиметр лишь несколько раз, да и у Мел в сумочке обычно лежит такой же.

Даже в темном салоне видно, что на лице у нее облегчение.

— И ты уверен, что никто ничего с ним не делал?

— В каком смысле?

— Да или нет, Гаральд?

— Да, Мел, я уверен, что никто не взламывал мою машину только лишь для того, чтобы что-нибудь сделать с моим пульсоксиметром. Ты себя сегодня очень странно ведешь.

— Знаю, — она улыбается, и в полумраке накрашенные губы кажутся черными на фоне белой кожи. — Достань его и измерь мои показатели.

В этой модели датчик надевается на указательный палец; Гарри прилаживает его и нажимает кнопку. Такой маленький прибор нельзя использовать для точной диагностики, но погрешность

достаточно мала, так что его вполне хватает для подстраховки, чтобы в случае чего успеть обратиться за помощью.

Мелани молчит и ровно дышит, пока машинка творит свое волшебство. Где-то через полминуты пульсоксиметр пищит, Мел поднимает руку и показывает Гарри результат.

Насыщенность кислородом 100%, для нее это много — обычно около 95% при хорошем раскладе, а при плохом и того ниже. Если прибор показывает 90%, Гарри нужно немедленно везти ее домой. Если меньше 90%, надо сразу звонить ее отцу. Так уже дважды бывало, и оба раза Гарри вспоминает с содроганием. Так что 100% — хороший результат. Гарри он нравится.

Зато совсем не нравится частота сердечных сокращений. Если бы пульсоксиметр был чуть более навороченный, как та модель, что Мелани носит в сумочке, он бы, наверное, уже верещал вовсю, предупреждая о том, что что-то неладно. А что-то явно неладно, поскольку такой результат попросту невозможен.

— Не может у тебя частота сердечных сокращений быть на нуле, — сердится Гарри. — Тогда бы у тебя вообще не было пульса.

— Потому что прямо сейчас у меня его и нет, —

Мелани снимает с пальца датчик и протягивает пульсоксиметр Гарри. — Попробуй на себе.

Нахмурившись, Гарри надевает датчик на палец. Через полминуты прибор снова пищит: насыщение кислородом 98%, частота сердечных сокращений 62 удара в минуту. Чуть меньше, чем обычно, и это странно, учитывая, что его девушка минуту назад объявила ему, что она зомби. Но нынешним вечером все странно.

— Дичь какая-то, — бормочет Гарри.

— Дальше — больше, — почти радостно отвечает Мелани. Она открывает дверцу, выходит на улицу, и в машину тут же устремляется холодный ночной воздух. Неужели в феврале всегда так холодно? Гарри пробирает озноб.

Да, всегда. Он это знает. Просто никогда раньше так остро не ощущал.

Мелани не уходит далеко, не бросает его. Она захлопывает дверь и, уперев руки в боки, совершенно будничным тоном говорит:

— Ладно. Если ты за нами следила, а я думаю, что следила, то вот теперь я готова тебя выслушать.

— Ты меня чуешь, — проступив из теней возле ближайшей живой изгороди, отвечает девчонка, которую Гарри вроде бы видел сегодня вечером у

Мел во дворе. Невысокая, худенькая, в темноте и не разглядишь, но вот она улыбается — и улыбку видно отчетливо. — Это хороший знак.

— Я не почуяла тебя, просто поняла, что если уж ты вломилась ко мне в дом, чтобы рассказать свою сказочку, то наверняка и в школе нам засаду устроишь.

— Значит, если я тебе скажу, что меня здесь не было, пока ты не позвала, ты назовешь меня врушкой.

— Ага, — почти весело отвечает Мелани.

Гарри тоже выходит из машины и, прислонившись к ней, с опаской смотрит на девчонок.

— Никто не хочет объяснить мне, что происходит?

— А у тебя, Летний мальчик, должен быть собственный проводник, — отвечает малявка. — Не дело мне вмешиваться.

— Честное слово, никаких таких проводников я в последнее время не видал.

— Если ты можешь помочь мне, значит, можешь помочь и ему, — вмешивается Мелани. — Мы вместе. Он упал одновременно со мной.

— Но у него же до сих пор сердце бьется, так? — спрашивает девчонка. — А все потому, что он привязан к лету, а не к зиме. Он еще не мертв, а я

дух Зимнего асцендента. Ему я помочь не могу.

— Значит, и мне ты помочь не можешь, — Мелани поворачивается к машине.

Спина у нее напряженная, плечи расправлены. Гарри хорошо знает, что это означает. Такой Мелани становится, когда собирается во всю мощь продемонстрировать свое весьма немаленькое упрямство, которое поражало Гарри еще с тех времен, когда в детстве Мел у него на глазах переупрямила отца и заставила отвезти их в Диснейленд, хотя тот и утверждал, что это совершенно невозможно, что ее сердце не выдержит. Тогда она выбила себе Микки-Мауса. А сейчас выбьет то, что ей нужно, из этой девчонки. Гарри точно знает.

Видимо, девчонка тоже знает: не успевает Мел открыть дверцу, как она со вздохом просит:

— Погоди.

Вид у нее кислый, будто она совсем не так представляла себе этот вечер; логично, Гарри тоже представлял его совсем иначе. Они уже должны были доехать до школы, там он, наверное, налил бы Мелани пуншу, отвел бы ее на танцпол, из колонок звучала бы какая-нибудь полузнакомая песня. Видимо, для них обоих вечер складывается против ожиданий.

И для отца Мелани тоже. Никогда раньше Мел не проявляла такого непослушания. Доктор Косгроув чувствует себя неуютно и сам не может объяснить почему, будто земля чуть сошла с орбиты.

— Ты же вроде мне не поверила, — говорит малявка упрямо. До Мелани ей далеко, это Гарри видит сразу (он вообще никогда не встречал таких упрямых людей, как Мелани, а кого только он не встречал), но девчонка тоже не промах.

Гарри никогда не понимал, какой смысл вот так упираться. Он готов настоять на своем, если возникнет нужда, если это действительно важно, например, когда доктор Косгроув в очередной раз пытается уговорить его не перенапрягать Мел, имея при этом в виду, что именно их отношения и отправят ее на тот свет, тогда как они, наоборот, помогают ее удержать. Гарри всегда знал, что его одного мало, чтобы она осталась, как бы крепко он ни цеплялся, и, если временами он цепляется слишком самозабвенно, кто вправе его винить? Он не позабыл про все свои желания, став ее якорем, но время от времени пренебрегает ими, сублимируя то, кем он мог бы стать, из-за необходимости быть идеальным парнем. Таким идеальным, что она не умрет и никогда не

оставит его одного, и ему не придется выяснять, кем ему предназначено стать без нее.

Такой должна быть любовь? Гарри не знает. Но у него всегда была такая.

— Не поверила, — Мелани медленно поворачивается к девчонке. — Все, что ты понарассказала, в самый раз для психушки, и ты в этой психушке явно за главную. Но с тех пор, как я отключилась на футбольном поле, все очень странно, а когда я стала переодеваться для танцев…

На жуткую долгую секунду Мелани замолкает. И Гарри, как всегда, бросается ей на помощь:

— Кажется, мы не знакомы, а это забавно, поскольку я знаю всех друзей Мел и уж точно был бы в курсе, если б отец снова разрешил ей подрабатывать нянечкой. Ему эта идея никогда не нравилась. Мол, детишкам вредно, если нянечка вдруг упадет замертво, а мамы с папой рядом нет. А я…

— А ты Гарри Марч, — перебивает девчонка. — И тебе, знаешь ли, повезло. Не всякое Лето с самого начала оказывается так близко к своей Зиме. Некоторые вообще не ладят друг с другом. Прошлое Лето ненавидело свою Зиму. Меня-то на их коронации не было, но все говорят, что они невзлюбили друг друга с первого взгляда, и

чем дальше, тем хуже. С вами все будет иначе, я уже вижу. У вас будет настоящий двор, и вы не наплюете на свои обязанности.

Гарри хмурится.

— Значит, ты знаешь, кто я такой, и при этом несешь какую-то чушь; я вообще-то не против чуши: с недостойным собеседником разумно говорить — только понапрасну время тратить и зазря оттачивать остроумие, хотя слегка обидно, что меня так быстро списали со счетов, но я хотел бы знать, кто ты такая, если уж мы торчим тут посреди темной улицы и болтаем. Было бы вежливо представиться, не находишь?

— Знаешь, когда мне сказали, что я ближе всех и мне придется все это объяснять, то не предупредили, что у тебя пунктик на хороших манерах, — с веселым удивлением заявляет девчонка. — Можешь звать меня Джек.

— Это твое имя или ты себе взяла такое прозвище? По мне, и так и так хорошо (к примеру, Гарри — тоже не совсем мое имя, в свидетельстве о рождении написано «Гаральд»), но я уж точно никогда не встречал девчонок по имени Джек.

Малявка все с тем же веселым удивлением поворачивается к Мелани.

— Он всегда такой болтливый?

Мелани ласково смотрит на Гарри, уголки ее губ слегка приподнимаются — он обожает эту ее полуулыбку, это значит, она по-настоящему, без шуток рада.

— Не всегда. Когда-то же он спит.

Гарри хочется возразить. Но он молчит, ведь у Мелани на руках неопровержимые доказательства, а сейчас важно не препираться с ней, а выяснить, что же за чертовщина творится с этой нелепой девчонкой в этом странном месте. Ему уже мерещатся взгляды из окон соседних домов. Гарри откашливается, и обе девочки молча поворачиваются и вопросительно смотрят на него.

— Если не поторопимся, на танцы опоздаем, — говорит он.

И тут у малявки на лице появляется встревоженное выражение.

— Вам нельзя на танцы, — говорит она.

— Мы не сразу туда, — поясняет Гарри. — Надо сначала заехать ко мне. Родители хотят нас поснимать.

— Если она готова меня выслушать, — Джек тыкает пальцем в Мелани, — значит, что-то поменялось. Что-то сильно поменялось, и она поняла.

— Дело в моем отце, — говорит Мелани. — Он позвонил и велел, чтобы Гарри отвез меня домой.

Сказал, что пейджер сработал. Но у меня тоже с собой пейджер, и если бы кому-то из нас двоих и позвонили, то мне.

— Значит, он уже знает про Уильяма, — говорит Джек. — Черт. А я-то надеялась, раз Американский алхимический конгресс в разброде, новости дойдут не так быстро… Что ж, ничего не поделаешь, а раз ничего не поделаешь — то нечего и рассусоливать без особой нужды. Очень надеюсь, что тебе эти туфли нравятся, потому что других у тебя не будет.

— Что? — удивленно моргает Мелани.

— Ты не можешь вернуться домой и не можешь ехать на танцы. У вот этого парня должен быть собственный проводник, но я не чувствую поблизости свободных Джеков или Дженни, поэтому, видимо, придется еще чуток поотдуваться за двоих. Везет мне.

— Мел, садись в машину, — велит Гарри.

Лицо у Джек становится еще более встревоженным.

— Куда вы собрались?

— Сначала ко мне домой, фотографироваться с родителями, потом на танцы, — Гарри садится в машину, нарочито громко хлопнув дверцей, и ждет.

Мел нерешительно переводит взгляд с машины на Джек. Потом пожимает плечами, что-то говорит девчонке и садится на пассажирское сиденье. Дождавшись, когда она пристегнется, Гарри заводит двигатель и выруливает на дорогу.

— Что это все за фигня? — спрашивает он.

— Сегодня вечером она забралась ко мне в комнату. Когда я прибежала из школы.

— Когда ты сбежала, бросив меня на растерзание врачам из скорой? — Гарри качает головой. — Мои-то едва меня отпустили, очень волновались, что со мной что-то стряслось. Я их кое-как убедил, что это все обезвоживание, и они купились, хоть сейчас и февраль.

У Гарри с роду не бывало никакого обезвоживания, даже посреди лета, но все до единого тренера всегда очень переживали, словно обезвоживание жутким призраком неизменно преследует всех белобрысых парней. Пару лет назад это даже превратилось в шутку для своих: раз отбиться не удается — остается только смеяться. «Закончился изотоник? Ничего страшного, возьми у Гарри, он и не заметит».

— Неужели? — недоверчиво спрашивает Мелани.

— Ну да, врачи сказали, что я в порядке, а про

тебя я не хотел говорить, а даже если б сказал, вряд ли кто-нибудь поверил бы в синхронный обморок.

Телефон Мелани гудит (видимо, она отключила звук), снова и снова, привлекая к себе ее внимание. Почему-то гудение звучит зловеще, будто жужжит оса или трясет хвостом гремучая змея.

Гарри с тревогой смотрит на сумочку.

— Ты ответишь?

— Нет, и ты не отвечай.

И, словно услышав ее, телефон тут же замирает, и принимается звонить телефон Гарри. Гарри не хочет отвлекаться от дороги, но все равно оглядывается и вытаскивает мобильник из кармана. На дисплее отображается «Мистер отец Мелани, сэр» — Роланду эта шутка никогда не нравилась, но Гарри считает ее уместным напоминанием: разговаривая с отцом своей девушки, не забывай о вежливости, не пытайся заговорить ему зубы, как другим настырным взрослым.

Гарри бросает мобильник, будто тот его укусил. Никогда раньше Мел вот так не игнорировала звонки отца. Это был основополагающий закон с тех самых пор, как у нее (раньше всех) завелся телефон и ей позволили приносить его в школу из-за медицинских показаний. Если уж Мелани

хочет, чтобы ей разрешили хоть куда-нибудь и хоть когда-нибудь выходить без взрослых, она должна сразу отвечать на звонки отца. И неважно, что она в этот момент делает. Гарри видел, как она брала трубку во время контрольной, во время тренировки чирлидеров, во время свидания, когда ей совершенно определенно не хотелось разговаривать с отцом. Когда доктор Косгроув звонит, Мелани отвечает.

Он никогда не звонил Гарри, потому что не было нужды. Мелани всегда берет трубку.

— Что происходит?

Она не отвечает.

— Сначала ты говоришь, что у тебя пульса нет, потом из темноты появляется странный ребенок, а вот теперь ты не берешь трубку, когда звонит отец? Мел, это совсем на тебя не похоже, вечер получается гораздо более странным, чем я ожидал.

— Ты ему сказала, что у тебя нет пульса? — тихо, но с явным интересом спрашивает Джек с заднего сиденья.

Мелани взвизгивает. Гарри вопит во весь голос и ударяет по тормозам, машина резко останавливается. Совершенно не понятно, как малявка проникла в салон, но ремень она пристегнуть не потрудилась и потому летит головой вперед

между сиденьями, и лишь вовремя выставленная рука Гарри не дает ей вылететь прямиком через лобовое стекло.

Даже от мимолетного прикосновения к ней ощущение у Гарри такое, будто он сунул руку в ведро с ледяным крошевом, какое обычно образуется в лужах на подъездной дорожке в самый разгар зимы, — по всему телу разбегаются мурашки. Он гневно смотрит на девчонку, а та сконфуженно смотрит на него.

— Хм, извини, — она отлипает от его руки и забирается обратно на заднее сиденье. — Нужно было ремень пристегнуть, знаю. Не хотела тебя пугать.

— Ну да, раз, и все в порядке, — Гарри чувствует, как из горла рвется наружу шарик истерического смеха. — Странный ребенок, которого никак не может быть в моей машине, извиняется, что меня напугал, а у моей девушки нет пульса! Какой прекрасный обычный вечер! Чудо что такое!

— Я же извинилась, — сердится Джек. — Я могу быть в твоей машине, потому что она в твоей машине, а я могу быть везде, где она. И вот я здесь.

— Хрень какая-то, — бормочет Гарри. Он снова жмет на газ.

— И куда мы? — интересуется Джек.

— Мы — никуда, — огрызается Гарри. — Я и Мелани едем ко мне домой, чтобы родители поснимали нас перед танцами. Я билеты почти за два месяца покупал. Специально цветы заказывал. Мы едем на танцы, будем танцевать и совершенно точно не будем разбираться с этой твой странной хренотенью. Нам это неинтересно.

— Думаю, скоро станет интересно, — отвечает Джек. — Гораздо интереснее, чем ты думаешь.

— Что ж, один из нас ошибается, — парирует Гарри. — Давай-ка выясним, кто же это.

Машина едет вперед. Дорога — это вполне разумная штука. Она не разговаривает загадками, не появляется из ниоткуда, не игнорирует звонки отца. Дорога вполне нормальная.

— Гарри, — просит Мелани.

— Нет, — отвечает он почти весело.

— Гарри, мне просто нужно…

— Нет уж. Мы едем ко мне.

Ему все легче веселиться. Может, так и сходят с ума. А неплохо бы, да? Вот бы с ума сходили так, как показывают в кино и описывают в книжках, внезапно, без всякого перехода, и никаких тебе психологов и разговоров о том, что стремление на все отвечать шуткой свидетельствует о серьезном

детском расстройстве. Гарри пытался объяснить встревоженным взрослым, которые время от времени настырно вмешивались в его жизнь, что у него расстройство под названием «умирающая подружка», очень редкое заболевание, один из симптомов — просыпаешься иногда и чувствуешь, будто оказался в «Анатомии страсти», будто твою историю строчит озабоченный рейтингами придурок-писатель, который не верит ни в твое существование, ни в твою свободу воли, ни в твое право на самостоятельные решения. Гарри пытался объяснить, а они всё делали пометки в компьютере, мол, у него проблемы с восприятием реальности, он не понимает разницу между вымышленным и настоящим, так что Гарри уже давно распрощался с понятием «вменяемость». Если он наконец спятил, то и слава богу.

— Гарри, — голос у Мел сердитый. Он частенько такой слышал. — Мне надо, чтобы ты остановился и выслушал.

— Нет уж. У тебя была возможность объяснить все коротенькими понятными словами без всяких там телепортирующихся младшеклашек, но ты ею не воспользовалась, так что помолчи теперь немножечко, а я сосредоточусь на дороге.

Малявка никуда не делась с заднего сиденья,

Гарри слышит ее сопение, а значит, все происходит на самом деле, не исчезнет, если отвернуться, и ему это очень не нравится. Так отчетливо не нравится, что почти удивительно, на свете все должно быть устроено совсем иначе.

Мелани со вздохом кладет ладонь Гарри на предплечье, и он едва не отдергивает руку. Как и у малявки, кожа у Мел жутко холодная. Мелани всегда прохладная, но сейчас будто только что вылезла из холодильника, будто успела пожонглировать ледышками, когда он отвернулся. Но в отличие от малявки, ее прикосновение не похоже на ведро с ледяным крошевом. А похоже на…

На первую оттепель, когда зима отступает и близится весна. На пробивающиеся из-под снега подснежники, на капающие на карнизе сосульки. Оно ощущается как что-то правильное, и пусть Мелани всегда будто была специально создана для его рук, раньше она никогда не ощущалась так правильно.

И Гарри хочется остановить машину и обнять ее.

И Гарри хочется больше никогда к ней не прикасаться.

Кое-чего в Гарри Марче часто не замечают — он ведь весь из себя веселый рубаха-парень; кое в

чем он даже никогда не признался бы самому себе, удивился бы, услышав такое: в этом мальчике, уже почти мужчине, упрямства столько, что хватило бы на целое четырехполосное шоссе, точно как и в Мел. Нужно быть достаточно твердолобым, чтобы не пасовать перед каждым следующим взрослым, талдычащим (кто открыто, а кто злобно-заботливыми намеками), что лучше расстаться с девочкой, которую любишь, пока она не умерла у тебя на руках. Нужно иметь большую выдержку, чтобы знать наверняка, кто ты есть и чего хочешь, и быть готовым сразиться с целым миром и, если понадобится, с самой смертью, и все это в семнадцать лет.

Гарри не нравится, когда ему указывают, что делать, даже если речь идет о его собственных чувствах, и он не стряхивает руку Мелани лишь потому, что любит ее уже так давно, что как ее не любить — и представить почти невозможно. Он просто бросает на нее сердитый взгляд.

Но Мел либо не понимает намек, либо не разбирает выражение лица в темном салоне, потому что руку не убирает. И пальцы у нее не становятся теплее, вовсе нет.

— Почему ты не берешь трубку? — спрашивает Гарри. — Почему просишь, чтобы я тоже не

брал?

— Папа хочет, чтобы я прямо сейчас вернулась домой, — говорит она и наконец-то, какое счастье, убирает руку. — Говорит, ситуация экстренная.

— Может, так оно и есть. Экстренные ситуации могут случиться в любой момент. Потому они и экстренные.

— Голос у него был не такой, как в экстренной ситуации. Грустный, как будто ему не хочется мне это говорить, но он понимает, что надо. Я точно знаю, если ты прямо сейчас отвезешь меня домой, больше ты меня никогда не увидишь, а я больше никогда не увижу тебя; даже не знаю, что хуже.

Это одно и то же, и это не одно и то же, и Гарри молчит: что бы там у Мел ни происходило, шуточками он ей не поможет. Только не сейчас.

— Не знаю, откуда я это знаю. Просто знаю и все, — голос у нее тихий и несчастный, и на мгновение Гарри охватывает гнев на того, из-за кого у нее такой голос, но он сразу припоминает, что во всем виноват сам. Мел несет чепуху, поэтому он не выполнил ее просьбу, и она расстроилась.

Никто из них никогда не манипулировал другим, не добивался своего слезами или хитростью. Будто оба инстинктивно поняли задолго до того,

как научились облекать это в слова, что их отношения должны быть построены на честности, иначе ничего не получится. (С одной стороны, Гарри Марч и Мелани Косгроув гораздо старше, чем должны быть, они слишком быстро выросли, подвергаясь невероятному давлению. С другой, оба моложе, чем должны быть: ее всегда ограждал недуг, а его — богатство и уверенность. Оба знают, в чем им повезло, хотя то, в чем им не повезло, иногда кажется гораздо значительней.)

— Ее сезон подходит к концу, но все еще может говорить с ней, — поясняет Джек (Гарри, который уже почти позабыл о ней, резко распрямляется). — Она дольше во все это погружалась. С тобой твой сезон заговорит уже очень скоро. Остается надеяться, что до того мы сумеем отыскать тебе проводника. И лучше бы он мне понравился. Может, удастся найти ту Кукурузную Дженни, которая учила меня. Но вряд ли. Она бы наверняка уже была здесь, если б предназначалась тебе.

— Малявка, ты несешь какую-то дичь, — строго одергивает ее Гарри. — А мне надо, чтобы ты все объяснила понятно, причем прямо сейчас.

— Или что — выкинешь меня из машины? Что ж, удачки, — презрительно усмехается Джек.

Гарри решает рискнуть. Его немного коробит,

ведь это противоречит всему, что за последние десять лет стало почти второй натурой, но что есть, то есть.

— Я позвоню отцу Мелани и скажу ему, где мы, — говорит он.

Мел возмущенно охает. В ее сторону Гарри не смотрит. Все слишком странно, и ему нужно, чтобы стало понятнее, а уж потом можно разбираться, что делать дальше.

— Не позвонишь.

— Ты правда хочешь проверить?

Помрачневшая Джек долго молчит, а потом спрашивает:

— Если я тебе расскажу, что происходит, а ты решишь, что это чушь, все равно ему позвонишь? Потому что, если позвонишь, смысла никакого нет.

— Если я поверю, что ты рассказала все, что знаешь, не позвоню, — торжественно обещает Гарри.

Джек глубоко вздыхает.

— Тогда едем дальше, и я расскажу все, что смогу.

Гарри прибавляет скорости.

* * *

— Триста лет назад человека по имени Уильям Монро короновали, и он стал Зимним королем. Тут важно отметить вот что: во-первых, это произошло не случайно, и во-вторых, у него не было выбора. Как только претенденты на корону определены, они могут либо взойти на трон, либо умереть. В зависимости от времени года, когда происходит коронация, половина из них уже мертвы.

— Так, хватит, — обрывает ее Гарри. — Ты сказала, что объяснишь. А сама тут такого нагородила, что давай-ка все сначала.

Джек шумно втягивает воздух.

— Мелани мертва, — говорит она.

На этот раз Гарри не ударяет по тормозам. Удержаться непросто, но он продолжает спокойно вести машину.

— И поэтому она утверждает, что у нее нет пульса. Ты это хочешь сказать?

— Да, — соглашается Джек. — Ее сердце перестало биться в тот самый миг, когда остановилось сердце Уильяма Монро, а также приблизительно еще две дюжины сердец в Северной Америке. А он умер, как только его самолет раздавил женщину

по имени Диана Картрайт на взлетной полосе на аэродроме в Огайо. Диану короновали тогда же, когда и его самого, она стала Летней королевой, чтобы сохранялся баланс между их сезонами.

Гарри презрительно фыркает.

— К нам это никакого отношения не имеет.

— К вам это имеет прямое отношение, — угрюмо отвечает Джек. — Ты и Мелани — претенденты на корону.

— И что это значит?

— Это значит, что у вас времени до заячьей луны, чтобы получить короны, иначе Мелани снова умрет, на этот раз насовсем, а ты какое-то время еще поболтаешься без нее, пока не наступит холодная луна, а потом тоже умрешь. И в целом свете ничто не может вас спасти, кроме корон.

Сначала Гарри ненадолго теряет дар речи. А потом, к собственному невероятному облегчению и легкому удивлению, хохочет.

— О боже, вы вдвоем все это наверняка целую неделю придумывали! Мел, это же пранк такой? Ты подменила мой пульсоксиметр, наняла эту девчонку, у нее какой-нибудь пранкерский блог, наверное. Подарок на День святого Валентина — моя девушка решила меня разыграть. Солнышко, прекрасная получилась шутка. Если бы только

не такая нелепая, я бы наверняка купился.

Но Мелани не смеется. Мелани смотрит на него большими, полными слез глазами, будто его смех ее глубоко оскорбил. Гарри умолкает.

— Думаешь, я бы стала тебе врать про свое сердце? — спрашивает она едва слышно.

— Что?.. Нет, конечно, нет! Я знаю, как серьезно ты относишься к своему сердцу, знаю, просто… У тебя же должен быть пульс, ты не можешь быть мертвой. Мертвые девочки не наряжаются на танцы в честь Дня святого Валентина. Не пьют пунш и не целуют на прощание своих парней. Они вообще ничего не делают. Ты пытаешься приучить меня к мысли, что скоро умрешь и покинешь меня, я знаю, знаю, но это не значит, что я привык! Что когда-нибудь привыкну! Не может быть, чтоб ты была мертва, а значит, все это невозможно, потому что я ничего такого не допущу. Это все розыгрыш, и вовсе не такой забавный, как ты думаешь.

Впереди уже видны ярко освещенные окна дома, знакомые, приветливые, как и всегда. Хотя, возможно, света больше обычного, потому что входная дверь стоит нараспашку, но это глупость какая-то: в семье Гарри отопление включают с первыми признаками осени и не выключают до

самого лета. Мама всегда говорит, что не дело отапливать улицу, а папа смеется и отвечает, мол, почему бы и нет, ведь они могут себе позволить, и этот разговор начинается сызнова каждый раз, когда кто-нибудь вместо того, чтобы убавить температуру, открывает окно.

Почему дверь распахнута, становится ясно через мгновение: на крыльце стоит доктор Косгроув и, видимо, спорит с отцом Гарри, потому что оба возмущенно жестикулируют. Машина Косгроува припаркована в самом начале подъездной дорожки. Еще слишком далеко, но даже с такого расстояния Гарри видно, что папа взволнован — поза напряженная, весь на нервах.

Гарри жмет на тормоза. На этот раз не так резко, чтобы никто не улетел в лобовое стекло, и, может, благодаря этой предосторожности, а может, в силу горького опыта, Джек остается на заднем сиденье.

— Ого. Быстро он сюда добрался, — удивляется она.

— Мы живем довольно близко, — губы у Гарри почему-то онемели. — Я раньше ездил к Мелани на велосипеде, еще когда у меня машины не было. Мел, что твой отец тут делает?

— Не знаю. Я ждала, что он разозлится, потому

что я не беру трубку, но не думала, что он поедет к Гарри.

Ее мобильник снова гудит. На этот раз понятно, что это не отец — вот он стоит на крыльце, и телефона в руках у него нет, поэтому Мелани берет трубку и смахивает пальцем по экрану. Выслушав, широко распахивает глаза. Теперь видно, что на ней тональник: щеки бледнеют лишь чуточку — на настоящую бледность не похоже, но Гарри сразу же понимает, что кровь отхлынула у нее от лица.

Она тихонько ойкает.

— В чем дело? — спрашивает Гарри.

— Когда мы сегодня оба упали прямо на футбольном поле, Кристина все это засняла, запостила в «Инстаграме», кто-то увидел, и теперь это видео в местных новостях. Повсюду. И все его уже видели, — Мелани роняет мобильник на колени и невидящим взглядом смотрит вперед. — Папа видел. Он знает, что я тайком уходила из дома.

— Он знает, что ты умерла, — голос у Джек тихий, встревоженный, она почти в панике. — Надо ехать.

Мелани поворачивается к ней, непонимающе моргает.

— Но это же мой папа, — говорит она, будто

боится, что Джек не поняла. — Он, наверное, с ума сходит от беспокойства. Поэтому так странно себя и вел.

— Я не первый Ледяной Джек, который пытался до тебя добраться, — торопливо поясняет Джек. — На самом деле, уже десятый.

— Что? — Мелани снова удивленно моргает.

— Ледяной Джек? — этот нелепый факт цепляет внимание Гарри гораздо сильнее, чем все остальное. — В каком смысле Ледяной Джек?

— Боженьки мои в небесах, под землей и еще черт-те где, дайте мне только выяснить, почему твоей Кукурузной Дженни здесь нет, и, если окажется, что из нее еще не понаделали попкорна в каком-нибудь кинотеатре, я ее сама на попкорн пущу, — стонет Джек. — Нет у нас на это времени. Нужно убираться отсюда. Можешь наконец прекратить этот балаган и просто нажать на газ?

Гарри сомневается. Ему не хочется уезжать, когда его отец ругается с отцом Мелани, хочется подойти к ним, пошутить, разрядить обстановку, как он обычно делает и делал всегда. Но у Мелани во взгляде такая тревога, и он совсем не понимает, почему она так спокойно все воспринимает («Разве что сердце у нее и правда остановилось», — шепчет тихий предательский

голосок где-то в глубине души, этот голосок он слушать не хочет; в это легко было бы поверить, увидев неопровержимое доказательство), но Гарри точно знает, что нужно во что бы то ни стало разогнать ее тревогу.

Поэтому он дает задний ход, машина выбирается на улицу и едет прочь.

Почему-то больше всего это похоже на побег из дома.

Спящая красавица

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

В тот самый миг, когда останавливается сердце Уильяма Монро, останавливается и сердце Мелани Косгроув. Словно переключили рубильник — одно явление моментально приводит к другому. Но тогда же происходит и кое-что еще. Если бы не это, история вышла бы гораздо короче и гораздо приятней.

В тот самый миг, когда прекращает биться сердце Мелани, начинает биться другое.

Поначалу медленно, после каждого сокращения мышц следует малюсенькая пауза, но скорость быстро увеличивается, и вот уже сердце бьется ровно, и появляется что-то новое. Проходит несколько минут *(мертвая Мелани остывает на футбольном поле),* и владелица вновь забившегося сердца делает первый за семнадцать лет прерывистый вдох.

Еще спустя мгновение Мелани открывает глаза, в ее груди все так же тихо, и с ней вместе

открывает глаза и вновь пробудившаяся к жизни девочка. Она моргает, над ней темный потолок, затянутые паутиной балки, комната больше похожа на подвал и служит почти для тех же целей: она располагается под землей, попасть в нее можно только через специальную узкую дверцу, и хранится в ней то, о чем следует забыть. И девочка здесь хранилась. Очень-очень долго.

Вместе с пониманием концепции времени медленно приходит и другое осознание: когда она дышит, ее тело втягивает воздух. У нее есть тело, ее собственное, только ее и больше ничье, и девочка велит этому телу сесть и оглядеться. Мышцы слушаются неохотно, они привыкли к покою и неподвижности, и девочка вообще сочла бы чудом, что они ей подчиняются, если бы лучше понимала свои ограниченные возможности.

Она осознает, что сидит посреди неглубокого бассейна, полного теплой солоноватой жидкости, цветом напоминающей грязь, скапливающуюся на дне фонтана. В жидкости плавают зеленобурые водоросли, и пахнет от нее дрожжами и подкормкой. По рукам течет, с волос капает, девочка оглядывается, пока не очень понимая, что́ перед ней, пока не в состоянии понять.

В этом подвале, который вовсе и не подвал,

вдоль стен выстроились стеллажи, и на них стоят странные предметы, она не знает их названия и назначение. Мензурки и флаконы с непонятным содержимым, стеклянные банки и пакетики со странными травами и порошками и даже коробочки с камнями (одни мелко покрошены, другие ждут своей очереди возле огромной ступки с пестиком на одном из рабочих столов).

К одной стене прислонено зеркало. Как только сидящая в неглубоком бассейне девочка его замечает, ей сразу смертельно хочется в него заглянуть; так цветок тянется к солнцу. Она встает, но ноги, которые никогда раньше этого не делали, в ответ на такую гнусность немедленно подламываются, и она, взмахнув руками, падает на пол, словно куль.

С мгновение девочка лежит, раскинув руки-ноги, и пытается отдышаться, ее одолевает ненависть к непонятной силе, которая сотворила с ней такое. Мысль о том, что ненавидеть силу тяготения не слишком разумно, придет не сразу, а когда все-таки придет, девочка укрепится в своей ненависти, потому что, кроме ненависти, у нее ничего и нет.

При падении выдернулись трубочки, подсоединенные к ее рукам и спине, и теперь на пол

капает не только темная солоноватая жидкость. Девочка не испытывает боли ни из-за трубочек, ни из-за падения. Боль настигнет ее позже, когда она лучше осознает свои собственные границы. Многое настигнет ее позже. А здесь и сейчас она отталкивается руками от бетонного пола, смазывая начерченные мелом и углем линии (большой узор под ними не размазывается, ведь он нарисован краской, а эти временные пометки не были рассчитаны на подобное надругательство), и встает наконец на ноги, ноги дрожат, грозя снова ее уронить.

Но девочка им не позволит. Впервые в жизни она стоит прямо и твердо, являя собой живое доказательство алхимического искусства. Но не всякое доказательство во благо. Не всем памятникам предназначено стоять.

Она делает один неверный шажок, другой, подходит к зеркалу и впервые в жизни видит себя.

Она высокая и красивая; кожу можно было бы счесть абсолютно белой, если бы не контраст с липнущими к плечам и спине волосами, мокрыми и перепачканными в зеленых водорослях, — вот они-то точно абсолютно белые. Белые, словно кость, словно отбеливатель, словно свежевыпавший снег. На бледном лице жутко выделяются

красные губы, глаза голубые-преголубые, девочку можно было бы назвать красавицей, не будь она такой ужасной. Это призрак девочки, а вовсе не девочка.

Ей семнадцать, и она лежала мертвой с самого своего рождения, и вот теперь смотрит в зеркало на собственное отражение и понимает вот что:

Во-первых, быть живой чудесно, она желает быть живой. И желала всегда, хотя вплоть до настоящего момента не подозревала, что вообще чего-то желает.

Во-вторых, когда-то у нее была сестра, с которой они вместе обитали в утробе, в покойной тишине, когда не было еще ничего. И каким-то образом сестре удалось в силу случайности, стечения обстоятельств или какой-то гораздо более жуткой причины освободиться и жить в этом мире, как настоящему человеку. Будто у нее было право жить, когда ее сестра, *сестра,* умерла.

И в этот миг девочка в подвале понимает, что ненавидит не только силу тяготения, но и девочку, чьего имени не знает, девочку, представление о которой может составить лишь по ее отсутствию.

Она не знает, где находится, не знает собственного имени, не знает, как будет выбираться

отсюда, зато знает, что умеет стоять и ненавидеть, знает, что в эту самую секунду этого ей вполне достаточно.

У нее будет жизнь. Даже если придется забрать ее у кого-то другого.

Девочка поворачивается кругом, оглядывается, пытаясь понять то, что для нее не имеет смысла, что ей никогда не суждено было узнать. И тут раздается щелчок, что-то (только сейчас она понимает, что это дверь) отворяется, и появляется юноша.

На вид он старше нее, высокий, сухопарый, но смуглый. Он видел солнце, этот мужчина, этот мальчик, и она ненавидит его за это. С каждым разом ненависть испытывать все проще, только эту эмоцию она пока и осознает, медленно разбираясь в том, кто и что она такое. У нее есть границы, это девочка знает, ограничения, но ей также свойственен невинный детский солипсизм, простодушная неспособность смотреть хоть на что-нибудь без оглядки на себя.

Девочку можно было бы назвать чудовищем, если бы она знала, что такое чудовище. Прямо здесь и сейчас она едва знает, что она есть, и знает точно, что она ненавидит.

— Привет, — говорит мальчик. — Ты, видимо,

Авен.

Это имя ей не знакомо — она никогда его раньше не слышала, но все равно его знает, где-то глубоко внутри, потому что как только мальчик его произносит, сразу становится ясно: он прав, она действительно Авен и, значит, должна быть Авен, должна быть той, кто она есть. Других вариантов нет. И ненависть к мальчику усиливается, ведь он отнял у нее тот миг, когда она могла быть кем угодно, превратил ее в кого-то определенного, в человека, для которого действуют правила и ограничения. Авен стала более вещественной, чем мгновение назад, и это нечестно. Совсем нечестно.

— Я Тревор, — он делает несколько шагов к ней, по всей видимости, не осознавая, какая ему грозит опасность. Демонстрирует пустые ладони. Авен не знает, почему это важно, но это важно. — Я твой Кукурузный Дженни. Знаю, очень глупое имя, но не я его выбрал. Не понимаю, почему остальные сезоны зовут Джеками, а мне досталось единственное девчачье имечко, но неважно. Я помогу тебе пройти лабиринт. Помогу одержать победу.

Авен нравятся его слова. Нравится выражение «одержать победу». Тревор говорит, и каждое сло-

во будто отмыкает дверцу: на Авен обрушивается водопад из фактов, которые она уже знает и понимает. Она не набрасывается на него. Пока нет.

— А когда ты победишь, я, Летний асцендент, буду всегда сидеть по правую руку от тебя, и мы сделаем так, что все остальные не посмеют бросить нам вызов, — он улыбается, но улыбка выходит невеселая. — Если правильно разыграем карты, ты даже сможешь править вместе со своей сестрой.

Сестра… Да. Авен помнит, у нее была сестра, волосы у нее такие же черные, как мгла в углах этой комнаты, а сердце билось в унисон со вселенной, его звук наполнял и определял все, а потом все забрали, и это было безумно и больно.

Авен хочется увидеть сестру.

Растолковать ей, почему не следовало вот так вот исчезать.

Медленно ее губы растягиваются в улыбке, она улыбается загорелому мальчику, которого ненавидит всем сердцем, но послушает, пока послушает. А Тревор, которому невдомек, в какой он опасности (а может, ему плевать), улыбается в ответ.

Объяснение

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Только у самого дома Мелани Гарри вдруг понимает, куда едет, повинуясь привычке, сформировавшейся так давно, что руки все делают сами. Он в тревоге оглядывается на Мел:

— Прости. Можем поехать куда-нибудь еще, если надо… Прости.

— Нет. Нет, это нам подходит, — возражает Джек. — Мы знаем, где сейчас ее отец. Наверное, это первый и последний раз, когда можно безопасно войти в их дом.

— В смысле, безопасно? — спрашивает Мелани. — Это мой дом. Он мой отец. Конечно, я могу безопасно туда войти.

— Тогда почему он сейчас у Гарри — орет на его родителей? — парирует Джек. — Мелани, думай головой. Знаю, ты умеешь. Ты умная девочка, когда не накачиваешься лекарствами, чтобы пульс не скакал.

Мелани не отвечает, и Гарри понимает, что эта

колючка попала прямо в цель. Из-за некоторых лекарств, которые Мел пьет, чтобы не умереть, она медленнее соображает, поэтому он вечно волнуется, как бы случайно не воспользоваться ее слабостью: к примеру, задашь ей какой-нибудь вопрос, и еще вчера он прозвучал бы нормально, а сегодня бог весть. Мел ненавидит свои лекарства. Ненавидит это ощущение — будто она ничего не понимает, а Гарри ненавидит то, как из-за лекарств тускнеет ее взгляд. Но очень рад, что благодаря им Мел по-прежнему с ним.

Впервые за сегодняшний вечер он вдруг понимает, насколько четко, с тех пор как он забрал ее из дома, она реагирует, насколько присутствует в моменте. Мел несет невероятную чушь, и вся ситуация нелепа, но она вовлечена в нее так, как редко с ней бывает. Она вся здесь. Что бы ни происходило, нужно быть благодарным хотя бы за это.

— Он просто волнуется за меня, потому что новости посмотрел, — голос у Мел неуверенный, и Гарри понимает: она сама в это не очень верит. Это неправда.

— Ну да, конечно, — говорит Джек. — Именно поэтому все последние десять лет он не давал нам к тебе приблизиться. Ты же не думала, что

я первая такая? Мы много лет пытались с тобой связаться, с тех самых пор, как ты впервые соприкоснулась со своим сезоном. И все до единого Ледяные Джеки до меня, которые к тебе приближались, исчезали. И я бы к тебе не сунулась, если б могла противиться притяжению Зимы, пытающейся проявиться.

— Ты все время сыплешь какими-то словечками, которые мы вроде как должны понимать, но совсем не обязательно понимаем, — Гарри тормозит перед домом Мелани. Машину сразу заметит всякий, кто проедет мимо. Если они и правда не хотят сталкиваться с доктором Косгроувом, если это и правда так важно, как утверждает странная малявка, времени у них в обрез. — Мелани, если ты собралась домой, давай.

— Я скоро, не глуши мотор, — Мел целует его в щеку и, выскользнув из машины, удивительно проворно бежит на своих каблучках к парадной двери.

Дождавшись, когда она откроет дверь и скроется внутри, Гарри поднимает голову и смотрит в зеркало заднего вида прямо на Джек.

— Ладно. А теперь кончай нести странную чушь, кончай изъясняться загадками, кончай пудрить мне мозги. Ты скажешь, что происходит,

и скажешь прямо сейчас, иначе хуже будет.

— Хуже — это как? — девчонка сердито складывает руки на груди. Гарри явно не очень-то ей нравится, и это его вполне устраивает, поскольку чувство более чем взаимно.

— Я тебя выставлю из машины и двери запру, чтоб обратно не пролезла. А потом отвезу Мелко мне, чтобы ее отец убедился, что с ней все в порядке. Не знаю, что у нее с сердцем, зато точно знаю: если пульсоксиметр не фиксирует пульс, что-то неладно.

Гарри и сам не понимает, с чего вдруг так долго шел на поводу у этой девчонки, ну правда.

Может, потому, что после ухода Мелани в машине быстро теплеет, а еще потому, что его бутоньерка по-прежнему цветет, чуть ли не листья новые выпускает, но, наверное, это старые листья, просто из-за цветов их было не видно. Срезанные цветы не растут.

— Хорошо, — соглашается Джек. — Ты не так расположен верить мне, как она, потому что я не принадлежу тебе так, как принадлежу ей. Хотела бы я знать, где пропадает твоя Дженни. Она уже должна быть здесь.

Гарри молчит, хмуро смотрит в зеркало заднего вида и ждет.

Джек, поняв, что разжалобить его не удастся, глубоко вздыхает.

— Меня зовут Джек. Это ты уже слышал.

— Никогда раньше не встречал девчонок по имени Джек.

— Мои родители тоже. Они дали мне совсем другое имя, но, когда я получила эту должность, помимо прочего мне пришлось расплатиться и именем. Я дух Зимнего асцендента. Мое существование не похоже на существование обычного человека, больше нет, я отказалась от всего того, чем была, чтобы стать тем, кем мне суждено было стать.

Гарри страшно хочется развернуться и сердито уставиться ей в глаза, но он сдерживается.

— Что ты такое несешь?

— Тебе никогда в голову не приходило, что некоторые штуки на самом деле больше и меньше, чем кажется со стороны, причем одновременно? Идеи, которые ощущаются как люди. Люди, которые ощущаются как идеи. Людям страшно нравится мыслить антропоморфно, и тому есть причина, поскольку так устроена вселенная: если достаточно много людей будет достаточно долго и упорно думать, что что-то устроено определенным образом, реальность подстроится, — Джек

говорит так искренне, с такой безусловной убежденностью, что Гарри почти готов позабыть, что все это безусловная чушь. — Давным-давно люди решили, что у сезонов есть лица. Решили, что сезоны — такие же люди, как они сами, и стоит только умаслить Лето — получишь урожай получше, а если умаслишь Зиму, не замерзнешь в своей постели.

— Расскажи об этом глобальному потеплению, — фыркает Гарри.

В зеркале видно, как еще больше мрачнеет лицо Джек.

— Здесь отчасти и кроется проблема. Но, понимаешь ли, все те люди в далекой древности, они так много думали о том, что сезоны — такие же люди, что стали выбирать людей, которые эти сезоны представляли. Их называли вре́менными королями и королевами, отдавали им все, чего бы те ни пожелали, а потом убивали ради всех остальных. Кровь на снегу, кровь на ячмене и прочая старая добрая хрень.

— Но это же варварство, — ужасается Гарри.

Джек пожимает плечами.

— Времена были варварские. Ну и в конце концов королей и королев перестали убивать, идея о воплощенном сезоне превратилась в нечто сим-

волическое, в забаву для малышей. И вот тогда стали появляться люди вроде меня, асценденты. Я не Зима во плоти и никогда не смогла бы ею стать, даже пожелай я себе такую работенку, хотя кто в здравом уме бы ее пожелал. Работенка-то дрянная. Но я связана с Зимой во плоти. Если Мел, твое ядовитое яблочко, получит корону, я буду принадлежать к ее двору, как и все остальные Ледяные Джеки на свете — а нас гораздо больше, чем вас. Сотни, а может, и тысячи, ведь, куда бы ты ни отправился, сезоны везде разные.

Гарри живет в Портленде в штате Орегон, где климат определяют морские ветра, а горы стеной загораживают небо, он хорошо знает, что достаточно всего час проехать на машине, и погода может совершенно измениться. Но все равно хмурится.

— Так ты имеешь в виду, что Мелани… моя Мелани — одна из ваших?

— Не совсем. Мелани — одна из претендентов, которые могут стать воплощением Зимы для этого континента. Воплощения встречаются гораздо реже, чем асценденты. Корон всего семь, и каждая в каждый конкретный момент времени может принадлежать только одному человеку. В нашей местности недавно умер Зимний король,

и Мелани — одна из тех, кто может его заменить.

— Ты же сама понимаешь, насколько нелепо все это звучит.

— Ага, как ни печально, понимаю, и в том числе поэтому меня послали разъяснить ей, что происходит. А я до сих пор не знаю, куда запропастилась чертова Дженни.

— Я знаю несколько Дженни, но все они сейчас на танцах, а мы нет.

Дверь отворяется, и на улицу выходит Мел.

Платья на ней уже нет, и Гарри от этого чуточку грустно, хотя он понимает, почему она переоделась. Джинсы, обычная рубашка и его свитшот с логотипом школы гораздо удобнее, если уж они собрались сбежать из дома (но все это нелепо, они не сбегают из дома, поверив на слово странной малявке, которая до сих пор не может хоть сколько-нибудь внятно что-нибудь объяснить; это было бы нелепо, пусть они и подростки, но, хоть подросткам и дозволяется иногда совершать глупости, они стараются не поступать нелепо, Мелани — потому что заботится о своем здоровье, Гарри — потому что не хочет волновать родителей), и, хорошо зная Мел, он уверен, что в болтающемся на ее плече рюкзаке лекарства, еда и другие необходимые вещи.

— Я говорю не про какую-то Дженни, а про твою Дженни, — голос у Джек снова встревоженный. Как будто, увидев Мелани, она вспомнила о времени. — Я Ледяная Джек и принадлежу Зиме. А тебе должна была достаться своя Кукурузная Дженни. В наших краях это пожилая дама, которая служит уже невесть сколько лет. Она бы все растолковала тебе гораздо лучше меня, к тому же она знает Лето, а я нет. Наверное, сумела бы все объяснить, не знаю, да хоть через тот же футбол, чтоб ты понял. А мне лишь остается надеяться, что ты так увлечен моей мертвой начальницей, что будешь меня слушать.

— Она не мертвая, — отвечает Гарри.

— Прямо сейчас мертвая, но ей не обязательно оставаться такой. Вам двоим не обязательно, не все время. Если просто меня послушаете и постараетесь продвинуться дальше, чем другие… если первыми получите короны, ей не придется оставаться мертвой. Не насовсем.

Гарри сжимает руль и смотрит на шагающую по газону Мелани.

— Давай поподробнее.

Просунувшись между сиденьями, Джек говорит:

— Сезонные короли и королевы именно что

сезонные. На три месяца в году они умирают. Мы отмеряем пробуждение и смерть с помощью лун, поскольку календарь не всегда соответствует сезонам. Для Мелани это значит, что при цветочной луне она умирает и спит, пока светят луна роз и сенокосная луна. А с восходом кукурузной луны просыпается. Ослабевшая после долгого сна, но живая. Рядом с тобой.

Джек знает, чего он боится; Гарри понимает это по тому, как она повышает голос на последней фразе, делает паузу, чтобы до него дошло.

Мелани почти добралась до машины.

— Разумеется, так происходит и со вторым правителем. Вы проведете три месяца вместе, а потом, когда взойдет холодная луна, ты умрешь и проспишь всю зиму. Она будет править одна, а ты проснешься в начале весны.

— Шесть месяцев в году, — ошарашенно говорит Гарри. — Вот что ты нам предлагаешь. Это не жизнь. Просто долгие каникулы.

Мелани открывает дверцу и усаживается на пассажирское сиденье, лицо у нее встревоженное. Гарри хмурится.

— Мел? Что стряслось?

— Если не считать того, что я только что ограбила собственный дом? — Она прижимает рюкзак

к груди. — Там внутри телефон не умолкал ни на секунду. Не мобильник — стационарный. Звонил и звонил, потом включался автоответчик, звонивший вешал трубку, потом снова звонок, и снова, не знаю, был ли это один и тот же человек, но я перепугалась. По этому телефону звонят только папины коллеги, а мне не нравится, когда они звонят.

— Почему? — спрашивает Гарри.

— Не знаю. Иногда они сначала звонят, а потом приходят к нам и… Мне от них не по себе, — Мелани нервно пожимает плечами. — Приходила одна женщина, доктор Барроу, всего пару раз, и мы ее уже почти год не видели. Она так на меня смотрела, будто я научный проект. Мне это не нравится.

— А отцу ты говорила? — уточняет Гарри.

Мобильник Мелани снова гудит, и опять нельзя брать трубку. Но она все равно смотрит на экран и морщится.

— Отцу… Он же мой отец. Что я ему скажу — чтобы не встречался с коллегами, потому что у меня от них мороз по коже?

Мелани — девочка-подросток, которую снедает недуг и которая знает о своей красоте. Это не чванство, Мелани вполне способна кичиться

своими результатами, своей работой, своими достижениями, но она никогда не желала (да ей и не надо было) превращать в оружие свою внешность, ведь, сколько она себя помнит, у нее всегда был Гарри; пусть внешность и сыграла тут свою роль, Мелани рядом с ним не всегда была красивой. Ее красота — просто факт, который следует знать, когда живешь на свете.

Когда кому-то кажется, что красивая девушка гораздо красивее, если не знает о собственной красоте, этот кто-то хочет воспользоваться красивой девушкой, не осознающей опасности, а у Мелани нет на это времени. И никогда не было. Так что она знает, что красива, и знает, что коллеги отца смотрят на нее как на научный эксперимент, знает, что ей это очень неприятно, хоть и трудно объяснить словами, в том числе и потому, что их взгляды никак не связаны с ее внешностью. Если бы они смотрели так, как смотрят мальчики в школе или как смотрел учитель математики в девятом классе, Мел бы поняла. Не обрадовалась бы, но поняла, и, возможно, ей стало бы спокойнее.

Но те люди смотрели на нее как на вещь, которую хочется заполучить и разобрать на части, как на незаслуженно доставшуюся другому иг-

рушку, и от этого у Мелани мурашки по спине, никто другой в жизни на нее так не смотрел, поэтому она не может сколько-нибудь внятно это объяснить. Ни отцу, ни Гарри, ни вообще кому бы то ни было. Пока сама не поймет, не сможет втолковать другим, и это противно.

— У меня есть все, что нужно, — говорит она. — Гарри, мы заедем к тебе, чтобы взять все необходимое?

— Необходимое для чего?

— Ну ты же не настолько дурак, — Джек смотрит на него, просунув голову между сиденьями. — Знаю, тебе нравится прикидываться дурачком, строить из себя клоуна в школе, вот это вот все, но ты не дурак. И никогда им не был. Сегодня Мелани умерла. Если отец ее сцапает, конец игре, мы не выиграем наш сезон, и вас не коронуют, а если вас не коронуют, ты тоже умрешь.

— Как это все устроено? Попробуй объяснить, как в футболе. Самыми простыми словами, какие только знаешь. И нет, Мел, ко мне мы не поедем. Там можно прихватить кое-что полезное, но, если уж мы, как идиоты, сбегаем из дома, я не буду так подставлять своих — чтобы они стали последними, кто видел нас живыми. Это верный способ угодить в вечерние новости и притом в

самом плохом смысле.

На заднем сиденье Джек со вздохом закрывает лицо рукой. Все было бы гораздо проще, если бы, как и положено, к Гарри явилась его Кукурузная Дженни. Ему нужен проводник. Сама Джек не в том положении, чтобы с ним беседовать. Мелани естественным образом расположена ее слушать, видит в ней друга или хотя бы не врага. Джек не смогла бы предать воплощенную Зиму — с таким же успехом можно руку себе отрубить. А вот Гарри смогла бы. Она слыхала, что асценденты так поступали: если им казалось, что их претендент сошелся не с тем человеком, они подстраивали все так, чтобы тот выбыл из состязания.

Но все это истории про другие континенты или далекие времена, когда в Северной Америке еще умели устраивать коронации. Вот уже три сотни лет асценденты отчаянно ждали перемен, и за это время некоторые правила перепутались или позабылись.

Джек единственная в машине знает, что происходит, но совершенно не ведает, что творит.

— Ты в футбол играешь, да? — спрашивает она с отчаянием в голосе. Гарри кивает.

Следить за ним никогда не входило в ее обязанности: последний год Джек изучала свою новую

роль во вселенной и Мелани Косгроув в надежде, что коронация все-таки приключится на ее веку. Но никак не рассчитывала, что это будет так скоро. Никто не рассчитывал.

Три сотни лет Уильям Монро держал весь континент железной хваткой, погрузил свою королеву в зачарованный сон, наплевав на вред, который это причинило миру. Такого не должно было случиться. Джек не должна была достаться эта работенка. Все те, кто знал систему, знали и то, что Мелани, пусть и идеальная сторонняя претендентка, до коронации точно не доживет. Это было просто невозможно.

И вот она здесь, и все они тоже, и все происходит на самом деле. И Джек придется с этим разбираться.

— В футболе у каждого игрока своя роль, да? — Гарри снова кивает, и Джек чуть выдыхает, самую капельку — метафора подобралась удачная. — Представь, что ты играешь в футбол одной большой командой, которую нужно разделить пополам, чтобы были разные стороны. Это ты и Мелани.

— Что? — голос у Гарри чуть встревоженный. — Мы не в разных командах. Мелани в моей команде.

— Да, это все одна большая команда, которая иногда играет против себя самой. Тебя и Мелани пробуют на позицию квотербека для двух половинок этой команды. Команда будет играть лучше, если вы двое поладите, но, если не поладите, тоже худо-бедно сыграет. Просто не так слаженно и хорошо. Вам труднее будет одержать победу, когда будете играть против других команд. Улавливаешь, о чем я?

— Не совсем, но да, конечно, — мрачно отвечает Гарри.

Снова жужжит мобильник Мелани. Она смотрит на экран и морщится. Потом кладет руку на локоть Гарри.

— Наверное, надо ехать, — ласково предлагает она, и Гарри заводит двигатель и выезжает на улицу.

— Куда мы? — спрашивает он.

— Не знаю, — отвечает Мел неохотно. — К тебе мы вернуться не можем, в школу не можем, иначе попадемся отцу, не знаю.

О таком вот вечере Гарри мечтал с того самого дня, как ему выдали ученические права, а папа вручил в качестве подарка на день рождения ключи от машины. Все это время Гарри желал лишь одного, и это желание тихо и неумолчно

преследовало его: посадить Мел на пассажирское сиденье и уехать. Просто уехать, подальше от родителей, учителей, докторов, больниц, увезти ее куда-нибудь, где они будут счастливы, а Мел будет здорова, где у них начнется жизнь, которую они не осмеливались планировать вместе. Предел его мечтаний. Гарри всегда знал, что это невозможно, что неправильно даже так сильно этого желать. И вот он увозит Мел, поверив незнакомой малявке и неисправному пульсоксиметру.

Вот только Мелани уже очень давно не выглядела так хорошо: под слоем тонального проглядывает румянец, и сам тональник теперь гораздо заметнее, когда лицо не такое бледное и видно, что она живая. Глаза сияют, и дышит Мел легко; может, это тот самый случай, когда смертельно больной испытывает короткий прилив сил, а потом падает замертво, но Гарри дружил с ней почти всю жизнь и знает, как выглядит Мелани, когда борется с подступающим срывом. Не похоже, что она собралась умирать.

Он будто получил ее всю целиком, наверное, впервые в жизни. Они будто нормальные люди.

— Чтобы стать квотербеком, нужно пройти отбор, да? Преодолеть испытания, доказать, что вы достаточно сильные и быстрые, и какие там

еще бывают квотербеки. Так и вы с Мелани, если хотите заполучить место, должны пройти испытания. Если окажетесь лучшими, оба его получите. Но раз уж вы начали вместе, то, если кто-то из вас не справится, второй тоже играть не будет, — Джек ненадолго умолкает. — Наверное, нужно все получше систематизировать.

— Думаешь? — Гарри качает головой. — Все это до ужаса странно. Если б я только мог нащупать у своей девушки пульс, я бы мигом выкинул тебя из машины.

— Спасибо, что не выкидываешь ее из машины, — говорит Мелани. — Нам надо понять, что происходит, — она морщится. — А мне, наверное, нужно расколошматить мобильник кирпичом. У тебя в машине есть кирпич?

— В багажнике лежит монтировка, но лучше пока не останавливаться, я ведь еще не понимаю, куда именно мы едем.

— Может, проще было бы решить, куда мы едем, если бы мы уже не ехали куда-то, — говорит Мелани.

— Ага, но тогда мы сбавим темп и вновь обретем здравый смысл, и нас найдут родители, — парирует Гарри.

Джек тихонько и весело фыркает. Мелани по-

ворачивается к ней.

— Простите, — говорит малявка. — Но это просто огонь: вы думаете, что сейчас самая большая ваша проблема — что вас родители найдут. Хотя здесь есть и доля истины. Его родители — люди вполне милые и совсем не виноваты, что вляпались в это. А вот твои родители… ого-го.

— Моя мама умерла, когда я появилась на свет. У нее была такая же болезнь сердца, как и у меня. Она погибла при родах, когда рожала меня и мою сестру.

— Готова поспорить, первые три эпизода «Звездных войн» ты на дух не переносишь, — говорит Джек. — А ты никогда не задумывалась: как так вышло, что у тебя болезнь сердца, из-за которой каждые два месяца кладут в больницу и лекарств надо пить больше, чем влезает в аптеку, и при этом ты каким-то образом унаследовала ее от матери? У тебя сердце в буквальном смысле держится на скотче и веревочках. Оно должно было остановиться много лет назад, но у тебя внутри столько Зимы, что оно все-таки бьется, потому что просто не умеет останавливаться. И как твоя мама умудрилась с таким же диагнозом дожить до своих лет, забеременеть, да еще и выносить близнецов?

Мелани молчит. Гарри знает, что она задавала себе этот вопрос, ведь она задавала его и ему, обычно сразу после того, как Гарри что-нибудь говорил про будущее, а Мел начинала винить себя в собственной неизбежной кончине и в том, что ей не хватает сил с ним порвать.

— То, что он тебе рассказывал всю жизнь, неправда, — мрачно говорит Джек. В ее голосе горькая злоба, и Гарри это нравится, отчасти он испытывает то же самое. Временами он ненавидит отца Мелани.

— Хочешь сказать, что моя мать жива? — спрашивает Мел.

— Нет. Прости. Но даже будь она жива, она оставалась бы той самой женщиной, которая вышла замуж за твоего отца и согласилась на его дикий эксперимент, а значит, тебе без нее гораздо лучше. Но нет, она умерла. Когда ты появилась на свет.

— Так что же тогда?..

— Она умерла, потому что ее убил твой отец. Загнал в ее сердце кол между твоим появлением и появлением твоей сестры.

Мелани ничего не говорит. Пауза затягивается, тишина набухает, ширится, заполняет всю машину, пока Гарри, который всю жизнь только тем

и занимался, что прерывал неловкое молчание, больше не может этого выносить.

— Мама Мелани была вампиршей? — спрашивает он.

— Нет, — презрительно фыркает Джек. — Она была алхимиком. А значит, не лучше вампирши — вампиры хоть честнее. По крайней мере, предупреждают, что высосут твою кровь досуха. Алхимики же притворяются, что желают блага всему человечеству, а на деле в основном желают блага самим алхимикам, а для остальных устраивают вселенского масштаба бардак. Иногда такого наворотят, что мы даже разобраться не можем, пока все не закончится. К примеру, состряпают временную петлю длиной в тридцать лет, в которой столетие за столетием переигрывается вся планета.

Гарри, вытаращившись, смотрит на нее в зеркало заднего вида, челюсть у него отвисла.

— И ты это серьезно?

— Да.

— Мама Мелани была… алхимиком? Но их не бывает.

— Как и людей, которые настолько привязаны к своему сезону, что уже не могут считаться целиком людьми, но нас таких здесь полная

машина, — пожимает плечами Джек. — Надо разбираться с тем, что есть, и не спорить, логично это или нет, разумно или нет, реально или нет. «Реально» — просто слово, с помощью которого люди отмахиваются от того, в чем не хотят разбираться.

Гарри страшно хочется отпустить руль и потереть виски. Он уже понимает, где они, и приблизительно знает, куда направляется: если ехать дальше, они упрутся прямо в ботанический сад. Ночью сад не работает, но на самом деле это просто значит, что не надо платить за вход: сувенирный магазин и центр обслуживания посетителей закрыты, и, если посторонних заметит кто-то из сотрудников, которые припозднились и проверяют птиц в реабилитационном центре, поднимется крик, но Гарри здесь вырос. И умеет не попадаться на глаза. Более того, его родители много денег пожертвовали ботаническому саду, и, если Гарри назовет себя, его простят — решат, что он просто хотел уединиться со своей девушкой.

Неясно, как объяснить присутствие Джек. Может, все подумают, что Мелани подрабатывает нянечкой и взяла подопечную с собой, тогда понятно, почему он в смокинге, а она в свитшоте. А

может, он перестраховывается. Они же дети. Взрослых обычно гораздо меньше интересует, что именно происходит, и гораздо больше сам факт того, что детишки что-то замышляют, забрались куда не надо, не слушаются. Да если б даже за ними гнался монстр доктора Франкенштейна, взрослые и то ничего не заметили бы, стоя за забором.

Да, ботанический сад прекрасно подходит, решает Гарри, и мир после этого решения чуточку меняется, но он пока не умеет этого замечать. Со временем умение придет и сделается совершенно естественным, но прямо здесь и прямо сейчас можно простить Гарри за невнимательность, за то, что он не осознает последствия собственного выбора. От последствий его всегда защищал статус родителей (Гарри не настолько избалован, как мог бы быть, и все благодаря любви к девочке, которую не спасешь никакими деньгами, но тем не менее он привык, что можно откупиться практически от чего угодно), и для него это будет новый опыт.

Он не особенно хочет этот новый опыт приобретать, ну а кто из нас хотел бы?

— Так ты говоришь, что папа Мел убил ее маму, — уточняет Гарри.

— Да, но слово «убил» не совсем подходит, — отвечает Джек. — Он принес ее в жертву, и она стала жертвой добровольно. Они оба работали на человека по имени Джеймс Рид, а тот был, наверное, самым старым алхимиком в Северной Америке, его создала в лаборатории женщина по имени Асфодель Бейкер.

— Чушь какая-то, — говорит Мелани.

— Асфодель Бейкер нужна была правая рука, кто-то, кто помогал бы ей творить грандиозные глупости, поэтому она сделала себе помощника. Он был ее сыном, учеником, любовником и, насколько известно Американскому алхимическому конгрессу (и ему самому), ее убийцей. Но это очень длинная история, и прямо сейчас некогда ее рассказывать.

Гарри, который уверен, что нельзя убить кого-то и не знать об этом, молча хмурится. Мелани не столь легковерна.

— Если у нас мало времени, ты тратишь его понапрасну, — огрызается она. — Мне надо, чтоб ты объяснила, что происходит.

— Я пытаюсь, — оправдывается Джек. — Пытаюсь. Все непросто, все запутанно и противоречиво, одно громоздится на другое, словно в карточном домике, только вместо карт ядовитые

змеи, давно не кормленные. Я не могу рассказать вам все по порядку, потому что вообще все связано со всем остальным. Но могу пообещать вот что: я не стану ни одному из вас врать. Мелани, тебе я врать не смогу, даже если бы захотела; Гарри, тебе я могла бы наврать, я не у тебя в услужении, но не стану, потому что этим наврежу своей госпоже, а вредить ей немыслимо для той, кто и что я есть. Сама мысль о том, что меня лишат должности, хуже всего на свете, и я немножко жалею, что меня выбрали проводником, ведь, если вы проиграете, я окажусь в дерьме. Если вы схлестнетесь с кем-то, а он или она в итоге победит и затаит обиду, меня могут лишить всего и понизить обратно до человека, а страшнее ничего не придумаешь.

— Ты говорила, мы теперь не можем считаться полностью людьми, — говорит Гарри. — И что мама Мел — вампирша.

— Алхимик, — поправляет Джек.

— Ни алхимиков, ни вампиров не существует, так что разницы никакой, — Гарри въезжает на усыпанную гравием парковку рядом с ботаническим садом, вылезает из машины, хлопает дверью и сует ключи в карман.

Мелани выходит гораздо более чинно. Она кажется скорее потрясенной, чем рассерженной,

и Гарри это не удивляет, поскольку почти все нелепые заявления, которые вывалила на них Джек, касаются именно ее, она ошарашена больше Гарри и, видимо, еще долго пробудет в этом состоянии. Ему просто придется упорнее ее защищать, пока не кончится вся эта чертовщина.

Мел бросает взгляд на мобильник и с явным облегчением вздыхает.

— Здесь не ловит, — она запихивает телефон обратно в задний карман джинсов. — Не придется игнорировать его сообщения, если я их не увижу.

— И они не смогут отследить вас, если вы не в сети, — одобрительно кивает Джек, вылезая из машины и оглядываясь на Гарри: — А ты умный, — говорит она тем фальшивым тоном, от которого он мгновенно ощетинивается, потому что не раз слышал его раньше.

От учителей, решивших, что дурашливое дружелюбие Гарри просто маскирует отсутствие интеллектуальных способностей, хотя у него всегда были отличные оценки; от одноклассников, не добившихся таких же результатов в спорте и учебе, но полагающих, что сам он добился всего благодаря родительским деньгам, а не собственному труду. Единственной, кто никогда ни на

секунду не принимал его за дурачка, была Мел, и все потому, что перед ней он никогда не мог достаточно убедительно сыграть простофилю.

И если уж по-честному, никогда по-настоящему и не пытался.

— Ладно, — говорит он. — Идите за мной.

Они переходят улицу и спускаются по пологому склону к опушке. Портленд знаменит прекрасным климатом, который идеально подходит для роз и других цветов, так что в этом городе располагается один из всемирно известных питомников, где выращивают новые сорта и куда садоводы привозят свои первые и самые выдающиеся образцы. Поэтому вполне объяснимо, что в ботаническом саду решили пойти другим путем: здесь специализируются на местных растениях и культивируют карликовые кустарники. На вид они не очень-то красивые, зато превосходно демонстрируют усилия экологов, которым важно, каким был Орегон до того, как стал Орегоном, когда он был частью континента, а не страны.

Гарри ботанический сад всегда нравился. Ему нравится, какой он настоящий, какой непритязательный, будто сотрудникам плевать, сколько они заработают на туристах, главное, чтобы хватало на подкормку сов, в которых ударила

молния, и воронов, которым не посчастливилось столкнуться с грузовиком и уцелеть. Реабилитационный отдел не очень большой, он в основном для вида — чуточку помпезный придорожный зоопарк, — но птицы там здоровы и довольны, на волю их выпускать нельзя, поэтому Гарри не чувствует себя виноватым, восхищаясь ими.

Эти птицы напоминают ему Мел. Несвободные, но непокорные, раненые и прекрасные, они готовы выклевать глаза кому угодно, если бросить им вызов.

На полпути вниз с холма дорожка раздваивается, и Гарри ведет Джек и Мел налево, к ручью и мемориальной скамейке, которую оплатил какой-то спонсор. Подходящее местечко для жизненно важного разговора, если уж он состоится.

Сам он забирается на спинку и, устроившись на узкой деревянной жердочке, пристально смотрит на Джек.

— Ладно. А теперь говори. Никаких больше флешбэков, не надо выбирать информацию, просто давай по порядку, насколько возможно. Поняла?

— Поняла, — голос у Джек чуть веселый, но она не спорит; отходит на несколько шагов, прислоняется к дереву и складывает руки на

груди. — Хорошо. Первое, что вам следует понять: алхимики появились, когда древние маги и волшебники-философы решили увязать известный им мир с расцветом научной мысли. Наука не разрушила магию. Обе существовали всегда. Двигатель внутреннего сгорания, электричество и рычаг не начали вдруг работать в тот день, когда люди прекратили бросаться друг в друга фаерболами. Это просто глупо. Магия — это магия, ей плевать, что про нее думают люди. А вот людям не плевать. Люди учатся мыслить тем или иным образом, и им кажется, что другого на свете просто нет, все остальные способы ошибочные, примитивные, неправильные. Так вот, сначала были волшебники, а потом люди догадались, что для ума и тела наука проще магии, и стали заниматься не магией, а наукой, а те, кто хотел делать что-то, для чего позарез нужна магия, занялись алхимией, чтобы хоть что-то сохранить.

— Если это какая-то дерьмовая ролевая игра, я отказываюсь участвовать, — Гарри вскидывает руки. — Не буду я притворяться эльфом и бегать вместе с тобой по лесам.

— Это не «какая-то дерьмовая ролевая игра», — все тем же веселым голосом говорит Джек. — В смысле, с «дерьмовой» я согласна, не вопрос,

но все происходит на самом деле. Прямо сейчас. Магия не исчезла, как бы людям этого ни хотелось, она просто эволюционировала. Все эволюционирует. Алхимики занимаются наукой и философией и с помощью очень-очень жестких способов мышления влияют на наш мир. Родители Мелани познакомились, когда были подмастерьями у доктора Джеймса Рида.

— Ты говорила, он был чудовищем доктора Франкенштейна, правильно? — уточняет Гарри.

— Не совсем, но сгодится для простоты терминологии, — соглашается Джек. — Его создательница сотворила его из всего, по ее мнению, лучшего в человеке, и он получился красивым, очаровательным, умным — ровно таким, каким Шелли описала чудовище своего собственного сумасшедшего ученого. Шелли тоже, кстати, была алхимиком.

— Мэри Шелли? — спрашивает Мел, которая с того самого момента, как они вышли к скамейке, только молча слушала, широко раскрыв глаза; Гарри это кажется вполне логичным, ведь речь идет о ее родителях.

— Алхимики на удивление часто притворяются писателями, — поясняет Джек. — Если им везет и у них получается книжка, которая влияет на

человеческое мышление, они за короткое время обретают большое могущество. Не то чтобы без всяких усилий (для начала нужно все-таки книжку написать), но это гораздо проще, чем заарканить бурю или там труп оживить, поэтому писательскую карьеру выбирают довольно часто. А еще они нередко становятся профессорами и докторами.

Гарри хмыкает:

— Ладно, странная малявка, давай дальше.

— Роланд и Ариадна Косгроув подавали большие надежды в области алхимических искусств и в итоге связались с Джеймсом Ридом, а он всегда преследовал несколько… ненормальные цели, даже для алхимика. Он был одержим одной идеей: якобы силу под названием Доктрина Этоса можно уговорить воплотиться, если изготовить для нее достаточно привлекательный сосуд.

— Ты совершенно определенно несешь чушь, — говорит Гарри.

— Почти все это я уже рассказывала Мелани, но давайте еще раз: существуют определенные естественные силы и явления, и, поскольку люди долгие века верили, что эти явления могут обладать человеческим обликом, они убедили их стать людьми.

— Людьми, — тупо повторяет Гарри.

— Да.

— Так вот о чем ты тут мямлила все это время. Ты пытаешься сказать, что зима каким-то образом превратилась в человека, и теперь Мелани — зима.

— Нет.

— Нет?

— Нет, Мелани не зима, а ты не лето.

Гарри чуть успокаивается, и очень зря, потому что следующие слова Джек застают его врасплох:

— Пока нет.

Он вскидывается и переводит взгляд с девчонки на Мел и обратно, они обе залиты лунным светом, лица при этом слегка в тени, так что выражение трудно различить. Гарри поверить не может, что слушает все это. Поверить не может, что Мел слушает, ведь она сказочки на дух не переносит. Ей бы давно расхохотаться и потребовать, чтобы он отвез ее в «Рокси» поесть блинчиков, раз уж они пропустили танцы.

А ее отцу незачем ехать к ним домой и орать на родителей Гарри, бомбардировать дочь звонками и сообщениями, потому что он увидел ее в новостях. Да, сцена на футбольном поле смотрит-

ся не очень, но Мел-то в порядке, она и раньше падала в обморок из-за резкого скачка давления. Не должен был ее отец так перепугаться и так среагировать. Если только его не напугало то, что и Гарри тоже упал.

И у Мел нет пульса. Гарри не желает верить, но у него большой опыт по этой части — нащупывать ее неровный пульс. И можно сколько угодно валить все на неисправный пульсоксиметр (если бы прямо сейчас все закончилось, Гарри смог бы в конце концов сам себя в этом убедить), но он знает правду, знает, что все происходит на самом деле, — правда в том, что Мел холодна как лед, ее сердце не бьется и что-то неладно. Что-то изменилось.

Поэтому он выслушает Джек, как бы нелепо ни звучал ее рассказ, потому что другого объяснения никто не предлагает. Только слушать и остается.

— В каком смысле «пока нет»? И какое все это имеет отношение к тому, что родители Мел — алхимики? — спрашивает он.

Джек глубоко вздыхает.

— Готовы ли вы оба допустить, в рамках этого разговора, что иногда природные явления по собственным соображениям воплощаются в человеческой форме?

— Да, — говорит Мелани.

— Наверное, — соглашается Гарри. — Если придется.

— Ты мне говорила, если природная сила раз воплотилась в виде человека, то потом делает это снова, — уточняет Мелани. — Что именно это значит?

— Это значит, что, когда Зима впервые превратилась в живого человека, тот человек идеально подходил для Зимы. Он был платонической идеей, идеалом и жил так, словно никогда ничем другим и не был, не мог быть. Может, он даже забыл, что такое быть человеком; хотя, вероятней всего, первая Зима и первое Лето вообще людьми не были. Вероятно, их выточили изо льда, вылепили из снега, составили из полевых цветов и плодов. В алхимии главное — трансмутация. Легко превратить что-то в форме человека в человека, и в определенных условиях те природные явления, о которых мы говорим, могли сами совершить такую трансмутацию без помощи алхимика. И вот сезон научился жить и быть человеком, и его это позабавило.

— Но?.. — спрашивает Гарри и пожимает плечами в ответ на вопросительный взгляд Мелани: — В таких историях всегда бывает ка-

кое-нибудь «но».

— Но когда сезон побыл человеком, он пристрастился. Когда что-то превращается в человека, человечность его меняет, пусть даже и чуточку. И теперь всегда существует Лето, и всегда существует Зима. Их на самом деле несколько, сезонные короли и королевы живут в разных концах света и воплощаются совершенно самостоятельно, в их руках власть и возможности определенного времени года. Некоторые люди с рождения предрасположены к тому или иному сезону: они босиком ходят по замерзшей траве и не мерзнут, или могут пробежать марафон в середине июля, не схватив тепловой удар. У них предрасположенность. Многих никогда не призывают служить своему сезону. Они вырастают, стареют, усложняются, а чем больше люди усложняются, тем меньше места в них остается для такого простого явления, как склонность к сезону. Тут важно время. Но если корона меняет владельца, все те, кто оказался поблизости (обычно это означает «на одном континенте», поскольку совершенно бессмысленно активировать претендентов в Европе, если коронация случилась в Австралии), будут призваны на состязание, и двое победителей получат короны. Лето и Зима родятся снова, из

крови, пролитой на ячмень, из крови, пролитой на снег.

— У меня уже голова трещит, — жалуется Гарри.

Мел кладет ему руку на колено, и он накрывает ее своей ладонью. Пульса по-прежнему не чувствуется — ни в пальцах, ни, когда Гарри чуть сдвигает руку, в запястье.

Все происходит на самом деле.

— У меня тоже трещала, — соглашается Джек. — Призывают всех претендентов на определенной территории, но обычно они прибывают парами, потому что естественным образом при встрече притягиваются друг к дружке. Это не какие-нибудь там родственные души и прочая романтическая чепуха. Скорее «вместе мы можем сложиться в колесо, так давай прокатимся», а потом они входят во вкус и уже не могут остановиться. Поэтому являются на испытания вместе, и иногда (нечасто, но бывает) побеждают оба участника в паре. Случается и так, что один терпит поражение, а второй сцепляется с кем-то другим, у кого еще нет партнера, и дальше идет уже с ним. В конце концов двое оставшихся получают короны, и эти короны остаются у них, пока они либо не умрут, либо не откажутся от них.

— Ты сказала, что тот мертвый парень, Уильям Моррис, был коронован триста лет назад, — говорит Гарри. — Расскажи-ка подробнее.

— Уильям Монро. Речь же не про актерское агентство. После коронации король или королева каждый год умирают на три месяца. В смысле, совсем-совсем умирают, ложатся в хрустальный гроб или там в сосновый, как им удобнее. И если кто-то в это время уничтожит тело спящего, то сможет предъявить права на корону; хотя очень сомневаюсь, что найдутся желающие, поскольку получить зимнюю корону в середине июля — это верный и весьма извращенный способ совершить самоубийство. Но в остальные девять месяцев они здоровы, работоспособны и вообще не умирают, никогда. Старику Уильяму очень нравилось быть живой Зимой, нравилась власть, нравилось всем заправлять. Но не нравилось быть мертвым.

— А кому бы понравилось? — спрашивает Гарри.

— Ну, в основном короли и королевы нормально это переносят, пусть три месяца лежать мертвым и отстой, зато в остальные девять есть чем заняться, — объясняет Джек. — Ты здоров, успешен, обычно богат, поскольку мир в букваль-

ном смысле удовлетворяет все твои потребности — неплохая работенка, особенно с тех пор, как люди перестали приносить в жертву ожившие времена года, чтобы улучшить урожай. В основном сезонные монархи на своих континентах царствуют не меньше сотни лет, а потом отказываются от божественного статуса, и начинается коронация.

— Так что же случилось у нас? — спрашивает Мелани.

— Уильяму так не нравилось умирать, что он заключил сделку с алхимиками, чтобы этого избежать. И они нашли решение, воспользовавшись тем, что на свете одновременно существует несколько корон: Уильям постоянно перемещался. И раз он всегда оказывался там, где лета нет, его личная зима не заканчивалась, — Джек передергивается. — Это был единственный недостаток моей службы. Приходилось работать на эту свинью. Поскольку на каждом континенте короны тесно связаны, а Уильям не умирал в начале лета, то и Летняя королева Северной Америки не пробуждалась. Возвращалась к жизни, но не полностью, даже глаз не могла открыть. И почти все три сотни лет их царствования он держал ее в таком состоянии.

— Настоящая свинья, — соглашается Гарри. — И здесь замешан тот самый Рид.

— Да. Асфодель Бейкер была одержима идеей воплотить природные силы. Думала, раз существуют живые сезоны, значит, можно при правильных условиях воплотить в человеческой форме что угодно, а если сможешь контролировать эту человеческую форму — получишь контроль и над той природной силой, которую она воплощает. Бейкер не смогла заполучить себе сезоны, поскольку нас так много…

— Погоди, — перебивает Гарри. — Сколько вас?

— Воплощенные сезоны представляют два времени года, асценденты либо служат им напрямую, как я, либо относятся к переходным сезонам. У Зимы есть Ледяной Джек, у Лета — Кукурузная или Пшеничная Дженни. А еще есть Джек в зеленом для весны и Скупой Джек для осени.

— Кому-то очень нравится имя «Джек», — говорит Гарри. — И уж конечно, никто при этом не путается.

— Во мне достаточно Зимы, чтобы меня призвали, когда мой сезон проявляется в моих краях, но недостаточно Зимы, чтобы иметь меня в виду на случай коронации, — все тем же веселым тоном поясняет Джек. — Я служу воплощению Зимы,

кем бы оно ни было, а значит, весь прошлый год я служила Уильяму Монро, пусть мне это и претило. Есть десятки асцендентов. Иногда мы живем близко друг от друга. Именно так и должно быть; поскольку системе нужно для работы так много людей, Асфодель понимала, что не сможет заполучить всех нас, и потому занялась новыми системами.

— И возникла вся эта история с Доктриной Этики, — уточняет Гарри.

— Доктриной Этоса, да, — соглашается Джек. — Асфодель успела передать свою одержимость ученику, а потом уговорила его убить ее, чтобы она смогла перейти на новый уровень просветления. Кем-кем, а уж послушным учеником Рида вполне можно назвать. Асфодель упокоилась, и он продолжил ее труды.

Мелани хмурится, у нее возникает подозрение, что под словом «смерть» все эти люди подразумевают нечто совсем другое. Почти всю жизнь Мел боялась умереть, оставить отца и Гарри. Если отец действительно алхимик, он наверняка понимал, что смерть не обязательно означает уход навсегда, а значит, многое из того, что он говорил и делал с ней, предстает совсем в ином свете. Мелани это не нравится.

— У него получилось? — спрашивает она. — В смысле, создать асцендент Доктрины Этоса или как там ее?

— Воплощение, — поправляет Джек. — Знаю, сейчас все выглядит очень запутанно, но это как с новым языком. Постепенно начинаешь разбираться. Если заставить естественное явление стать человеком, оно воплощается. Если кто-то связан с природным явлением, но не представляет его целиком, это асцендент. А если кто-то полностью воплощает природное явление, владеет им, может контролировать его и его воздействие на мир, то он проявляется и становится воплощением этого явления. Прямо сейчас ты потенциальное воплощение. Если получишь корону, то проявишься и станешь воплощением Зимы, живой Зимой, а не просто связанным с ней человеком. Сможешь призывать метель, следовать зимними путями, которые сейчас для тебя не существуют. Тебе только и нужно что победить.

— По-твоему выходит очень просто, — говорит Гарри.

— О нет, просто не будет, — возражает Джек. — Ведь у всех до единого претендентов есть Джек вроде меня или Кукурузная Дженни (которой

самое время появиться уже и помочь тебе во всем разобраться), они объясняют своим подопечным, как все устроено. И может, кто-то из проводников лучше объяснит, а может, кто-то из претендентов будет слушать внимательнее, но у каждого претендента есть проводник. Именно поэтому асцендентов так много. Победители получают короны. Проигравшие умирают навсегда. Можно я все-таки доскажу, каким боком тут отец Мелани?

— Конечно, — Гарри хмурится.

Ему это все не нравится. Но ему нравится рука Мел на его колене. Нравится, что пусть он и не ощущает ее пульс, но ощущает ее саму; если Гарри что-то и понял из неуклюжих объяснений малявки Джек, так это то, что, получив эту самую корону, Мелани его не покинет. Ни сейчас, ни завтра, вообще никогда.

Они останутся вместе, и для этого надо всего-навсего воплотить два природных явления, которым вообще-то не след становиться людьми.

— Родителей Мелани, — говорит Джек с нажимом, явно намекая, что на этот раз ей должны позволить договорить, на этот раз она доскажет все до конца, — в самом начале их ученичества заполучил себе Рид и стал их официальным

наставником. Формальная алхимия очень напоминает академический мир. У них собственные правила, ритуалы и процедуры. Рид заразил своих учеников одержимостью Асфодель, и Ариадна решила, что он не с того конца взялся за дело. Она считала, что проявившаяся Доктрина уничтожит свои сосуды: слишком уж она большая, слишком сложная, ей нельзя становиться человеком; вот если бы Рид научился создавать и доводить до совершенства сосуды для чего-нибудь поменьше, у него бы все получилось. Ариадна с Роландом разработали невероятно честолюбивый план. Они собирались изготовить собственные сосуды для того, что, как раньше полагали, невозможно захватить и захомутать; для сосудов Ариадна и Роланд использовали свои кровь и силу, и вот настал момент, когда Ариадна забеременела их величайшим творением, хоть они с Роландом ни разу не притронулись друг к другу.

Гарри бросает тревожный взгляд на Мелани.

— Так это поэтому твой папа чуть с ума не сошел, когда внезапно решил, что мы спим друг с другом? — сглотнув, спрашивает он.

— Нет, он чуть с ума не сошел, потому что нам было шестнадцать, и он боялся, что у меня случится сердечный приступ прямо на заднем

сиденье твоей машины, а если бы мы забыли про презерватив, он бы мог заделаться дедушкой и после моей смерти растил бы младенца в одиночестве, — отвечает Мелани тем до нелепости веселым тоном, которым она всегда говорит всякие гадости. — Не думаю, что его так уж беспокоила моя девственность в социальном смысле, скорее уж медицинские последствия.

— Прелесть что за жуть; видимо, я тут наговорила столько всякого умного дерьма, что вы оба напрочь позабыли, что мне вообще-то тринадцать, а вот не надо об этом забывать, — ворчит Джек, будто не она первая затронула тему секса. — В общем, они поженились, чтобы обеспечить порядок передачи, и продолжили в том же духе. Когда Ариадна поняла, что у нее будут близнецы, они решили, что это знак: можно заполучить оба сезона за раз. Но это было невозможно.

— Почему нет? — спрашивает Мелани.

— Потенциальное воплощение сезона всегда рождается в определенное время. А у нее роды начались на зимний солнцеворот, а значит, из тебя и твоей сестры вышли бы превосходные сосуды для зимы, но ни одна из вас не годилась бы для лета. И тогда Ариадна прямо в больничной палате предложила вариант. После рождения

первой девочки Роланд должен был вбить кол из омелы ей в сердце, тем самым убив ее прямо посреди родов и прервав их. И все бы пошло по плану, если бы Роланд лучше разбирался в таинствах женского тела.

— Что за хрень? — спрашивает Гарри.

— Он не дождался рождения плаценты. Когда Ариадна умерла, Мелани все еще была с ней связана, и из-за символической природы материнской жертвы предназначенное для Зимы сердце ребенка разбилось, потому что Роланд не успел эту связь разорвать. Пока доктора пытались спасти внезапно начавшего умирать младенца, Роланд вывез из больницы жену, во чреве которой находилась вторая девочка, задохнувшаяся под тяжестью плоти собственной матери.

Мелани уже слышала эту историю, но рассказывали ее совершенно иначе. Отец говорил, что сердце матери не выдержало напряжения во время родов, что сестра-близнец Мел родилась мертвой, а не задохнулась в утробе. Мелани молчит, просто смотрит на свою руку, вцепившуюся в колено Гарри с такой силой, что он вздрагивает. Но не отстраняется — предпочитает терпеть боль, если Мел от этого хоть чуточку спокойнее.

Джек, словно не замечая их реакцию, беззабот-

но продолжает:

— Жена, она же напарница Роланда, умерла, а идеальный сосуд оказался с изъяном. Рид предложил разобрать Мелани на части и использовать их в более важных алхимических проектах. Роланд отказался, он самостоятельно извлек второго ребенка из утробы Ариадны и поместил в стазис до летнего солнцестояния.

Мелани в немом ужасе смотрит на Джек.

— Твоя сестра не умерла, — говорит малявка. — Все это время она оставалась живой. Спящей, недвижимой, но живой — благодаря алхимическому искусству твоего отца и жуткой жертве твоей матери. Она должна была стать потенциальным воплощением Лета, до сих пор может им стать. И она, среди прочих, выступит против тебя, — с этими словами Джек кивает на Гарри, а потом снова поворачивается к Мел: — Когда твой отец поймет, что коронация началась (если уже не понял), то постарается устранить твоего парня. Он всегда желал заполучить оба сезона.

Мелани широко раскрытыми глазами смотрит на Джек. Гарри тоже. Оба молчат.

Девчонка пожимает плечами.

— Вот так у нас обстоят дела. Пора бежать, спасая собственную жизнь, ведь, если вы не по-

бедите, вам конец.

В лес

ПО КАЛЕНДАРЮ:

11 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Этого Роланд Косгроув не ожидал.

Когда толчки, последовавшие за смертью Уильяма, ударили по остаткам Американского алхимического конгресса, активировав сотни сенсоров и отслеживающих устройств, он понял, что будут последствия. Понял, что Конгресс отреагирует немедленно — отправит специальные группы, чтобы отыскать, выявить и заполучить как можно больше претендентов и устранить их еще до начала состязания. С тех пор как они с Ариадной инициировали свой проект, обнаружить удалось не всех; разработанные ими методы требовали значительной доработки, но Ариадна умерла и бросила его одного с искалеченным младенцем на руках, а он совсем не понимал, каково это — быть отцом.

(Если бы только Роланд сообразил, что плацента еще не вышла, то избавил бы себя от стольких напастей. С другой стороны, было сложно, вре-

менами почти невозможно держать в узде изувеченную и искалеченную дочь — представить страшно, как бы он справлялся со здоровой.)

Ариадна больше не могла ему помочь, Авен спала в их бывшей общей лаборатории, а Мелани отнимала почти все свободное время, поэтому последние семнадцать лет Роланд пренебрегал своими обязанностями перед Конгрессом. Почти все его силы уходили на дочерей: и на ту, про которую все знали, и на ту, про которую не знал никто. В результате методы, позволяющие выявить потенциальных аватаров лета и зимы, так и не довели до ума; кого-то обязательно упустят, как бы четко ни следовали его инструкциям.

Служителей или асцендентов найти проще, ведь они гораздо менее могущественны. Они быстрее появляются и исчезают: Уильям, например, всегда с радостью лишал своего расположения тех, кто ему чем-то не угодил. Роланд уверен, что к нынешнему моменту успели изловить больше половины этих нелепых конструктов, но, хотя некоторые в процессе погибнут, оставшихся более чем достаточно, чтобы гарантировать результат.

Вцепившись в руль и вдавливая педаль газа в пол, Роланд клянет Уильяма и Диану. Если бы

только она очнулась в прошлом году, когда Рид еще был жив, а Конгресс оставался в силе; но Конгресс разгромил и расколошматил сам Рид, обратившийся против своих. Роланд винит во всем женщину, которая почти триста лет проспала по милости его собственного наставника, но этот факт совершенно его не смущает.

Он вообще прекрасно это умеет — сваливать вину за свои неприятности на кого угодно, только не на себя. Ариадну он винит в том, что роды начались слишком рано, доктора — в том, что тот не понял, что он собирается убить жену, и не посоветовал подождать, пока не завершится процесс рождения первого ребенка. Мелани — в том, что она получилась несовершенной, а Авен — в том, что она не может жить в этом мире, пока бьется сердце сестры.

Но прямо здесь и прямо сейчас больше прочих Косгроув винит этого мальчишку Марча. Да, Роланд всегда подозревал в Гарри тягу к Лету, почти с самого начала видел характерные признаки, но никогда не воспринимал его как угрозу: Гарри не хватило бы сил бросить вызов Авен, если и когда та пробудилась бы и потребовала принадлежащее ей по праву рождения. Именно из-за Лета в своей душе Гарри так тянулся к Мелани,

угадывая в ней свою вторую половину, так пекся о ее здоровье и безопасности.

Мальчик, не связанный с сезоном, вел бы себя, ну, как обычный мальчик, и мог бы разбить ей сердце, которое и так уже дышало на ладан и вряд ли выдержало бы такое потрясение. Мальчик, не связанный с сезоном (Роланд до сих пор мысленно называет таких «настоящие мальчики», хоть и не слыхал о других искусственных сосудах, изготовленных специально для Лета и Зимы), бросил бы ее, а не сражался, как лев, за ее безопасность. Гарри никогда не был врагом.

Но Гарри придал Мелани уверенности, и она бегала, прыгала, билась за жизнь за стенами того сада, который так тщательно растил для нее отец. Может, Мелани и согласилась бы на меньшее, если бы только была одна. Роланд точно не знает.

А Мелани теперь откуда-то знает все. Когда сегодня Роланд провожал ее на танцы, то верил, что времени хватит, чтобы привести дела в порядок, а уж потом можно и объясниться. Рассчитывал, что успеет подготовиться. Он и готовился целых восемнадцать лет, с того самого дня, как Ариадна объявила, что беременна и они переходят к практической части эксперимента. Теория — это прекрасно, но только в полевых условиях можно

проверить ее всерьез.

Они рассчитывали, что смогут вырастить два сезона в гармонии друг с другом, Лето и Зима выросли бы бок о бок, преданные друг другу, под замком и под каблуком, и были бы полностью готовы к грядущему испытанию, любая неудача исключалась. Даже когда они еще только планировали девочек, Ариадна размышляла над тем, как убить Уильяма и Диану; не раз она предлагала преподнести Авен и Мелани сердца их предшественников на восемнадцатилетие — тогда бы дочери, став взрослыми, сразу же сделались бы Королевами Творения.

Роланд никогда не говорил об этом Риду. Джеймс Рид был многогранной личностью. Учитель, ученик, ученый, наставник. Блестящий алхимик и еще более блестящий исследователь и артист. Но он никогда не отличался великодушием. Роланду и Ариадне удалось заполучить свой «маленький проект» лишь потому, что он укладывался в рамки той работы, которую уже делал Рид, чтобы воплотить Доктрину Этоса, и любые их достижения можно было немедленно приспособить для его собственных исследований.

Но Рид не допускал и мысли о том, что кто-то другой может контролировать какой-либо аспект

вселенной. Он собирался дать своей Доктрине повзрослеть (Роланд подозревает, что так и вышло и кто-то из кукушат Рида вернулся к родителю, чтобы воздать ему сторицей, отчего тот и погиб) и захватить бразды правления всем сущим: тогда остальные воплощения были бы уже не важны.

А Роланд верит, что где-то на свете в человеческом облике живет луна, ходит на человеческих ногах, смотрит человеческими глазами, и поскольку луна всегда будет сиять в ночных небесах, то даже после пробуждения и восхождения Доктрины другие проявленные силы остаются, будут оставаться и должны оставаться очень важными.

Так что Роланд всегда подозревал в Гарри склонность к сезону, но не ожидал, что мальчишка заявит о своих намерениях так зрелищно. На видео они оба упали в один миг, и сколько бы он ни перематывал туда-сюда запись, Гарри делал первый вдох одновременно с Мелани. Да, он точно привязан к сезону. И станет партнером Мелани в предстоящем состязании.

Если только Роланд не сумеет их разыскать, избавиться от мальчишки и познакомить Мелани с сестрой, которая и должна была стать ее второй половиной. Он бы уже давно их познакомил, если

бы Авен не спала, если бы хоть что-то предвещало близящуюся коронацию. Но все происходит слишком быстро, Роланд против, он этого не просил, он на такое не соглашался…

Роланд Косгроув останавливается возле собственного дома и хмурится, заметив освещенные окна гостиной. Он точно выключил свет перед уходом, определенно, и, хотя в нынешнюю ночь богов и чудовищ это не самый большой повод для волнений, меньше всего Роланду сейчас нужен грабитель. Его уже грабили, когда оголодавшим местным отчаянно требовались горячая еда, деньги на наркотики или сами наркотики, которые, как они думали, он хранит дома из-за Мелани. Кое-кто из предприимчивых храбрецов даже пережил свой поход, хотя никто больше по собственной воле и близко к Роланду не подходил. На одного такого неудачливого вора Косгроув несколько лет назад наткнулся в супермаркете, и тот в буквальном смысле штаны обмочил от страха, а потом сбежал через заднюю дверь, бросив и покупки, и новую жену. В газетах писали, что он был преступником, мелкой сошкой, и три года назад начал жизнь с чистого листа, «столкнувшись с чем-то поистине беспредельным» (что это было — даже его новая красавица-жена не

могла объяснить).

Одного мимолетного взгляда, брошенного на Роланда, хватило, чтобы разрушить хрупкое равновесие и снова зашвырнуть его в объятия старых демонов. Всего через три месяца тело этого человека обнаружили в местном мотеле, в вене торчала игла, на осунувшемся лице застыла улыбка. Читая ту статью, Роланд тоже улыбался, и сердце его пело. Достойная кара для того, кто без разрешения вторгся в его дом.

Вот только сейчас, кажется, кто-то именно это и сделал. Неизвестный нахал заплатит за свою наглость. Если только это не Мелани, маленькая покалеченная пташка, которая испугалась свободы и решила вернуться в клетку. Да. Остается только надеяться, что это Мелани возвратилась туда, где ей и место.

Роланд Косгроув останавливается на дорожке перед домом, в груди клубятся гнев и надежда, туманят разум. Еще год назад он наверняка вел бы себя куда осторожнее, ведь тогда была жива Ли Барроу, худший из экспериментов, страшное создание, сшитое из обрубков дюжины женщин: некоторые из них сами были алхимиками, и все себе на беду слишком хорошо соображали. Создателя Ли можно было бы смело назвать серийным

маньяком, если бы он не старался ради науки. Роланд все равно считает его таковым, хотя и полагает, что гораздо худшей карой будет, если его запомнят не за его деяния, а как создателя Ли Барроу, Североамериканского мясника. В такие вот мгновения, с таким вот выбором, чудовища исчезают и перековываются во что-то более удобоваримое.

Для некоторых забвение всегда было и остается гораздо более ужасным наказанием, чем какая угодно дурная память. Исчезнуть из памяти — это все равно что раствориться в алкагесте времени, и поделом им. Роланд не забивает себе голову их именами.

Но он вел бы себя гораздо осторожней, будь хоть малейший шанс, что в его доме Ли, что это она включила свет и хозяйничает в его личных владениях. Несколько раз она так и делала — открывала дверь ключом Рида или просто ломала замок. По мнению Ли, все, что считал своим ее хозяин, в той же степени принадлежало и ей, а Рид ей потакал — так охотник награждает любимую собаку лучшим куском мяса из туши убитого зверя и предлагает ей самое уютное место возле очага. Вот только Ли он даровал свободу и возможность убивать.

Роланду очень не хватает наставника, он жалеет, что рядом нет Рида, который бы помог разобраться с нежданным подарком — столь своевременной коронацией. И все же потеря Рида вполне уравновешивается потерей Ли, истинного проклятия для алхимиков Северной Америки, ее не следовало выпускать на свободу, она и так слишком долго бродила сама по себе и вгоняла всех в ужас.

Роланд подходит к двери, в его руке ключи, он готов встретиться с непрошеным гостем. Если это Мелани, он поприветствует ее. А если грабитель, что ж… может, добрая жатва успокоит его нервы. Как и многие не входящие в Конгресс алхимики, Роланд весьма преуспел в искусстве расчленения и может разрезать глупца, осмелившегося вломиться в его убежище, на мелкие кусочки всего за несколько минут, даже кровь со стен счищать не придется. Да. Прекрасная идея — размяться, а потом отправиться на поиски непокорной дочери, которая зря осмелилась вот так вот сбежать, зря набралась храбрости исчезнуть.

Поднимаясь на крыльцо, Роланд с нетерпением предвкушает встречу, и тут дверь распахивается, приглашая его внутрь. Доктор Косгроув хмуро смотрит на стоящего на пороге мальчишку, чуть

младше его дочери, угловатого и недоделанного, как это и бывает с подростками, которым еще только предстоит рывок роста. Волосы темные, глаза темные, красивый загар, Роланд его не знает, и это странно. Многие в Портленде считают Косгроува затворником, и все же он знает всех, с кем пересекается хоть сколько-нибудь регулярно. Если мальчишка — предприимчивый грабитель и выбрал первый попавшийся дом без машины, то он совершил роковую ошибку и следующую совершить уже не успеет.

— Мы вас ждали, доктор Косгроув, — говорит мальчишка и отступает от двери, давая Роланду пройти. Тот входит, охваченный недоумением, и сразу же останавливается.

В доме тепло, как в июле, воздух свежий и сладкий, словно в летний полдень. Пахнет полевыми цветами и раскаленной на солнце мостовой, а еще химическими составами, которые используются только для особых случаев. Развернувшись, Роланд с прищуром смотрит на незваного гостя.

— Кто ты?

Тот улыбается, и эта улыбка едва не переходит в откровенную ухмылку.

— Можете звать меня Кукурузным Дженни, если пожелаете.

Роланд еще сильнее прищуривается, его глаза превращаются в узкие щелки.

— Что ты здесь делаешь?

— Забавно, что вы так невежливы с тем, кто спас вашу дочь из жуткого подвала, больше подходящего для убийцы, — говорит мальчишка, и сразу становится ясно, почему в гостиной так жарко. Вот уже семнадцать лет Роланд живет под одной крышей с живым аватаром грядущей зимы, зная, что внизу под ними, глубоко под землей, в клетке из серебра и ртути, свинца и угля, спит лето, удерживаемое его алхимическим искусством. Но теперь, когда в жилах Авен горит ее сезон, отец ей больше не нужен (если вообще когда-нибудь был), возможно, ей всегда требовались лишь Лето и ее сестра.

— Я всегда был самым слабым из местных асцендентов, и потому вполне понятно, почему вы меня не замечали, — говорит мальчишка, Кукурузный Дженни, засовывая руки в карманы и делая шаг назад — так, чтобы не достать было, не дотянуться. Он смотрит за спину Роланду, и Роланд застывает, встает потверже, при этом медленно осознавая, что больше никуда отсюда не денется. Никогда.

Он умрет сегодня, и единственное, что еще

можно сделать для своего наставника, своей соратницы, своих дочерей — это хладнокровно принять честно заработанную участь.

— Что ты здесь делаешь? — тихо повторяет он.

— Я был на футбольном поле, когда упал Гаральд Марч. Лето хлынуло в него и затопило, и он упал, всего через долю секунды после никчемной чирлидерши, своей девушки. Я сразу все понял, все почувствовал, но не почувствовал связи с ним. Не мне его наставлять. Где-то рядом ждало другое потенциальное Лето. Понимаете ли, именно поэтому нас всегда так много. По одному асценденту на каждое возможное воплощение, чтобы у каждого был свой проводник. Нам везет. Мы не обязаны убивать друг друга во время коронации.

Он улыбается, и Роланд понимает: этот мальчишка, несомненно, убьет кого угодно, если решит, что тем самым обеспечит своему претенденту трон. Он соберет богатый урожай Кукурузных Дженни, до краев наполнит корзину их головами и ни на мгновение не усомнится в правильности своих поступков. Хорошо. Авен нужна сильная правая рука, если она хочет победить. Она так мало знает об этом мире. И не готова к схватке.

Роланд как мог обучал ее, ночами напролет читал ей в лаборатории, обратил в жидкую форму все знания, какие смог, и скармливал их ей через капельницу, но почти всю жизнь Авен оставалась всего-навсего нетленным трупом и не могла по-настоящему впитать и понять то, что узнала. Если бы не специальные зелья, наделяющие знаниями, не древняя алхимическая традиция, которая предписывала спрессовывать информацию, чтобы проще было готовить новых подмастерьев, Авен и таким пониманием бы не обладала. Она умеет говорить. Думать. Умеет столь многое, что не под силу никому, кто провел семнадцать лет в состоянии клинической смерти.

Но этого мало. Разницу между успехом и неудачей определит хорошая Кукурузная Дженни, по крайней мере, пока Авен не воссоединится с сестрой. Вместе они будут необоримы. Проект Рида это доказал. Стоит воплотить две силы в одной и той же крови, создать между ними не только теоретическую, но и физическую связь, и мир у твоих ног.

И, точно как и Рид, Роланд погибнет от рук собственного творения, его погубит тяга к познанию вселенной. В отличие от Рида, он не будет

сопротивляться. Эта история не про него. Он был движущей силой, но отнюдь не неотъемлемым элементом сюжета. И понял это в ночь, когда умерла его жена.

Мальчишка подходит ближе, видимо, принимая спокойное смирение на лице Роланда за отсутствие страха или, что еще хуже, отсутствие уважения.

— Теперь у него нет Кукурузной Дженни, — говорит он. — У Гаральда. Я разыскал ее сразу же, как почувствовал пробуждение нашей Госпожи, разыскал, пока она сама не разыскала его, и сделал так, чтобы она не смогла ничего ему рассказать. Лето затребует свое, и он будет сгорать изнутри, а когда жар станет невыносимым, я залью этот костер. Стану надежным другом, который спасет его, и он даже не заподозрит, что это я изначально его обрек. Если только я сам не скажу, — мальчишка смаргивает, на его лице расплывается улыбка, будто ему в голову пришла умнейшая на свете идея. — Наверное, перед тем как он умрет, я расскажу, что ему полагался собственный проводник и что я устранил ее, чтобы она не рассказала ему о происходящем. У Авен таких трудностей не будет. Я неотлучно буду подле нее во время путешествия и сделаю так,

что она станет королевой. Я позабочусь о вашей дочери. Можете не благодарить.

— И не собирался, — отвечает Роланд.

— Да, не собирались. Потому что сами о ней не особенно заботились. Она была вам в тягость.

Роланда неожиданно охватывает нестерпимое желание возразить. В больнице он посещал бесчетные встречи группы поддержки, где было полно перепуганных любящих родителей, чьи дети подошли вплотную к границе жизни и смерти и в самую последнюю секунду свернули — или не свернули, а перешли ее и сгинули навсегда. Он видел и утраты, и чудесные избавления и продолжал ходить на встречи, потому что узнавал в этих людях себя. Может, он и не горевал, как они; может, и не переходил, подобно им, к безнадежному смирению, но все-таки горевал.

И все то время, пока горевал, возвращался домой и целовал в лоб официально живую дочку, а потом загонял ее в постель, подливал в ее вечерний чай снадобья, дополняющие пилюли, которыми он подменял прописанные докторами лекарства, и спускался в подвал к никому не известной дочери.

Много лет Роланд знал: если обычным властям вдруг вздумается обыскать его подвал, он

не сможет объяснить, что за девочка спит там, снежно-белая и могильно холодная. В первый год и чуть позже, пока они обе были младенцами (Мелани почти постоянно спала, разве что изредка просыпалась, заливаясь судорожным плачем, или ее нужно было везти в больницу), его бы обвинили всего-навсего в разграблении могилы или, может, в некрофилии, в зависимости от степени извращенности полицейских. Тот факт, что рожденный до срока ребенок не похож на обычного, пусть даже и месячного, не помешал бы им сделать выводы: «Его дочь умерла при рождении, а в подвале мертвый ребенок, совершенно ясно, что он выкрал ее труп» — а инструменты у них отнюдь не так совершенны, чтобы определить, что Авен вовсе не мертва.

Но немертвые не прекращают расти, и Авен не была исключением. Она росла так же быстро, как Мелани, а иногда и быстрее. У нее такое же, как у сестры, больное сердце, ведь она была даже теснее связана с матерью в момент гибели Ариадны; если уж на то пошло, сердце ее в еще худшем состоянии, и Роланд совсем не уверен, что оно когда-нибудь сможет биться само. Но если она победит и станет Летом, в этом не будет нужды. Если она победит и станет Летом, законы жизни

и смерти будут действовать для нее иначе, и она освободится от оков тела. Как и ее сестра.

Когда Роланд помогал жене творить девочек, он не предполагал, что полюбит их; возможно, его любовь — это не та чистая простая любовь, которую он видел у других родителей, она больше собственническая, чем родительская, но они его дочери, его создания, его величайшее достижение, и он любит их, как бы это ни выглядело со стороны. Он гордится, что они прожили достаточно долго и дотянули до коронации, гордится, что Авен, по сути своей новорожденная, уже придумала, как ловчее его предать.

На плече Роланда сжимаются чьи-то пальцы. Сжимаются не так, чтобы показать силу, нарочно причинить боль, а так, словно их обладательница не осознает своей силы, не знает пока, что это такое — быть сильной. В небесах светит червивая луна. Зима убывает, многочисленные Ледяные Джеки готовятся снять мантии и вернуться к обычной жизни, пока она не наступит снова, все потенциальные воплощения Зимы с каждой минутой слабеют, неспособные понять, почему и как это происходит. Их служители сделают все возможное, чтобы подготовить их, но даже Роланд, алхимик и ученый, с трудом может

разобраться в их саморегулирующейся системе. Он не знает, как их будут готовить, чему Авен предстоит научиться. Все это для него тайна, одна из последних тайн этого мира, который столько раз разбирали на части и пересобирали ради удовольствия и удобства подобных ему.

Пальцы сильнее впиваются в плечо, дергают Роланда назад. Он твердо стоит на ногах, хотя и неумолимо отклоняется к той, кто ждет у него за спиной. Роланду хочется повернуться. Хочется увидеть ее, ожившую, хочется посмотреть, достались ли ей глаза Ариадны. У Мелани такие. Мелани так похожа на мать, что иногда смотреть больно, правда, Ариадна никогда не была настолько бледной. Его жена была настоящей женщиной, человеком из плоти и крови, а Мелани сделана из камня и снега. Авен, хоть они и росли вместе в одной утробе, другая — она из кукурузной шелухи и роз. У обеих сердца из шипов и колючек. Они узна́ют друг друга при встрече.

Мальчишка смотрит куда-то мимо Роланда и хмурится.

— Думаю, мне пора, — говорит он чуть ли не с почтением. — Чужаку сейчас здесь не место. Это семейное дело. Приятно было познакомиться, мистер Косгроув. Обещаю, я позабочусь о вашей

дочери.

Он поворачивается и уходит, а Роланд остается один на один со своим творением.

За последние семнадцать лет он частенько бывал наедине со своими созданиями, либо с одним, либо с обеими сразу, хоть они и не знали об этом, и не испытывает страха, когда Авен разворачивает его лицом к себе. Она залезла в шкаф сестры: на ней любимый свитер Мелани, если бы не волосы, девочки были бы неотличимы друг от друга. Роланд с Ариадной не раз пытались, но им так и не удалось сделать свои модели одинаковыми. Сезоны всегда прорывались наружу, так или иначе.

Лето — иссушенные на солнце кости на дне каньона, цвет, украденный жарой, на смену которому еще не пришла гарь. Зима — ночи, черные, как вороново крыло, цвет, пропитанный и затопленный холодом, на смену которому пока не пришла пора цветения. Роланд смотрит на Авен и понимает вот что:

У нее материнские глаза, глубинно-голубые, невероятно прекрасные, один в один как у Мелани. Глаза и лица девочек неотличимы. Обмакни одну в отбеливатель, а другую в чернила — они могли бы легко поменяться местами, и никто бы

ничего не заподозрил. Даже он сам, и с мгновение Косгроуву сложно убедить напуганное надрывающееся сердце, что перед ним действительно младшая дочь, что из-за коронации Авен действительно восстала со смертного ложа.

Она формировалась точно так же, как и ее сестра. Мелани жила за пределами лаборатории, бегала, лазала, смотрела на мир собственными глазами. А Авен впитывала концентрированную алхимию, электрические токи не давали ее мускулам атрофироваться, механизмы двигали ее по заранее разработанной схеме. Из них двоих именно Авен — его Галатея, но не он был ее скульптором: все решения касательно нее Роланд принимал, глядя на Мелани, на ее поступки, на ее выбор. Роланд создавал Авен по образу и подобию сестры, и теперь это зеркальное отражение смотрит на него серьезно и внимательно, но без всякого сочувствия и сострадания. Она его не любит, и это хорошо, потому что он понимает еще кое-что:

Сегодня он умрет. Ему не суждено увидеть коронацию, узнать, кому досталась корона, и почему-то именно это причиняет боль, именно это приводит в замешательство. Роланд начал эту историю: по собственной воле взял перо и на-

писал первые строки. В этом дерьмовом городке с его дерьмовыми лозунгами («Да здравствуют портлендские чудаки», как будто эти люди хотя бы вполовину такие чудаки, такие неформалы, какими сами себя считают) было бы только одно потенциальное воплощение, если бы Косгроув выбрал другую область для исследований или если бы Ариадна предложила другой вариант. Но он поступил вот так. Создал вот это. Поэтому было бы справедливо позволить ему посмотреть, что из этого выйдет.

Но ведь и Ариадна участвовала с ним наравне, точно так же делала расчеты, а когда пришло время и ничего не получилось с инкубатором и зародышами, именно она предложила традиционный способ, добровольно поместила два их величайших творения себе под сердце, выкормила не только омелой и ртутью, но собственным телом. Ариадне должна достаться такая же доля славы и вины, как и ему самому, а ей не довелось посмотреть, что из этого выйдет. Может, теперь наконец выровнялись чаши весов и все вернулось на круги своя.

Может, у него никогда и не было шанса.

— Здравствуй, папочка. — Голос у Авен сиплый, ведь она долго не разговаривала, чуть ниже, чем

у сестры, ведь та всю жизнь его самую чуточку повышала, пытаясь казаться более женственной и безобидной. Роланд никогда не понимал эту потребность женщин в современной культуре казаться незначительнее, но знает, что влияние идет извне: все вокруг говорит им каждую минуту и каждый день, что место, которое они занимают, украдено у кого-то, кто мог бы распорядиться им лучше, мудрее, принести больше пользы. Даже Ариадна была к этому чувствительна, а она могла бы стать королевой алхимических путей, если бы только работа их наставника шла чуть быстрее, если бы только у нее был доступ к чудесам Невозможного города. Когда Авен говорит, Роланд словно бы слышит Мелани, только без всех тех глупостей и культурного багажа, которые на нее взгромоздили, и упивается этим голосом, пусть даже и различает в нем собственный приговор.

— Здравствуй, Авен.

Она наклоняет голову к плечу, изучая его, и в этот момент становится похожа на насекомое.

— Почему ты меня так назвал? Мой служитель сказал мне, что мою сестру-близнеца зовут Мелани. Греческое имя. Означает «тьма». А Авен — ирландское. Они не сочетаются. Не подходят друг другу. А должны подходить.

— Но они подходят, — говорит Роланд как можно более осторожно. Она собирается его убить. Не стоит злить ее и ускорять грядущую развязку. — «Авен» означает «сияние». Тебе всегда предназначалось стать солнцем для ее луны, так мы и выбирали имена.

— Мы?

— Бóльшую часть работы проделала твоя мать. Ее интересовал символизм слов и имен, она лучше умела выбирать. Мы не успели определиться с вашими вторыми именами до того, как она умерла, и поэтому у вас их нет. Мне показалось неразумным давать их, не посоветовавшись с ней, — он пожимает плечами. — А посоветоваться уже было нельзя. Я сделал все, что смог, с тем, что получил.

А получил он беспрецедентную ситуацию, мертвую жену и мертвого ребенка, которому тем не менее требовалась куча внимания, и живой дочери оно тоже требовалось, если он хотел сохранить ей жизнь. А Роланд хотел, очень сильно, до сих пор хотел больше всего на свете. Чтобы девочки не умерли, нужно было очень много работать; и если бы он желал смерти хотя бы одной из них, то не поехал бы к Марчам требовать возвращения Мелани, когда увидел то видео.

(Где же именно он ошибся? Роланд всегда заботился о Мелани, старался, чтобы она ощущала столько свободы, сколько позволяло ее искалеченное, калечащееся сердце, очень аккуратно прочерчивал границы между родительскими ограничениями и ограничениями, которые накладывало ее здоровье. Когда ей исполнилось четырнадцать, он начал отпускать ее на свидания с Гарри, почти за год до того, как родители других девочек разрешили им выходить одним без сопровождения. И да, отчасти Роланд делал это из-за того, что знал: тело Мелани не позволит ей пересечь определенную черту, ее добродетель останется нетронутой до коронации, если она до нее доживет; и все равно ведь отпускал. Мелани должна была ему доверять, понимать, что он действует в ее интересах, должна была прийти к нему со своими проблемами и тревогами, если что-то случится (например, сердце перестанет биться в груди), а не сбегать с мальчишкой, который смотрит на нее, точно щенок на лакомство.)

Авен тихонько и вопросительно хмыкает. В этом звуке угадывается неудовольствие, и Роланд чуть приосанивается. Он никогда не желал становиться главным злодеем этой истории, только не для своих девочек, только не для мира. Он

желал лишь того, чего желает любой истинный алхимик — отодвинуть границы человеческого знания чуть дальше к лучшему, к светлому, понять, как работает вселенная, и, возможно, присвоить кое-что себе. Да, он хотел власти. И что? Ариадна тоже хотела, умерла с этим желанием, умерла, требуя, чтобы он закончил то, что начали они вдвоем. Его нельзя винить в том, что он таков, каким создал его этот мир, с таким же успехом можно винить дочерей за то, какими он сам их вылепил.

Его девочки. Его шедевры. Его дети. Может, кукушата Рида и могущественнее его дочек, они созданы, чтобы воплотить целую вселенную, а его творения предназначены лишь для сезонов, но он знает их и как отец, и как создатель: он был рядом, смотрел, как они растут, и верит, искренне верит, что так они стали сильнее.

— Ты позволил ей очнуться и жить, — говорит Авен, она либо совсем не потрудилась скрыть яд в своем голосе, либо пока не осознает, что он там есть. Да, она зла на него, эта сияющая девочка из белоснежной сахарной ваты, его собственное творение, она в ярости.

Скоро она это поймет, если уже не догадалась.

— Почему ей, а не мне? — Она придвигается

ближе, не отрываясь смотрит Роланду в глаза, и он не может не отмечать про себя маленькие отличия. Мелани, пусть и бледная из-за долгого сидения взаперти и из-за своей природной связи с блеклой зимой, по крайней мере видела солнце: у нее на щеках и на переносице несколько бледных веснушек. А над губой справа шрамик, уже сгладился, словно ошкуренная отметина на буковой дощечке, — это она в первом классе упала с качелей и рассадила губу.

Она жила в мире, а мир жил в ней, у Авен никогда этого не было, и Роланд понимает ее злость, правда понимает, хоть и жалеет, что не успел вернуться домой до появления Кукурузного Дженни, до того, как в уши дочери полился безжалостный яд, до того, как его выставили негодяем, донельзя все упростив. Если бы только Роланд хоть чуточку подумал о том, что́ падение Мелани означало для Авен, и не бросался бы вслед за детишками, он смог бы повернуть историю совершенно по-другому.

Но слишком поздно. Склонив голову к плечу, Авен внимательно смотрит на него, и Роланд понимает: если не ответить сейчас, другой возможности ему не представится.

— Она родилась первой, и ей навредила моя

собственная неосмотрительность, — говорит он. — Доктора уже понимали, что ее можно спасти. А ты осталась в утробе матери. И должна была задохнуться, поэтому, когда ее тело увезли из больницы на похороны, мне разрешили забрать и тебя.

Сколько заклинаний, сколько доработок пришлось использовать той ночью, сколько было выматывающих попыток стереть все странности из памяти медиков. Из-за вмешательства в разум одна медсестра полностью потеряла способность воспринимать все деревянное, ведь Роланд действовал в панике и в горе. О ее гибели писали на первых полосах: уважаемая дама врезалась в упавшее дерево, даже не подумав нажать на тормоз. Та заметка хранится наверху в его подшивке, любопытный курьез и напоминание о том, что алхимия не терпит беспечности, но Роланд не огорчился. С чего бы? Он видел ту медсестру лишь однажды, и она не смогла остановить роды, не позволила ему спасти жену.

Первоначальный план был честолюбивым, но вполне реальным: алхимическим способом создать двух младенцев, опираясь на исследования Рида и другие задокументированные источники, вроде Шелли и Фрэзера, чьи попытки сотворить

живое существо привели к удивительным и ужасным результатам. Позволить детям расти обычным порядком, должным образом привязать их к календарю и остановить их развитие в утробе Ариадны в день солнцеворота. У Роланда еще остались те зелья, которые они вместе смешивали в его кабинете, они заперты в маленьком надежном сейфе, на память и в назидание. Младенцы должны были находиться в состоянии клинической смерти до равноденствия, восьмимесячные, готовые сделать свой первый вдох одна до, а вторая после полуночи, Мелани — зимой, а Авен — уже весной.

Единственная опасность, о которой они тогда подумали, заключалась в том, что Авен могла бы, и то не наверняка, оказаться более тесно связанной с весной, чем с летом, но было совершенно невозможно произвести девочек на свет в их родные сезоны, они рисковали потерять обеих. План был хороший. Отлично смотрелся на бумаге, во время испытаний все работало как надо, все было логично.

Но когда Роланд дал Ариадне первое зелье, она ахнула, пошатнулась и сказала, что чувствует, как зима завыла у нее в костях: сезон не пожелал отступить. Они никак не могли втолковать все-

ленной, что просто-напросто пытаются добиться совершенства; вселенная поняла лишь, что у нее хотят забрать совершенный сосуд для живой Зимы, и среагировала соответственно. Процесс не замедлился, а ускорился, и начались роды.

Авен поджимает губы.

— Я тебе не верю. Тревор говорит, ты алхимик, один из лучших, ты должен был спасти нас обеих.

— Я спас вас обеих, — с тихим отчаянием возражает Роланд. Она его дочь. Он хочет, чтобы она его любила. Чтобы поняла: все, что он сделал, он сделал ради любви к ней и ее сестре. — Доктора забрали бы тебя у меня. Возможно, тебя поместили бы в кувез, но не смогли бы поддержать твою связь с летом. Ты бы угасла и умерла, у тебя не было ни единого шанса. А так ты хотя бы смогла вырасти. И посмотри только! Посмотри только на себя. Ты совершенна.

Не следовало этого говорить. Роланд сразу понимает это по ее помрачневшему лицу и сжатым губам, Авен делает шаг назад, подальше от него.

— Если я совершенна, то почему ты не разбудил меня, как только началось лето? Почему не вырастил нас обеих?

— Авен…

Тому было много причин. Веских, ужасных, бесчисленных причин. Во-первых, он никак не сумел бы объяснить появление второго младенца; и волосы у девочек такие разные, что не получилось бы выдать их за одного ребенка, пока им не исполнилось хотя бы три или четыре года; Роланда бы обвинили в краже собственной дочери, заставили сдавать кровь и делать тест на отцовство, и тут могли бы вскрыться такие факты, к которым мир еще не готов. Да, он был их отцом, несомненно, на генетическом уровне, и в то же время не был, точно так же, как они были и не были близнецами, статуи, созданные по одному образцу, зеркальные отражения погибшей Ариадны, но при этом их сотворили из настолько разных материалов, что Роланд и сейчас не уверен, даже после всех операций, которые перенесла Мелани, что́ именно обнаружили бы врачи, сравнив образцы обеих девочек под микроскопом.

— Твое сердце так и не начало биться, — говорит он. — Тебя извлекли из тела матери уже мертвой. Это правда. Из-за зелья, которое она выпила перед тем, как начались роды, ты не менялась после смерти, а потому твое тело не разлагалось. Я смог воскресить тебя, но не смог

исправить нанесенный урон. Я стимулировал твое тело, чтобы оно росло, хранил его в состоянии клинической смерти, не сдавался в надежде на коронацию. Я не знал, случится ли она на твоем веку. Не знал, продержится ли сердце Мелани достаточно долго, чтобы у тебя появился шанс.

— Сердце Мелани было важнее моего? — Авен прищуривается, становясь похожей на готовую к броску змею.

Роланд, все еще одержимый заблуждением, будто можно как-то все объяснить и выбраться из того лабиринта, который он сам нагородил, мотает головой.

— Нет, вовсе нет. Но вас создали близнецами не просто так. Мы хотели, чтобы вы воплощали каждая свой сезон, хотели, чтобы вы отражали друг друга, чтобы между вами была связь. Чтобы вы зависели друг от друга.

«Чтобы контролировали друг друга», — добавляет он про себя. Если бы все пошло по плану, то можно было бы добиться послушания от одной, причиняя боль другой. Боль отраженная иногда бывает хуже обычной.

Но теперь у Мелани, судя по тому видео, возникла связь с мальчишкой Марчем. Начало коронации сбило ее с ног, как и подобает тем, чей

король умер, когда его сезон технически находился в восходящем положении, и буквально в тот же миг умер Гарри, хотя близкой весны должно было хватить, чтобы он устоял, хотя бы на время. Он умер бы в день зимнего солнцеворота вместе с другими претендентами на лето, пережившими свой сезон, а потом лишь один, связанный с победившей Зимой, в конце концов пробудился бы в конце сезона.

Надо убить Гарри, и Авен сможет вновь заявить свои права на Мелани. Это так просто, так очевидно. Так сложно. Из-за людей все всегда усложняется.

— Ну что ж, папочка, полагаю, теперь я ни от кого не завишу. — Она снова придвигается к нему, уже не щурится — улыбается. Сердце екает у Роланда в груди. Он сам сотворил это чудовище, эту сладкую летнюю девочку, которая смотрела сны, пока ее ледяная сестра плясала, веселилась на днях рождения, ходила на тренировки чирлидеров, превозмогая сложности и опасности. — И уж точно не завишу от тебя.

— Что ты собираешься со мной сделать?

Не стоило задавать этот вопрос, Роланд понимает это сразу же, как только тот слетает с языка: ведь, когда Авен ответит, ей придется следовать

выбранному курсу.

— Ничего дурного, папочка, — она смотрит на него широко распахнутыми глазами, такими невинными, что Роланду почти удается ей поверить, убедить себя, что она всерьез. Но Авен невинна всегда, что бы ни делала, и стремится утолить свои еще не оформившиеся желания немедленно, прямо сейчас. Она родилась семнадцать лет назад. Она родилась сегодня.

— В конце концов, ты убил мамочку.

Вот оно: ему уже не выбраться.

Роланд Косгроув закрывает глаза. Что бы ни произошло дальше, он не почтит это взглядом.

Но смотреть ему, конечно, придется — когда она отрежет ему веки. Всему, что знает, Авен научилась у него, а Роланд учил ее сражаться и побеждать в войне с неведомым противником, о подготовке и способностях которого ничего не известно заранее. Если на Авен надавить, она с радостью докажет, что остается дочерью своей матери, пусть даже и проспала почти всю жизнь.

К тому времени как она отпускает Роланда, на горизонте уже встает солнце, Гарри и Мелани далеко, они въезжают в Калифорнию и не оглядываются по дороге.

Побережье Калифорнии

ПО КАЛЕНДАРЮ:

12 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

— Чур, я первая в душ! — радостно кричит Мелани и бросается через весь номер мотеля прямо к узенькой двери. Гарри отходит с дороги, давая ей проскочить. Джек, которая хоть и младше, но в некоторых отношениях сообразительней, даже внутрь не заходит, пока Мелани не скрывается в ванной.

Дверь хлопает, и Джек начинает демонстративно разгибать пальцы один за другим, высоко подняв руки для пущей наглядности:

— Десять, девять, восемь, семь… — считает она.

Дверь распахивается, и из нее высовывается голова Мелани:

— Первым в душе оказался паук, никогда таких громадных не видела.

— Хочешь, я его поймаю? — спрашивает Гарри.

— Когда это я просила тебя помочь мне с пауками? Просто хотела предупредить, а то вдруг он выйдет и затребует себе кровать, — голова

исчезает.

Джек, бросив считать, наконец вваливается в номер, падает на ближайшую к окну кровать и объявляет:

— Это моя.

— Кому-то придется лечь на полу, — с сомнением замечает Гарри.

— Или вы с Эльзой наконец бросите притворяться, будто вам не хочется спать в одной постели, и ты не будешь ждать, пока я засну, чтобы залезть к ней под одеяло.

Гарри хмурится.

— Ее зовут Мел, и мы просто стараемся вести себя тактично. Тебе всего двенадцать.

— Вообще-то, тринадцать. После восхождения я решила не стареть, так почти все делают, и я не постарею, пока не откажусь от своего решения.

— И когда это будет?

— Не знаю, — отвечает Джек, лениво растянувшись на кровати и закинув руки за голову. — Какая у нас исковая давность по родительским заявлениям? Если пропавшая без вести двенадцатилетка объявится десять лет спустя, а ей все еще будет двенадцать, ее отдадут семье или просто растерянно скажут: «Ну что ж, видимо, естественный феномен, давайте ее отпустим»?

— Честное слово, понятия не имею, — удивленно смаргивает Гарри.

В ванной льется вода, и этот звук эхом отдается в обшарпанном номере. Лицо Гарри из недоуменного делается хмурым.

— Здесь бы не помешал хороший ремонт.

— Ну да, зато дешево, покажи какое-нибудь удостоверение с фоткой, за номер заплати — и ночуй. Чего нельзя сказать о тех местах, к которым привык ты. Если мы не хотим, чтобы твои родители нас разыскали…

А они совсем не хотят, чтобы родители Гарри их разыскали, меньше всего на свете хотят (разве что больше боятся, что их разыщет отец Мелани, эта угроза висит над ними, гораздо более страшная, неотступная, реальная; никто и не подумал, что следует опасаться сестры Мелани, даже Джек, которая точно знает, что она жива). По пути из Портленда они останавливались возле каждого встречного банкомата (неважно, какого банка), и Гарри снимал все, что мог, пока родители не сообразили, что происходит, и не заблокировали его карты. Пока еще не заблокировали кредитку, и Гарри надеется, что родители решили — вполне обоснованно, на них ведь отец Мел наорал, да и она тоже пропала, — что Гарри и Мелани сбежа-

ли и их никто не похищал. Мама и папа вряд ли обрадуются, что сын сбежал с подружкой-старшеклассницей (мама наверняка поморщится, как морщится всегда, когда молча не одобряет его сомнительные поступки), но поймут, особенно если доктор Косгроув пригрозил больше не подпускать Гарри к Мел.

Родители знают, что́ именно Мелани значит для Гарри, насколько ее болезнь сформировала его подростковую жизнь, пока он пытался как можно дольше удержать ее рядом с собой. Отец, наверное, сочтет побег романтичным: вроде как Мел наконец-то официально умирает, и они с Гарри сбежали, чтобы провести ее последние мгновения вместе, вероятнее всего, на живописном побережье или где-нибудь в этом роде. Он будет возражать против любых попыток заблокировать карточки сына, но не станет напрямую звонить и выяснять, как дела. Если отец узнает наверняка, где сейчас беглые подростки, то будет чувствовать себя обязанным сообщить властям. А если не узнает, то и сообщать не придется.

Это вполне в духе отца, поэтому Гарри не особенно удивляется, что кредитка до сих пор действует. Гораздо больше его удивило единственное сообщение от матери, которое пришло

около полуночи после бегства, всего два слова: «Не останавливайтесь».

Мама знает, что́ Гарри натворил? Кем стал, кем стала Мелани, кем они, видимо, были всегда? Знает, почему в детстве их как магнитом притянуло друг к дружке и они не могли сопротивляться этому притяжению? Даже когда ему полагалось бегать от нее с воплями: «Вшивые девчонки!», он вместо этого тихонько сидел подле Мел, забросив все остальные дела. И если бы Мел не приходила на футбольное поле и не болела за него, когда он играл с мальчишками, то, возможно, Гарри так никогда и не попал бы в этот спорт, пожелав остаться возле нее. Неужели мама знает?

Или просто думает, что у них те самые редкие, но вполне естественные отношения, которые иногда случаются между детьми, встретившимися в нужный момент, отношения, которые воспевают певцы в стиле кантри и на которых делают карьеру авторы любовных романов? Он всегда думал, что в этом-то все и дело. Думал, что любит Мел, потому что это Мел, а не потому, что она какой-то там метафизический сосуд для зимы, а он — для лета.

Если верить Джек, Гарри всегда был чуточку прав: потенциальные аватары сезонов испыты-

вают друг к другу сильные чувства, не могут не испытывать, но в основном при первой встрече вызывают друг у друга отторжение.

— Бывало у тебя так, что встретил кого-нибудь и больше всего на свете хочется заехать в морду этому идиоту, даже если при этом ничего плохого он не сделал? — спросила Джек вчера вечером, когда они устраивались в первом, но, по всей вероятности, отнюдь не последнем мотеле. — И тебя сразу охватывает ненависть, прямо как в театральной пьесе.

Гарри помолчал, а потом сбивчиво признался, что несколько раз с ним такое бывало. Джек довольно ухмыльнулась, опершись о комод.

— Скорее всего, это были другие потенциальные воплощения сезонов. Может, твоего сезона, а может, ее, на самом деле неважно. Они вызывают у тебя инстинктивную ненависть, потому что ты уже знаешь, что в итоге останется только один. Одна голова, одна корона.

— Но я не ненавижу Мел, — возразил Гарри. — Иногда злюсь, когда она не делает то, чего я очень-очень от нее хочу, или я не делаю чего-то, что она хочет от меня, или когда ей приходится лечь в больницу, а мы что-то запланировали, но я никогда не испытывал к ней ненависти.

— Нет. И не смог бы. Она твоя параллель.

Эти слова Гарри не понравились, и сейчас не нравятся. Мел обычно торчит в душе не меньше четверти часа, а часто и дольше, если думает, что ей это сойдет с рук и горячей воды хватит. Этот номер вполне соответствует ожиданиям Гарри: всего восемьдесят долларов за ночь, далеко от шоссе, поэтому туристов мало; а значит, насколько хватит горячей воды — остается только гадать. Может, минут на пять, а может, на всю ночь. В любом случае, стоит рискнуть.

— Ты тут в прошлый раз кое-что говорила, — начинает он. Джек смотрит на него вежливым взглядом учителя, которому приходится втолковывать что-то особенно тупоумному ученику — такой вполне мог бы усвоить материал, если б только чуточку вдумался в услышанное. — Что Мелани — моя параллель.

— А, да. В конечном итоге каждый сражается за корону в одиночестве. Ты можешь победить, а она проиграть, и наоборот. Но ты будешь сильнее, если вступишь в состязание с уже привязанной второй половиной, как раз так у вас с Мелани и вышло. Вместе вы образуете устойчивое основание и можете попытаться заполучить сразу два сезона. Ну, как если переплести пальцы, — Джек

поднимает руки и переплетает собственные пальцы для примера. — Можно ударить гораздо сильнее.

— Но ударить получится только раз, — возражает Гарри.

— Метафора не совсем точная. С ними такое сплошь и рядом, — Джек пожимает плечами, а потом со стоном падает на подушку. — Не я должна все это объяснять. Я стала асцендентом всего год назад. Едва хватило времени опробовать сезоны, не говоря уже о том, чтобы понять! Если увижу когда-нибудь твоего служителя, я ей зубы выбью, богом клянусь!

— А мой служитель — это та кукурузная Дженни, которая, по твоим словам, вот-вот должна появиться?

— Да, — Джек истово трясет головой. — У каждого потенциального воплощения есть служитель-асцендент, спорим, ты такое быстро не выговоришь пять раз подряд. Поэтому, когда началась коронация, у тебя уже должна была быть своя собственная Кукурузная Дженни, — Джек произносит это имя чуть иначе, Гарри буквально слышит в слове «Кукурузная» заглавную букву, это уже не имя нарицательное, а имя собственное. Сам он не уверен, что сможет выговорить

так же, но точно это слышит, хоть что-то для начала. — Она должна была появиться и объяснить все, что я пытаюсь объяснить вам обоим, и твои вопросы всегда были бы для нее важнее, и она сумела бы растолковать все с летней точки зрения. А я не могу. Я всегда говорю от имени того мира, где безраздельно властвует зима, ничего другого я не умею.

— А все кукурузные, извини, Кукурузные Дженни — женщины?

— Нет, но те две, которых я знала, были женщинами, — Джек небрежно взмахивает рукой. — Я плохо объясняю, если у тебя сложилось впечатление, что тут имеет значение, мальчик ты или девочка. Воплощения и асценденты — всегда люди, поскольку именно так и можно стать антропоморфным воплощением природной силы. Какой иначе смысл, если ты на самом деле не антропоморфный?

— Ладно, тогда почему их называют Дженни?..

— Потому что я отказываюсь зваться Ледяной Джилл или какое еще идиотское соответствующее полу имечко придумали бы для моей должности, если б решили всех поделить на мальчиков и девочек; по мне так все имена гендерно нейтральные. Ты никогда не задумывался

вот о чем: никто и ухом не ведет, когда ты зовешь подружку Мел, хотя обычно это мужское имя, но при этом никто не зовет тебя Гарриет?

— Я бы тогда сразу в морду дал, — рычит Гарри и вдруг с удивлением осознает свою внезапную вспышку злости.

— Вот видишь? Меня ты зовешь Джек, ее — Мел и ухом не ведешь, тебе и в голову не приходит, что этим ты оскорбляешь нашу женственность, но стоит кому-нибудь покуситься на твою мужественность, ты мигом набросишься на бедолагу. Так что отчасти мы держимся за Кукурузную Дженни в силу традиции, а отчасти потому, что нам приятно звать парней, которых призывает на службу лето, таким имечком, от которого их корежит. Это мир мужчин, дружок. Не отнимай же у нас последние маленькие радости.

Гарри чувствует, что ему вообще-то положено оскорбиться, а потом чувствует себя дураком, раз собрался обидеться на слова двенадцатилетки, которой, может, исполнилось тринадцать, а может, и нет. В любом случае, она даже в старшую школу еще не перешла.

— Понял. Извини.

— Все нормально. На тебя много информации свалилось, и на посторонний взгляд это все не

очень логично, а ты уже очень-очень внутри, хотя смотришь на все со стороны. Во всем виноваты французы.

— Что? Почему?

— Свалить все на французов — всегда прекрасная идея, но в этом конкретном случае они виноваты потому, что множество таких вот понятий попало в английский через французский, а французский очень гендерно ориентированный язык. Вот на все подряд и навесили соответствующий ярлык: «девочка» или «мальчик», а все сезонные асценденты получают имена на том языке, который лучше всего подходит для их территории. Честное слово, если мы по правде углубимся в семантику, получится довольно странно: почему именно Кукурузная Дженни, а не какой-нибудь Урожайный Джек? Все остальные-то Джеки.

Гарри хмыкает. Это все интересно, правда интересно, но такие разговоры можно вести и при Мелани. Он оглядывается на дверь ванной и, убедившись, что она еще закрыта, опять смотрит на Джек:

— Так что же, Мелани не вызывает у меня неприязни, потому что она моя параллель?

— Нет. Если уж на то пошло, ты должен был бы

ее избегать. Не ненавидеть, но держаться подальше. В конце концов, она твоя противоположность. Тот факт, что вы оба решили не сражаться, а сойтись, просто-напросто означает, что вы будете сильнее во время грядущей коронации.

— Я думал, коронация — это событие такое. Как свадьба или выпускной. А не состязание.

— Это и будет событие, в самом конце. Это как… как прием перед началом выставки или когда на дне рождения все сначала ходят вокруг да около, не заикаясь про подарки и торт. Такая развлекательная программа. Фильм-катастрофа. — Джек усаживается на кровати и окидывает Гарри мрачным взглядом. — Событие будет. Когда последние двое уцелевших заявят права на короны, тут-то и будет событие. Коронация началась, как только умерли старые воплощения, а новые вступили в состязание.

— Я ни с кем не состязаюсь.

— Конечно, состязаешься. На данном этапе ты участвуешь просто потому, что остался в гонке. И отчасти поэтому связь с параллелью делает тебя сильнее. Ты можешь делать всякое такое, за что при обычных обстоятельствах тебя бы дисквалифицировали из-за слишком тесной связи с другим сезоном.

— В смысле, Мелани поест мороженое и больше не сможет считаться зимой?

— Не совсем, но что-то в этом роде. Скорее, если Мелани купит цветочные семена и посадит их в горшок, ее дисквалифицируют за летние делишки. И тогда она умрет, потому что до сих пор ее поддерживает только огромное количество зимы, втиснутое в те переломанные пчелиные соты, которые она зовет сердцем.

— Сезонам ни к чему плебейские штучки вроде органов, — бормочет себе под нос Гарри, и Джек смотрит на него одобрительно, как учительница, радующаяся, что ученик наконец-то что-то усвоил.

— Отныне и впредь будет сплошной символизм, приятель, — говорит она. — Символизм и смертоубийство.

— На самом деле я не собираюсь никого убивать, — встревоженно отвечает Гарри.

— Если повезет, тебе и не придется. Другие претенденты уже избавляются от соперников по всему континенту, потом примутся выслеживать друг друга, чтобы проредить конкурентов. Если нам повезет и вы не будете нигде задерживаться (и не столкнетесь при этом лоб в лоб с другим претендентом, который, вооружившись

серебряным серпом, нацелился устроить жатву), вам, возможно, удастся добраться до лабиринта, вообще не пролив крови, — Джек невозмутимо разглядывает свои ногти. — Но, разумеется, гораздо вероятнее, что смертоубийство будет. Раньше все происходило иначе.

— А почему теперь так?

Джек опускает руку.

— Потому что единственный способ устранить конкурента — это либо убить его, либо заставить отречься от своих прав на корону, чтоб он сказал это недвусмысленно и искренне. Нельзя отречься случайно, нельзя вынудить кого-то отречься хитростью. Ты должен понимать, что отсекаешь себя от своего сезона.

— Надо так и сделать! — Гарри внезапно охватывает волнение, он резко распрямляется. — Мы отречемся и поедем домой, и все снова будет нормально.

Джек бросает на него жалостливый взгляд.

— Я же знаю, ты умный. Что конкретно ты не понял в этой фразе: «Сердце твоей девушки остановилось, и она уже два дня как мертва»? Мел получит корону или умрет. С концами, финита, никакой больше Мелани. Для нее другого выхода нет.

— Пересадка…

— Ее не спасет, потому что она уже мертва, — Джек качает головой. — Она умерла в тот самый момент, когда рухнула на футбольном поле, когда зима у нее внутри развернулась и утвердила себя. Теперь Мелани остается только победить. Ты можешь отделиться от сезона, если пожелаешь. Нам будет тебя не хватать. Но, конечно, ты тоже умрешь. Теперь, когда лето тебя заполучило, ты либо победишь, либо умрешь.

Гарри смотрит на нее ошалело, и Джек едва сдерживает смех.

— Мне приходится объяснять тебе все то же самое по пятому разу, а Мел, один раз услышав, сразу задает вопросы. Не потому, что внимательнее слушает. А потому, что она ближе к коронации. Все ее покровы были сорваны, когда ее сердце перестало биться.

— Я не… Не могу…

— Гарри, — Джек вздыхает. — Мы говорили про это вчера вечером. Клянусь тебе, говорили. Я все тебе объяснила, хотя до того уже объясняла в закусочной, в машине, в ботаническом саду. Отец Мелани был алхимиком, и она прожила с ним семнадцать лет. Хоть он и пытался скрыть от нее истинную природу своих занятий и ее проис-

хождение, фонового излучения в доме хватило, чтобы подготовить ее, чтобы она приняла все это как реальность и не списала на иллюзию. Ты другое дело. Все это время ты жил в «реальном» мире. Алхимия, волшебство, Зимние и Летние короли и королевы — для тебя все одно. Сказочки. Чушь, потому что в той жизни, которой ты жил, это и было чушью. Ты приспосабливаешься, но приспосабливаешься медленно. Что логично. Ты настоящий человек. А Мелани — нет, и потому приспособилась быстрее.

— Не человек?

— Не настоящий человек. В смысле, она существует, она с нами, она стала тем человеком, которым должна была стать, настолько же вопреки отцу, насколько и благодаря ему, и теперь она есть на свете, и придется приложить усилия, чтобы ее не стало, точно так же, как и с любым другим человеком. Но в самом начале она не была реальной. Она Кожаная лошадь, и ты любил ее так сильно, что она стала чем-то бóльшим и более осязаемым, чем могла бы стать сама по себе.

— Кожаная лошадь?.. — Голова у Гарри идет кругом. Джек говорит все это с таким видом, будто все логично, перескакивает с одной темы на другую, ведет разговор к какой-то точке и не

останавливается по дороге посмотреть, успевает ли за ней Гарри. Будто он ребенок, а Джек почти взрослая. От этого мозг взрывается. Гарри хочется, чтобы она прекратила.

— Ты читал «Плюшевого кролика»[5]? — спрашивает Джек. И когда Гарри отрицательно качает головой, вздыхает. — Жуткая книжица, настоящий кошмар для детишек, никогда им ее не давай, их от нее плющит изнутри. Там написано, что игрушки живые и занимаются своими делами, когда детей рядом нет.

— Как в «Истории игрушек», — радуется Гарри, потому что наконец-то ухватил суть того, что Джек пытается сказать.

— Ага, видимо, именно оттуда и взяли идею для мультиков. Так вот, в книжке описывается плюшевый кролик, новенький, красивенький, а у мальчика, его хозяина, есть еще лошадка-качалка, обтянутая настоящей лошадиной шкурой. Сразу видно — классическая детская литература. Прямо в детской стоит таксидермическое чучело. В общем, эту лошадку-качалку зовут Кожаной лошадью, и, разумеется, это вовсе не жуть и совсем не крипово.

---

[5] Примечания: 5

Марджери Уильямс, «Плюшевый кролик, или Как игрушки становятся настоящими».

— И Кожаная лошадь пробыла в детской уже много-много лет, поэтому знает то, чего не знают другие игрушки, — добавляет Мел.

Гарри оглядывается через плечо, Мел, обернувшись в полотенце и перекинув волосы через плечо, стоит на пороге ванной, мокрая, раскрасневшаяся после горячего душа. Принюхавшись, Гарри чувствует во влажном воздухе запах дешевого мотельного шампуня. Непонятно, сколько уже она вот так стоит и что услышала.

— Например, что дети вырастают и забрасывают свои игрушки, и всегда появляются новые дети, — продолжает Мел. — И Кожаная лошадь знает, что такое быть настоящим. Она учит плюшевого кролика, потому что, хоть они и просто игрушки, игрушки могут любить точно так же, как настоящие существа. Лошадь говорит: «Настоящий — это не то, как тебя сделали, а то, что с тобой случилось. Если ребенок любит тебя долго-долго, не просто играет с тобой, но по-настоящему любит, тогда и становишься настоящим», — Мелани качает головой. — Мне всегда казалось, что это самые замечательные слова, какие только могут быть в книжке, и самые опасные тоже. Я пыталась полюбить своих кукол так, чтобы они стали настоящими и никогда меня не покида-

ли, но у меня не ничего не вышло. И что же это говорит обо мне самой? Я не была достаточно хорошей и не могла полюбить кого-то так сильно, чтобы сделать настоящим?

Гарри удивленно моргает. Это не тайна, не совсем тайна, ведь тайн между ними вроде как нет, но все равно он никогда раньше такого от Мел не слышал, а ему-то казалось, им уже нечем друг друга удивить. Их нельзя назвать скучной парой, и ему никогда не было с ней скучно, но их отношения перешли в ту длительную и уютную серединную стадию, которая наступает в любых хороших отношениях, романтических или платонических, когда люди настолько друг друга знают, что сюрпризы случаются очень редко.

По крайней мере, Гарри думал, что у них такая стадия. Может, его ждет больше сюрпризов, чем он ожидал.

— Реальность не так устроена, — поясняет Джек извиняющимся голосом. — Автор этой книги…

— Тоже алхимик? — перебивает Мелани.

Гарри вдруг понимает, что с самого побега из Портленда она не принимает лекарства; он знает, что она забрала их из своей спальни, — видел их в ее рюкзаке, когда Мел открывала его, доставая чистую одежду, еду или расческу, но ни разу

не видел, чтобы она их принимала. В обычной ситуации настроение Мел сглажено и стабилизировано седативными препаратами, которые не дают сердцу биться слишком часто, а теперь это настроение возвращается к своему естественному состоянию.

— Да, — соглашается Джек. — Она писала о том, как создавать алхимических слуг, точно как и Шелли, просто не так… физиологично.

— Неужели ни один писатель на свете не написал ни одной чертовой книжки просто так — не для того, чтобы зашифровать в ней тайные алхимические знания для будущих учеников? — сердится Гарри. — Какая-то паршивая выходит школа. «Никаких вам, детишечки, учебников, зато вот девятнадцать детских книжек и еще пара томов классической фантастики, из них вы почерпнете базовые принципы, если зажмуритесь хорошенько».

Джек выдавливает улыбку.

— Бóльшая часть книг написана не алхимиками, — говорит она успокаивающим тоном. Никто в результате не успокаивается, но она хотя бы пыталась. — Любая литература — разновидность алхимии, буквы превращаются в слова, а слова — в послание из прошлого, как будто кидаешь в

море бутылку с запиской. Так что, если так на это посмотреть, все писатели — алхимики и должны зваться совсем иначе.

Гарри фыркает. Джек машет на него рукой.

— Нет, не в том смысле, который ты имел в виду, нет, не все писатели — алхимики. В наши дни алхимики по большей части идут в науку или медицину, там у них есть доступ к необходимым для работы материалам. Но раньше у них ловчее получалось скрывать в подвалах лаборатории, и нужно было как-то коротать вечера, вот и писали книжки: и циркуляцию знаний обеспечишь, и камнями не забьют на деревенской площади. А еще так они влияли на то, как видят мир неалхимики. Неалхимиков всегда больше, чем алхимиков.

— Допустим, и?.. — спрашивает Гарри.

— И убедить другого алхимика в том, что ты знаешь, как устроен мир, а он сам ошибается, практически невозможно, — говорит Джек. — Алхимики — упрямые ребята. А как иначе, если ты не покупаешь в магазине десяток светящихся неоновых палочек, как все нормальные люди, а дистиллируешь лунный свет и льешь его в реку, чтобы светилась по ночам. Алхимики не любят «практичные» вещи, если можно сотворить что-

нибудь «нелепое, но великолепное». А поскольку вселенная по крайней мере отчасти работает так, как это себе представляют люди…

Мел, все еще обернутая в белое мотельное полотенце, подходит к кровати. Запах дешевого шампуня усиливается, но Гарри все равно; ведь этот запах мешается с ароматом разгоряченной кожи и чистой воды. Вот уже два дня Мелани не останавливалась, чтобы отдышаться, и не хваталась за стены, только что она приняла душ и закрыла дверь, хотя обычно оставляет ее открытой на случай, если упадет в обморок и ей понадобится помощь. Ради такого можно потерпеть и запах дешевого шампуня.

— Именно поэтому силы природы и воплощаются снова и снова после того, как это случилось с ними впервые? — спрашивает Мелани. — Потому что люди верят, что так оно и есть?

— Именно, — довольно отвечает Джек. Ей нравится, когда слушатели улавливают, куда она клонит. — Луна превращается в человека, потому что этого желают алхимики, они написали несколько книжек, в которых луна предстает человеком, и тогда все остальные люди на свете, которые не являются алхимиками, поверили, что иногда луна становится человеком. И бремя этой

веры, этой убежденности на самом деле меняет вселенную.

Гарри плюхается спиной на кровать.

— У меня голова от этого трещит, — жалуется он.

— Тогда прекрати задавать вопросы, — отвечает Джек.

Он приподнимается на локтях и хмуро смотрит на нее.

— Я думал, ты хочешь, чтобы мы все поняли.

— Не совсем, — пожимает плечами Джек. — Если ты готов принять тот факт, что сердце у Мелани не бьется и не забьется снова, пока она не получит зимнюю корону, а ты, если хочешь остаться с ней, должен получить летнюю, значит, я со своей работой справилась. Если ты будешь сражаться с другими претендентами, когда они явятся к тебе, и будешь избегать их, когда решишь, что не справишься с ними, значит, ты знаешь все, что я должна была тебе объяснить.

— Не уверен, что смогу кого-нибудь убить. Я просто не… Нет. Вряд ли смогу.

— Не все из них будут стремиться убить тебя, — отвечает Джек. — На последней коронации в Европе будущая Летняя королева убила шесть человек в самом конце и выиграла семнадцать

битв покемонов. Таскала с собой повсюду большую колоду карт и бросала соперникам вызов: пусть обыграют ее, если им нужна корона. Никому не хотелось убивать одиннадцатилетнюю девчонку, вот они и соглашались, только она им не рассказывала, пока не отрекутся, что сама годом раньше участвовала в мировом чемпионате. Не победила тогда, но заняла второе место. Она крутая, была бы я Летним асцендентом, тут же купила бы билеты в Европу, как про нее узнала. Служить такой Летней королеве гораздо лучше, чем спящей.

— Полегче! — Гарри чувствует себя чуточку уязвленным из-за того, что Джек, которая вовсе не связана с Летом, готова сбежать с континента вместо того, чтобы служить своему монарху.

В какой-то момент он начал верить в то, что все происходит взаправду. Слишком нелепо — сам бы он до такого не додумался, слишком запутанно — такое не привидится в горячечном бреду, слишком коряво — такое не пригрезится в мечтах. Гарри в буквальном смысле грезил о том, чтобы Мелани не умерла у него на руках. Но он не стал бы воображать, что Мелани каждое лето умирает и не просыпается до самой осени — это слишком жестоко.

— Ну, я же не сбежала. Нельзя поменять сезон, когда он уже определился, и нет, я не знаю, как выбирают обычных воплощений и асцендентов. Твою девушку сотворили для этой роли, но на этом все. Ты такой получился сам по себе.

— Я всегда знала, что ты у нас природный феномен, — Мел наклоняется и целует Гарри в щеку. Губы у нее холодные. В последнее время они все время холодные, даже когда она прямиком из душа и от нее пар идет. Положив мокрую голову ему на плечо, она смотрит на Джек. — Так что, нам не нужно ничего добиваться — просто разбираемся с тем, что есть, ты это имеешь в виду?

— Более-менее, — Джек встает и снова потягивается. — Мне нужно в «Макдональдс». Ощущаю серьезную недостачу картошки фри в организме. Если я вас двоих здесь оставлю, обещаете сидеть тихо и не высовываться, чтоб никто вас не убил?

— Никто на самом деле не будет нас убивать, — отвечает Гарри.

— Ладно, тогда просто постарайтесь, чтобы никто не вызвал вас на покемонскую битву, пока я не вернусь с картошкой. Посидите в номере, телевизор посмотрите, потискайтесь там или еще что. Я ненадолго.

Чуть задержавшись, чтобы вытянуть из бумаж-

ника Гарри двадцатку, Джек выходит за порог, и вот уже за ней закрылась дверь, и девочка исчезла в ночи.

Мелани и Гарри остались вдвоем в первый раз с самого футбольного поля, они переглядываются, а потом Мелани опускает голову и отворачивается, ее неожиданно охватывает смущение.

— Прости меня за все, — говорит она. — У меня такое чувство, что это моя вина.

— Да брось, — Гарри берет обеими руками ее холодную ладонь, стискивает, прижимает к груди. Так Мелани уже не отстранится, а Гарри в общем-то и рад. — Ты не виновата.

Пальцы у нее ледяные на ощупь. Но нет чувства неправильности, как от прикосновения к Джек, от малявки веет таким же глубоким и неизбывным холодом, но ее холод обжигает, словно сунул руку в ледяное крошево. А когда Гарри касается Мел, холод ломкий, освежающий, правильный, она там, где должна быть, как и он сам, и так устроена вселенная. Так в ней все подогнано.

— Ты же слышала Джек, все те восемь раз, когда она пыталась как-то вырулить к прямому ответу, — говорит он. — Я с рождения связан с летом. Чтобы это ни значило (а это мне, видимо, предстоит выяснить, набив шишек), ты тут совер-

шенно ни при чем. Если бы твой папа не устроил весь этот бардак и не привязал тебя к зиме, я стал бы чьей-то другой параллелью, поди догадайся чьей. Может, Хлои.

Мелани мрачнеет, и Гарри тут же понимает, что правильно подобрал гадость. Не то чтобы она ненавидит Хлою (на его памяти Мел ни разу не хватало пылу кого-то взаправду возненавидеть, хотя теперь все может измениться, ведь она больше не тратит все свободное время, пытаясь заставить себя не умирать), просто ей никогда особенно не нравилось, что ее одноклассница с таким рвением стремится отбить Гарри у «ходячего трупа», его детской зазнобы.

Это подло — приплетать Хлою, но раньше, когда нужно было выдернуть Мел из состояния паники, всегда срабатывало, а Гарри не хочет, чтобы Мелани загонялась и дальше, если можно этого избежать.

— Так что лето в любом случае явилось бы по мою душу. Думаю, если кому и надо извиняться, так это твоему отцу, за то, что наворотил с тобой столько всего еще до твоего рождения. Но я не собираюсь ему звонить и требовать извинений, я до чертиков рад, что, если уж придется участвовать в этом идиотском квесте, я буду участвовать

вместе с тобой.

— Так ты действительно ей веришь?

С мгновение Гарри молчит, обдумывая вопрос, потом кивает.

— Верю. В смысле, вряд ли поверил бы, если бы у тебя был пульс, но пульса у тебя нет, и ты холодная вся. А я постоянно горячий, наверняка никогда больше мороженого поесть не удастся, разве что суп из мороженого.

Гарри даже кажется, что у него температура, кожа пылает, будто стоит Мелани тронуть его, и он зашипит. Не самое приятное ощущение. Обычно Гарри едва замечает, какой он горячий, но прямо сейчас только об этом и может думать. Но Мелани смотрит на него с тем притворно серьезным выражением, которое появляется у нее всегда, когда она хочет сказать что-нибудь совершенно ужасное, так что Гарри сосредотачивается на ней, отодвинув остальные мысли в сторону.

— Ну, будешь молочные коктейли пить, главное, чтобы не через металлическую соломинку, — говорит она.

— Вот уж точно моя самая большая проблема. Даже если Джек врет и надурила нас, чтобы мы помогли ей сбежать из дома, меня больше всего должно волновать, что у меня теперь все время

жар и я не смогу пить молочный коктейль через металлическую соломинку.

Мелани смеется. Ее смех Гарри любит слушать больше всего на свете, он так редко слышал его за последний год. Смех еще звенит в номере, когда в окно влетает что-то вроде небольшого автомобильного двигателя, и стекло разлетается, усыпав осколками пол.

Смех Мелани переходит в высокий испуганный визг.

* * *

Джек выходит из номера в прохладную февральскую ночь. Делает глубокий вдох, выгоняя из легких теплый воздух. Она не воплощение Зимы и не падает замертво в первый день весны, но у нее осталось чуть больше месяца, потом ее служба прервется, и она откатится обратно к обычной девочке. Весной и летом Джек бессильна и, если коронация затянется, не сможет помочь своим подопечным, ни той, кому служит, ни тому, кого подобрала по дороге.

Где чертова Памела? Она должна была взять на себя летнюю часть этой истории. Должна была рассказать мальчишке Марчу то, что ему нужно знать для победы, растолковать теми словами,

которые бы он понял. Памела знала, что ее подопечный получился естественным путем, его не так просто убедить, как Мелани, у него нет физических признаков.

Все было бы намного проще, случись коронация на летней стороне года. Тогда всюду, куда бы Гарри ни пошел, вырастали бы травы и мухоморы, и он бы поверил гораздо быстрее. И уж точно не просил бы ее повторять рассказ снова и снова. Это было бы так здорово, Джек очень этого хочется, но ей это не светит. Еще ей хочется, чтобы внезапно появилась Памела, запоздавшая, извиняющаяся, но готовая делать свою чертову работу.

Джек вздыхает. Золотая «М» «Макдональдса» светит в квартале от мотеля, пешком всего ничего, особенно если тебе, как зимнему асценденту, холод не страшен. Засунув руки в карманы (в одной все еще зажата ворованная двадцатка), она спускается по ступенькам; как хорошо, что они остановились переночевать в горах Калифорнии, подальше от суетной, ядовитой, богатенькой области залива, где двое подростков, путешествующих вместе с явно не родной им девчонкой, привлекли бы нежелательное внимание.

В конце концов они туда поедут, Джек это знает,

чувствует глубоко в животе — комок тошноты и знаний, в равных пропорциях, из-за которого едва удается дышать. Разумеется, коронация будет не там. Место прояснится позже, когда они выйдут живыми после первых схваток. Если только они выйдут живыми.

Джек верит, что у обоих ее подопечных в душе есть немного стали, есть задел на победу. Насколько она знает, параллели всегда в самом начале получают преимущество, им есть за что сражаться. Друг за друга.

Джек и представить не может, как проходили коронации лет сто назад, до появления интернета, когда у участников не было возможности связаться и свериться друг с другом. Это первая в Северной Америке коронация за триста лет. Они бы все совершенно потерялись, если бы не переписывались со своими по мейлу.

Не то чтобы кто-нибудь выдает свое местоположение. Во всяком случае, намеренно точно нет.

На парковке перед мотелем стоят машины. Маленькие туристические мотели везде одинаковые, куда бы ты ни отправился; чудо североамериканской архитектуры: балкончики опоясывают парковку, комнатенки жмутся друг к другу, словно соты. Джек повидала немало таких

с тех пор, как за ней закрылась дверь родного дома в Эванстоне в Иллинойсе. Сбежать из дома стало гораздо проще, как только Джек поняла, что больше не надо бояться замерзнуть до смерти, как любил пугать ее отец. («Веди себя хорошо, девочка, или я оставлю тебя ночевать на улице на снегу, посмотрим, как тебе понравится, когда волосы смерзнутся в сосульки и ты посинеешь».) Ну что ж, с тех пор Джек бессчетное число раз ночевала на улице на снегу, и никакие сосульки у нее в волосах не намерзали, и наст, на котором она лежала, ни разу даже не треснул.

У связи с зимой есть свои преимущества. Лето — настоящее чудовище, но Джек лето никогда и не любила. Жарко, противно, куча мошкары. Летом ей приходится быть осторожнее, она становится уязвимой, как обычная девчонка, потеет, взрослеет, может схлопотать тепловой удар, когда торчит на солнце. А вот зимой она практически неуязвима.

Пока Гарри и Мел не получат короны, они будут чуть выносливей обычных людей, какими всегда себя считали. Гарри не будет ощущать жару, а Мел — холод, их будет непросто ранить оружием, связанным с их сезонами. Пусть это кажется мелочью, но Джек слыхала истории о

том, как претендентов на Зиму толкали в камин, а претендентов на Лето запирали в морозильных камерах, а наоборот не работает. Из-за своей связи они сильнее, чем могли бы быть на данном этапе коронации, но из-за недостатка подготовки слабее, и Джек совсем не уверена, что́ именно перевесит.

Ночной воздух сладкий от бензиновых паров и горного ветра. Джек легко дышится по дороге в «Макдональдс», а возле него еще перед парковкой до нее долетает запах разогретого масла и жареной картошки. Ровный свет ламп, точно такой же, как и везде, где она побывала, на всем континенте. Это одна из тех мелочей, которые вносят в жизнь уверенность. Сменяются сезоны, светит луна, а в «Макдональдсе» тебе всегда продадут горячую, свежую, калорийную еду по такой цене, которую просто невозможно обеспечить, если только не контролируешь цепочки поставок и не закупаешь все оптом.

Джек — наполовину смертное явление духа зимы, она старится только тогда, когда сама этого пожелает или в период восходящего лета, а значит, до конца своих дней будет стареть лишь на три месяца в году, и дни эти обещают быть очень-очень долгими, но еще Джек — тринадца-

тилетняя девчонка в теле двенадцатилетки, и перед ней «Макдональдс». Едва ли не вприпрыжку она подскакивает к двери и тянет ее на себя, окунаясь в присущие любому фастфуду ароматы, почему-то одинаковые для разных закусочных. Пицца, гамбургеры, наггетсы, рыба с картошкой — неважно, все они будут пахнуть одинаково.

Кондиционер работает на такой мощности, что даже Джек это замечает, ей за шиворот словно заваливается кубик льда, и она вздрагивает. Внутри четверо: работник за стойкой, женщина, убирающая со столов (оба в знакомой полиэстеровой форме), да еще двое подростков на несколько лет старше Джек и, наверное, на пару лет младше Гарри и Мел, развалились за угловым столиком, словно скучающие коты, ноги-руки у них длинные, лица надменные. Джек им чуточку завидует.

Она не знала, как радикально останавливает собственное время, когда согласилась принять зиму (у асцендентов больше свободы выбора, чем у воплощений, хотя Джек и не собирается рассказывать им, сколько именно они пробудут подростками); знала одно: если останется, взорвется, чиркнет спичкой и сожжет дом дотла вместе со своей семьей, убьет кого-нибудь, умрет

сама или и то и другое сразу. Поэтому, когда женщина со снежинками на радужках подошла к ней и сказала, что сможет ее оттуда вытащить, девочка не раздумывала ни секунды, даже когда женщина заявила, что придется отказаться от своего имени, а только имя и осталось у нее в память о бабушке. Понимание пришло позже, во время долгих разговоров за кухонным столом, когда наставница пыталась передать Джек все необходимые премудрости.

Асценденты чувствуют приближение естественного конца. Оттягивать его можно долго, но не вечно, и в конце концов Айрин отправилась в долгую зиму, которая ожидает их всех после окончания службы.

Джек не собирается встречаться с этой зимой еще долго, очень долго. Она рада быть на своем месте, рада, что плакаты с портретом пропавшего ребенка все больше и больше расходятся с реальностью. Но вот перед ней подростки постарше, они могут расхаживать повсюду, не вызывая подозрений, и Джек нет-нет да и жалеет, что зов настиг ее так рано, лучше бы ее призвали домой чуть позже.

Она подходит к стойке, дожидается, когда скучающий мужчина ее заметит. Еще одно очко в

пользу «Макдональдса» и других сетей фастфуда: здешние работники повидали всякое, и ничто их не удивляет. Можно войти в кафе, ведя на поводке гориллу, и тебе просто напомнят, что с питомцами вход воспрещен.

Если у мужчины и возникли подозрения по поводу ее возраста и отсутствия родителей, он просто подумает, что они ждут в машине или решили отправить дочь в «Макдональдс» вместо продленки, чтобы она сделала там домашку.

— Добро пожаловать в «Макдональдс», что будете заказывать, — монотонно, на одном дыхании бубнит он, не опознавая в Джек отдельного человека.

(Когда через час его будет допрашивать полиция, он не сможет толком ее описать: «Маленькая девчонка, два хвостика, кажется, заказала куриные наггетсы и клубничный молочный коктейль». Про картошку, пусть это и незначительная деталь, он даже не вспомнит.)

Джек с улыбкой делает заказ (дополнительную порцию картошки она отнесет в мотель, когда доест горячие хрустящие наггетсы прямо из фритюрницы), вежливо ждет, забирает поднос и шагает к отдельным столикам. Выбирает тот, что подальше от развалившихся подростков, чтобы

спокойно поесть в одиночестве.

Но одиночества не получается. Едва Джек успевает открыть первый контейнер с медовой горчицей, как один из подростков усаживается рядом. Вторая — напротив, и вот Джек уже окружена.

Не просто окружена — она в компании своих. От них разит летом и зимой, не так сильно, как от воплощений, а так, как от нее самой, Джек заперта и загнана в угол, ей здесь не рады. Она должна была сразу их почувствовать. Нельзя было расслабляться. Тот кубик льда за шиворот — это было предупреждение, но она была голодна и не обратила внимания.

Глупая Джек. Никчемная Джек. И, возможно, пропащая Джек — в зависимости от того, как все повернется.

— Совсем одна? — спрашивает тот, кто уселся рядом. — Как печально. Малышка совсем одна в девять вечера, что-то тут неладно.

— Кто-то должен позвонить родителям, — с фальшивой заботой подхватывает вторая.

— Может, уже позвонили.

Джек переводит взгляд с одного на другую и чуть поджимает губы, стараясь напустить на себя презрительный вид.

— Не припомню, чтобы я вас приглашала.

— Приглашала-приглашала.

— Когда заявилась в наш город во время коронации.

Мальчишка, усевшийся рядом, утаскивает из коробочки Джек наггетс и макает его в медовую горчицу.

— Где ваша Дженни?

Теперь понятно, кто он. Высокий, поджарый, сильный, исполненный агрессивной грации, буквально пузырящийся той самой неприязнью, которая обжигает, стоит к нему приблизиться. Джек почувствовала бы их раньше, если бы перед этим не окунулась так глубоко в присутствие Мелани, не опьянела от зимы. Этот мальчишка — ее противоположность, он уничтожил бы ее, дай ему такую возможность.

— У меня никакой Дженни нет, — огрызается Джек и придвигает поднос к себе. — Никакой такой Дженни не знаю.

— Совершенно никчемная ложь, — говорит девчонка, щелкая словами, будто жвачкой. — Нынче не то, что раньше, но Дженнифер по-прежнему самое популярное имя в Соединенных Штатах. Можешь прикидываться, что ничего не знаешь, только, во имя любви к Круговороту, не надо стро-

ить из себя дурочку. У тебя точно есть знакомая Дженни. Причем далеко не одна.

— Джек, — говорит Джек и в первый раз смотрит девчонке прямо в глаза. Глаза у той широко распахнутые, круглые, орехово-карие, на радужках видны снежинки. Значит, она пробыла асцендентом по крайней мере несколько лет, ведь изморозь на радужках появляется не сразу. С Джек этого еще не случилось и, вероятно, не случится, пока ей не исполнится семнадцать по календарю и четырнадцать по ее собственному времени. — Что ты здесь делаешь с этим неудачником? Твой парень, что ли?

Сидящий рядом с ней Кукурузный Дженни заливается румянцем, на его лице оскорбленное негодование. Сидящая напротив Ледяная Джек устало вздыхает.

— Я тебя умоляю. Я не настолько неразборчива, он не подходит под мои требования. Мне нравятся симпатичные, смешные, смертные парни, а не гадкие, горделивые и… — она умолкает, явно не зная, как закончить фразу.

— Годичные? — сжалившись, подсказывает Джек.

Вторая Джек довольно кивает.

— Подходит. Нет, он не мой парень. На самом

деле, только утром познакомились. Моя Зима и его Лето попали в этот городок почти одновременно, подгоняемые слухами о том, что парочка параллелей едет из Портленда на юг вдоль побережья. Слыхала что-нибудь об этом?

— Параллели? Да неужели? — Джек таращится на них, пытаясь сыграть на чувстве превосходства, свойственном подросткам, которые разговаривают с ребенком помладше. Может, удастся их убедить, что она ничего не знает. Они уже поняли, что она асцендент, но это было неизбежно, они ведь подобрались так близко, что уже таскают у нее еду.

— Будто ты ничего не знаешь, — фыркает Кукурузный Дженни. — Как им удалось забраться так далеко, если у них только ты? Ты просто ребенок. Теперь что, даже малолеток берут?

— Мне четырнадцать, — отвечает Джек.

Возраст — это функция календаря, а именно календарь их всех и призывает.

В преддверии коронации асцендентов стараются не призывать слишком молодыми, но эта вот случилась неожиданно, поэтому Джек и призвали, как только у нее внутри расцвела зима. Каждый вылупляется в свое время. Самого маленького из асцендентов, о ком она слыхала,

лето призвало на службу в семь лет, и он был одним из лучших Кукурузных Дженни на свете, пока служил своему сезону.

Возраст — это просто цифра, написанная мелом на доске, и он вовсе не так важен, как его пытаются выставить эти двое задавак-асцендентов.

— Четырнадцать! — фыркает Ледяная Джек. — Мне уже пятьдесят лет шестнадцать.

Учитывая то, с какой скоростью они старятся, что-то не сходится. В конце концов, асценденты все-таки смертны. Джек не отвечает, просто мычит, вежливо и уклончиво, а потом совершенно невежливо хлюпает молочным коктейлем.

— Будь у меня в подопечных во время коронации настоящие параллели, я бы уж точно не бросил их одних, — растягивая слова, говорит Кукурузный Дженни и прихватывает из коробочки картофельную соломинку, не обращая внимания на гневный взгляд Джек. Он вертит соломинку в пальцах, пытаясь казаться крутым и невозмутимым. Но он просто подросток постарше, задирающий подростка помладше, ничего в нем нет крутого. Во всей этой ситуации нет ничего крутого.

Да и Джек совсем нельзя сейчас назвать крутой; осознав, что́ происходит, она мгновенно

холодеет.

— Что вы здесь делаете?

— Зашли по бургеру съесть, — отвечает Ледяная Джек.

— Видами любуемся, — поддакивает Кукурузный Дженни.

— Ждем.

— Ну, ждать осталось чуть-чуть. Это быстро закончится.

Во время этого диалога Джек переводит взгляд с одного на другую, словно следя за перелетающим туда-сюда теннисным мячиком.

— Что быстро закончится?

Ледяная Джек смотрит на нее и будто в первый раз по-настоящему видит, ее губы медленно растягиваются в томной улыбке, так хищник смотрит на загнанную в угол добычу, которой некуда бежать.

— Поединок за корону, разумеется, — отвечает она.

Позабыв про еду, Джек перемахивает через спинку диванчика, в голове пусто, там бьется только одна мысль: скорее в мотель, пока не случилось ужасное. Она не знает, чем сумеет помочь; все зависит от того, насколько далеко зашли чужие воплощения; есть вероятность,

что она просто бросится навстречу неизбежной гибели и, ничего не изменив, останется лежать на земле, мертвая и переломанная. Но Джек знает одно: Зима призвала ее позаботиться о Мелани Косгроув, и если она не справится с этой обязанностью, то должности своей не заслуживает. А с этим Джек не желает мириться.

Ею движет не преданность. Она срывается в бег из корысти.

Кто-то хватает Джек за воротник и запросто останавливает на лету. Она рычит и извивается.

Позади смеется Кукурузный Дженни.

— Малышка, — издевательски тянет он, — не знаю, о чем только думала зима. Это ее воплощение что — твоя подружка с пижамной вечеринки? Ты же о ней волнуешься не всерьез?

Все еще рыча, Джек выдергивает руки из рукавов и, отбросив джинсовую шкурку, мчится к двери.

Позади раздается грохот, ее собеседники выбегают из-за столика следом за ней. Мужчина за стойкой поднимает голову и прищуривается.

— Эй, детишки! Выметайтесь отсюда! Здесь вам не детская площадка! — орет он.

(Когда полицейские будут позже просматривать записи с камер, они не увидят ничего:

просто зал «Макдональдса», совершенно пустой, по краям кадра мельтешат похожие на снежинки помехи. Если бы не брошенный поднос, и не скажешь, что кто-то сюда приходил, уж точно не трое подростков, которые выбежали на улицу точно перед тем, как в мотеле грохнуло.)

Через пару секунд их уже нет, они выбежали в прохладную февральскую ночь, не оглядываясь.

Первое столкновение

ПО КАЛЕНДАРЮ:

12 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Мелани все еще кричит, когда через разбитое окно в номер заскакивают люди.

Их двое, один, несмотря на зиму, в майке, второй — в свитере крупной вязки с косами (такой наряд больше подошел бы для канадских приморских провинций, чем для калифорнийского побережья). Тот, что повыше и в майке, поднимает руки и встает в боевую стойку. У того, что в свитере, в руке нож.

В свете мотельных ламп нож кажется очень острым. Мелани умолкает. Гарри встает и заслоняет ее собой, в номере сильно и резко потеплело, печет, как в летний полдень. Прижавшись к спине Гарри, Мел закусывает губу — так от него пышет жаром. По идее, она должна обжечься, как если бы выхватила из кастрюли не успевшее остыть вареное яйцо или притронулась к раскаленному на солнце металлу. И Мелани понимает, что точно обожглась бы, прикоснув-

шись к чему-то другому настолько же горячему. Но это Гарри, а Гарри никогда не причинит ей боль, Мелани уверена в этом простом вселенском законе гораздо больше, чем в законах термодинамики (законы термодинамики, в конце концов, просто очередное вселенское явление, которое вполне может однажды воплотиться в теле растерянного беглеца, пытающегося разобраться, во что превратилась его жизнь), и эта уверенность оберегает ее.

— Они параллельны, — говорит парень в свитере. — Наверняка. Посмотри, как она к нему жмется. Боится, бедняжка. Мне почти совестно.

— А вот этого не надо, — отвечает парень в майке. — Он зашел дальше, чем ты. Ты не обрадуешься, схлестнувшись с ним, когда сменится сезон.

— Кто вы, нахер, такие и что делаете в нашем номере? — спрашивает Гарри.

Он все ждет, когда же сработает сигнализация, когда снаружи поднимется шум и он услышит какие-нибудь звуки, по которым можно определить: взрослые уже спешат разобраться с этим дурдомом. Гарри всегда был благополучным ребенком: его родители богаты, а он сам сравнительно послушный; происходящее не

укладывается в его систему координат.

Но много нашлось бы подростков, благополучных или нет, в чью систему координат оно бы уложилось? Происходящее выходит за любые рамки, и даже у вломившихся к ним парней вид такой, будто они тоже это понимают. Только так Гарри и может объяснить, почему они не торопятся нападать, хотя влезли к ним, бога ради, с ножом в руках и застали его сидящим на кровати, а Мел — завернутую в одно лишь банное полотенце.

— Нам обязательно их убивать? — спрашивает парень в свитере.

Голос у него такой, будто он готов удариться в панику, и Гарри понимает: они с ним, наверное, ровесники, этого подростка втянули во что-то, что он сам до конца не понимает. Второй, в майке, постарше — ему как минимум двадцать пять, и он отвечает, хмуро глядя на своего подельника:

— Нет. Нам не обязательно. А вот тебе обязательно его убить. Может, после того, как отречется боязливая малышка. Может, мы ее отпустим, когда она перестанет быть угрозой.

Как только Гарри понимает, что они явились сюда не только по его душу, он уже не слушает. Он не был уверен, что сможет причинить кому-то

боль, защищая себя. Но зато абсолютно уверен, что сможет причинить боль ради Мелани. Это даже не обсуждается, вообще. Гарри хватает с прикроватной тумбочки лампу, едва замечая, какая она горячая, и со всей силы швыряет ее в парня в майке.

Лампа ударяет противника в грудь, разбивается, и керамические осколки сыплются на пол вдобавок к стеклянным, оставшимся от окна. Парень морщится и с прищуром смотрит на Гарри.

— Тебе не обязательно на меня нападать, — мрачно говорит он. — Я не твоя цель.

— Пошел в жопу, — отвечает Гарри. — Ты вломился в мой номер посреди ночи, разбил окно (нам теперь другой номер придется искать, я за это платить не намерен), угрожаешь какой-то дичью мне и моей девушке и при этом заявляешь, что мне не обязательно на тебя нападать? Да скажи спасибо, что я просто лампу в тебя кинул.

— Твоей девушке? — брезгливо переспрашивает парень в свитере и поудобнее перехватывает нож, отчасти распрощавшись с нерешительностью. — Гадость какая. Тебе что, никто не сказал, что происходит?

— И ты пошел в жопу, — отвечает Гарри. — Я никому не позволю так говорить о Мелани.

— Я не ее гадостью назвал, но сама идея о том, что вы двое… Вы не понимаете, что происходит?

Внезапно Гарри чувствует, что Мелани отлипла от его спины: соскользнув с кровати, она быстрым, но спокойным шагом идет к ванной. Парень в свитере что-то неразборчиво рычит и, повернувшись к ней, взмахивает ножом.

— Мы позволим вам уйти, если отречетесь, — говорит парень в майке.

В отличие от всех остальных в этом номере, его, кажется, ситуация не беспокоит. Может, потому, что он, судя по наряду, тоже связан с зимой, как и Мелани. Живет там, где зима. И прямо сейчас кажется самому себе бессмертным.

А значит, его напарник — потенциальное воплощение Лета, прямой конкурент Гарри. Враг. Значит, он сейчас уязвим, и его нервозность объяснима. Видимо, гораздо сложнее бросаться на незнакомцев и угрожать им расправой, когда знаешь, что тебя могут настигнуть серьезные последствия.

— Никто из нас ни от чего не отречется, — спокойно говорит Мелани, стоя на пороге ванной лицом к непрошеным гостям. — А вот вам, возможно, лучше отречься, если хотите уйти отсюда живыми.

Тот парень, который, по соображениям Гарри, нацелился на зиму, смеется. Искренне, будто во всей этой ситуации есть что-то смешное, будто во всем этом вообще может быть что-то смешное. И идет к ванной, к Мелани, которую явно счел легкой добычей.

— Вы сами могли бы отречься, — Гарри сползает с кровати, чтобы преградить ему дорогу. Мел скрылась за дверью, полотенце на ней пока держится, Гарри не хочет, чтобы ей причинили вред, не хочет, чтобы она причинила кому-нибудь вред.

И тут мальчишка с ножом с внезапным проворством бросается на Гарри и ударяет его кулаком в плечо; из-за силы инерции, а еще потому, что мальчишка чуть крупнее, Гарри врезается спиной в стену. Парень замахивается ножом, будто возомнив себя персонажем ужастика (такого — с окровавленными буквами в названии и полудюжиной заявленных сиквелов), но медлит, явно не понимая, как можно пырнуть живого человека, почти ровесника.

И этой заминки Гарри, которому не раз приходилось отбиваться от соперников, отбирающих мяч, хватает, чтобы развернуться, отбросить противника и вдобавок засадить ему коленом в

пах. Нечестный прием, это да, но у парня нож, он разбил окно, а сигнализации по-прежнему не слышно. Что бы здесь ни происходило, нормальные правила не действуют и действовать не будут.

Гарри уверен, что до конца своих дней не забудет этого ощущения — как под его ударом сплющились яйца противника. Его тошнит. Парнишку, видимо, тошнит еще сильнее.

Он тихонько взвизгивает от боли, и Гарри отталкивает его. Нож не выронил. А Гарри очень хочется, чтоб выронил. Тот, в майке, зашел вслед за Мелани в ванную, и там что-то с грохотом падает, Мел вопит. Гарри не понимает, от страха вопит или от гнева. Он очень хочет понять. Сегодня он испытывает кучу желаний, каких у него отродясь не бывало, подвернулся бы под руку джинн — мигом бы загадал.

Мальчишка в свитере, пошатываясь, делает два шага назад и снова замахивается ножом; оскалившись, бросается на Гарри, и тот отчетливо понимает: противник больше не испытывает сомнений. Он обрел своего внутреннего убийцу и готов выпустить его на волю.

— Отвали, козлина! — вопит Гарри и наклоняется, вставая в позу для отбирания мяча.

Если провести такой прием, когда на противнике нет защиты, врагу придется туго (хотя свитер у парня толстый — за защиту сойдет), но сейчас либо ты, либо тебя; не прошло еще и минуты, Мелани кричит в ванной, и неважно, сколько раз в Гарри вдалбливали, что нельзя так делать, не убедившись предварительно, что на сопернике амортизирующий нагрудник, Гарри не может просто так стоять, когда за стенкой кричит Мел. Он бросается вперед и врезается плечом в торс парня, прямо под солнечным сплетением. Того откидывает назад, он с резким выдохом ударяется спиной о стену.

И роняет нож. Гарри не может толком сосредоточиться из-за паники и прилива адреналина, но все равно радуется, услышав, как нож упал на пол, и перехватывает руки противника.

— Нет, — говорит он вырывающемуся парню. — Нет, — повторяет он, когда тот пытается в свою очередь засадить ему коленом по яйцам.

Гарри без труда удается блокировать удар своей ногой; парню, видимо, жутко больно — ему трудно быстро двигаться и четко соображать. От боли такое бывает.

— Зачем вы с нами сражаетесь? — хрипит мальчишка. — Вы не готовы. Вам не победить.

И в это самое мгновение Гарри принимает решение, которое откладывал с начала этой безумной беготни: он решает поверить в то, что все происходит взаправду, что Джек им не врала. Где-то в мозгу щелкает — это становятся на место нужные понятия, и он вспоминает те разговоры, которые до того забывал, обрывки фраз, звучавшие по пути из Орегона в Калифорнию, пояснения, которые он не понимал, потому что слишком сильно цеплялся за знакомый мир.

Если этим двум горе-убийцам сегодня ничего и не удастся, одного они точно добились: Гарри принял тот факт, что нужно сражаться за свою жизнь и, следовательно, за жизнь Мелани, неважно, хочет он того или нет, неважно, кажется ли это ему хоть сколько-нибудь логичным; если он не будет сражаться, Мелани умрет. Если он не будет сражаться, то сам умрет. Единственный выход — пробиваться до конца.

— Мы уже побеждаем, — с этими словами Гарри одной рукой бьет парня головой о стену, не так сильно, чтобы тот потерял сознание, но достаточно сильно, чтобы дезориентировать, чтобы у противника ненадолго закружилась голова. Воспользовавшись паузой, Гарри отступает и подбирает с пола нож. — Мы победим. Какой бы

в этом идиотском фильме ужасов ни был приз, мы его получим.

Теперь нож у Гарри. Почему-то он ничуть этому не рад. Как не рад тому, что Мелани одна в ванной с незнакомцем и больше не кричит.

Парень в свитере смотрит на него, и в его глазах что-то очень похожее на жалость.

— Ты и понятия не имеешь, что происходит, — говорит он. — Вообще ни капельки не врубаешься.

— Может, и нет, — соглашается Гарри, прижимая его одной рукой к стене. — Но я хорошо понимаю, что не хочу тебя убивать, а мой служитель… — вполне можно и притвориться, что у него есть служитель, ведь у этого парня он точно есть; Гарри единственный из всех в этом номере не подготовлен, — …говорит, если отречешься, выбываешь. И больше не представляешь угрозы. И снова участвовать не сможешь. Так что отрекайся.

Мальчишка молчит и смотрит на Гарри с той же отстраненной жалостью во взгляде. И жалость эта никуда не девается, даже когда Гарри, подавшись вперед, прижимает острие к шее под подбородком; во всех медицинских сериалах, какие ему доводилось смотреть, говорили, что

после удара сюда человеку не выжить.

Гарри не хочет никого убивать. Он сомневается, что ему хватит для этого храбрости.

Но в ванной просто оглушительно тихо.

— Отрекайся, — отрывисто приказывает он.

— Вы параллельны, ведь тебе небезразлично, что происходит с твоей Зимой, так? — спрашивает парень. — Мы-то с Полом познакомились только вчера утром, когда наши служители привели нас в этот город и велели объединиться. Нам друг на друга плевать. Если победим, разбежимся в разные стороны, и дворы наши соприкасаться не будут, как и положено, чтобы ничего не смешивалось.

— Вы знали своих служителей еще до начала всего этого? — Гарри хмурится.

Джек объясняла, что отец Мел не давал Ледяным Джекам приблизиться к ней (даже намекала, что кое-кто из них погиб, пытаясь выполнить свой долг), но его самого никто не защищал от вселенских сил. Его собственный наставник должен был давным-давно его отыскать и подготовить.

Тогда сейчас все было бы совсем иначе, он в этом уверен.

Жалости во взгляде парня прибавляется.

— Я познакомился со своим служителем, когда

мне восемь стукнуло, — говорит он. — Она нашла меня на детской площадке и сказала, что станет моей нянечкой, и как-то ей удалось это провернуть. Джеки и Дженни умеют такое, чего не умеем мы, даже когда они не связаны с королем или королевой, ведь им надо готовить претендентов к следующей коронации, если она вдруг случится. А она всегда случается, дурачок, влюбленный в свою Зиму. Ваши шуры-муры — это просто жуть какая-то, чтоб ты знал. Наверняка она уже мертва, и чем ближе коронация, тем крепче ты будешь с ней связан, если вы останетесь параллельными. Да, твои проявления усилятся, но это того не стоит, ведь она может утянуть тебя за собой, пока все не стабилизируется, нельзя позволять ей вот так вот сбрасывать тебя со…

Если Гарри впоследствии спросят, он поклянется, что ничего такого не хотел. Не хотел делать хуже, чем есть, хуже, чем та жутчайшая жестокая сцена, которая не должна была произойти, но все равно упорно происходит. Мальчишка все говорит и говорит, твердит, что Мелани не стоит спасать, что Гарри должен ее отпустить, и все случается само собой.

Гарри полностью осознает, что́ сотворил, только когда кровь мальчишки заливает его руку,

а сам мальчишка хватается руками за горло, пытаясь остановить то, что, как они оба знают, остановить невозможно. Гарри отступает, в ужасе от собственного поступка, от этого зрелища, нож выскальзывает из внезапно обмякших пальцев и падает, звякнув о стеклянные и керамические осколки на полу.

Он убил человека. Глупый парень, который вломился к ним через окно (почему нет сирен? почему никто не бежит посмотреть, что стряслось? уже весь мотель должен стоять на ушах, а вместо этого полная тишина, и Джек нет, а у Гарри на руках кровь), мертв, и все из-за Гарри, из-за ножа у Гарри в руке. Грудь стискивает, сердце вот-вот взорвется. Так себя чувствует Мел? Когда тело грозится ее предать?

Мел. Ох черт, Мелани. В ванной по-прежнему тихо, и Гарри медленно, словно пьяный, поворачивается к приоткрытой двери. Он не знает, что́ там увидит, но помнит слова Джек: если Мелани умрет, то и он тоже, и бешено бьющееся в груди сердце служит достаточно болезненным напоминанием о том, что он еще не умер, хотя сейчас он чуть ли не жалеет об этом. Гарри хочет жить, конечно, хочет, даже в этом диком новом мире, где есть асценденты и воплощения, а странная

маленькая девочка утверждает, что он должен воплотить собой целое лето, но Гарри не хочет жить в мире, где он убийца. Тут кроется противоречие. Он убийца, и он жив; он воплощенное Лето, и он же — обычный подросток, перепуганный, ошарашенный, забравшийся далеко от дома, и нет ему пути назад; он идет к своей девушке, и он идет к трупу.

— Гарри?

— Мел! — облегчение обрушивается на него, словно ливень на пустынный каньон, и он едва не плюхается на пол возле двери — ноги не держат. Цепляясь для устойчивости за комод и оставляя на нем кровавый след, Гарри распрямляется. Сердце, кажется, утихомирилось, по крайней мере, чуть-чуть; голос Мел исцелил рану, о которой он даже не подозревал, Гарри снова может дышать. Он на все согласен, если не придется делать это в одиночку.

— Ты в порядке? Он сделал тебе больно?

— В порядке, — отвечает Гарри, голова идет кругом от того, что он снова слышит ее голос и можно не проверять, наврала ли Джек: если Мел умрет, Гарри умрет тоже. Прямо сейчас он не переживет еще одного потрясения. Ему очень надо верить в то, что их так называемый проводник

сказала правду. — А тебе твой не сделал больно?

— Нет.

— Мел, выходи из ванной.

— Нет.

Гарри хмурится. Ему трудно представить, почему Мел отказывается выходить; то, что он все-таки представляет, выглядит паршиво, и думать о таком совсем не хочется.

— Мел, ты уверена, что он не сделал тебе больно?

— Он пытался, — говорит она звонко, почти нараспев. — Набросился, сдернул полотенце. Мне это не понравилось. Хотел схватить за плечо. И дернул за волосы. Наверно, я тебе чуточку соврала, потому что было больно, когда он дернул за волосы. Очень больно.

— Мне так жаль, — говорит Гарри. Бесполезные сантименты, особенно если учесть, что он стоит посреди номера с окровавленными руками; может, даже хорошо, что Мел пока не выходит. Если она действительно в порядке, у него есть хотя бы несколько секунд до того, как она узнает, что он убийца.

А может, и до того, как она его разлюбит.

— Вот и отращивай после этого, — на целую ужасно долгую секунду Мелани замолкает, а по-

том говорит тихонько, едва ли не шепотом: — Не знаю, хочу ли я выходить, ведь ты посмотришь на меня совсем другими глазами после того, что я сделала.

Гарри опускает взгляд на собственные окровавленные руки (как вышло, что кровь на обеих, ведь нож был зажат только в одной? как так вышло?) и сглатывает приступ истерического хохота.

— Мне кажется, прямо сейчас не нужно об этом волноваться, — говорит он. — Готов поспорить, ты тоже посмотришь на меня совсем другими глазами.

Медленно-медленно дверь отворяется, на пороге стоит Мелани. Полотенца нет, но она как-то умудрилась между концом этого дурдома и нынешним моментом (и снова вопрос: как так вышло? Прошло ведь всего несколько секунд…) надеть свитшот. Когда-то этот свитшот принадлежал Гарри и потому смотрится на ней как платье, почти целиком прикрывает бедра. Мел могла бы вот так пройтись по улице, и вид был бы вполне пристойный, если бы не босые ноги, не обезумевший взгляд, не порезы на лбу, не иссиня-черный синяк в форме кулака, наливающийся на левой щеке.

Гарри не знает, учила ли ее Джек требовать у

противника отречения. Не знает, было ли у Мел на это время. Но в ванной тихо, и Гарри сомневается, что Мелани заставила того парня отречься.

— Мел, — он делает к ней шаг, но дергается и замирает, снова заметив кровь у себя на руках.

— Ох, Гарри! — выдыхает Мелани, выпархивает из ванной, словно призрак из тумана, ступая прямо по керамическим и стеклянным осколкам.

Гарри бы сказать: «Стой!». Но он ничего не говорит. Не может. Может только смотреть на Мел и думать, как он испугался, когда в ванную вслед за ней зашел незнакомец, еще одно потенциальное воплощение Зимы, больше всего на свете желающее украсть принадлежащий ей по праву рождения сезон. Почти всю жизнь Гарри волновался за Мелани. Всегда знал, что в один прекрасный день ее потеряет. Но никогда еще так не пугался. Даже когда ее забирали в больницу, ведь тогда все было не так внезапно.

И вот она уже стоит перед ним, ее бледные незапятнанные пальцы гладят его окровавленные ладони, а потом Мел смотрит на мертвого мальчишку, безжизненным тюком лежащего у стенки, его кровь лужей расплывается по полу, впитываясь в дешевый ковер, сворачивается, застывает, больше не поддерживая в теле жизнь.

Мелани снова вздыхает, на этот раз молча, а потом обнимает Гарри, притягивает его к себе, утыкается подбородком ему в плечо.

— Прости меня, — говорит она. — Прости меня, пожалуйста.

Гарри удивленно моргает. Не этого он ждал.

— За что ты просишь прощения?

— Мы параллельны, — отвечает она, будто это что-то объясняет.

Гарри хочется спросить. Сильнее всего на свете хочется спросить, что она имеет в виду, потому что прямо сейчас все так нелепо — вполне можно посидеть и послушать очередную порцию непонятной белиберды о том, что на прошлой неделе еще было совершенно не важно, а на этой уже стало вопросом жизни и смерти. Он не спрашивает. Обнимает ее, прижимает к себе, а потом говорит:

— Что случилось в ванной?

Мелани опускает руки и делает шаг назад, под ногой у нее хрупает. Она не замечает. А Гарри замечает. Замечает, что Мел не вздрагивает и не морщится, совсем не морщится, когда поворачивается на почти наверняка искалеченной пятке, чтобы взглянуть на дверь в ванную.

— Он пошел следом за мной. Я не хотела… Не хотела…

— Я знаю. Я видел.

— Гарри, у меня не было выбора. Он хотел причинить мне боль. Хотел… Хотел заставить меня тебя бросить. Мне пришлось, — Мелани наклоняет голову (кажется, она только сейчас замечает осколки стекла под ногами) и опять бормочет: — Мне пришлось.

— Я знаю. Но, Мел, нужно выяснить, насколько мы вляпались. Не знаю, почему полиция еще не…

Схватка заняла лишь пару минут, если верить старомодным цифровым часам на тумбочке, но они так шумели. Один только грохот бьющегося стекла должен был всех переполошить. Гарри не знает, почему не переполошил.

Вряд ли причина ему понравится. Гарри Марч всегда крепко стоял на ногах, видел мир таким, каков он есть, а не таким, каким ему хотелось бы его видеть. Мама иногда с печальным вздохом говорила, что, поскольку его лучший друг — умирающая девочка, его невинность пообтрепалась и ему труднее верить в невыразимое. Сам же Гарри просто считает себя трезвомыслящим и хладнокровным, эти два качества удивительно кстати, когда хочешь выставить себя перед всем миром недалеким неженкой, дурачком. В конце концов,

никто никогда и не подозревал, что школьный клоун собирается получить научную степень в области лесоводства и землепользования.

Но тот новый мир, в котором он оказался, нереалистичен. Это не мир как он есть и не мир, каким он хотел бы его видеть: это мир, вышедший из-под контроля, нелепый, подчиняющийся правилам, которые Гарри не понимает и которым не может противиться. Окно разбилось, значит, должны были вызвать управляющего. Была драка, и ее точно слышали в соседних номерах; на парковке уже должны стоять полицейские машины с мигалками и воющими сиренами. Гарри не может переварить тот факт, что ничего подобного не происходит, не может переварить тот факт, что из ног Мел, когда она делает нетвердый шаг по направлению к ванной, не течет кровь, не может переварить тот факт, что у него на руках кровь.

Прямо сейчас он много чего не может переварить. Но, отрицай не отрицай, это правда, и потому Гарри заставляет себя сделать глубокий вдох, проходит мимо Мелани к ванной и толкает дверь, чтобы посмотреть, что там за ужас.

Он был так поглощен схваткой за свою жизнь, что не слышал, как Мелани сражалась за свою. Крышка от унитаза валяется на полу, зеркало

разбито, трещины на нем точь-в-точь повторяют узор из порезов у Мел на лбу. Гарри понимает, что ему очень не нравится эта картина: ее ударили головой о стену, ударили по лицу, но что ему нравится или не нравится — больше не имеет значения.

Штанга от душа сорвана, в ванне лежит парень в майке или, по крайней мере, его тело. Его больше нет, как и парня в свитере, оба отправились далеко по пути, который живым заказан. Вокруг парня в майке, словно саван, обернута душевая шторка, но он погиб не из-за удушья. Возможно, Гарри было бы спокойнее, если бы его задушили шторкой. Дикая мысль — страшный образ Мелани, удавившей кого-то шторкой для душа, но это было бы реалистичнее, чем то, что видит Гарри.

Кожу парня в майке покрывает ажурный иней, пальцы, уши и нос потемнели, а на кончиках и вовсе почернели, будто он схлопотал жуткое обморожение, какое вряд ли можно получить в номере придорожного мотеля. Там, где кожа не почернела, она покрыта изморозью, единственная подходящая фраза, которая всплывает в ошеломленном мозгу Гарри: «ледяной ожог». К горлу подкатывает. Зажав рукой рот, он кое-как выбирается из ванной, борясь с шоком и тош-

нотой.

Мелани успела достать из рюкзака легинсы. Теперь она полностью одета: легинсы, свитшот, даже лифчик где-то откопала. Гарри понятия не имеет, как ей удалось затолкать столько всего в один маленький рюкзачок, прихваченный из отцовского дома. Но это не волшебные свойства воплощенной Зимы, а волшебные умения чирлидерш, которые хранят вещи в некоем загадочном измерении, недоступном простым смертным, Гарри видел, как подобный фокус проворачивают девчонки из их команды. Иногда видел больше, чем ему бы хотелось, например, когда Хлоя «случайно» вывалила перед ним из сумки свое нижнее белье. Но это неважно. Мел сидит на краешке кровати, в которой они должны были вместе спать этой ночью, и смотрит на труп возле стенки.

— От твоего крови больше, чем от моего, — ее голос будто доносится издалека, и, если Гарри при виде ее первой жертвы (как же он ненавидит слово «первой») одолели тошнота и ужас, Мелани, видимо, предпочла максимально отстраниться от ситуации. «Всего этого нет, — будто говорит этот голос, даже если тело твердит иное, — это все вновь, но не взаправду, об этом мне совсем не

нужно волноваться».

— У моего был нож, — говорит Гарри.

Он не хочет снова заглядывать в ванную, но знает, что нельзя долго здесь торчать. Рано или поздно кто-нибудь явится посмотреть, что стряслось; даже если суматоха загадочным образом не привлекла внимания, кто-нибудь заметит разбитое окно: оно большое, его видно с парковки; и тогда их поймают.

А он расплатился за номер своей кредиткой. Их обязательно поймают. И пусть Гарри хочется похватать вещи и сбежать, их обязательно поймают. Кому-то нужно вернуться в ванную и забрать одежду Мелани, а она безмятежно сидит на кровати, уставившись на труп возле стены, и, судя по всему, никуда не спешит.

Что-то щелкает, стрекочет — это открылся автоматический замок на двери.

— Какого хера?! — спрашивает знакомый голос меньше чем пол удара сердца спустя.

Гарри поднимает голову, и впервые при виде Джек его охватывает чувство благодарности, но оно сразу улетучивается, потому что следом вбегают двое незнакомых подростков и становятся слева и справа от нее, в дружном ужасе вытаращившись на разгромленный номер.

Чего не скажешь о Джек. Она тоже таращится, но ужаса на ее лице нет ни малейшего. Наоборот, она, кажется, испытывает облегчение, будто надеялась на такой исход, но не разрешала себе его даже вообразить. И облегчение только усиливается, когда она переводит взгляд на Мелани.

— Наша Госпожа ранена? — спрашивает Джек с такой почтительностью, какую Гарри никогда у нее не раньше не слышал.

Он чуть удивляется ее тону, но решает, что это все из-за примчавшихся за ней подростков, которые по-прежнему пялятся в ужасе, но хотя бы не кричат (а этого ему очень, очень хотелось бы избежать, пока возможно), так что Гарри отвечает:

— Ее приложили головой о зеркало, но в основном она в порядке.

— Серьезно не пострадала, — Мелани поворачивается к троице на пороге и медленно моргает. Синяк у нее на щеке больше не расползается. Очень уродливый синяк, большой и неровный, похожий на раздавленного паука, но Гарри этот синяк даже нравится, ведь он принадлежит Мелани и означает, что она жива. — Привет, Джек. Кто твои друзья?

— Эти дураки мне не друзья, — отвечает Джек с привычным презрением.

Переступив через порог, она оказывается в номере, и в этом есть что-то символическое, но Гарри не может об этом думать, ведь подростки все еще торчат в дверях, все еще молчат, все еще пялятся. У одной в руках джинсовая куртка Джек, и Джек, обернувшись, выдергивает ее.

— Простите, картошки фри вам не прихватила. Эти вот дураки виноваты. Помешали мне во время еды.

— Вы… победили? — спрашивает высокий парень, и Гарри мгновенно узнает его, целиком, от и до.

Лето призвало его двадцать лет назад, и с тех пор он старится очень медленно, так медленно, что начал тяготиться бесконечной юностью и мечтать о коронации, которая поможет ему повзрослеть (он сам толком не понимает как, а потому и Гарри не понимает); раньше его звали Джаред, но он давно зовется Дженни, так давно, что его родители уже не публикуют портреты пропавшего сына на школьных пакетах с молоком. Злобная, хитрая пародия на человека, он был таким еще до того, как его нашло Лето; возможно, его выбрали не из-за жестокости, но она явно не помешала.

Он Кукурузный Дженни. Всегда был Куку-

рузным Дженни, а когда Лето разыскивало асцендентов в его краях, услышал зов; мертвый парень в ванной — это третье потенциальное воплощение, которое он наставлял (или пытался), и на этот раз ему правда казалось, что шансы на корону есть. Он правда думал, что они победят.

В его понимании «победят» — это когда Мелани и Гарри, оба, лежат мертвые на полу в этом самом номере, а его собственный претендент с триумфом идет к неизбежной победе. Гарри прищуривается. На мгновение ему становится интересно, может ли Мел так же читать сознание Джек, но, наверное, она бы ему сказала, если б могла, так что он отгоняет от себя эту мысль и идет к двери.

Незнакомые подростки тушуются, но не бегут. Хорошо. Не хочется за ними гоняться.

— Тебе не… — говорит вторая, девчонка, должно быть, их Ледяная Джек, потому что Гарри вообще ее не чувствует. — Не обязательно нас убивать, — ее голос срывается на жалобной ноте. — Мы не участвуем в состязании. Сезоны осеняют нас, но нами не владеют, и мы погибли бы, если бы заявили права на корону.

— Это вы отправили этих подонков разбить наше окно и прирезать нас в постели? — спраши-

вает Гарри. Асценденты молчат. Сжав окровавленные руки в кулаки, он кричит: — Отвечайте!

— Мы не просили их убивать вас в постели, — оправдывается Кукурузный Дженни. Почти жалко наблюдать, как этот мальчик, который всего несколько минут назад так желал увидеть труп Гарри, теперь хочет ему понравиться. Он излучает это желание, словно мостовая — жар летним днем, марево, почти видимое в развороченном номере мотеля. — Мы просто… Мы им сказали…

— Они должны были заставить вас отречься, но не убивать, — торопливо вмешивается девчонка. — Должны были устранить вас из состязания. Мы велели им быть осторожными, потому что знали, что вы параллельны. Параллели опасны.

— Вы знали?

— Конечно, знали. Все знают. Все, рядом с кем вы оказываетесь, чуют вас, и чем дольше вы останетесь параллелями, тем опаснее станете, — голос у девчонки делается жестче, холоднее, словно лед. — Вы бы знали об этом, если бы у вас был достойный проводник. Одной маленькой девочки недостаточно, чтобы добраться до финиша, — она бросает злобный взгляд на Джек. — Вообще-то, ее можно и заменить. Улучшите свое положение

и обратитесь к тем, кто понимает, что делает, и сумеет сопроводить вас куда нужно.

Гарри слышит позади шорох. Мелани встала с кровати. Ее шаги беззвучны, но вот она уже прямо позади него, кладет руку ему на плечо, ее пальцы, как всегда, холодны.

— Нет, спасибо, — говорит она, и голос у нее уже не отстраненный. — Благодаря Джек мы добрались сюда. И ее советов вполне хватило, чтобы мы одолели ваших претендентов. Не думаю, что нам требуется замена.

— Идите в жопу, — более емко подытоживает Джек и показывает парочке средний палец. Потом пересекает номер и становится прямо перед Гарри, едва ли не вплотную.

— Они не доставят нам проблем? — спрашивает он.

— Нет, — пренебрежительно замечает Джек. — Это просто асценденты. Если они не найдут себе других претендентов, с ними все кончено, они дважды подумают, стоит ли мне вредить, ведь вы видели их и не желаете принимать на службу, — ее улыбка больше похожа на оскал, она скалится на пришельцев, осмелившихся с дурными намерениями вторгнуться на ее территорию. — Они выбыли, проиграли.

— Что ты получишь в случае нашей победы? — спрашивает Гарри.

— Что получу — да ты совсем того? Сезоны не могут вечно укрывать нас в этом мотеле: когда нас заметят, нагрянут копы и станут задавать вопросы. Забирайте пожитки, и валим.

— Я заплатил за номер своей кредиткой.

— Неважно, — отмахивается Джек. — Ты все еще часть обычного мира (это необходимо, когда воплощаешь нечто настолько большое и неотъемлемое для этого самого мира), но чуть отстранился от него на время состязания. Никому и в голову не придет проверить чеки или объявить тебя в розыск, если только не проиграешь.

— А что будет тогда?

— Для начала ты умрешь, — отвечает Джек и подбирает свои вещи, совершенно не обращая внимания на торчащих в дверях подростков. — Такой вот расклад. Мел получит Зиму, или вам обоим конец.

— Означает ли это, что мне нужно получить Лето, если она получит Зиму?

— Знаешь, это, наверное, первый разумный вопрос, который я от тебя слышу, — отвечает Джек после недолгого раздумья. — Нет. Ей обязательно это делать, а тебе нет, ты можешь отказаться,

отойти в сторону, отречься, и при этом не упадешь тут же замертво.

— Какого черта? — спрашивает парень в дверях, и тут только Гарри вспоминает о присутствии посторонних, лучше бы, наверное, вести такие разговоры в машине.

— Не твое собачье дело, — огрызается Джек.

Она хватает рюкзак, закидывает его на плечо и смотрит на Мелани, будто испрашивая разрешения. Мелани кивает, тогда Джек идет в ванную. Она не восклицает, не вскрикивает, просто недолго шарит там, а потом выходит с бумажником в руке и с одеждой Мел под мышкой, в которую завернуты туалетные принадлежности.

Девчонка в дверях хочет возразить. Но потом передумывает. Джек смотрит на Гарри.

— Мне очень-очень не хочется дотрагиваться до твоего, — говорит она. — Можешь обыскать труп? Или хотя бы нож забрать? Мамины и папины кредитки не будут работать вечно и вообще довольно быстро перестанут работать, если нам придется постоянно скрываться, чтобы нас не сцапали посреди коронации; любая малость поможет.

И об этом тоже нужно будет спросить в машине. Словами не выразить, как Гарри не хочется

притрагиваться к мертвецу, как хочется смыть кровь с рук и ни за что больше не заходить при этом в жуткую ванную, но он кивает и идет к парню, которого убил, одолел, парню, который мог бы стать Летним королем, если бы был чуточку быстрее, чуточку сильнее, если бы был один. Гарри хватает ума это признать. У него вполне здоровое чувство самосохранения, ему не хочется умирать, хочется еще пожить и повидать мир. Если бы кто-нибудь набросился на него посреди улицы, чтобы ограбить или избить, он бы дал сдачи. Но смог бы убить обидчика? Даже в таких вот обстоятельствах?

Нет, вероятнее всего, нет. Если бы дружок этого парня не набросился на Мелани и в результате все не стало бы настолько чудовищно реальным, Гарри не подобрал бы нож и тем более не приставил бы его к горлу другого человека. Явись тот парень один, реши они атаковать своих жертв по одиночке, все могло обернуться иначе.

Джек бросает на него сочувственный взгляд, Мелани собирает свои вещи, Гарри понимает, что она вполне способна угадать его мысли. Мел берет ключи от машины с прикроватной тумбочки, а он обыскивает мертвеца и в конце концов находит бумажник. Больше у него ничего нет,

разве что медицинский браслет на запястье. Гарри на него даже не смотрит. Вовсе незачем, чтобы этот парень, чью жизнь он отнял, еще больше овеществился в памяти.

— Мы сваливаем, — сообщает Джек неизвестным асцендентам.

«Боже, ведь они не неизвестные, — думает Гарри, — их зовут Джек и Дженни». Какая-то путаница получается. Неужели обязательно, чтобы у всех претендентов на корону проводники носили одинаковые имена?

Судя по тому, что Джек все время бормочет о «его» запропавшей Кукурузной Дженни, видимо, да; полный отстой, но Гарри не уверен, что можно с этим что-то поделать.

Незнакомый парень, которого так хорошо знает Гарри, с вожделением смотрит им вслед; они выходят из номера, усыпанного осколками и трупами. Мелани по-прежнему босиком. Ботинки болтаются у нее в одной руке, но Мел забыла их надеть, она проходит по бетонному балкону и спускается по ступенькам на парковку.

Ее ноги не оставляют следов, ни кровавых, ни обычных. Гарри не может отвести от них взгляд.

Джек грузит вещи в багажник, Гарри садится за руль — хоть что-то нормальное; по крайней мере,

так и должно быть. Он поворачивает ключ, и снова не происходит ничего необычного. Просто парень в машине везет девушку кататься.

— Почему ты не надела ботинки? — спрашивает Джек, забираясь на заднее сиденье.

— Из-за стекла, — отвечает Мелани, и голос у нее снова мечтательный, нездешний. — Я наступила на стекло там, в номере. Наверное, осколок застрял в пятке.

Гарри заставляет себя не отпускать руль, не оборачиваться, не смотреть на нее, хотя очень хочется. Чем бы Мел ни была, чем бы ни становилась, он не может это прекратить, не убив ее при этом. Наверное, если бы он сам был алхимиком, у него был бы шанс, но они живут в другом мире. Мелани меняется, и ему только и остается, что идти следом за ней и делать так, чтобы она не потерялась.

(В голове у Гарри слово «алхимик» и слово «волшебник» уже почти неразличимы, одно сливается с другим, как краски на палитре. И он не так прав, как ему бы того хотелось, и не так ошибается, как с радостью заметила бы Джек, а значит, вреда никакого. Во всяком случае, пока. Меняется не только Мелани, просто семена, из которых вырастет трансформация Гарри, были

посажены не человеческой рукой и, как им и положено, скрываются гораздо глубже.)

Гарри выруливает с парковки, где собирался оставить машину на ночь, и едет в сторону шоссе. Позади в мотеле загораются огни, появляются люди, будто мир все это время оттягивал неизбежное, чтобы они успели улизнуть, как воры в ночи. Гарри не нравится эта мысль. Но нравится или не нравится — правды все равно не изменишь. Если бы можно было изменить, ничего этого сейчас бы не было: Гарри сидел бы дома в Портленде после субботних танцев с Мелани и не колесил бы по этой глуши, следуя указаниям малявки, которая тыкает пальцем в заезд на шоссе.

Гарри выезжает на шоссе, и машина вливается в поток других, и вот уже никого нет; больше этому городу нечего им предложить.

Книга V
Область залива Сан-Франциско

Я стою на берегу,
Бурю взором стерегу.
И держу в руках своих
Горсть песчинок золотых.

Эдгар Аллан По, «Сон во сне» [6]

Жила раз девчонка,
А может, не раз,
А может, и дважды,
Вовеки, сейчас,
Всегда, раз за разом.

Талис Кимберли, «Вода и время»

Многое в Под-и-Над отличалось от того, что Эйвери и Циб знали по своему родному городку. Утверждать иное было бы ложью, а задача повествователя – как можно меньше лгать, поскольку

---

[6] Примечания: 6
Перевод К. Бальмонта.

наши слушатели всегда полагают, что мы рассказываем правду. Если речь идет о тех, чья задача – честно повествовать о приключениях, подобных этому, подло с их стороны выказывать излишнее равнодушие к правде, когда сказанное никак не возможно проверить. Так что я на минуточку отрину завесу безымянности, обращусь прямо к тебе, читатель, и пообещаю вот что: неважно, сколько всего странного и невероятного попадается во время путешествия по Под-и-Над Эйвери, Циб и их друзьям, я рассказываю тебе правду, как ее понимали в те туманные и не столь отдаленные дни. Иногда у правды имеется подкладка, невидимая за незначительным и поверхностным, но я не стану утверждать, что дело было так-то и так-то, если так не было, и не стану говорить, что так не было, если так было.

Ты можешь довериться мне в этом путешествии, ровно как Эйвери и Циб могли довериться невероятной дороге.

Не успел Эйвери вслед за Циб задремать, как Девочка-ворона снова рассыпалась

на птиц, вылетела в окно и отыскала себе местечки в саду среди шипов и ветвей. Она лакомилась благодкой, набивая свои желудки, и вскоре ее клювы и когти перепачкались розовым соком. А потом Девочка-ворона закрыла многочисленные глаза и заснула, хотя и нельзя с уверенностью сказать, снились ли ей сны, ибо у птиц сны странные и спутанные, их не так легко узнать, как детские. В тот миг Девочка-ворона еще была очень близка к тому, чтобы потеряться навсегда, пусть даже она и ускользнула из холодных рук Короля кубков.

В домике сидела в кресле Нив, и с ее места была хорошо видна дверь; Нив сидела тихонько и смотрела неотступно, пока остальные спали. Она еще отдохнет по-своему, когда в том возникнет нужда, но нужды еще не возникло, так что она следила и ждала, не явится ли хозяин домика, не возмутится ли незваным гостям.

Солнце погрузилось за кромку моря, бросив напоследок отсвет на высокие скалы. Явилась темнота, сначала она

раскрасила небо на горизонте розовым и оранжевым, а потом укрыла все цвета иссиня-черной ночной вуалью. Высоко в чистом воздухе мерцали звезды, и хорошо, что Эйвери уже спал, ибо ни одну из них он бы не узнал, а ведь этот любящий звезды мальчишка с удовольствием проводил вечера на заднем дворе в компании атласа созвездий и с жадным любопытством таращился на вселенную. Странность этих звезд возложила бы еще одно бремя неправильности на его узенькие плечи, а Эйвери и так уже был близок к тому, чтобы сломаться, ему не нужен был лишний груз.

Циб не заметила бы, какие странные тут звезды, но поняла бы, что что-то неладно, увидев луны – обе были слишком маленькие и тусклые по сравнению с известной ей луной, да еще странствовали по небу слишком близко друг к дружке, словно близнецы, танцующие на темном небосклоне, и никакого тебе Человека-на-Луне, красивого и одинокого. Они должны были увидеть это небо уже совсем скоро и неотвратимо; многие диковинки

можно скрыть от любопытных детских глаз, но уж точно не целое небо. Но в тот момент они мирно спали, слишком уставшие даже для снов.

А Нив ждала.

А. Дебора Бейкер, «Вдоль Солистого моря»

Зона отдыха

ПО КАЛЕНДАРЮ:

12 февраля 2017 года, зима, червивая луна.

Гарри едет до тех пор, пока его не начинает колотить от стресса, страха и отложенной реакции на травму, пока перед глазами не расплывается и он не понимает, что ехать дальше в таком состоянии небезопасно. Но все равно едет, не зная, что еще делать; просунувшись между сиденьями, Джек осторожно кладет ему руку на локоть.

— Через две мили зона отдыха, — говорит она. — Съезжай там.

Гарри так благодарен, что с него сняли ответственность, что и словами не выразить, он кивает и после нужного знака выруливает из потока машин к съезду. Никто из водителей этого не замечает. Во-первых, так всегда бывает на шоссе — никто никого так уж дотошно не отслеживает. Во-вторых (и, может, это гораздо важнее), многие вообще не заметили машину Гарри, даже прямо у себя под носом, хотя та ехала слишком медленно и создавала очевидную угрозу. Они обгоняли,

раздражались, разгонялись и между этими действиями напрочь забывали о ней.

Никто ничего не заметил.

На площадке в зоне отдыха купается в свете февральской луны одинокий кирпичный домик. Слышно только, как вдалеке тявкают койоты да около туалетов приглушенно гудят торговые автоматы. Гарри ставит машину как можно ближе к зданию и оглядывается на Мелани, которая всю дорогу сидела молча и неподвижно.

— Пожалуйста, надень ботинки перед тем, как выходить из машины, — просит он, потом выходит сам, глубоко вдыхает ледяной воздух и бежит к туалету — тому, на двери которого изображена схематичная мужская фигурка. Слава богу, не заперто. Гарри боялся, что на ночь туалеты закрывают.

Унитазы сделаны из нержавеющей стали — ледяные на ощупь, сидеть на них, наверное, жутко противно. Гарри склоняется над ближайшим, и его рвет, бьющий в нос запах отбеливателя и моющего средства почти приятен. Он гораздо лучше запаха крови и желчи, который преследует его с самого мотеля.

Когда в желудке ничего не остается, Гарри выпрямляется, нажимает на слив и подходит к

раковинам; они такого же бруталистического фабричного вида, как и все остальное в туалете, прикручены болтами к бетонной стене, сверху зеркало, не стеклянное — просто кусок отполированного до блеска металла, в котором появляется его слегка искаженное отражение. Гарри молча и долго-долго смотрит на него, пытаясь понять, что у него не так с лицом, а потом бросает эти попытки, открывает кран и принимается смывать кровь с рук с помощью розового мыла-скраба из дозатора.

Никогда в жизни он еще не мыл руки так тщательно. Он трет, чтобы сошла кровь, а потом трет снова и снова, еще и еще, пока в конце концов не начинает казаться, что в мире нет и не было ничего кроме бесконечной воды и мыла, но, глядите-ка, кровь снова на руках, как она там оказалась, он же ее смыл. Еще мыла, еще воды, вода такая холодная: туалет не отапливается (отопление стоит денег, не следует поощрять всяческих бродяг и беспризорников, чтобы те тратили средства нашего штата на такое роскошество, как горячая вода), но бегущие по щекам горячие слезы вполне компенсируют это, и Гарри трет, трет, трет…

Он умудряется не заметить появившийся в

зеркале овал — встревоженное лицо Джек, но потом ее ладони касаются его руки, и Гарри, как и всегда, ощущает то самое жуткое ледяное крошево. Почему-то теперь оно успокаивает, остужает, словно смоченная прохладной водой тряпица, которую положили на лоб в разгар летней жары.

Ее прикосновение будто изгоняет из тела лихорадку, Гарри снова может дышать — делает глубокий, прерывистый вдох, сотрясший его от самых пяток до темечка, и, словно жуткий яд изливается из него вместе с выдохом, он опять ощущает собственное тело.

Гарри смотрит на диспенсер с салфетками — грубыми коричневыми кусками бумаги, которые царапают руки, словно наждачка (у них были такие же в начальной школе, и Билли Дэниелс однажды клялся, что раз всадил себе в руку занозу, когда вытирался, и поэтому больше руки мыть не будет), — и решает, что лучше вытереть ободранные пальцы о куртку. Ткань же впитывает жидкость. Значит, чуточку воды впитать ей точно под силу.

Он снова смотрит на свое расплывчатое отражение, проверяет, нет ли крови на рубашке и лице, потом поворачивается к Джек.

— Это мужской туалет, — говорит он очевид-

ную глупость. — Что ты здесь делаешь?

Джек смотрит на него, запрокинув голову, ухмыляется.

— Да, мужской, но кроме нас здесь никого нет, солнышко, ты же не побежишь заявлять на меня в полицию за то, что дверью ошиблась. Ты же не стукач.

Именно так. Гарри никогда не стремился подключать к своим проблемам взрослых; в детстве это происходило потому, что он не хотел расстраивать мать (а у той был особый талант — она умела так посмотреть сверху вниз, что он сразу чувствовал себя мелкой ползучей дрянью, которую она подобрала в траве и в любой момент может выкинуть обратно), а еще не хотел привлекать внимание к их с Мел делам, у Мел ведь совершенно отсутствовало всякое чувство самосохранения, будто сила тяжести действовала на кого угодно, но только не на нее. Стоило ей заметить на пути дерево или забор, она мигом туда забиралась; один раз Гарри удалось вытащить ее летом в семейную поездку в Вид-на-замок, и там она вскарабкалась по шпалере для роз, да так проворно, что даже садовники поразились, как только перестали ужасаться из-за того, что хрупкая маленькая девочка с больным сердцем

залезла на добрых двадцать футов и лезет все выше.

— Нет, я не стукач, — говорит он и испытывает чуть ли не облегчение, узнав собственный голос, он по-прежнему звучит как всегда, а не так, будто принадлежит кому-то постороннему.

Прямо сейчас Гарри чувствует посторонним себя, словно его тело ему не совсем подходит, а еще руки зудят. Он порядком ободрал кожу на костяшках, там скоро образуются болячки, будут жутко ныть.

Болячки… Гарри с внезапной тревогой смотрит на Джек.

— Я серьезно, что ты здесь делаешь? Где Мел?

— В машине. Не волнуйся. Мы очень далеко ото всех, ты сразу поймешь, если поблизости окажется еще один претендент на Лето, а я пойму, если к нам приблизится претендент на Зиму; пока мы в безопасности. На нынешнем этапе они не появятся так быстро.

— Что? Почему нет?

— Потому что их слишком много.

Видимо, на лице у Гарри отражается недоумение, потому что Джек вздыхает, улыбается почти ласково и, подтянувшись на руках, усаживается на край раковины — не той, в которую Гарри

напустил крови и мыльной пены, а соседней. Холодный металл, по-видимому, совсем не причиняет ей неудобств. Гарри вообще не уверен, что Джек чувствует холод, и следом за этой мыслью сразу приходят воспоминания о ногах Мел, о том, как у нее не пошла кровь, когда она наступила на битое стекло. Прямо сейчас Гарри не может об этом думать.

Когда он думает об этом, открывается некая дверца, за которой караулят чудовища. Алиса не хотела к сумасшедшим, Эйвери и Циб не хотели к Королеве мечей, а Гарри не хочет к чудовищам.

И поэтому не думает. Здесь и сейчас он может только это, это он и делает. Не идет к чудовищам. Не думает о ногах Мелани, не думает о том, что только что убил человека, он выслушает все, что скажет Джек, а она скажет то, что ему нужно знать. Да. И может, на этот раз у нее получится разумный и связный рассказ, и он наконец-то поймет, что происходит и почему его жизнь перестала быть хоть сколько-нибудь логичной.

Джек начинает что-то объяснять, потом умолкает и внимательно смотрит на Гарри долгим заботливым взглядом человека, который вот-вот скажет нечто такое, что кардинально все изменит, или, во всяком случае, серьезно на это

нацелился. А потом, к удивлению Гарри, улыбается.

— Ты уже близко, — говорит она. — Эти придурки устроили тебе внезапный и резкий шок, именно такой и требовался, чтобы выдернуть тебя из мира, который у тебя был, и переместить в тот, который отныне у тебя будет. В этом новом мире речь идет о жизни и смерти, и тебе давно пора к нам присоединиться.

— Что?

— Слушай, — продолжает она с невероятным терпением, — ты рос в основном в реальном мире. Там, где происходит почти все, где дважды два всегда равно четырем и никогда не равно дождю, тишине или термоядерному взрыву. Алхимия, волшебство и прочие штуки, вроде Зимних и Летних королей и королев, — все это имеет такое же значение, как и то, что ты видишь в реальном мире; пусть они не принадлежат к реальности, это не делает их менее реальными там, где они имеют значение. У зеркала всегда есть обратная сторона, даже когда ты видишь только блестящую поверхность.

Гарри что-то невнятно буркает. Ему хочется, чтобы Джек объясняла и дальше, хочется, чтобы она распутала тот клубок, в котором он застрял,

и, если уж таков путь, пусть будет так.

— Мелани по сути своей серединка на половинку. Если бы не алхимия, она бы не появилась на свет; она искусственно созданный сосуд, а ты сосуд природный. Отчасти поэтому ты так привязался к ней и стал ей параллелен. Она должна была объединиться с сестрой, поэтому у нее восприимчивая природа, и ты настроился на нее, даже не осознавая этого. Я ни в чем тебя не виню, не надо делать такое лицо. Просто объясняю, как так вышло, потому что ты наконец-то готов слушать. Мелани всегда могла с легкостью проскочить на ту сторону зеркала, она ведь наполовину уже там. Понимаешь, в том-то и смысл искусственно созданных сосудов. Они готовы упасть. Не как ты, не как я. Нам нужно сначала найти стену, а уже потом на нее залезть. А она с самого рождения стоит на краю.

— Ладно…

— Ну вот, те придурки в мотеле — они достаточно тебя напугали, чтобы стекло треснуло, и теперь ты на другой стороне зеркала. И начинаешь видеть все четче. Начинаешь запоминать то, про что мозг твердил раньше: все это чушь и выдумки. Это хорошо.

— Я схожу с ума, и это хорошо?

— Нет, ты сходишь с того, что считал умом, и это хорошо. Сейчас нам нужен вовсе не тот парень, Гарри Марч, звезда школьного футбола, который собирается поступить в колледж и изучать там лесоводство и землепользование, чтобы потом встать во главе семейной лесозаготовительной империи. Прямо сейчас нам нужен Гарри Марч, будущий Летний король, крутецкий чувак, который надерет задницу соперникам и получит Летнюю корону.

— Ладно, — опять говорит Гарри. Ему нравится, как это звучит, твердо и точно, и он расправляет плечи, стараясь не обращать внимания на зудящие руки, и повторяет: — Ладно. Но что ты имела в виду, когда сказала, что их слишком много?

— Вокруг буквально сотни асцендентов всех четырех разновидностей, хотя тебе по большей части придется иметь дело с теми, кто связан с основными сезонами, потому что мы привязаны к людям вроде тебя и Мел. Джеки в зеленом и Скупые Джеки отвечают за весну и осень, во время коронации они либо строят лабиринт, либо держатся в сторонке. Думаю, они боятся слишком сильно вовлекаться в это дело, иначе система поймет, что разбалансирована, и у них тоже появятся свои воплощения. Мы повсюду.

Попадаемся не так часто, как рыжеволосые от природы люди, но нас достаточно много, и ты наверняка уже встречал кое-кого из нас.

— Ладно…

— Соотношение между асцендентами и воплощениями не один к одному. Мы мельче, сезону требуется меньше энергии, чтобы нас поддерживать, и, поскольку мы не можем заимствовать у него напрямую, мы не можем и помочь ему полностью утвердить свои права. Обо всем этом ты будешь волноваться позже, гораздо позже, так что не переживай, если сейчас не совсем понял. Сейчас тебе важны цифры. Ледяных Джеков больше, чем потенциальных Зим, понятно?

— Понятно.

— Ты не обязательно узнаешь всех Кукурузных Дженни, которые попадутся тебе на пути, слишком много белого шума, слишком многие уже принадлежат другому потенциальному Лету, поэтому сигнал слабый, но ты точно поймешь, если поблизости окажется еще одно Лето.

— На что это похоже?

Лицо у Джек становится расстроенным.

— Не знаю. Я не пытаюсь тебя надуть или задурить шутки ради — правда не знаю. Я не привязана к Лету. Когда поблизости Ледяной

Джек, мне за шиворот будто падает кубик льда, а когда поблизости потенциальная Зима, это как будто… как будто… — Джек задумывается, вид у нее делается чуть не от мира сего. — Как будто мороженое в рождественское утро. Очень холодно, но это лучший на свете холод. Как будто ожившие картины Нормана Роквелла. Как будто ты внутри мультика студии «Ранкин-Басс», а вокруг говорящие олени и поющие снеговики, и родители тебя никогда не бьют и не продают твои деньрожденные подарки, чтобы раздобыть денег на наркоту.

— Ого. Действительно неповторимое чувство.

Джек пожимает плечами.

— Так уж я это ощущаю. Для меня оказаться в присутствии Зимы — это как оказаться дома. А у Мелани ощущение будет такое, будто она прикусила пломбой алюминиевую фольгу и получила разряд тока. И у тебя, наверное, тоже. Ты что-нибудь почувствовал, когда эти свиньи вломились в номер?

Гарри припоминает:

— Я почувствовал… Было слишком жарко, как раз перед тем, как они швырнули в окно двигатель. Так жарко, что я испугался, что Мел обожжется, если до меня дотронется. Мне всегда

тепло. Но так раньше никогда не бывало.

— Это Лето внутри тебя среагировало на противника. Оно будет становиться все сильнее и сильнее, поскольку в борьбе за корону вас будет оставаться все меньше. Прямо сейчас вас, наверное, около двух или трех дюжин на всем континенте, и каждый пробивается туда, где решит окончательно проявиться лабиринт. Пока даже не спрашивай об этом, — Джек поднимает руку, призывая Гарри к терпению. — Только запутаешься, а мы скоро до этого дойдем. В общем, если, например, в Айове есть свое потенциальное Лето, ему придется уехать из своего штата, а потом с боем прорываться через Небраску, Колорадо и Аризону, просто чтобы добраться до Калифорнии. Так что тебе оно не помешает. Велики шансы, что путешествие оно не переживет, и ты так и не узнаешь его имени.

— Я уже убил человека, так и не узнав его имени, — голос у Гарри дрожит, и это Джек совсем не нравится, это признак неуверенности и отстраненности. Гарри гораздо лучше укреплен в своем сезоне, чем до происшествия в мотеле, но при этом не изменился сам человек, стоящий за проявлением. Он все еще тот самый Гарри, каким был до того, как внутри него заклубилось Лето, и

это не изменится.

А вот Мелани… Насчет Мелани Джек уже не так уверена. Никогда раньше никто не создавал искусственного алхимического сосуда для сезона. Такое проделывали с другими концептами, с Доктриной Этоса и несколькими Добродетелями (а значит, какой-нибудь придурок-алхимик наверняка воплотил и какие-нибудь Пороки и припрятал у себя в катакомбах, чтобы потом всем знатно подпортить жизнь), тогда эксперименты в основном выходили удачными, но, насколько известно Джек, вначале всегда было несколько неудачных попыток, без этого никогда не обходилось. Получится ли на этот раз? С первой попытки?

Вероятно, им предстоит это выяснить. Так или иначе. Но уцелеет ли в процессе та девушка, которую знает Гарри? Хороший вопрос. Ответив на него, они смогут задать себе следующий: может, Мелани — изначально треснувший сосуд и рассыплется на осколки, когда ей на голову водрузят корону?

В этом случае им хана. Немедленно запустится следующая коронация, а такого количества претендентов, поджидающих возможности заполучить корону, уже не будет. Если у Джек есть

малейшие сомнения в пригодности Мелани, нужно помешать ей, нужно устроить все так, чтобы у нее ничего не вышло, ради Зимы.

Но Кукурузная Дженни, связанная с Гарри, так и не явилась. И у него нет другого служителя, который убережет его от смерти. Гарри рухнул замертво в то же самое мгновение, что и Мелани. Джек не совсем уверена (она пытается казаться уверенной, разговаривая с претендентами, потому что знает: она очень молода и вид у нее такой, будто ей в самый раз в обнимку с плюшевым медвежонком веселиться с подружками на пижамной вечеринке, а не устраивать коронацию двух могущественнейших природных явлений), но ей кажется, если Мел пойдет вниз, вниз пойдет и Гарри. Они параллельны. Это дает им определенные преимущества, им проще уйти на глубину Зимы и Лета. Но то, что навредит одному, может навредить и второму.

Если они потеряют Мелани, то лишатся и Гарри. Если потеряют Гарри, это будет жестоко по отношению к мальчишке, который всего неделю назад думал о том, как будет осматривать потенциальные колледжи, выбирать предметы в первом учебном году, планировать жизнь, которой у него больше нет.

Бедняга. Джек улыбается, криво и сочувственно.

— Тебе и не нужно было знать его имени, — говорит она. — Он был оппортунистом. Вероятнее всего, услышал о коронации, заскочил в первый попавшийся автобус и помчался в ближайший маленький городок возле крупного шоссе, решив, что кто-нибудь из претендентов обязательно проедет мимо. Хотел побыстрее ввязаться в состязание, а когда ввязался, выяснилось, что ему это не по зубам.

— Почему он был в свитере? — Эта мысль уже давно не дает Гарри покоя.

Сам он никогда не мерзнет, потому что внутри у него лето. Но и у того другого было лето. Так почему же он мерз?

Джек вовсе не удивляется вопросу. Наоборот, на лице у нее облегчение, потому что на этот раз вопрос простой.

— Он зашел не так далеко, как ты. Еще одна важная деталь: каждый из вас в разной степени связан со своим сезоном. Прямо сейчас ты очень тесно связан с Летом, а значит, не мерзнешь. Когда наступит настоящая весна, в твоих следах будут расцветать цветочки, ну и прочая летняя чертовщина будет твориться. Не самая простая

работенка. Как я слыхала.

— Как ты слыхала?

— Летом, когда закончилась весна, но еще не началась осень, я становлюсь обычной маленькой девочкой. Могу схлопотать солнечный удар, могу постареть, мне приходится делать кучу всего такого, чего зимой я спокойно могу не делать. Зимой я почти неуязвима. До наступления весны даже ты не сможешь меня достать. Весной и осенью я выносливей обычного ребенка, но я либо убываю, либо нарастаю, и мне нельзя полагаться на удачу. Летом я не полагаюсь на нее совсем. Я никогда не встречалась с последней Летней королевой. Она заснула задолго до моего рождения, а проснулась только перед коронацией, не стоило рисковать жизнью, чтобы попытаться ее разбудить.

Гарри хмыкает, а потом говорит:

— Я ударил того парня ножом.

— Знаю. Видела.

— Мелани… Мелани не ударила ножом того парня, который на нее напал.

— И это я видела.

— Как она это сделала?

Гарри смотрит на Джек растерянно, как ребенок, которого бросили его взрослые, и впервые

Джек ощущает, что он действительно здесь, действительно слушает, а не просто тащится следом потому, что другой разумной возможности не подвернулось. Теперь он участвует, и неважно, осознает ли при этом, что не участвовал раньше; скоро от этого будет толк.

Возможно, этого им хватит, чтобы спастись.

— Ты ближе к Лету, чем тот, кто на тебя напал, но Мелани… Мелани прошла почти весь путь до Зимы. Наверное, она смогла бы прямо сейчас ступить на путь пу́гал, если бы мы знали, где лабиринт, и это вовсе не так уж хорошо, — Джек морщится. — Когда сезон получает человеческое лицо, смысл отчасти как раз в том, что сезон становится… человеком. А если Мелани слишком глубоко уйдет в Зиму и никто не вытащит ее обратно, человеком она быть перестанет.

Гарри открывает рот, но потом осекается, уходит в себя, снова смотрит на свои ободранные руки и бормочет:

— Ты вечно бросаешься разными словечками, которых я не понимаю, но вроде как должен понимать, и поэтому мне кажется, что ты считаешь меня глупым.

— Нет, я не считаю тебя глупым, — отвечает Джек почти ласково, возможно, впервые с тех

пор, как они встретились. Она пытается разговаривать с ним как с человеком, чье мнение важно. Неплохо для разнообразия. Гарри жаль, что она не сделала так чуть раньше, когда это могло бы поменять дело. — Я считаю, что ты не готов, и это не моя вина, но это моя проблема. Мел тоже не готова, потому что ее отец нас к ней не подпускал. Я не знаю, почему к тебе не пришла твоя Кукурузная Дженни.

У Джек имеются определенные подозрения, но пока она не хочет ими делиться, надо сначала проверить. Сейчас эти подозрения только замутят воду, а она и так уже мутнее некуда. Поэтому Джек улыбается Гарри, пытаясь выглядеть уверенной, ей хочется покончить с этим как можно быстрее.

— Ладно, — Гарри берет себя в руки. — Значит, нам нужно сделать так, чтобы Мелани не прошла весь путь до Зимы, даже если ей и нужно быть лучшей из имеющихся претендентов, чтобы мы выиграли эти короны, о которых ты все талдычишь, и нам нужно сделать это, пока всякие встречные-поперечные придурки будут пытаться нас убить. И как же нам это сделать?

— Я по большей части этого делать не буду. Я так же связана с Зимой, как и она (прямо сейчас

не так сильно, но мне начинает казаться, что это и неплохо), и чем глубже уйдет Мелани, тем глубже она утянет меня. Я ведь ее служитель.

Джек умолкает, лицо у нее делается тоскливым, и, глядя на него, Гарри впервые задумывается о том, что для самой Джек во всем этом должна быть какая-то большая выгода — стать служителем коронованного претендента. Гарри не знает, что это за выгода, и сейчас вряд ли подходящий момент спрашивать, поэтому он откладывает вопрос на потом, прячет его под своей тревогой за Мел, которая пока заглушает все остальное.

— Значит, если ей понадобится якорь во внешнем мире за пределами Зимы, этим якорем буду не я. Я не смогу, даже если захочу. А я не уверена, что хочу. Я боюсь того, что может случиться, если она уйдет слишком глубоко, но наверняка претенденты и раньше уходили глубоко. А вдруг миру сейчас нужна такая Зима, которой важнее снег, а не то, сколько денег можно за него выручить?

— Но мне-то нужно другое, — огрызается Гарри. — Мне нужна Мелани. Мне нужно, чтобы девушка, которую я люблю, оставалась в достаточной степени человеком и помнила, что тоже меня любит. Мне нужна она, а не какая-то там абстрактная зима в человеческом теле.

— Если она уйдет гораздо глубже тебя, вы перестанете быть параллелями, — предупреждает Джек. — Если ты не будешь удерживать ее в ее теле, она может естественным образом отдалиться от тебя. Отпустить тебя. Тогда ты сможешь отречься и не умрешь на месте. Сможешь отправиться домой.

Большое искушение. Глядя на свои ободранные руки, Гарри представляет собственную спальню, родителей, заявки на поступление в колледж, стипендию, футбольные матчи и все то, на чем основывалось его будущее. В котором нет Мелани, пусть даже он всегда настойчиво твердил, что они должны отыскать способ ее спасти. Мел никогда не была частью его фантазий о будущем, ведь, хотя Гарри и не мог вообразить себе жизни без нее, он также не мог придумать сколько-нибудь складный вариант будущего, в котором она бы была.

И вот теперь такое будущее стало возможным, и, пусть сам он его не представлял, какого хрена?

— Нет, — твердо отвечает он. — Я не хочу домой. Без нее не хочу. Пока я могу, как ты выразилась, «удерживать ее в ее теле», буду удерживать. Она остается, значит, и я тоже.

— Ну и молодец, — с улыбкой говорит Джек.

Улыбка не сходит с ее лица, когда Гарри поворачивается и выходит из туалета в ледяную февральскую ночь, чтобы вернуться к машине. Только когда за ним закрывается дверь, Джек позволяет себе обмякнуть, вцепившись в край раковины. Она изо всех сил пытается казаться всезнайкой, но сама-то лишь год провела на службе и столько всего не знает, столько всего ей вроде как полагается знать, столько всего она никак не могла узнать, столько дыр зияет в скудном образовании, полученном от женщины, которая либо сгинула, либо намеренно не явилась — в любом случае, ее здесь нет.

Если Гарри и Мел утратят веру в Джек, они утратят веру и во все это, а к лабиринту их наполовину ведет сила веры. Джек нужно, чтобы они добрались до лабиринта, если она желает им победы, а она желает им победы очень-очень сильно. Она желает заполучить все то время, которое у нее будет, если их коронуют.

Она хочет сто лет оставаться юной. Хочет, чтобы для нее действовали другие правила, как всегда и было, так или иначе.

Соскользнув с раковины, Джек сует руки в карманы и вслед за Гарри выходит из туалета, не торопясь, давая ему побольше времени. Давая

ему фору.

* * *

Выйдя из туалета, Гарри сразу шагает к машине. Она стоит на прежнем месте в тусклом свете захудалого фонаря, который вроде как должен освещать парковку.

На переднем сиденье никого.

— Мелани?

Это не крик. Просто вопрос, заданный тихим и чуть озадаченным голосом, словно Гарри не понимает, в чем дело. Мел сидела в машине, когда он и Джек отправились в туалет, это точно. Он еще сказал ей надеть ботинки.

Может, она в женском туалете. Логично, она, наверное, захотела помыться после того, что приключилось в мотеле, — уж ей-то холодная вода нипочем. Гарри не хочется нарушать социальные условности, воплощенные в схематичной фигурке в юбочке на двери, но он все равно идет туда, надеясь, что, раз на парковке нет других машин, последствия ему не грозят.

В женском туалете никого. Двери обеих кабинок не заперты, чуть приоткрыты, видно, что там никого нет, ноги снизу не торчат. Разве что Мелани встала на холодный скользкий унитаз,

чтобы ее не было видно, а ей незачем так делать. Если бы она захотела домой, Гарри бы ее отвез. Даже теперь, даже после всего отвез бы, и она достаточно хорошо его знает и понимает это. Значит, ее здесь нет, она не прячется от него.

— Мел?

На этот раз Гарри повышает голос, чувствуя подступающую панику. Развернувшись, он бежит к двери, быстро, быстрее, чем поспевают заполошные мысли.

Он в общем-то благополучный ребенок, как и любой подросток, которому в разумных пределах предоставляют свободу и чьи родители умеют быть родителями, а не тюремщиками или эмоционально абьюзивными дружками. Сколько Гарри помнит, он сам принимал решения, и так выходило, что эти решения практически никогда не шли вразрез с правилами, по крайней мере, с теми, которые казались ему разумными. (Например, Гарри никогда не понимал правила, запрещавшие ему проводить каждую свободную минуту с Мел, когда она плохо себя чувствовала, будто из-за того, что она может умереть, ему меньше хочется находиться с ней рядом, при том, что времени у них и так в обрез.) Поэтому Гарри никогда раньше не бывал посреди ночи в зонах

отдыха на шоссе, он их раньше и видел-то только в кино и сериалах, где в титрах обязательно встречаются «труп номер два» и «похищенная девушка». Нельзя было оставлять Мелани одну. Ни на минуту. О чем он только думал?

На улице ее тоже не видно. Гарри бежит к машине: а вдруг она лежит на сиденье. Так уже раньше случалось, дважды, когда из-за внезапного головокружения и усталости Мел приходилось лечь. (О первом таком случае они рассказали доктору Косгроуву, и в результате он три недели не выпускал ее из дома, говорил, мол, она слишком хрупкая, ей нельзя выходить, даже в школу нельзя. Наученные горьким опытом, они все поняли и про второй случай ему не сообщили. Временами неадекватная реакция приводит совершенно не к тому результату.) Сейчас такое вряд ли могло случиться, ведь у Мел стало гораздо лучше с сердцем, но если есть хоть малейший шанс…

В машине Мелани нет. Но там на полу остались ее ботинки. Гарри выпрямляется, его прошибает озноб, и тут он замечает выходящую из туалета Джек.

— Она пропала! — вопит он.

Нахмурившись, Джек подходит к нему. Вид у нее спокойный. Гарри уверен, что это ненадолго.

— В смысле, пропала?

— В смысле, в машине ее нет! — Он пинает колесо, повинуясь мимолетной вспышке вызванного тревогой гнева, и беспомощно сжимает кулаки. И сразу жалеет и о том, и о другом: нога болит, ободранные руки тоже. Гарри разжимает кулаки, опускает плечи. — В машине ее нет и в туалете нет. Ее кто-то похитил?

— Нет, она все еще где-то рядом. Достаточно близко, я ее чувствую.

Представляя себе Калифорнию, обычно воображают эвкалипты и пляжи, но пока Гарри наблюдал почти тот же пейзаж, что и в родном штате: горы и хвойные, куда ни кинь взгляд. Вокруг крошечной зоны отдыха высится еловый лес, плотно сомкнутые колючие ветви заслоняют небо, звезды (они такие яркие вдали от крупных городов, невозможно яркие) и убывающую февральскую луну. Какой-нибудь маньяк легко мог утащить Мел в чащу и сейчас медленно режет ее на кусочки всего в паре футов, а Гарри ничего не подозревает, ничего не видит, а потом будет слишком поздно. Или медведь выбрался из леса в поисках съестного и решил, что, раз не подвернулась корзинка для пикника, можно закусить питательной девчатиной.

— Мелани! — вопит Гарри. — Мел!

Тишина.

Джек, которую с Мелани связывает невидимая, но всепроникающая цепь зимы, не теряет самообладания. Она медленно поворачивается кругом, оглядывая парковку, деревья, захудалый лужок — местный газон, который, несомненно, разбили здесь ради семей, путешествующих с четвероногими друзьями. Он не очень-то к себе располагает, в основном там растут сорняки да какие-то кустики — даже при тусклом свете видно, что это сплошь шипы и колючки; но трава тоже имеется, и собаке есть где побегать перед тем, как сделать свои делишки. Часть газона не видно из-за кирпичного домика.

Не вынимая руки из карманов, Джек идет туда. По наитию. Зима говорит, что Мелани где-то близко и ей не грозит немедленная физическая опасность, но на этом все. Во всяком случае пока. Хоть Джек и наболтала с три короба о том, как волнуется, что Мелани позабудет, каково это — быть человеком, и полностью погрузится в воплощение Зимы, сама она толком не знает, что именно случится с ней самой, если Мел изберет этот путь. У последнего Зимнего короля больше ста лет не было асцендентов, он воспринимал их

всего лишь как костыль для подпорки идущего на убыль сезона; его собственный Ледяной Джек умер где-то в девятнадцатом веке, Джек так и не сумела разыскать никого, кто был с ним лично знаком.

Если Мел растеряет человечность, возможно, и Джек ее растеряет. Может, тогда одна из них всегда будет знать, где находится другая, и у них не останется друг от друга секретов. Джек не уверена, что ей нравится эта идея. Ей по душе ее секреты. Пусть их не так много, но те, что есть, для нее важны. Поэтому она медленно обходит здание и, заметив Мелани, останавливается, давая себе время осознать увиденное.

Она так и стоит, словно примерзнув (вот ведь ирония) к месту, когда к ней трусцой подбегает Гарри и тоже замирает на росистой траве, глаза у него округляются, рот открывается, он в шоке и замешательстве. В общем-то, ему не следовало так удивляться, он бы и не удивлялся, если бы был лучше подготовлен, если бы Джек могла лучше его подготовить.

Но она не может, и он удивляется, а Мелани стоит босиком на круглом бетонном возвышении, посреди которого торчит одинокий столик для пикников, ладони подняты вровень с пле-

чами, локти прижаты к бокам, глаза закрыты. Мел похожа на девушку на танцполе в очень печальном клубе для готов, таком, где не могут позволить себе ни освещение, ни музыку, ни других посетителей.

Но странно не это. Не то, как она тихонько покачивается из стороны в сторону, будто тростинка на ветру. Такое поведение кое-как вписывается в понятие нормальности, Гарри уже видел Мел такой, когда она, вымотавшись до чертиков, пыталась делать вид, что все в порядке.

Нет, ее поза, пусть и необычная, все-таки необычна в рациональном, понятном смысле. Так мог бы вести себя кто угодно.

А ненормально то, что воздух вокруг Мел переливается крошечными искорками, яркими, будто застывшие в полете блестки. В нескольких футах от нее ничего не блестит — переливается только совсем рядом, там, где она может достать руками. Джек отмирает и подходит к Мелани, медленно, будто к внезапно повстречавшемуся посреди супермаркета оленю, странному дикому созданию, которое нельзя вспугнуть. Гарри прирос к месту, не в силах ни ногу поднять, ни шагнуть.

Подойдя ближе, Джек видит, что блестки в воздухе — вовсе не блестки. Это бесчисленные

снежинки, отдельные идеальной формы кристаллики, и они не падают, даже при том, что Мелани раскачивается из стороны в сторону.

— Мел, — зовет Джек.

И тут происходит сразу несколько событий. Мелани открывает глаза. Мелани опускает руки. Сияющие кристаллики осыпаются снежной пылью на бетон у нее под ногами. Мелани удивленно моргает.

— Что?

— Ты нас очень напугала, исчезла куда-то, — говорит Джек. — Ты не должна была никуда уходить без нас.

— Гарри не просил меня сидеть в машине, — вполне разумно отвечает Мел.

Обернувшись через плечо, Джек бросает взгляд на Гарри — тот так и стоит, не двигаясь с места. Было бы гораздо проще, если бы он подошел и помог. Джек хмурится, пытаясь без слов донести до него эту мысль, а потом усилием воли расслабляется и снова поворачивается к Мелани.

— Не просил, но велел тебе надеть ботинки, — говорит она. — Можно я посмотрю твои ноги?

Мелани удивленно глядит на свои босые ноги, потом садится на скамейку рядом со столом для пикников. Даже то, как она села, Джек не нравит-

ся. Мел бездумно и бесшабашно плюхнулась на попу, словно маленькая девочка, у которой еще плохо с проприоцепцией и которая калибрует ее с помощью быстрых и резких движений. До мотеля она была более собранной, больше соответствовала своему возрасту.

В ситуации, когда Гарри орет и блюет в туалете, Мелани отстраняется. Полезно знать на будущее. Джек запоминает этот факт (потом пригодится), подходит к столу, становится на колени посреди небольшого невозможно снежного пятна и протягивает обе руки; Мелани любезно кладет в них ступню.

Обхватив ногу, Джек осматривает ее и морщится. Гарри не зря волновался: там засело несколько осколков, и по крайней мере один вошел так глубоко, что видно только блестящую точку в бескровном порезе. Подняв взгляд, Джек смотрит в глаза безмятежной Мелани и говорит, стараясь, чтобы голос оставался ровным:

— У тебя в ноге осколок. Мне нужно его вытащить. Сможешь посидеть спокойно?

— Конечно.

И снова Джек оборачивается через плечо на Гарри. Он все так же стоит, все так же таращится на них, будто первый раз в жизни увидел. «Ну,

чудненько. Пожалуйста, пусть только они оба сейчас не вздумают уйти в отключку», — думает она, а вслух говорит:

— Гарри, в машине есть аптечка?

— В багажнике, — голос у него почти не дрожит, слава Круговороту. Он справится.

Они справятся.

— Принеси, пожалуйста, — Джек не отпускает ногу Мелани. Нельзя, чтобы она опять куда-нибудь ушла.

— Конечно, — в голосе Гарри явственно слышится сомнение, но потом он делает два шага назад и срывается в бег. Со вздохом облегчения Джек поворачивается обратно к Мелани, по-прежнему отсутствующей и отстраненной, словно ничего из происходящего вообще ее не касается, никак не влияет на то, что́ она будет делать дальше.

Джек хмурится. Все еще хуже, чем она думала.

— Мел, ты знаешь, где ты?

— Конечно. Сижу на скамейке, — бодро отвечает Мелани, будто маленькая девочка, которую попросили сосчитать до десяти. — А ты держишь меня за пятку.

— Я не спросила, что мы делаем. Я спросила, где мы сейчас.

— А. В Калифорнии, кажется. Мы долго-долго ехали, — улыбка на лице у Мелани широкая и безжизненная. — Мне нравится в Калифорнии. Последний раз, как мы здесь были, папочка отвез меня и Гарри в Диснейленд. Я три раза была в «Доме с привидениями». Так весело.

— Гарри сейчас принесет из машины аптечку, и я смогу достать осколки из твоей ноги.

— Очень мило с его стороны. Гарри всегда так хорошо ко мне относится. Знаешь, он очень обо мне волнуется. Может, даже слишком. Ему нужно больше волноваться о себе и меньше обо мне. Думаю, он был бы счастливее, если бы научился это делать.

— Я тоже так думаю, но, Мелани, мне нужно, чтобы ты вернулась, сможешь? — Джек сжимает ступню, холодную, такую холодную. Будто у трупа, вот только это совершенно определенно живая ступня. Плоть не гладкая и податливая, как бывает у покойников, а упругая. Живая ступня, только высеченная изо льда, не такая, как у людей.

— Вернулась? — Мелани удивленно моргает, широко распахнутые голубые, как айсберг, глаза кажутся наивными. На радужках нет рисунка из снежинок. Интересно, у Зимних королев такие

же отметины, как у Ледяных Джеков?

Джек не знает и не уверена, что кто-нибудь узнает, она клянет про себя Уильяма Монро, самовлюбленного эгоиста, который отказался быть частью Круговорота, хотя по доброй воле связал себя с ним много-много лет назад. В Северной Америке столько всего утратили, столько всего нужно вернуть, а Джек и понятия не имеет, как сделать это достаточно быстро, чтобы хоть что-то изменить.

— Вернись, — повторяет она. — Прямо сейчас ты уходишь в Зиму. Она любит тебя и готова увести так глубоко, как ты пожелаешь, но ты нужна нам здесь и сейчас, чтобы помочь убежать от тех, кто хочет причинить тебе боль. Нам нужно, чтобы ты осталась. Нам нужна Мелани, а не Зимняя королева. Зимняя королева появится позже, когда Мелани станет достаточно сильной и сможет жить с ней бок о бок.

— Я не… — Мелани снова моргает, наивность в ее взгляде идет трещинами, словно лед на озере, и сквозь трещины проглядывают паника и ужас. — Я не хочу, — говорит она гораздо тише. — Не хочу убегать, не хочу бояться, не хочу смотреть, что будет дальше. Не хочу возвращаться. Пожалуйста, не заставляй меня.

У Джек только один шанс вытащить их, и если она воспользуется им, то причинит боль той, кому поклялась служить, а если не воспользуется, то, вероятно, по ее вине их всех убьют. Поэтому она качает головой и говорит:

— Прости. У меня нет выбора. Если ты уйдешь еще глубже, Гарри останется совсем один. У него нет Кукурузной Дженни. У него только я и ты, а если ты уйдешь, я последую за тобой, и у него никого не останется. Он будет один посреди коронации, и та часть тебя, которая уже погрузилась в Зиму, знает, что тогда он погибнет, — вполне можно победить и без параллели, но только не без проводника. — Вернись ради Гарри, даже если не можешь ради себя самой.

Взгляд у Мелани еще больше проясняется, наивность сменяется отчаянием. Джек чувствует под пальцами теплое. И опускает взгляд.

Ступня, которую она держит в ладонях, кровоточит, бесчисленные порезы от битого стекла внезапно поняли, что у раненых людей (а Мелани все еще человек) идет кровь.

Люди не застывают.

— Спасибо тебе, — говорит Джек.

К ним подбегает Гарри с аптечкой в руках, и Мелани начинает плакать.

Фермерский рынок

ПО КАЛЕНДАРЮ:

14 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

Два дня они медленно едут через Северную Калифорнию, два дня останавливаются во всех зонах отдыха и на всех заправках, два дня не рискуют подолгу задерживаться на шоссе, и вот наконец на горизонте появляются яркие огни области залива, вернее, появились бы, будь сейчас ночь. Но солнце высоко в небе, и земля купается в его водянистом свете. Только эпитет «водянистый» хоть как-то связывает это место с водой: с самой границы штата ни разу не шел дождь, и для двух подростков из дождливого Портленда такая погода посреди февраля — страшное чудо. Они не знают, как с ним быть.

И снова Джек оказывается самой умудренной из всех и напоминает, что зимой дождь идет не везде, кое-где он не идет вообще никогда, и раз уж в этой части Калифорнии вот уже несколько десятилетий регулярно приключается засуха,

пожалуй, даже хорошо, что дождя сейчас нет.

— Навыки вождения у калифорнийских водителей водорастворимые, — Джек повторила это уже столько раз, что Мелани и Гарри могут процитировать ее, даже когда, толком не проснувшись, бредут обратно к машине после ночи, проведенной в затрапезном мотеле, по сравнению с которым тот первый кажется настоящим курортом.

(Около трех пополудни на следующий день после того, как они вернулись на шоссе, они заезжают на парковку того самого мотеля; Гарри, каменея от ужаса, протягивает портье кредитку, ожидая, что вот сейчас ее отклонят, но все проходит без сучка без задоринки, им вручают ключи от такой маленькой и грязной комнатушки, что там даже пауков по углам нет, у пауков ведь тоже есть принципы, и они, вероятно, селятся в более пристойных местах. Например, на помойках. Зато есть крыша над головой, и она не течет, есть дверь, и она запирается на замок, есть душ, пусть даже Мелани соглашается залезть в него, только если дверь останется приоткрытой и она будет разговаривать с Гарри. Ему в конце концов приходится зайти в ванную — помочь Мел смыть шампунь с волос: израненные ноги ее уже не

держат.)

(Гарри невыносимо видеть, как Мелани больно. Но он все-таки испытывает некоторое облегчение: она не может подолгу стоять, он ей нужен. Если Мел не чувствует боли, значит, Зима берет над ней верх, а ему больше нравится человеческая девушка, а не ледяная кукла, материализующая из воздуха снежинки и бестрепетно ступающая по битому стеклу.)

(В том крошечном затрапезном мотеле, пусть и не совсем безопасном, они спят крепко, а потом ночью по очереди дремлют за столиками в уголке фуд-корта на стоянке для грузовиков, по очереди же пьют крепкий горький кофе, стараясь не заговаривать о важном. Уж точно не о Годовом круговороте и силе сезонов. По собственному горькому опыту Гарри знает, что люди редко слышат то, чего им слышать не хочется, но Джек очень устала и не готова снова обучать их основам мироустройства, заставлять ее было бы жестоко.)

Когда на горизонте вширь и ввысь раскидывается стальной стеклянный Сан-Франциско, все чувствуют страшную усталость, все вымотаны и готовы рухнуть при малейшем усилии.

Может, именно поэтому Джек, просунувшись

между сиденьями, кладет руку Гарри на плечо и говорит тихим взволнованным голосом:

— Не надо ехать в Сан-Франциско.

— Там следующий противник? — Гарри ничего не чувствует, но ведь и не должен чувствовать, если там поджидает претендент на Зиму, правильно? Мелани и Джек бы почувствовали, а он ощутит что-нибудь, только если в драку ввяжется еще одно потенциальное Лето. Джек с Мел и Гарри работают друг для друга системами раннего оповещения.

— Возможно. Но мы пока слишком далеко, точно сказать не могу.

— Тогда почему?..

— Потому что Мел заснула. — Гарри недоуменно молчит, и Джек вздыхает. — Она вымоталась, да и ты ничем не лучше. Я сама вымоталась. А если где-то в окрестностях и есть претенденты, они, вероятнее всего, в Сан-Франциско. Сегодня День святого Валентина. Вы заслужили передышку.

Гарри подозрительно косится на Джек в зеркало заднего вида.

— Вот уж от кого я не ожидал милосердия и понимания.

— Если Мел устала, такая Мел не сможет противостоять Зиме, а нам обоим нужно, чтоб она

смогла. Если Гарри устал, такой Гарри не сможет вытащить ее обратно, когда она начнет ускользать. Весь смысл в том, чтобы вы оба воплощали ваши сезоны, а не в том, чтобы они вас поглотили. Помоги мне помочь ей, а для этого помоги сам себе.

— Наверное, это все очередная чушь, но я слишком устал, — Гарри тяжело вздыхает, и этот вздох будто проходит через все тело от пят до макушки. — Ладно, не поеду в Сан-Франциско, а куда ехать? Попробуй только сказать «Лос-Анджелес», и, хоть ты и малышня, я тут же сверну на обочину и так тебя отлуплю — два дня ходить не сможешь.

Если уж Гарри угрожает расправой, значит, он еще больше вымотался, чем опасалась Джек. Она откидывается на сиденье, от греха подальше, выглядывает в окно и читает надпись на первом же зеленом дорожном указателе.

— В Беркли, — говорит она, надеясь, что в ее голосе достаточно уверенности. — Едем в Беркли. Город сравнительно большой: там найдется место для ночевки; и сравнительно маленький: вряд ли там в засаде поджидает претендент.

— Прекрасно, Беркли, — без особого воодушевления отвечает Гарри. Он устал. Он просто хочет,

чтобы все закончилось.

Но чем дальше, тем больше ему кажется, что все закончится еще очень нескоро.

* * *

Путь до Беркли занимает около часа. Съехав с шоссе, они оказываются в джентрифицированной части города: старое паровозное депо соседствует с роскошными магазинчиками, деревья благодаря стараниям умелых рук выглядят чуть одичавшими. Ухоженные люди с такими же ухоженными собачками расхаживают по гладким ровным тротуарам, толпятся перед маленькими несетевыми кафе с мороженым, все так похоже на Портленд, что Гарри внезапно охватывает тоска по дому.

Ну что ж, он ведь подумывал выбрать колледж поближе к бабушке с дедушкой. Может, этим нелепым приключением вселенная говорит ему: ты не создан для путешествий. Может, он один из тех счастливчиков, которые родились там, где им лучше всего.

А может, вселенная говорит: ты будешь счастлив, куда бы ни отправился, и, как только появится такая возможность, нужно сразу ехать в Вид-на-замок, к любимым залам с ни на что не

похожими интерьерами. Гарри бросает взгляд на Мелани: она мирно спит на пассажирском сиденье, прижалась щекой к окну, рот приоткрыт, на подбородке блестит тоненькая ниточка слюны. Он думает, что, пока Мел с ним, он может быть счастливым где угодно.

Может быть счастливым прямо здесь.

На узеньких засаженных деревьями улицах припарковаться негде, тут полно людей, у которых есть планы на День святого Валентина, которые не бегут, спасая жизнь, перед лицом такой огромной силищи, что ее невозможно даже осмыслить. Гарри едет дальше — судя по знакам, в сторону местного университета; он подумывал сюда поступить, но потом понял: если получать степень по лесоводству в колледже, где есть собственный клуб по экологии и биологическому разнообразию, то, вероятно, однокурсники рано или поздно выяснят, что он собирается рубить деревья, и все четыре года покоя ему не дадут. Его семья всегда старалась ответственно обращаться со своими владениями и рубить деревья так, чтобы не навредить окружающей среде, но невозможно управлять лесозаготовительной империей и вовсе ничего не рубить. Гарри обдумывал поступление в Беркли, но этот колледж

не для него.

Он даже не ездил его смотреть. И сейчас чувствует, как в груди поднимается крошечный пузырек волнения. Почти нормальная жизнь. Они едут вдоль западного побережья, осматривают колледжи, только и всего, и немного приключаются в процессе. Если он самому себе это скажет достаточно громко, может, и удастся притвориться, что он по-прежнему тот старый Гарри, который никого не убивал, который даже не знает, каково это — когда у тебя на руках горячая, липкая, остывающая кровь, который не замарал себя несмываемым пятном.

Гарри скучает по старому себе. Он и не знал, что такой старый Гарри был, пока не убил его вместе с тем парнишкой, чье имя, скорее всего, никогда не узнает (как мимоходом заметила Джек, это имя больше не имеет значения; она говорила, что асценденты не убивают, но так хладнокровно смотрела на трупы, что Гарри не совсем ей верит. Этот ребенок точно встречался со смертью, это несомненно, вот только непонятно, была ли Джек ее причиной или просто столкнулась по дороге, Гарри не знает, насколько это важно, и, возможно, эта неопределенность и беспокоит его больше всего).

Магазинчики заканчиваются вместе с остатками старой железной дороги, им на смену приходят буколические заросшие деревьями улочки и эксцентричные домики, еще больше напоминающие Портленд. Они похожи и в то же время не похожи на родной штат Гарри: в Орегоне нет такого количества секвой, нет высоких крылечек со ступеньками. Многие домики кажутся шаткими, как будто их строили детишки, чтобы потом быстренько развалить, а здесь ведь часто случаются землетрясения.

Крошечные прямоугольные дворики, несмотря на засуху, заросли зеленью, на грядках полно овощей, на клумбах цветы. Такого количества помидорных кустов в феврале Гарри никогда еще не видел: наверное, зима здесь очень мягкая, раз столько всего цветет. В Калифорнии люди утратили всякую связь с годовым круговоротом и отслеживают сезоны лишь по календарю.

Нет, он не смог бы здесь учиться. Здесь нет нормальной смены сезонов, и Гарри бы не выдержал, с короной или без.

Впереди университет: многочисленные приземистые здания, посредине башня с часами, вся в лесах. Очевидно, ее реставрируют. Кажется, сюда ведут все дороги, но ни одна по прямой; улица,

по которой едет Гарри, два раза разветвляется, и вот они уже среди лавочек, меньше похожих на бутики и больше — на обычные центральные магазины. В них по-прежнему чувствуется что-то старомодное, и Гарри это нравится.

Современные глянцевые города для него слишком чужие, он предпочитает места, которые будто выросли сами собой, от которых есть ощущение, что здесь действительно живут люди.

Еще один поворот, и Гарри улыбается удача: машина отъезжает, и освобождается парковочное место. Он аккуратно встает туда, глушит двигатель и поворачивается к Джек.

— Годится?

Та кивает, тогда Гарри вытаскивает ключи, засовывает их в карман, а потом трясет за плечо спящую Мелани. Ее кожа холодит пальцы: не прохладная — холодная. Он не уверен, что когда-нибудь к этому привыкнет.

— Эй, солнце, пора вставать, — говорит он как можно более веселым тоном. — Мы на месте.

Мелани тихонько стонет, ей не хочется просыпаться. Гарри не понимает, как она умудряется спокойно спать, пристегнутая к сиденью, но потом ему приходит в голову, что это мало чем отличается от сна на больничной койке. Эта

мысль Гарри не нравится, и он отбрасывает ее в кучу к остальным неприятным мыслям, отложенным на потом. В один прекрасный день они слипнутся в одну огромную супермысль, совершенно чудовищную, слишком большую, чтобы ее можно было отбросить, и вот тогда ему конец. Но пока ничего такого не произошло и сегодня уж точно не произойдет, так что он опять трясет Мелани за плечо.

— Мел, милая, давай просыпайся. Тут есть «Старбакс».

Она открывает глаза.

— Настоящий кофе? Не как горелая кошачья моча на вкус?

— Рад слышать, что у тебя погибли еще не все вкусовые сосочки, — говорит Гарри. — Да, настоящий кофе и столько взбитых сливок и сиропа, что уже и кофе не кофе.

В Портленде не так зациклены на кофе, как в Сиэтле, но у них достаточно отдельных кофеен и кофейных лотков, которые выживают несмотря на большие сети, поэтому Гарри всегда чувствует себя немножечко предателем, если идет в «Старбакс». Но «Старбакс» есть в вестибюле больницы, и Мел сто лет как на него подсела, пусть даже доктора твердят, что никакого кофеина ей нельзя.

Она в основном пьет бескофеиновый и какао и оправдывает свою любовь к «Старбаксу» тем, что, куда бы она ни пошла, он везде одинаковый, а она заслуживает хоть немного предсказуемости.

На нынешнем этапе они оба ее заслуживают.

— Джек, идешь? — спрашивает Гарри, открывая свою дверь.

— Куда она, туда и я, — Джек быстренько перелезает на другую сторону сиденья, чтобы выйти не на проезжую часть, а на тротуар. Приятно, когда она не забывает притворяться, будто ей есть дело до собственной безопасности, даже если Гарри не верит, что она это всерьез. Джек считает себя неуязвимой. Гарри думает, что, если бы кутерьма с сезонами началась, когда ему было двенадцать, он тоже считал бы себя неуязвимым.

Господи, если среди претендентов на корону окажутся двенадцатилетки, что же ему тогда делать?

Вероятно, остается только умереть. Он не может сражаться с двенадцатилеткой. Он же не бессердечная скотина.

Выходя из машины, Мелани чуть прихрамывает, Гарри чувствует себя мерзко, потому что ему приятно это видеть. Если она хромает, значит,

ощущает боль, а если ощущает боль, значит, это по-прежнему его Мел. Гарри рад, что она может ходить сама, даже если ей при этом больно. Мел всегда плохо переносила вынужденную неподвижность. В том числе и поэтому болезнь была для нее таким наказанием.

Теперь Гарри знает, что эта болезнь не была предначертана ей с рождения, но является результатом действий ее отца, и жалеет, что был с ним вежлив. Не очень-то благоразумно ругаться с отцом своей девушки, но как приятно воображать это теперь задним числом.

Подзуживаемая мыслями о кофеине, Мелани топает прямиком к «Старбаксу» и останавливается возле двери, поджидая Гарри и Джек. Она кладет руку на ручку, загородив вход; оглядывается через плечо и, когда Джек и Гарри подходят ближе, с лучезарной улыбкой распахивает дверь, они окунаются в аромат кофе, сахара и сдобы. Знакомый приятный аромат. Такой же знакомый и приятный, как образ Мелани, заманивающей Гарри в «Старбакс».

Отбросив подальше мысли о коронах и коронациях, сезонах и жертвах, он заходит внутрь. Время пить кофе.

Перед прилавком почти никого нет. Очередь

движется быстро, и, подойдя к кассе, донельзя радостная Мел с ослепительной улыбкой щебечет:

— Большой горячий шоколад со вкусом имбирного пряника, дополнительная порция сиропа, дополнительная порция взбитых сливок, а сверху, пожалуйста, полейте шоколадным сиропом.

Если бариста и ужаснулась тому, сколько сахара будет у Мел в чашке, она этого не показывает — принимает заказ и глазом не моргнув, даже когда Гарри весело добавляет:

— Черный кофе, большой, чтобы хватило места для сливок и сахара, и вот ей, что захочет, — он указывает на Джек.

Девчонка заказывает еще одно жуткое зелье из сиропа и сахара, хотя в ее порции все-таки есть настоящий кофе, и, словно поддразнивая Гарри, три разных печенья с витрины в придачу. Гарри расплачивается, они забирают заказы, ждут, когда он добавит сахар и сливки, а потом устраиваются за столиком возле окна. Джек тут же снимает крышечку со стаканчика и обмакивает печенье в кофе.

— Кофе — хорошо, — вздыхает она, кусая размякший краешек.

— Не уверен, что твой напиток можно считать кофе, а если в напитке Мел он вообще есть,

значит, они напутали с рецептом, — спокойно замечает Гарри.

— Да мне плевать. Я не отказываюсь от своего утверждения — я права. Кофе — хорошо.

— Как скажешь.

В «Старбакс» заходят двое подростков, с виду ровесники Гарри и Мел; у девушки удивительные волосы, таких Гарри раньше никогда не видел. Длинные и белые с желто-зеленым отливом, и, если судить по ресницам и бровям, это невероятный, но естественный цвет.

При виде нее Гарри ничего не ощущает, никакой связи с Летом, но с такими волосами она просто обязана быть с ним связана. Вот уж точно летнее дитя. Гарри смотрит на Джек, вопросительно подняв брови. Та качает головой.

— Я бы не смогла определить, — отвечает она, понизив голос (они ведь в общественном месте, и здесь гораздо больше народу, чем на той стоянке для грузовиков, где они провели ночь). — Я могу определить только свой сезон. Мальчишка, который с ней, не Зима, если ты об этом. Они не ищут здесь других претендентов. Если она в одиночку охотится на Лето, да еще и приятеля прихватила, то продвинулась недалеко, и им очень повезет, если дотянут до весны, — Джек говорит как бы

между делом, будто все это совершенно разумно и логично.

Но все совершенно нелогично. Гарри отпивает кофе, не чувствуя вкуса, и наблюдает, как белокурая девушка с другом подходят к стойке. Одеты они вполне по сезону: фланелевые рубашки и синие джинсы; у парня темно-каштановые волосы и дружелюбное лицо. Если бы не разный цвет волос, Гарри принял бы их за брата с сестрой; когда удается разглядеть глаза мальчишки за стеклами очков в тонкой оправе, он решает, что волосы у девушки все-таки крашеные — ведь глаза у этих двоих одинаковые: чистый светло-коричневый цвет — подслащенный медом виски.

Существуют, конечно, цветные контактные линзы, но цвет слишком уж странный, проще поверить, что девушка где-то раздобыла белую тушь, хотя Гарри такой никогда не видел. Подростки о чем-то болтают, сдвинув головы, едва не соприкасаясь ими, и Гарри бы не пялиться на незнакомцев, но он пялится. И в это мгновение до боли им завидует. У них нормальная жизнь. И у него неделю назад была такая же, а теперь уже никогда не будет.

Либо он умрет, либо станет живым Летом, без вариантов. В первом сценарии впереди лишь

тьма, во втором они с Мел будут жить долго и счастливо и, вероятно, не смогут учиться в колледже, ни вместе, ни по отдельности. Будущее — неизведанный край, и Гарри даже не берется гадать о том, что оно ему преподнесет.

Мел легонько хлопает его по плечу.

— Вернешься к нам или так и будешь пялиться на другую девушку? — тихонько спрашивает она.

Гарри поворачивается к ней и удивленно моргает. Мел смотрит на него чуть сердито и чуть весело, Гарри понятно, что на самом деле она вовсе не волнуется, а ей понятно, что волноваться не о чем. Он морщит нос, а потом, перегнувшись через стол, целует Мел в губы.

Губы у нее на вкус как шоколад, как сахар и взбитые сливки и как бальзам для губ, которым она мажется в поистине безумных количествах. Гарри никогда не понимал, как вообще можно есть с таким толстым слоем мятной помады на губах, но, видимо, в конце концов привыкаешь к такой приправе.

Мелани со смехом отстраняется.

— А это еще за что?

— За тебя. За меня. За нас обоих, за то, что мы здесь, вместе, не в больнице, не лежим мертвые

в каком-нибудь захудалом мотелишке.

Гарри не говорит ей, что теперь он больше всего боится не ее смерти, теперь он боится ледяной тишины и зависших в воздухе снежинок. Ему и не надо ничего говорить. Они так давно вместе, что некоторые страхи понятны и без слов, Мелани кивает, в ее глазах тоска и жажда, потом перегибается через стол и целует Гарри.

На этот раз поцелуй получается более долгим и медленным, будто они дают друг другу попробовать свои напитки, а когда он прекращается, Джек за столом уже нет. Вот ее чашка, значит, девочка им не примерещилась. Оглянувшись, Гарри видит, что Джек что-то тихонько обсуждает с теми подростками. Удивительно.

— Раньше она никогда не стремилась подружиться с незнакомцами, — замечает он.

— Разве что с нами.

— Ага, но мы-то вместе увязли в огромной метафизической хренотени, так что вряд ли считаемся.

Гарри делает большой глоток кофе, чтобы скрыть тревогу, вызванную тем, что Джек нет поблизости. Последний раз, когда она отошла, ему пришлось убить человека. Вряд ли стоит опасаться нападения в «Старбаксе», да и жа́ра

он сейчас не ощущает, но все равно неприятно, и Гарри испытывает несказанное облегчение, когда Джек, помахав на прощание новым знакомым, возвращается за столик.

— Насколько я поняла, прямо за углом очень симпатичный фермерский рынок, — говорит она. — В Калифорнии такие рынки круглый год, потому что местные — все поголовно чудаки, да и климат подходящий. Но в основном, конечно, виноваты чудаки. В любом случае, вряд ли здесь произойдет сражение, а нам всем неплохо бы размяться и походить. Нельзя же вечно сидеть в машине.

Гарри хочется возразить: именно когда они выбираются из машины, их и пытаются убить. Убитым он быть не желает, поэтому машина теперь — самое лучшее место на всем белом свете. Но в ней уже чувствуется тот неотвязный запашок, который ассоциируется у Гарри с долгим путешествием, и, если он поскорее не выберется на воздух, нос вывернется наизнанку.

Он обожает свою машину. Но прямо сейчас неплохо бы прогуляться.

— Конечно, — говорит он. — Почему бы и нет.

Лицо у Мел озаряется радостью. Джек довольно кивает.

— Класс, — говорит она. — Ким сказала, он еще часа два открыт.

Видимо, Ким — та белокурая девчонка, хотя они же в Калифорнии, так что кто знает?

— А ты ее, часом, не спросила, красит она волосы или нет? — интересуется Гарри.

Джек удивленно моргает.

— Нет. А зачем мне такое спрашивать?

— Незачем.

Ну что ж. Некоторые вопросы обречены остаться без ответа, решает Гарри.

Мелани встает, Гарри за ней, Джек, замешкавшись, собирает обкусанное печенье и идет следом за ними к дверям, в это время двое подростков как раз добираются до стойки и делают заказ.

* * *

Фермерский рынок действительно обнаруживается всего в паре кварталов, хотя по прямой никак не дойти: им приходится несколько раз останавливаться и спрашивать дорогу. Мелани одета слишком легко даже по местным меркам, и, когда второй по счету человек замечает, многозначительно глядя на Гарри, что ей, наверное, зябко, тот стряхивает с плеч куртку и галантно накидывает ее на Мел.

Она закатывает глаза и с упреком говорит:

— Из нас двоих это тебе на самом деле холодно.

Они идут по дороге, а потом через парк, к рынку.

— Да, но ты же не хочешь, чтобы нас здесь запомнили, — возражает Гарри. — Мы и так достаточно странные.

— Это же Калифорния и Беркли, — встревает Джек. — Мы сейчас прошли мимо парочки в черном: спорим, они собрались играть в пятнашки на местном кампусе, притворяясь вампирами. Так что нас уж точно никто не запомнит.

— Чувствуешь других претендентов?

— Ни единого. Расслабься, Летний мальчик. Нас ждут покупки.

Впереди фермерский рынок: веселенькие полосатые навесы, складные прилавки из дерева и пластика. Лежащие на них товары не так разнообразны, как были бы летом, но все равно двух детишек из Портленда это разнообразие потрясает. Есть даже несколько цветочных лотков, этот товар пользуется большим спросом — сегодня же День святого Валентина.

При виде цветов Мелани улыбается, но к лоткам не подходит, а когда Гарри показывает на

них, качает головой и берет его за руку, четко давая понять, что не хочет, чтобы он покупал ей цветы. Гарри кивает, и они идут дальше, Джек перебегает с одной стороны улицы на другую, лопает бесплатные образцы и восторгается зимними дынями. На время рынка улица закрыта для машин, сюда пускают только пешеходов. Мелани останавливается повосхищаться яблоками пятнадцати разных сортов, Гарри отпускает ее руку и медленно идет в сторону прилавка со сладко-соленым попкорном, который пахнет на весь рынок — яркий, карнавальный, притягательный аромат. Гарри такой всегда нравился.

Рядом с попкорном продают картофель. Гарри никогда раньше не задумывался, чем хорош фермерский картофель, он не понимает, почему кто-то готов выкладывать за него по пять долларов за фунт, но точно знает, что некоторые вещи, важные для него, для других не имеют смысла, так что не нужно ничего комментировать. Какая-то женщина выбирает картошку с таким серьезным видом, словно речь идет о спасении умирающего.

Но не это привлекает внимание Гарри. Женщина будто стоит посреди мерцающего цветного калейдоскопа, будто ее завернули в прозрачный

и беспрестанно переливающийся пластик. Такого он раньше никогда не видел, поэтому просто не может оторвать глаз.

Очередь за попкорном движется, Гарри движется вместе с ней, женщина возле лотка с картофелем поднимает голову и встречается с ним взглядом. Волосы у нее рыжие-прерыжие, только одна прядь седая — спускается от темечка прямо к челке, завиваясь над глазом красно-белым леденцом, а сами глаза бледно-серые, туманные, зрачок будто плавает в белом море. Смотреть ей в глаза неприятно, не то что на радужную дымку, и Гарри отводит взгляд. Очередь снова движется. Шагнув вперед, он заказывает большой пакет попкорна. Будет что пожевать в машине, когда они отправятся дальше. Продавец называет цену — десять долларов, Гарри вручает ему деньги и внезапно осознает, что рядом кто-то есть.

Этот кто-то стоит очень близко, видимо, Мелани. Гарри берет попкорн и сдачу и не глядя протягивает пакет.

— Хочешь? — спрашивает он, а потом коротко вскрикивает от неожиданности.

Прямо перед ним стоит женщина в радужной вуали, она подошла, ловко воспользовавшись его слепым пятном — словно просто щелкнула

пальцами и в мгновение ока преодолела разделяющее их расстояние. Гарри не понимает, как ей удалось подобраться так близко.

Стоящий позади покупатель протискивается между Гарри и женщиной в радужной вуали. Он вроде как ее не видит, хотя точно видит Гарри, поскольку отпихивает его от прилавка.

— Иди-ка сюда, — говорит женщина.

Это не просьба. Но в незнакомке не чувствуется лето, и она не пытается его убить, так что Гарри, сжимая в руках пакет с попкорном, идет следом за ней в небольшой закуток между прилавком с картофелем и лотком с домашними вареньями и джемами.

Когда они оказываются там, женщина с прищуром глядит на него.

— Кто ты такой и какого черта можешь меня видеть? — спрашивает она.

Гарри удивленно моргает. Чем дольше он смотрит, тем меньше дрожит радужная вуаль, тем больше незнакомка становится похожей на обычную женщину, пусть ей и удалось как-то включить свой персональный фильтр из «Инстаграма».

Ее одежда вполне подходит для фермерского рынка: синие джинсы, фланелевая рубашка, под

ней футболка с какой-то математической шуткой, которую Гарри даже не пытается понять. На одной руке у женщины висит плетеная корзинка, наполовину полная, в ней в том числе тот самый дорогущий фермерский картофель, который она выбирала, когда Гарри ее увидел.

Он хмыкает.

— Гарри? Это я. В смысле, это мое имя. На самом деле Гаральд, но все зовут меня Гарри, потому что Гаральд — это очень старомодно и совсем мне не подходит. И Гаральд через «а», а не через «о». Это важное для нашей семьи имя.

— Ладно, когда я тебя спросила, кто ты, я не имела в виду полную этимологию твоего имени. Эту информацию лучше прибереги для моего братца, ему будет интересно. Давай-ка вернемся к тому, почему ты меня видишь. Больше никто меня здесь не видит. Я на рынок пришла не для того, чтобы меня видели.

Гарри не понимает, что делать. Слыхал он, что Беркли называют городом хиппи, но никак не рассчитывал встретить женщину настолько под кайфом, что она считает себя невидимой. Он несколько заполошно оглядывается по сторонам, надеясь отыскать Мелани, Джек или еще кого-нибудь, кто выручит его из этой дикой передряги,

спасет от этой дикой женщины, которую он не знает и знать не желает.

Мелани и Джек стоят через шесть прилавков от него и, склонившись друг к другу, рассматривают местный мед. Рядом подростки из «Старбакса» со стаканчиками кофе смеются над словами Мелани. Гарри умудряется не завопить и не замахать руками, в основном потому, что женщина щелкает пальцами, привлекая его внимание, она явно считает, что он должен смотреть только на нее.

— Эй, сюда смотри, — раздраженно велит она. — Мистер Гарри-это-я, мне нужно понять, как ты меня увидел.

— Я не… Я не знаю? Вы завернуты в радужный целлофан. Я такого раньше никогда не видел, поэтому и пялился — не на вас в основном, а на радугу. Простите, если что. Больше не буду.

Сморгнув, женщина наклоняет голову к плечу и становится похожей на сокола, раздумывающего, не попытать ли удачу — не сцапать ли соседского кота.

— Ты это видишь?

— Хм, да?

— Радужный целлофан, как ты выразился, это щит, сотворенный из секунд, украденных у будущих пяти минут. Я притянула их, и они

сместились по фазе, это их убивает, а когда они сгорают, то светятся. И никто больше, кроме меня, этого не видит, — она делает шаг к Гарри. — Почему ты видишь умирающие секунды?

Гарри снова хмыкает. В этой женщине на первый взгляд нет ничего такого жуткого. Да, высокая, но он выше, лет ей не меньше тридцати, и Гарри уверен, что вполне смог бы с ней справиться. Но почему-то она кажется самым страшным созданием, какое он когда-либо видел. Даже хуже, чем Мелани, когда та стояла посреди сверкающего вихря снежинок, а это было поистине страшное зрелище.

— Я понятия не имею, о чем вы, но звучит очень нелепо, и вы сейчас очень меня пугаете, так что, пожалуйста, прекратите.

Люди вокруг не видят ее, но совершенно определенно видят Гарри, и кое-кто из покупателей уже бросает на него косые взгляды: странный парень разговаривает с пустотой. Гарри еще сильнее хочется развернуться и броситься наутек. Вряд ли она за ним погонится. Если уж пришла сюда за картошкой и не хочет, чтобы ее видели.

Но жизнь Мелани Гарри бы на это не поставил, пусть даже с удовольствием рискнул бы собственной, поэтому он остается на месте, замерший и

запуганный, а рыжая женщина окидывает его внимательным взглядом с головы до ног, словно он тоже товар на рынке и нужно проверить, свежий ли, перед тем как класть в корзинку. Никакого сексуального подтекста в ее взгляде нет, никаких хищнических намерений — хищнические взгляды Гарри иногда ловил на себе после того, как вышел из пубертата и превратился в высокого широкоплечего и безусловно привлекательного юношу; но эта женщина снимает с него мерку, как с предмета, не больше и не меньше.

И все равно Гарри это не нравится. «Зловещий» — за последние лет семнадцать это словечко приобрело определенную сексуальную коннотацию, в рыжей женщине ничего сексуального нет, но ее взгляд, устремленный на Гарри, именно что зловещий. Гарри пытается сделать шаг назад, но понимает, что не может.

Женщина улыбается уголками губ.

— Вероятность того, что ты попытаешься сбежать, если я тобой займусь, составляла пятьдесят процентов, вот я и сделала так, чтобы мы оказались там, где сработают другие пятьдесят процентов. Ты никуда не пойдешь.

— Вам никогда не говорили, что вы жуткая?

Ей, кажется, приятно это слышать. Ну разу-

меется. Страшным женщинам всегда приятно слышать, что они страшные.

— Я училась у лучших из лучших. А теперь ты должен подробно объяснить, как умудряешься видеть меня, несмотря на секунды, и как вообще видишь секунды.

— Я…

— И побыстрее. Через два часа рынок закрывается, а я еще не все купила.

В горле у Гарри пересыхает, слова умирают на губах. Он не может ничего сказать. Даже пискнуть не может.

Остается только глазеть на нее, замерев, будто мышь перед змеей.

— Эй, солнышко!

Даже оклик Джек не выдергивает Гарри из оцепенения. Она подбегает, в этот момент больше похожая на маленькую девочку, чем когда-либо на его памяти (в волосах яркая маргаритка, на губах мед), тянется к пакету с попкорном и со смехом просит:

— Делись давай добычей.

Женщина переводит холодный змеиный взгляд на Джек и, кажется, даже не моргает. Джек в свою очередь не подает виду, что заметила ее, что вообще ее видит. Не обращая на незнаком-

ку внимания, как и все остальные посетители рынка (кроме Гарри), девочка хватает сначала горсть попкорна, потом локоть Гарри и тянет его за собой.

— Снежинка про тебя спрашивала, — болтает она на ходу. — Почувствовала себя брошенной. Надо бы вам растолковать, что означает термин «созависимость», в будущем, думаю, вам это пригодится.

— Да мы уже знаем, — в компании кого-то гораздо более нормального, чем невыносимая невидимая женщина, закутанная в радугу, язык Гарри наконец-то отлипает от нёба. Если уж живой служитель Зимы воспринимается как что-то нормальное, то лучше об этом не задумываться.

— Ага, — говорит Джек. — Так, может, стоит над этим поработать? Просто дружеский совет.

Женщина смотрит на них, но с места не двигается. А вдруг ее безумная невидимость действует только тогда, когда она сама не привлекает к себе внимания? Люди же не видели ее, пока она разговаривала с Гарри, а вот самого Гарри видели; может, если она молчит, то Джек ее не видит. Гарри позволяет утащить себя подальше, облегчение перекрывает его тревогу.

— За нами следят, — спокойно говорит Джек.

Гарри оглядывается через плечо. Женщина идет за ними. Хотел бы он, чтобы это оказалось неожиданностью, но нет, все вполне ожидаемо. Он быстро переводит взгляд вперед, подавляя желание ускорить шаг и сбежать.

— Ты ее видишь?

— Конечно. Погоди, а она не претендент на Лето? — На этот раз и Джек оглядывается, чуть нахмурившись. — Нелепица какая-то.

— Я не чувствую в ней Лето. Решил, что если она и не человек, то Зима.

— Нет. Она ощущается как время, но к моему сезону отношения не имеет. Она… — Джек останавливается. Буквально замирает на месте, и Гарри тоже приходится резко остановиться, поскольку она все еще держит его за локоть: если он пойдет дальше, Джек упадет. — Вот черт.

— В каком смысле «вот черт»?

Джек молча отпускает его локоть, разворачивается и топает назад к женщине, та смотрит на девочку удивленно, но не слишком. Она уже вычислила, что Джек тоже ее видит.

Ой-ой, все может закончиться очень-очень скверно. Гарри точно не знает, как именно, а еще не знает, хорошо ли оставлять своего проводника один на один с женщиной, ворующей

секунды у будущего и убивающей их, чтобы ее не беспокоили, пока она ходит за покупками. Он снова оглядывает толпу в поисках Мел. Вопреки словам Джек, Мелани не ищет его взглядом — она увлеченно болтает с двумя подростками из «Старбакса», оба с серьезным видом смотрят на нее, вцепившись в свои бумажные стаканчики.

— Значит, это будет моя проблема, — бормочет Гарри и идет обратно к Джек и женщине.

Они настороженно меряются взглядами, как два тигра, пытающиеся поделить один холм. Джек дергает подбородком в сторону рыжей незнакомки:

— Она назвала тебе свое имя? — спрашивает она подошедшего Гарри.

— Нет. Мое стребовала, а сам я был немножко не в себе и не спросил.

— Я знаю по горькому опыту, что называть имя кому попало не следует, — говорит незнакомка. — Информация — деньги, а знание — сила.

— А тебе бы стикеры на бампер клепать, — отвечает Джек. — Как ты умудрилась выйти из потока времени?

— Твоя маленькая сестричка такая же тактичная, как апперкот.

— Она мне не сестричка, — возражает Гарри. —

Она у моей девушки… Черт, Джек, ты никогда не говорила, как всю эту хрень объяснять. «Она у моей девушки личный служитель» — не особенно хорошо звучит, на меня будут косо смотреть.

— Я Ледяная Джек, — Джек не отводит взгляда от женщины. — По крайней мере, сейчас, но, поскольку это в основном титул, никакой силы надо мной ты не получишь. Я принадлежу сама себе, ты не сможешь меня и коснуться.

— Еще как смогу, малявка. — Неожиданно женщина успокаивается. — Вы все связаны с сезонами, верно? Это многое объясняет. Брат говорил, что зажег для вас свет, но я не была уверена, что ему удастся привлечь воплощения. Круто сработало. Теперь целый месяц будет лопаться от самодовольства.

— Вы алхимики? — в голосе у Джек явственно слышно отвращение.

— Нет. Мы гораздо лучше.

— Хм, в моих краях не принято угрожать маленьким детям, что сможешь их коснуться, — вмешивается Гарри. — Я вообще-то из Портленда, это не так уж далеко.

— Из Портленда… Вот же хрень, — женщина, сморгнув, внимательно смотрит на него и кажется уже гораздо менее ужасной и гораздо более

похожей на человека. — Вы не первые сезонные создания, повстречавшиеся нам за последние несколько дней, но нам еще не попадалось воплощение… или целых два. Ты же Летний мальчик, правильно? — Не дожидаясь ответа, она переводит внимательный взгляд на Джек. — Идет коронация, туда-то вы и направляетесь, верно?

— Хм, ага, — говорит Гарри. — Откуда вы это знаете, если вы не… Вы не Лето и не Зима, так что вы такое?

— По вашим меркам? Если отталкиваться от этого вашего разлюбезного календарика? Вероятно, меня можно называть Временем. — Женщина обнажает в улыбке все зубы разом и снова моментально становится жуткой. Ей даже стараться особенно не приходится. Она поднимает правую руку, щелкает пальцами и тихонько говорит: — Ладно, Кимми, пошли.

Белокурая девочка, широко распахнув глаза, вскидывает голову, поворачивается и оглядывает толпу, пока ее взгляд не останавливается на рыжей женщине. Кажется, она удивилась, что та разговаривает с Гарри и Джек, а может, удивилась, что она вообще с кем-то разговаривает, поскольку вокруг нее все еще мерцает радужная вуаль. Ким что-то говорит Мелани, а потом быст-

рым шагом идет к ним.

За ней идет ее брат.

А мгновение спустя и Мелани.

Когда они подходят, женщина вздыхает.

— Волосы черные, кожа белая — неужели обязательно вот так вот в лоб? Подозреваю, что у сезонов тонкая душевная организация, но это уже избитое клише.

Мелани удивленно хлопает глазами. Потом смотрит на незнакомку более заинтересованно и парирует:

— Кто бы говорил. Ты похожа на мультяшную птицу, только без мультика.

Белокурая Ким прыскает и смущенно зажимает рот ладошкой.

— Простите, — бормочет она.

— Прошу прощения, — говорит мальчик, одной рукой поправляя очки в тонкой оправе. — Что здесь происходит?

— Мама у тебя настоящая зараза, вот что происходит, — говорит Гарри.

Мальчик с выражением крайнего отвращения морщит нос.

— Доджер мне не мама. Вот уж спасибо.

— С технической точки зрения, я скорее тяну на его старшую сестру, — поясняет Доджер. — А

еще на законного опекуна, хотя мы с братом — неподходящие кандидатуры. Какие уж тут дети — мы еле-еле за себя-то умудряемся отвечать. И этих бы нам ни за что не доверили, если б они официально существовали.

— Ты отвечаешь за половину тех сил, которые правят вселенной, — потрясенно говорит Джек.

— И еще за двух подростков, и даже не спрашивай, что хуже, — сокрушается Доджер. — Тим, вы их знаете?

— Познакомились в «Старбаксе», — кивает мальчик. — Мы с Ким объяснили им, как пройти на рынок. Я не рассчитывал, что они с тобой столкнутся.

— Значит, не рассчитывал, что они меня увидят, а значит, ни один из вас ничего странного в них не почувствовал, — укоряет Доджер.

Вид у подростков делается пристыженный, Ким, понурив голову, шаркает носочком туфли по мостовой, а Тим кладет руку ей на плечо и хмурится. Гарри не может этого стерпеть.

— Ты сама не почувствовала, — говорит он. — Не замечала меня до тех пор, пока не поняла, что я сам на тебя смотрю, хотя не должен бы. Не надо тут из себя самую умную корчить, потому что ты старше.

— Гарри, — шипит Джек. — Она корчит из себя умную не потому, что старше. А потому, что она воплощенная Математика, полностью проявленная, и может при желании вымарать нас из реальности.

— Не совсем, — поправляет Доджер. — Очень мило с твоей стороны так думать, но вымарать из реальности — это больше по части Роджера. А я вполне могу запереть вас во временной петле и бросить тут, но вы, может, и рады будете? Коронация отменяется, вы остаетесь здесь. Как бы то ни было, вам придется заглянуть к нам домой.

— Что? Куда? Почему? — спрашивает Мелани.

— Мы тут недалеко живем, — Ким явно старается быть вежливой. — Роджер и Эрин дома, они, наверное, помогут объяснить, что происходит. Доджер обычно ничего не объясняет — просто швыряется фактами в надежде, что они, попав прямо в голову, не вызовут черепно-мозговую или психологическую травму. И, разумеется, они ее вызывают — в половине случаев.

— Господи боже мой, какое счастье, что у нас имена не рифмуются, — Гарри оглядывается на Мелани. — Только представь себе, в школе нам бы проходу не дали.

— Гэри и Мэри, — подхватывает Мелани тем

ласковым голоском, каким всегда говорит какую-нибудь гадость. — Или Дел и Мел, если уж мне будет позволено остаться при своем.

— А можем мы, пожалуйста, не дразнить основополагающие силы бытия? — с отчаянием спрашивает Джек. И украдкой бросает взгляд на Доджер, проверяя ее реакцию. Если Доджер разозлилась, им всем грозят большие неприятности.

Гарри плевать. Все это очень глупо. Он пришел на фермерский рынок для того, чтобы размяться и хоть на пятнадцать минут забыть про весь этот метафизический сумасшедший дом и смертоубийство, а не для того, чтобы играть в гляделки, как будто они два бойцовских петуха, с женщиной, которая, по всей видимости, одним своим видом способна напугать Джек до печенок, а еще ходит, укутавшись в краденое время и невидимость, но не по какой-то там важной причине, а просто чтобы овощи купить в тишине и покое. Ничего такого Гарри не хотел. Не хотел с того самого момента, как его девушка рухнула на футбольном поле; сил, чтобы со всем этим разбираться, у него нет. Никаких.

Единственный плюс во всей этой глупой истории — Мелани: она по-прежнему выглядит очень хорошо, сто лет уже так не выглядела; по крайней

мере, пока не впадает в странный ступор и не превращается в обкуренный аватар Зимы. Но с ней такое случилось один раз. Может, другого не будет. Если только им удастся не влипнуть во что-то такое, из-за чего ей понадобится заморозить кого-нибудь до смерти…

А им не удастся. Вряд ли удастся. Гарри со вздохом берет Мелани за руку и предлагает ей пакет с попкорном.

— Мы заплатили только за час парковки, — говорит он.

— Вообще не проблема, — отвечает Доджер. — У кого-нибудь есть четвертак?

Тим протягивает ей четвертак со сконфуженным видом, какой обычно бывает у подростка, чей взрослый настырно демонстрирует всем идиотский волшебный фокус. Крутанув монетку в пальцах, Доджер бросает ее в карман.

— Ну и вот, — говорит она довольно. — Теперь у тебя шесть часов.

— Ты же не знаешь, какая машина моя, — возражает Гарри.

— Извини, я сказала: «У тебя шесть часов»? У всех машин, припаркованных на Шаттак-авеню в радиусе мили от «Старбакса».

— Городские власти из этих денег оплачивают

ремонт парковки, — сердито замечает Ким. — С технической точки зрения это воровство.

— Если бы городские власти потрудились действительно ремонтировать парковки, я бы, возможно, и устыдилась, — парирует Доджер. — Но на некоторых такие ямищи — сгодятся на бассейны для белок. На прошлой неделе Роджер едва ось не поломал. Я постыжусь воровать у города, когда город прекратит воровать наши четвертаки.

— Ты сама только что украла мой, — жалуется Тим.

— Это частности, — Доджер взмахом руки отметает возражения, а потом устремляет пронзительный взгляд серых глаз на Гарри и Мелани. — Пошли, маленькие лето и зима. Не можем же мы здесь весь день торчать, не дело заставлять Роджера ждать.

— Ты же сама не знала, что на нас наткнешься, — возражает Гарри. — Как он-то о нас узнает?

— Лучше не спрашивай, — советует Тим. — Пошли.

— А у нас есть выбор? — уточняет Мелани.

— Не особо, — говорит Ким.

Доджер преспокойно шагает вперед.

Остальные идут следом. Поступить иначе было

бы просто глупо.

Преследователи

ПО КАЛЕНДАРЮ:

13 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

На парковке перед мотелем, словно опарыши в куске гнилого мяса, кишмя кишат полицейские. Огородили все желтой лентой, которая в свете мигалок кажется то оранжевой, то зеленой. Если в мотеле и остались постояльцы, то машины им пришлось убрать. Глядя на эту парковку и полицейских, толпящихся на лестницах и балконах, Тревор сильно сомневается, что кто-нибудь задержался здесь без очень веской причины. Толпа полицейских разыскивает кого-то, чтобы наказать. Будут проверять штрафы за нарушение правил дорожного движения двадцатилетней давности, рецепты на медицинскую марихуану, случаи невежливого обращения с родной бабушкой, и все это с безжалостной эффективностью людей, которым платят за то, чтобы они были правы, даже если они делают поспешные выводы, исходя из собственной предвзятости и

предубеждений.

— Они здесь были, — безмятежно говорит Авен.

Она удобно устроилась на переднем сиденье, вокруг валяются обертки от шоколадок и пустые пластиковые бутылки. Все их долгое путешествие пока было посвящено тому, чтобы выяснить, что́ Авен нравится, что́ она любит, что́ ее радует.

Пока они узнали, что ей нравятся корзиночки с арахисовым маслом и шоколадом, мексиканская «Кока-кола», а еще она любит разбирать людей на части и смотреть, что у них внутри. Первым ее подопытным оказался отец, под руками Авен он разлетелся на кусочки, словно пазл, который уже никто и никогда не соберет, как бы ни бились хирурги. Тревор подозревает, что мистер Косгроув был еще жив, когда они уезжали; у Авен невероятный талант отделять плоть от костей и нервы от мускулов, она вытащила из своего отца такое, что нельзя вытаскивать на свет, а потом ушла, а он остался лежать на полу, словно пришпиленная бабочка.

Если бы Авен это не понравилось, тут бы все и кончилось, но ей понравилось, и поэтому она сделала это снова, несколько раз: с тех пор как они уехали из Портленда на дряхлой «Хонде» Тре-

вора, она разделала двоих работников заправки и одну женщину, единственная ошибка которой заключалась в том, что она заехала в зону отдыха в самый неподходящий момент. Их это сильно задержало, но Авен совсем не волнуется, так что и Тревор не волнуется. Без нее он в буквальном смысле не сможет ничего сделать, разве только найдет другого претендента на Лето, у которого еще нет проводника; значит, раз ей хорошо, то и ему хорошо.

К тому же, если Авен довольна, то ее ножи, ярость и неуемное любопытство устремлены, как и положено, вовне. Ведь в ближайшем окружении единственное доступное образовательное пособие — сам Тревор, а он совсем не хочет, чтобы Авен проделала с ним все то, что проделывала у него на глазах с другими, нет уж, спасибо большое. Когда он решил, что не хочет служить тому Лету, которому был предназначен, то не знал, что меняет Гарри Марча, богатенького рохлю, который в жизни не работал и ни в чем не нуждался, на наполовину подростка, наполовину годовалого младенца с задатками серийного убийцы.

Авен выросла в алхимическом подобии камеры сенсорной депривации, где она не жила, но и умереть не могла, и знает только то, чему счел

нужным обучить ее алхимик. Она не злая — она аморальная и понятия не имеет, что половина того, что она делает, неправильно.

— Ты так решила из-за копов? — нахмурившись, спрашивает Тревор.

Он не чувствует поблизости претендентов на Лето. А у него хорошо получается выслеживать претендентов на тот сезон, который он уже считает своим, хотя пока и не удалось привести Авен к кому-нибудь из них; после отъезда из Портленда он почуял лишь одного — тот ехал на машине в сторону Канады слишком быстро и по встречной полосе за бетонным заграждением.

Авен не заметила врага, потому что ее вниманием полностью овладела погоня за сестрой и самозваным соперником; у нее были другие поводы для волнения, и Тревор решил не рассказывать ей о потенциальном поединке. Авен велела бы ему гнаться за той машиной, а Тревор знает, как это все устроено, знает, что соперников становится все меньше, поскольку каждое Лето и Зима схлестываются с остальными, пока не останется только один. Пусть они перебьют друг друга, а потом он познакомит Авен с еле живым Гарри — поставит его перед фактом; она будет еще свеженькая и сможет сделать то, что сочтет

необходимым.

Авен много чего считает необходимым. Распахнув дверцу машины, она перекидывает через порог длинные ноги, а когда Тревор хватает ее за локоть, смотрит на его руку и медленно поднимает белоснежную бровь так высоко, что она исчезает под челкой.

— Зачем ты меня трогаешь? — спрашивает она очень спокойно.

Тревор убирает руку.

— Я не хотел превышать свои полномочия…

— Вот и не превышай.

— …но ты, кажется, собралась выйти из машины и отправиться к полицейским.

Авен опускает бровь, но не отводит взгляда, глаза у нее бесстрастные и холодные. Ну, хотя бы из машины не вышла.

— Они здесь были, — повторяет она, будто Тревор в первый раз не расслышал, не понял, насколько это важно. — Прямо здесь были. Моя сестра и ее Летний мальчик здесь были.

— Почему ты так уверена? Может, здесь сорвалась сделка наркоторговцев и кого-то подстрелили. Может, еще что. Судя по количеству полицейских, ничего хорошего.

— Она призвала Зиму, — отвечает Авен. — Зи-

ма наполнила ее холодом от макушки до пят, а когда она ушла, немножко Зимы осталось. Я чувствую. Ты разве не чувствуешь? Зима не хочет, чтобы Лето здесь проявилось. Она хочет, чтобы я ушла, а мне не нравится, когда мне указывают, что делать.

Угрозу в ее голосе ни с чем не спутаешь. Тревор сейчас указывает ей, что делать.

Так он ее разозлит, и крохотная частичка Тревора, которая хочет быть хорошей, не хочет убивать людей и ломать то, что лучше не ломать, содрогается от тона Авен. Тревор откидывается на сиденье, держа руки при себе.

— Я не могу указывать тебе, что делать, но могу рассказать то, о чем ты не знаешь, — говорит он. — Ты не знаешь, как работает полиция. Стоит тебе сейчас выскочить из машины и пойти к ним, ты пересечешь несколько невидимых линий, которые они прочертили своей властью, и им это не понравится. Ты красивая белая девушка, и, наверное, тебе дадут дойти до мотеля и не подстрелят по дороге, но потом начнут указывать, что делать, притом не очень любезно. Тебе не покажут тел, если здесь остались тела. Не скажут, куда отправилась твоя сестра, не скажут вообще ничего, о чем ты хочешь знать. Авен, они не будут

тебе помогать. Не станут облегчать тебе задачу.

— Так что ты хочешь, чтобы я сделала? — грозно спрашивает она… но закидывает ноги обратно в машину, и Тревор испытывает некоторое облегчение. Она его слушает. Не всегда. Иногда Авен просто делает что-то, повинуясь порыву, как обычный ребенок, и, о боже, сколько с ней мороки; может, нужно было все-таки остаться с Гарри.

А может, и нет, ведь Авен точно победит. Тревор чувствует это в ее движениях, в том, как она шагает по миру, как колышется вокруг нее воздух. Памела ни за что не смогла бы дать Авен достаточно места, чтобы та расцвела так, как ей суждено, превратилась в яростное, ядовитое, прекрасное создание, которое заполучит Лето для себя, а значит, и для Тревора.

Он будет жить вечно.

Авен закрывает дверь и глядит на него упрямо и сердито.

— Хочу посмотреть, где была моя сестра, — говорит она. И это не просьба.

— Тогда давай подождем, пока не уедут полицейские, а потом выясним, что здесь произошло.

— Хорошо, — она складывает руки на груди. — Если мне нельзя внутрь, я хочу поесть.

Годовалый младенец. Это действительно очень похоже на возню с рассерженным и могущественным годовалым младенцем.

— Недалеко отсюда я видел «Макдональдс». Давай купим тебе картошки фри.

Тревор отъезжает от мотеля. На парковке возле «Макдональдса» у него появляется щекотное ощущение на самой границе восприятия. Не совсем Лето, но что-то близкое к нему, и этим можно воспользоваться.

Может, он все-таки сумеет ее занять.

Дом с часами вместо стен

ПО КАЛЕНДАРЮ:

14 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

Ким вовсе не шутила, когда сказала, что они живут недалеко от фермерского рынка. Где-то через три с половиной квартала идущая впереди Доджер сворачивает на крошечную улочку, извилистую, словно ручеек в холмах. Дома здесь узкие и стоят близко друг к другу, но высокие, и почти везде те большие крылечки, которые Гарри замечал по дороге. Цвета в основном естественные: мореное дерево или дерево, выкрашенное коричневым, чтобы не отличаться от соседей. Несколько раз попадаются белые или бежевые дома, но в целом это место проникнуто тихим достоинством.

Заметив, как Гарри разглядывает один из деревянных домов, Тим ухмыляется.

— Местным жителям по душе гармония, — говорит он. — Им нравится, что у них своя аура.

— У нас до́ма тоже так, — отвечает Гарри. — Ни-

кому не хочется выделяться. Все предпочитают подстраиваться. Я люблю дерево. У моей семьи лесозаготовительная компания; приятно видеть, что люди уважают дерево таким, какое оно есть, и не пытаются превратить его во что-то другое.

— Так тебе нравится, когда дом покрашен неярко? — в голосе Ким угадывается насмешка, под стать ухмылке брата. — Когда он не выделяется?

— Зависит от дома, — у Гарри такое чувство, будто его загоняют в ловушку. Мелани сжимает его руку, и на душе сразу проясняется. Она пока не сильно хромает, вероятно, позже Гарри будет волноваться, ведь он хочет, чтобы она все-таки ощущала боль и оставалась человеком, но прямо сейчас ему не нужно тащить через Беркли свою раненую девушку, и это здорово. — Например, мои дедушка с бабушкой живут в настоящем… Это что еще за хрень?

«Хрень» — небольшой домик в неоготическом викторианском стиле, при въезде в город они уже видели несколько таких, затесавшихся между особнячками в стиле королевы Анны и одноэтажными домами-ранчерами с пологими крышами. Размером и возрастом дом почти не отличается от соседей. Вполне характерный для Беркли. Но на этом все сходство заканчивается: если есть

на свете какой-нибудь цвет, то этот дом в него покрашен. Все ступеньки крыльца, все дощечки в самом крыльце и заборе вокруг садика отличаются друг от друга, в садике неистово цветут совершенно невозможные зимой цветы, от которых у Гарри едва не захватывает дух.

Оконные рамы кислотные. Сами окна набраны из по-ярмарочному разноцветных стеклышек, между которыми вплавлены преломляющие солнечный свет кристаллы. Выкрашена даже дранка на крыше, все плашки разные, цвета на них не повторяются. Гарри замирает как громом пораженный, вылупившись на дом, а с ним останавливается и держащая его за руку Мелани.

Возле дома стоят две машины: относительно новый «Мини-Купер» и старенький фургон «Фольксваген». Фургон выкрашен под узелковый батик — такой же кричащий, как и весь дом. Издали кажется, что «Мини-Купер» умудрился не вляпаться в эту галлюцинацию температурящего шестилетки, но, приглядевшись, Гарри видит, что он переливается. Спокойный синий металлик на поверку оказывается дюжиной разных цветов.

От всего этого моментально начинает болеть голова.

— Что стряслось? — участливо спрашивает

Ким. — Никакого уважения к дереву? Дом слишком выделяется?

— У меня кровь из глаз, — жалуется Мелани. — У всех, наверное, кровь из глаз. У рака-богомола — и у того кровь из глаз бы пошла. Как такое вообще могли разрешить?

— Выяснилось, что мы находимся ровнехонько на границе трех объединений домовладельцев, и у всех разные правила, а мы не желаем им подчиняться, — Доджер подходит к ним. — Дом был построен раньше, чем создали эти объединения, поэтому мы не обязаны в них вступать. Так что по факту никто не может нам помешать.

— Буквалистка, — ласково говорит Тим.

— Ага. Ты бы сам стал буквалистом, если бы у тебя в голове все время торчал прибабахнутый братец.

Тим и Ким переглядываются, и у Гарри появляется отчетливое ощущение, что Доджер только что сморозила какую-то бестактность, хоть он и не может понять, какую именно. Нахмурившись, он спрашивает:

— Так это ваш дом?

Наряд у женщины в радужной вуали подобран с большим вкусом, она просто не могла измыслить такой дом, к тому же, судя по виду, Доджер

мало времени проводит на открытом воздухе — вряд ли она вырастила этот сад. Она слишком бледная (хотя и смуглее Мелани), так что мигом обгорела бы до хрустящей корочки. Да и цвет ее волос совершенно не сочетается с доброй половиной забора, а она слишком хорошо владеет собой, чтобы такое допустить.

— Ага, — отвечает она довольно. — Купили его без обременений, когда скончался предыдущий владелец, и Роджер получил карт-бланш относительно внешнего вида, при условии, что не будет чересчур усердствовать с интерьером. Он и не усердствовал, он ведь у меня парень что надо, ему плевать, стоит ли диван под углом в сорок пять или сорок семь градусов.

— В итоге остановились на сорока семи, — тихонько поясняет Ким. — У сорока пяти слишком большой коэффициент повторения.

Гарри хмыкает, потому что сказать ему особенно нечего. Это чудовищно нелепо. Все это чудовищно нелепо.

— Возможно, в саду вы почувствуете себя не очень хорошо, — говорит Доджер, обращаясь к Джек и Мелани. — Там середина июня, а, насколько я понимаю, в середине июня вы не должны бодрствовать.

— Со мной все будет в порядке. Я не воплощение, а асцендент, — отвечает Джек. — Но можно ли войти в дом другим путем, чтобы не тащить Зиму во плоти в середину июня?

— Погодите, — Гарри внезапно до смерти хочется оказаться в этом саду, это желание на грани с одержимостью вытесняет почти все остальное. — В смысле, в саду середина июня? Это глупость какая-то. Не может быть, что вот здесь одно время, а там другое.

— Открой калитку — сам увидишь, — предлагает Доджер и поворачивается к Джек: — Можем ее через гараж провести, если ты так переживаешь, но коронация же только началась, и она наверняка еще не очень далеко зашла.

— С Мелани случай особый. Ее отец вдохновлялся работами вашего, — поясняет Джек.

Взгляд у Доджер темнеет, светло-серые глаза становятся серо-штормовыми — совершенно невозможная перемена.

Гарри видит это, но не удивляется, хотя должен бы — он уже медленно шагает к открытой калитке в разноцветном заборе, не в силах противиться волшебным притягательным словам «середина июня». Рука Мелани все еще зажата в его ладони, и Мел идет следом, не сопротивляясь, пусть даже

ей и не хочется в этот сад.

Чем ближе они подходят, тем менее абсурдным кажется утверждение Доджер. Кое-какие из этих цветов просто не могут цвести в феврале, даже в самом мягком климате. Это невозможно. Вот куст помидоров в цвету, а на некоторых ветвях висят тяжеленькие зеленые гроздья, и там по крайней мере на десять градусов теплее, чем на улице.

Перед самой калиткой Мелани убирает руку. Но Гарри так зачарован цветами, что даже не замечает этого.

Еще два шага, и вот он уже в самой середине сада, вокруг высокие грядки с деревянными бортиками, отовсюду пахнет нагретой летним солнцем зеленью, и Гарри чувствует это, чувствует, как все растет — очевидное и неостановимое, как припекающее солнышко, никогда еще он ничего подобного не чувствовал.

Это как когда он в первый раз сел за руль, в первый раз тайком раздобыл себе пива, в первый раз пощупал грудь Мелани, такую мягкую, круглую, идеальную. Словно его мозг разом сгенерировал все до единого эйфорические химические соединения, какие только умеет, да еще сотню таких, которые без постороннего воздействия уметь не должен, и все это заполняет Гарри сияющим

жаром от пяток до макушки, он весь в огне, он в огне, но огонь не жалит, ибо Гарри создан, чтобы гореть, точно так же, как Мелани создана, чтобы леденеть.

Может, Зима и эффектнее — эти ее невозможные снегопады и мороз, — но Лето, пусть и медленнее, столь же могущественно, по-своему, и впервые в жизни Гарри чувствует это могущество каждой клеточкой своего тела.

Он закрывает глаза, поднимает голову к невозможно теплому, невозможно ласковому солнцу.

Он дома. Там, где должен быть. Вот за это он и сражался. Он никогда не уйдет из этого сада.

— Ого, — говорит чей-то голос. — Только посмотрите!

— Он не так далеко зашел в своем проявлении, как она, — отвечает другой голос. — Мелани иногда ненадолго теряется в Зиме. Но только что закончилось червивое полнолуние, а его восхождение начнется после розовой луны. Так что теперешнее время года его в некотором роде сковывает, а ее подталкивает.

— И тебя это отнюдь не расстраивает.

— Я ее служитель, а не его. Лучше и быть не может, разве что мы начали бы при бобровой луне. У меня нет времени, чтобы должным обра-

зом подготовить ее к грядущему. И нет нужных инструментов, чтобы подготовить его.

— Так где же его служитель?

— Вопрос на миллион долларов. Предполагается, что у каждого претендента свой служитель, в их краях было две Кукурузные Дженни, но не было ни одного Ледяного Джека. Зиме пришлось звать меня через полстраны, и я едва успела вовремя. Задержись я еще хоть чуть-чуть, и они оба вступили бы в коронацию без всякой подготовки, и тогда отец Мелани… Мелани! Не надо!

За забором начинается суета, но все, что происходит там, снаружи, не имеет для Гарри никакого значения. Там другой мир, зимний, а все, что происходит зимой, его не касается. Все, что творится там, не его дело, и ничто не сможет…

Что-то с громким стуком шмякается о землю, будто упал мешок с цементом, и грудь Гарри внезапно пронзает боль; лишь на мгновение, потом он снова ощущает себя сильным, согретым, полным света. Но этого мгновения оказывается достаточно, чтобы выдернуть его из летней эйфории, и, еще только опуская обращенное к солнцу лицо и открывая глаза, Гарри уже сожалеет о своей потере.

В саду возле забора прямо на дорожке лицом

вниз лежит Мелани, одна рука тянется к Гарри. Мелани не двигается. Не дышит.

Гарри уже дважды видел ее мертвой и сразу же понимает, что́ означает ее жуткая, невозможная неподвижность. Он бросается к Мел, падает на колени и обнимает ее.

— Мел? Мелани? Кто-нибудь — звоните в девять-один-один!

— Никто не будет звонить в девять-один-один, — отвечает Джек, заходя в сад.

Пройдя через калитку, она сразу кажется… какой-то маленькой, неосязаемо, невыразимо уставшей. Частичке Гарри это очень не нравится. А другой частичке очень нравится, эта частичка уже давно ждала, когда же девчонка наконец станет нормальной. Это довольно маленькая частичка, но она становится тем сильнее, чем дольше он остается посреди теплого сладкого лета.

В щели между кирпичиками дорожки рядом с Гарри пробиваются тоненькие зеленые усики, они растут с невероятной скоростью, и вот уже на них проклевываются крошечные листочки. Не замечая их, Гарри прижимает Мел к груди и невероятно таращится на девчонку, которой полагается помогать Мелани — помогать им обоим пере-

жить нелепую коронацию и получить короны.

— Почему? — спрашивает он. — Почему никто не будет звонить?

— Потому что человеческая медицина здесь бессильна, — отвечает Джек. — Она мертва, но ей станет лучше, когда вокруг будет не лето.

Она со значением смотрит в сторону крыльца.

Гарри мгновенно улавливает намек. Это нелепо и невозможно — точно так же, как и все остальное, что творится вокруг. Он берет Мелани на руки и встает, пытаясь не обращать внимания на ее тошнотворную холодность, на страшную тяжесть, будто он несет труп.

— Справишься? — Тим, не отрывая взгляда от Гарри, огибает сестру и заходит в сад.

— Я всегда смогу унести Мел, — отвечает Гарри. — Она всегда будет для меня достаточно легкой.

И он столько играл в футбол и тренировался, он не врет — во всяком случае, не намеренно, да еще лето переливается у него в крови, и от этого Гарри чувствует себя способным на что угодно — скажем, смог бы прямо сейчас пронести Мелани всю дорогу отсюда до Портленда. С каждым шагом к крыльцу она тяжелеет, Гарри останавливается, перехватывает ношу поудобнее, при

этом успев осознать, что выходит из сердцевины невозможного искусственного лета.

На первой ступеньке крыльца лето обрывается. Гарри понимает это сразу же, как только делает шаг за его пределы обратно в охвостье зимы. Его окатывает слабостью, он спотыкается, едва не уронив Мел. Она по-прежнему недвижима и бездыханна. И не заметила бы, если бы он ее уронил. Но Гарри бы заметил. И знал бы, что уронил ее тогда, когда больше всего был ей нужен.

Напрягая все силы, он заставляет себя поставить ногу на первую ступеньку, на вторую. В доме открывается дверь. На крыльце появляются чьи-то ботинки. Гарри не может поднять голову. Не может взглянуть. Если отвлечется, то не сможет идти дальше, ноги подломятся, и он уронит Мел.

А он не может. Не может ее уронить.

— Только гляньте, — говорит незнакомый голос. Бостонский выговор. Но откуда здесь взяться бостонцу? Гарри продолжает подниматься, продолжает тащить себя к цели. — Додж? Чего это вдруг мальчишка волочет к нам в дом труп, а ты просто стоишь и смотришь?

— Это Гарри, — отвечает женщина по имени Доджер, в ее голосе отстраненное ироничное удивление, будто такое происходит что ни день,

и ей всегда занятно на это смотреть. — Гарри — претендент.

— А! Эрин сказала, что коронация началась. Я не очень понял, почему меня это должно волновать, но все равно установил несколько ловушек, и вот она у нас на пороге. В буквальном смысле. Эй, Гарри?

Голос с бостонским выговором становится доброжелательным, ласковым, похожим на голос любимого школьного учителя или ведущего детской передачи, который навсегда обосновался у вас в сердце, сколько бы вам ни стукнуло, на сколько бы вы его ни переросли. Гарри в жизни не слышал такого приятного голоса. Если бы этот человек записывал аудиокнижки, они точно попали бы в список бестселлеров.

— Знаю, прямо сейчас тебе очень трудно, но еще я знаю, что у тебя все получится. Ты сможешь нести ее столько, сколько понадобится. Сможешь подняться с ней по ступенькам. Тебе это по силам.

Между вдохом и выдохом Гарри обретает второе дыхание, пусть даже он больше не чувствует лето (пусть даже лето закончилось и не наступит до той поры, когда придет его срок, и это к лучшему, правда; лучше, когда все происходит в свое

время, своим чередом), и взбирается на крыльцо, больше не останавливаясь и не мешкая. Мелани все так же тяжела, но он сможет нести ее столько, сколько понадобится. И всегда мог.

На крыльце его ждет мужчина. Высокий, щуплый; в длинноватых каштановых волосах, как и у Доджер, седая прядь, глаза за стеклами очков, совсем не таких модных, как у Тима, тоже точь-в-точь как у Доджер. Одет он как человек, который еще в свои шестнадцать заделался пожилым преподавателем английского: коричневые брюки, белая рубашка с пуговицами на воротнике, коричневая вязаная кофта с самыми настоящими заплатками на локтях. Ходячее клише, которое смотрится на крыльце этого кошмарного разноцветного дома так же уместно, как и сам дом в этом районе.

Мужчина внимательно оглядывает Гарри и сразу будто сбрасывает его со счетов, а потом поворачивается к компании в саду.

— Ты могла бы, знаешь ли, выключить лето, — мягко журит он сестру. — Мне не сложно снова цветы посадить.

— Говорит мне человек, который просто велит вселенной что-то сделать, а сам при этом и палец о палец не ударит, — отвечает Доджер. — Я

очень долго выверяла эти уравнения. И не буду ничего отменять просто для того, чтобы каким-то незнакомым людям проще было пройти через наш двор.

— По-моему, это клубника, — замечает Ким. — Растет прямо посреди дорожки, будто так и надо. Ой, смотрите! Уже и ягодки появились.

— Ты их выверяла пять минут, — возражает мужчина на крыльце.

— Это очень даже долго! — сердится Доджер.

Поднявшись по ступенькам, она кладет руку ему на плечо. И Гарри видит их рядом. Даже если позабыть про одинаковые глаза и седые пряди, их точно выдали бы лица. У этих двоих одинаковое телосложение, пусть и с некоторыми естественными различиями, ведь это два разных человека разного роста, мужчина и женщина. Они могут быть только братом и сестрой.

Даже между ребенком и родителем генетическая разница больше.

— Можно где-нибудь у вас на диван ее положить? — с некоторым отчаянием спрашивает Гарри.

Ему не хочется признавать, что держать Мелани все тяжелее, будто так он ее подведет, но ему действительно все тяжелее, а он не хочет ее

ронять. Только не после того, как поднялся с ней на крыльцо, хотя думал, что не сможет. Только не после того, как они сбежали из дома, когда она сказала, что так надо. Вообще никогда.

— Конечно, — спохватывается мужчина. — Прости. Я живу вместе с настоящими варварами, это губительно сказывается на хороших манерах. Проходи, сюда.

Он машет рукой, поворачивается и скрывается в доме. Гарри идет следом, Доджер не отстает, ворча на ходу, что некоторые сами родились в совершенно диких краях, где все время идет чертов снег и водители никудышные, так что не надо обзывать приличных математиков варварами.

С чудовищной ясностью Гарри понимает три факта. Первое: эти люди никому ничего не объясняют — они так привыкли быть собой, что бы это ни значило, что больше не удосуживаются что-либо объяснять. Приятно для разнообразия после долгих неуклюжих попыток Джек объяснить все-все-все. Второе: они в общем-то безобидны и настолько погружены в свою жизнь, увлечения и интересы, что в крошечный мирок, который они сотворили сами для себя, больше ничего особенно и не влезает. Гарри и раньше попадались такие вот взрослые, в основном учителя, возомнившие,

что любовь к профессии заменяет личность.

И он всегда воспринимал их как сказочку с поучительной моралью: глядя на настолько очевидно неверный выбор, проще будет делать свой.

Третье, и пока последнее: это самые опасные люди, каких он только встречал.

Они слишком спокойно, слишком небрежно относятся к невозможному. Для них так устроена вселенная, и, если что-то воспротивится их пониманию, они либо это что-то изменят, либо от него избавятся, и Гарри даже не знает, что хуже. Более того, он не уверен, что сможет что-нибудь предпринять, если они решат что-то изменить или от чего-то избавиться.

Изнутри дом выглядит старомодным, темным и тесным и одновременно полным света. Во всех окнах нормальные прозрачные стекла, и Гарри изумленно таращится на них, пытаясь сопоставить внешний вид дома с тем, что видит сейчас. Не может быть, что это те же самые окна.

— Доджер разрешает мне вытворять с домом снаружи что вздумается, но утверждает, что от радуг на белой доске у нее голова болит, а я выучился не портить ей математику.

— Выучился на горьком опыте, — ворчит Дод-

жер. — Когда он в прошлый раз отвлек меня от работы, на целую неделю остался без силы тяжести.

За входной дверью небольшая столовая, на столе, на котором каким-то чудом не навален разный хлам, только кружевная дорожка и миска с фруктами. Наверное, это самая нереалистичная штука во всем доме. Мужчина снова машет рукой, и они с Гарри пересекают столовую и проходят в гостиную, словно явившуюся прямиком из детективного романа: книжные полки от пола до потолка, возле скромного камина один большой диван и два маленьких двухместных. Все это должно выглядеть тяжелым и угнетающим, как и сама мебель, явно антикварная, кленовая, тяжеловесная. Но гостиная выглядит домашней, обжитой, ухоженное дерево делает ее спокойной и живой. Почти ни на что не обращая внимания, Гарри устремляется прямиком к дивану, становится на колени и аккуратно опускает Мелани на подушки.

Она по-прежнему не двигается. Он кладет руку ей на грудь — туда, где должно быть сердце. (В восьмом классе Гарри вляпался в неприятности — прочитал лекцию по анатомии учителю-биологу, когда тот неточно указал, где находится

сердце. Учитель просто упрощал факты для детишек. И совсем не рассчитывал наткнуться на мальчишку, который твердо решил стать кардиоторакальным хирургом исключительно для того, чтобы спасти жизнь лучшей подруги.) Мелани не двигается.

— Эй, Мел, — говорит Гарри. — Теперь снова зима. Можешь просыпаться. Та странная дамочка с фермерского рынка привела нас к себе домой, чтобы познакомить с братом, он поможет разобраться, куда нам дальше. Но мы ничего не сможем сделать, пока ты не проснешься; скажу без обиняков: если ты не проснешься, я немедленно отрекусь от этой глупой короны, пока не огреб еще больше проблем, и поеду домой извиняться перед родителями.

Может, пригрозить уйти, если твоя девушка сию секунду не перестанет быть мертвой, — не самый лучший способ вернуть ее к жизни, но когда это они делали как лучше? Гарри убирает руку и ждет, сидя на корточках.

По традиции ему полагается ее поцеловать, но, хоть Гарри уже сто раз получил разрешение, ему в такие моменты всегда немножечко не по себе, словно так он пересечет черту столь очевидную, что ее и проводить не надо. Поэтому он просто

ждет, тем временем остальные тоже заходят в гостиную; Доджер и ее брат (видимо, тот самый Роджер, Гарри очень надеется, что у них нет какого-нибудь родственничка по имени Коджер или вроде того), прислонясь к стенке, излучают уверенность, в которой Гарри упорно мерещится что-то хищное. Они точно знают: здесь им ничто не может навредить, и потому не волнуются.

Ему кажется, они вообще мало о чем волнуются.

Рядом подростки из «Старбакса», Тим и Ким, один справа, вторая слева от Роджера и Доджер, словно так и надо. Когда они вот так вместе, Гарри улавливает сходство, несмотря на разный цвет волос и глаз и разный стиль в одежде.

Они родственники, две пары близнецов с большой разницей в возрасте, Гарри завидует тому, как спокойно они чувствуют себя друг подле друга в этой в общем-то очень странной ситуации.

Следом за подростками в комнату входит Джек, при виде неподвижно лежащей на диване Мелани лицо у нее делается слегка озабоченным, но она не бросается к своей госпоже, а остается возле двери, посторонившись, чтобы пропустить еще одну женщину.

Незнакомка ниже Роджера и Доджер, выше

Ким и Тима, на носу у нее россыпь веснушек, а за такие рыжевато-золотистые волосы, как у нее, половина девчонок в школе убить была бы готова. Сказать, что у нее синие глаза, — это то же самое, что сказать, что Мел бледновата: по сути правда, но настолько преуменьшенная, что выходит почти ложь.

Глаза у женщины напоминают цветом крылышки тех странных бабочек из Южной Америки, которые одновременно и темные, и светлые, таких глаз в природе просто не бывает. Гарри отворачивается от нее. У него от нее голова трещит.

— Почему у нас на диване труп? — интересуется женщина с золотистыми волосами. — Не очень гигиенично.

— И тебе привет, Эрин, — здоровается Роджер. — Труп…

— Мелани, — поправляет его Джек.

— …Мелани — претендентка на Зиму, — без малейшей запинки продолжает Роджер. — Она борется за корону и, вероятно, настолько сблизилась со своим сезоном, что, шагнув в лето, которое устроила в моем саду Доджер, в некотором роде…

— Убилась нахрен, — заканчивает за него Дод-

жер.

— Сестричка, ты всегда так здорово подбираешь слова, — притворно сокрушается Роджер.

Эрин хмыкает.

— Здесь-то уже не лето, — говорит она. — Не пора ей очнуться?

Гарри тоже интересует этот вопрос. Ему все это очень не нравится, не нравится дом, не нравятся эти люди, не нравится неопределенность. Он хочет, чтобы Мел открыла глаза. Хочет вернуться в летний сад и там, стоя на солнышке, разбираться в происходящем, пока его сезон змеей разворачивается в животе. Он хочет домой.

— Для нас это все тоже в новинку, — говорит Джек. — Я ее служитель, но асцендентом стала всего год назад. По большей части я не знаю, как это все устроено.

— У них же у обоих должны быть служители? — уточняет Эрин.

— Служитель Гарри не изволил явиться.

Гарри машет рукой, а вдруг он сделался невидимым и его перестали замечать, но от Мелани не отходит. Когда она очнется, он будет ей нужен, а она точно очнется, обязательно, не может их история закончиться вот так. Во-первых, слишком уж буднично. Они давно уже погрязли в волшеб-

ной сказке. Не может она просто так оборваться, потому что женщине в вуали из радуг вздумалось устроить в саду лето.

— Где ты их откопала, Додж? — спрашивает Роджер.

— Таскала секунды из будущего, чтобы меня никто не беспокоил, пока я хожу за покупками, и Летний мальчишка меня увидел. Никак не мог увидеть, но увидел, вот я и решила разобраться. И гляньте-ка, он стремится стать живым воплощением Лета, а значит, он наша проблема. И мертвая девчонка тоже.

— Скорее, твоя проблема, а не моя.

— Не знаю. Люди, которые одновременно являются антропоморфными воплощениями природных сил, больше относятся к языку, чем к математике или времени. Думаю, это все-таки твоя проблема.

— А я уверен, что ты мне голову морочишь просто потому, что хочешь увильнуть.

— Что, если и так? — пожимает плечами Доджер.

— Пока у нас на диване валяется мертвая девочка, полагаю, это уже наша общая проблема, — с кислым видом заявляет Эрин.

— Согласен, — Роджер делает вдох, а потом

снова говорит тем самым сладким ровным голосом лучшего на свете учителя. Который тебя понимает, которому не все равно, и, что бы он ни сказал, он хочет исключительно и только добра. Теперь Гарри отчетливо улавливает в этом голосе побуждение, но в этот раз оно направлено не на него; сопротивляться не надо. — Мелани? Ты славно поспала, но сейчас зима, а зимой ты должна бодрствовать. Пожалуйста, Мелани, проснись.

— Пожалуйста, пусть проснется Мелани, а не зима, — торопливо добавляет Гарри.

— Мелани, пожалуйста, проснись, — повторяет Роджер, делая ударение на ее имени.

— Вообще-то, обычно мертвые люди не просыпаются, когда попросишь, разве что просит доктор Франкенштейн, — замечает Джек.

Мелани вздыхает.

Тихонько. Они бы и не заметили, если бы так внимательно не смотрели на нее, но они замечают, и этот вздох громче всего на свете. Грудь Мел приподнимается у Гарри под рукой, и на мгновение он тешит себя иллюзией, что чувствует пульс, что она вернулась в мир живых. Теперь он чуть лучше понимает, кто такой этот человек, которого тут зовут Роджером: когда он что-то велит, его слушаются. Даже если слушаться не должны.

Даже когда он велит рукам Гарри не опускаться, несмотря на усталость, и не ронять временно мертвую подружку, даже когда он приказывает застывшему сердцу Мелани снова биться. Этот человек может уговорить мир сделать так, как ему хочется.

Значит, Гарри догадался правильно. Он опасен. Они оба опасны — и женщина, которая умеет искривлять время, и мужчина, который может уговорить это самое время оставаться кривым, ведь это его так порадует. Вместе они могут подогнать под себя реальность, как им вздумается, и это просто ужасно.

Мел снова вздыхает. Потом открывает глаза, моргает.

— Гарри? Где мы?

— В доме у Доджер, — отвечает он.

Ее грудь опускается и поднимается, но сердце не бьется; это была лишь иллюзия, призрак его собственного облегчения, Мелани мертва. Просто теперь она снова двигается, как было после футбольного поля. Гарри и так сгодится.

— Мы ждали за забором, возле сада, — говорит она. — А ты просто… Стоял там, улыбался солнышку и будто сиял, я хотела к тебе подойти, а потом потемнело, похолодало, и я не могла очнуться.

— Ты умерла, — говорит Гарри.

— В некотором роде, — вмешивается Джек. Она наконец отлипла от двери и подошла к дивану. — Помнишь, я вам рассказывала? Такова плата за проявление — вы будете умирать на три месяца в году. Это не совсем уж прямо смерть, когда переходишь в загробную жизнь, если такая вообще бывает. Но вы будете умирать на время сезона, противоположного вашему, и будете просыпаться с началом сезона, граничащего и с зимой, и с летом. Так что Мелани умрет на лето и вернется к жизни в первый день осени. Будь у нас здесь Скупой Джек, он или она наверняка смогли бы ее пробудить.

— А ты почему не можешь?

— Потому что связана с зимой, точно как и она, но не умираю летом, просто старюсь, как обычный человек. Одного моего присутствия мало, чтобы сезоны поняли: что-то пошло не так, нужно вернуть ее нам.

Гарри хмыкает:

— Ладно, это полный отстой.

— Погоди-ка, — Мелани усаживается на диване и, прищурившись, смотрит на Джек. — В смысле, ты говорила всерьез: шесть месяцев в году кто-то из нас будет мертв? И мы сможем только полгода

проводить вместе? Чушь какая-то.

— Я почти все говорю всерьез, и вам придется проводить в разлуке только три месяца, — отвечает Джек. — Ему летом, когда он занят своим сезоном, а тебе зимой, когда ты занята своим. И у вас останется целых полгода на двоих, если будете блюсти свое место, а не ждать постоянно смерти.

— Ладно, тут прямо адская смесь из Джона Хьюза и Джорджа Ромеро, мне это совсем не нравится. Зачем вы явились к нам в дом? — спрашивает Эрин.

— Я же тебе говорила, я их привела, — напоминает Доджер.

— Мы первые их нашли, — вмешивается Ким. — Забежали в «Старбакс» за кофе, а они там. Младшенькая к нам подошла. Мы тогда не поняли, что в них есть что-то странное, просто люди, с которыми надо бы поговорить… — она опускает голову и заливается румянцем, и Гарри вдруг понимает, что им двоим должно быть очень одиноко.

С виду вполне нормальные подростки живут в одном доме с двумя воплощениями природных сил и одной… кем там у них считается Эрин — плохо, наверное, у них с нормальной социа-

лизацией.

Интересно, где их родители? Хоть у самого Гарри и было сравнительно благополучное детство, он понимает, что спрашивать о таком не следует.

Наверное, идея подружиться захватила Ким и Тима на те краткие четверть часа, пока они не добрались до фермерского рынка и не увидели, что Гарри против его воли втянула в разговор их жуткая старшая сестра. Сильно старшая. Гарри охотнее счел бы ее их мамой, но Доджер явно не сочетается с ролью матери. Нечестно получается, что тридцатилетний человек воплощает основополагающий принцип вселенной. Ей уже умирать скоро, придется новую подбирать.

А может, и нет. Прадедушка Гарри дожил до девяноста, а папа недавно ворчал, что скоро ему стукнет сорок. Может, Роджер и Доджер со своими жутковатыми рифмованными именами будут жить вечно, и Ким и Тим никогда не смогут завести друзей.

Вероятно, эта мысль сильнее бы опечалила Гарри, если бы он внезапно не задался вопросом: а как ему самому теперь заводить друзей, если всю зиму он будет лежать мертвым, а в оставшееся время тусоваться с антропоморфными

воплощениями…

Пригладив руками волосы, Мелани принимается мериться взглядами с Эрин, та наклоняет голову туда-сюда, будто, глядя на Мелани под разными углами, может получить разную информацию. В конце концов Эрин, оглянувшись на Роджера, начинает массировать виски.

До Гарри доходит, что они все оглядываются на Роджера, даже Доджер обращается к нему перед тем, как принять решение.

Вокруг Роджера все и вращается, и, пусть они бы наверняка возразили, скажи им Гарри, что Роджер здесь главный, он точно главный. Интересно, знают ли они об этом. И согласны ли с этим.

— Мальчик естественный по своей природе, — говорит Эрин. — Генетика у него в таком же порядке, как и у всех прочих, то есть в полном беспорядке — результат естественного отбора и случайности. А вот девочка… Роджер, ее создали, и я узнаю почерк создателя. Возможно, она нам и не родная сестра. Но, несомненно, двоюродная. Ее создал из ничего алхимик, и было что-то еще.

Вид у Мелани становится встревоженный. Джек, прищурившись, оборачивается к Эрин.

— А тебе что известно об алхимиках? — требо-

вательно спрашивает она.

— Мне известно, что меня замыслили Джеймс Рид и Ли Барроу и создала лично Барроу — сложила по кусочкам, чтобы я стала воплощением ее наиболее скромных и наименее безудержных желаний, — отвечает Эрин. — Позвольте представиться, я живое воплощение Порядка. Не очень рада с вами познакомиться.

Джек ошарашенно охает.

А вот Мелани, чуть приосанившись, внимательно смотрит на Эрин.

— Ты знаешь доктора Барроу? — спрашивает она таким жизнерадостным и легкомысленным тоном, что Гарри сразу понимает: ей очень хочется броситься вон из комнаты.

— Ли Барроу мертва, — чуть мягче отвечает Эрин, обращая взгляд на Мелани. — Она больше не причинит тебе зла.

— Я и не помню, чтобы она причиняла мне зло, — отвечает Мелани. — Иногда она приходила к отцу, и мне становилось не по себе, но она никогда ко мне не прикасалась. Временами было такое ощущение, что ей хочется это сделать, но я предпочитаю держаться подальше от взрослых, которым не доверяю.

— Кто твой отец? — спрашивает Роджер.

— Доктор Роланд Косгроув. Наверное, сейчас он очень за меня волнуется. Мы сбежали из дома, хотя должны были поехать на школьные танцы, а у меня… у меня больное сердце, и ничего такого я раньше никогда не делала. Он, наверное, боится, что я умерла, а Гарри сбежал, потому что не знает, куда девать труп, ну или как-то так.

— Или он алхимик, который тебя создал, как я давно вам твержу, и он не волнуется, а бесится, что научный проект сделал ноги, — говорит Джек. — Вероятно, твой отец сердится, но волнуется ли он? Нет. Не волнуется. Ты ему не дочь. Ты вещь, а поломанные вещи заменяют.

— Косгроув, — голос Эрин сочится ядом. — Помню его. Один из маленьких прихвостней Рида, вечно рассуждал о том, что, раз уж можно воплотить теоретические понятия вроде Хаоса, Порядка, Надежды и Честности, то можно создать и идеальные сосуды для природных проявлений. Например, для сезонов. Проводя свои исследования, он часто делился находками с Ридом, а Рид снабжал его семенами, которые легли в основу всех его работ.

С мгновение Гарри и Мелани смотрят на нее, онемев от услышанного.

К Мелани первой возвращается дар речи.

— Прости, ты знаешь отца?

— Это долгая история, девочка, но да, когда-то знала, еще до того, как мы прекратили перекраивать мир, — отвечает Эрин. — Для создания тебя и меня, вероятно, использовали один и тот же семенной фонд, поскольку Ли тоже заимствовала материалы у Рида. Но меня она выращивала сама — так, чтобы я смогла вместить в себя Порядок и прямые линии, а потом позволила убить мою вторую половину; он был тем же, что для тебя твое Лето, что для Роджера его Математика — и я осталась одна на белом свете.

Роджер и Доджер сникают.

— Мне так жаль! — восклицает Доджер. — Мы пытались поменять цифры еще дальше, но не ничего не выходит, даже если пожертвовать другими фигурами. Без тебя мы никак не сумели бы победить, не было такого сценария, а ты бы не примкнула к нам, будь он жив, но мы могли бы еще попытаться, могли бы…

— А я вам говорила, что вселенная — это не игра «Марио Карт». Нельзя постоянно обнулять ее и начинать заново просто потому, что вам не нравится, как все сложилось. В конце концов придется довольствоваться лучшим результатом из имеющихся. Вы спасли меня. Спасли Смиту.

Вы не смогли бы спасти всех, и вы знали про риски, и если уж я простила вам смерть Даррена, то заткнитесь уже и простите сами себя, — отвечает Эрин без особой злобы. Она не сводит страшного взгляда с Мелани. — Извини. Эти безумные близнецы думают, что раз уж они воплощают две основополагающие силы всего сущего, то несут ответственность абсолютно за всех и вся. Очень скучно, банально и давно пора прекратить.

— Но мы правда отвечаем за все, — обиженно замечает Роджер.

— Именно поэтому тебе никого в постель больше и не затащить, — отвечает Эрин.

— Уж конечно поэтому, а не потому, что он круглосуточно семь дней в неделю поддерживает телепатическую связь с сестрой, — возражает Ким. — Девушкам же страшно нравится спать с парнями, которые тащат в постель сестер. Нас это заводит.

Эрин качает головой.

— Видите, какой у нас дурдом? Я тут точно в меньшинстве. Ли создала меня так, чтобы я могла стать только одной-единственной сущностью, и, когда я ею стала, она сочла эксперимент удавшимся и углубилась в другие свои проекты, а меня выпустили на волю, чтобы я следила за

Роджером. Пока могла, я не давала ему проявиться, а когда удерживать его уже не было никакой возможности, помогла ему добраться до Невозможного города и зажечь сигнальные огни, чтобы Королева жезлов безопасно вернулась домой. И если вы ничегошеньки не поняли, не волнуйтесь. Поймете, если понадобится, и не поймете, если не понадобится.

— Мы знаем, что Джеймса Рида создала алхимик Асфодель Бейкер, — чуть сварливо замечает Мелани. — Но какое отношение к этому имеет мой отец?

— Алхимиком можно родиться, алхимика можно создать. Джеймса Рида и Ли Барроу создали, точно как и всех остальных в этой комнате, за исключением твоего парня и твоего служителя, — говорит Эрин. — А твой отец родился человеком. Обычным человеком, который раз столкнулся с алхимическим миром и подумал: «Ух ты, сколько власти, сколько произвола, а мне всего-то и надо, что засунуть подальше свою совесть, которая твердит, что не стоит ради собственной выгоды разбирать людей на части? Я в деле». Он и его жена были приспешниками Рида, когда проект Доктрины находился в самом разгаре — тогда они еще не знали, что все удалось.

Роджер, Доджер, Ким и Тим ежатся. Гарри хмурится. Что-то такое она говорит, в чем он пока не разобрался, и ему все кажется, что, когда разберется, горько пожалеет.

— Я же говорила тебе, что тебя создавали как идеальный сосуд, — голос у Джек гораздо более ласковый, чем привык слышать Гарри. — Именно поэтому ты постоянно тонешь в Зиме, хотя у тебя еще нет короны.

— А значит, мы, скорее всего, родня, — говорит Доджер. — Все до единой частички Асфодель Рид пустил в дело. Свои неудачные проекты он разбирал и из их частей создавал другие. Он создал меня и Роджера, Ким и Тим и даже вот Эрин. А поскольку твои родители использовали его открытия, он снабжал их семенным фондом. В буквальном смысле.

— Ужас какой, — говорит Мелани с такой интонацией, будто хочет сказать: «Не самая удачная идея». — А если бы я не получилась?

— В некотором роде ты и не получилась, поскольку роды у твоей матери начались не вовремя, — отвечает Джек. — Предполагалось, что ты вырастешь бок о бок с сестрой, и каждая из вас будет связана со своим сезоном.

Взгляд Роджера загорается любопытством.

Джек качает головой.

— Потом, — говорит она. — Поверить не могу, что я отказываю Доктрине Этоса, но давай потом.

— Пусть ты и основополагающая сила вселенной, это совершенно не означает, что тебе положено все знать, — подкалывает брата Доджер.

Любопытство на лице Роджера сменяется раздражением.

— Я в курсе, — бормочет он с видом капризного ребенка, которому отказали в желанной игрушке.

Гарри не может позволить себе отвлекаться, ведь Мелани все еще смотрит на Эрин с восхищением, пусть и с толикой ужаса. С испугом в голосе она спрашивает:

— Так мой отец мне не отец? Мой отец — этот придурок Джеймс Рид?

— Вероятно, только такого титула Джеймс Рид всегда и заслуживал, ну, можно еще назвать его чудовищем, но нельзя сваливать всю вину на него, с таким же успехом можно винить тебя в том, что у тебя холодные руки, а меня — в том, что в продуктовом магазине я сразу начинаю выставлять специи на полке в алфавитном по-

рядке, — говорит Эрин. — Его тоже создали, его собрала самолично Асфодель, и добрую половину времени он просто следовал указаниям, которые она оставила ему, когда ей пришла пора уходить. Я гораздо больше склонна винить людей вроде Роланда Косгроува, у них выбор как раз есть. Косгроуву не обязательно было становиться алхимиком, а даже если бы он считал алхимию своим призванием (допустим, он был одним из тех истово верующих, которые занимаются алхимией потому, что полагают своим долгом не дать волшебству уйти из мира навсегда), он и тогда мог бы иначе распорядиться собственной жизнью.

— Как будто волшебство может уйти из мира, — фыркает Ким. — Оно так завязано на все эти проявления и сосуды, что при всем желании не смогло бы ускользнуть. Но такого желания у него нет. Волшебство принадлежит этому миру, как и все остальное, и не собирается самоустраняться из уравнения.

— Все эволюционирует. Раньше волшебство было повсюду, необработанное, текучее, словно вода. Но слишком многие тонули, а ему ровно на то и хватало разумения, чтобы понять: превратишься в чудище в замке на холме — тебя сожгут.

Так что оно становилось людьми, которые могли делать то, что казалось невозможным, но были просто-напросто продолжением собственной природы в пределах определенной узкой сферы; так волшебство стало алхимиками, которые, следуя правилам, могли менять мир глубоко и разнообразно. Разница между лесным пожаром и пламенем свечи не в их природе, но в размере и контроле.

— Мой отец был пламенем свечи.

— Свеча — это ты, — поправляет ее Эрин. — А твой отец был маленьким мальчиком с коробком спичек. И у мамы твоей имелся свой коробок. Я помню, как Рид и Ли обсуждали проект, в результате которого ты появилась. Если бы все прошло без осложнений, они запустили бы коронацию. Старый Зимний король был на их вкус недостаточно сговорчив. Чего-то хотел. Чего-то требовал. А Рид желал заставить всю вселенную проявиться, чтобы она оказалась у него на привязи.

Внезапно Гарри охватывает радость из-за того, что этого Рида постоянно упоминают в прошедшем времени. Был бы он сейчас здесь, во плоти, Гарри вряд ли бы устоял перед соблазном заехать ему в челюсть. Обычно он не склонен к насилию, но по их словам выходит, что всеми проблемами

— во всяком случае, большей их частью — они обязаны Джеймсу Риду.

— Не думаю, что мне бы это понравилось, — вздыхает Мелани.

— Не понравилось бы, — соглашается Тим. — Они предпочитали создавать людей парами. Этому Рид научился у Асфодель. У сотворенного человека непременно должна быть копия — тот, кем он дорожит, ради кого готов кровью истечь. Потому что того, кому есть что терять, легко контролировать.

Ни слова не говоря, Ким берет его за руку, и перед Гарри еще немного приоткрывается их история, в таких жутких намеках, что о ней невозможно думать без содрогания.

— А еще я помню, как проект Косгроува посыпался, — продолжает Эрин. — Как поживает твоя сестра?

— Мертва, — не моргнув глазом отвечает Мелани. — Может, ты не так уж хорошо и помнишь.

— А может, кое о чем он не потрудился тебе рассказать. Они надеялись спасти хоть что-нибудь, даже если у них не получились идеально сбалансированные сосуды. Если верить Ли, Роланд и Ариадна были равноправными партнерами; после смерти Ариадны он не мог начать все за-

ново: пришлось бы уговорить другую женщину стать матерью его детей; к счастью для женщин, будущему инкубатору сезонных сосудов, алхимически созданных для идеального баланса, нужно пить множество мерзких зелий и справлять целую кучу нелепых ритуалов, так что вовлечь в это кого-нибудь обманом невозможно. Есть множество женщин-алхимиков. Но чаще всего им хватает ума не превращать свои чрева в лаборатории. Значит, чтобы доказать свою теорию, Косгроуву пришлось работать с тем, что было: с одной маленькой девочкой, про которую все знали и которой фактически и символически вонзили в сердце кол прямо при рождении, и второй маленькой девочкой, о которой не знал никто и которая официально считалась мертвой, хотя в ней алхимическими средствами поддерживали жизнь.

Мелани моргает, ее широко распахнутые глаза невидяще смотрят в пустоту.

— Моя сестра не умерла?

— Разве что это случилось уже после того, как я покинула лабораторию, — отвечает Эрин. — Дело было давно, они тогда как раз расспрашивали твоего отца после смерти Ариадны. Не могу с уверенностью утверждать, что вторая девочка

не умерла в младенчестве. Но у них имелись на нее планы. Если бы она выжила, то в один прекрасный день стала бы Летней королевой и сбалансировала бы тебя.

— Вот почему вы так легко запараллелились, — в голосе Джек слышится облегчение, будто она наконец разгадала жуткую загадку. — Ты была изначально к этому предрасположена. Везде, где пишут о древних коронациях, сказано: если два претендента объединили усилия, а потом один погиб, не успев сблизиться с параллелью настолько, что его смерть неизбежно вызвала бы смерть другого, оставшийся в живых претендент гораздо быстрее найдет себе новую параллель. Ведь он уже знает, каково это — когда ты не один.

— И поэтому она так глубоко погружается в Зиму? — спрашивает Гарри.

Ему хочется схватить Мел и сбежать, хочется сказать этим странным серьезным людям, зацикленным на космологии (вряд ли он когда-нибудь до конца все это поймет), что с него хватит, спасибо, он обойдется без этого специфического сорта безумия. Но он не может. Гарри видел уже слишком много, все эти разговоры не объяснишь простым заблуждением: он знает, что все происходит на самом деле, нравится ему это или нет.

И он не уверен, что Мел пошла бы за ним, реши он сейчас сделать ноги. В этой дикой истории замешаны ее родители, оба — отец, от которого она убежала, и мать, которую она никогда не видела, а потому всегда боготворила; хуже того, тут замешана ее сестра-близнец, а Мел всю жизнь неосознанно соревновалась с ней, с девочкой, которой на роду было написано стать ее лучшей подругой и доверенным лицом, которая должна была быть с ней рядом всегда и везде, если бы не умерла при рождении. И вот теперь Эрин говорит, что она не умерла и, возможно, бродит где-то поблизости; если это так, она тоже будет бороться за Лето.

Гарри надеется, что Мел еще не пришла к тем выводам, к которым пришел он сам, ведь он помнит, что корону получит только один претендент, остальным придется либо отречься, либо умереть. А он не может отречься прямо сейчас, не убив при этом Мел.

Если бы ее параллелью была сестра, он мог бы отойти в сторону, но, поскольку в этом диком противоречивом мире, куда их втянуло, буквально все заканчивается смертью, Гарри трудно поверить, что ему вот так просто позволили бы отойти в сторону, даже пожелай он того. А он и

не желает. Хочет ли Гарри быть Летним королем? Уверенности у него нет. Это серьезные перемены, причем такие, из-за которых ему вряд ли удастся поступить в колледж, дальше играть в футбол, встать во главе семейной компании. В его будущем всегда были два нерушимых столпа, без которых он не мог его представить: Мелани и Вид-на-замок. Вот уже много лет Гарри пытался примириться с мыслью, что потеряет первый. А теперь ему, возможно, удастся его сохранить, но при этом он потеряет второй.

Получить желаемое тяжко и удивительно жутко, а значит, осуществить свое самое заветное желание и сбежать, видимо, не выйдет.

Кто-то кладет руку ему на плечо. По привычному ощущению (как будто коснулся ледяного крошева) Гарри узнает Джек. Он поднимает на нее взгляд, девочка смотрит на него сверху вниз, потому что он сидит. На ее лице столько сочувствия, что это больно царапает.

— Эй. Это, похоже, надолго, а у Мелани явно тысяча вопросов. Не хочешь выйти со мной на пару минут отдышаться?

Гарри открывает рот, чтобы возразить, но потом одергивает себя, встает и смотрит на Эрин, ожидая услышать ответ на свой последний во-

прос. Она бестрепетно встречает его взгляд.

— Сомневаюсь, что тебе удастся не дать ей утонуть, даже если привяжешь ее за ноги к облакам, — фраза выходит удивительно поэтичной и совсем не удивительной. Эрин просто подтвердила то, что Гарри и сам уже знает. Мелани была создана, чтобы удерживать в себе Зиму, чего нельзя сказать о Гарри и Лете. Она будет тонуть и дальше. Уходить глубже и глубже, пока от девушки, которую он любит, не останется одно лишь лицо.

Если бы Гарри нужно было только лицо, он мог бы найти кого-нибудь похожего. После смерти родителей он унаследует такие деньжищи, что вполне сможет заплатить, чтобы другая женщина выглядела так же.

Он уже потерял Мелани.

— Ладно, — он позволяет Джек увести себя из дома, прочь от этого алхимического безумия, обратно к солнцу.

* * *

Мелани наблюдает, как он уходит рука об руку с ее служителем, и очень жалеет, что ей не хватает духу последовать за ним. Она так вымоталась. Она ошеломлена. Ей нужно понять то, что пыта-

ется растолковать Эрин; ей неожиданно кажется (и это очень реальное и конкретное предчувствие), будто от этого зависит ее жизнь.

— Хорошо, — говорит она. — Короче говоря, мои родители были алхимиками и работали на доктора Джеймса Рида. Они хотели создать идеальные сосуды для Лета и Зимы, но что-то пошло не так, в итоге у меня отказало сердце, а мою сестру сочли мертвой. Но она не умерла, и все это время отец втайне растил ее, а мне говорил, что я единственный оставшийся в живых ребенок с генетически унаследованной болезнью, потому что… А вот почему? И связан ли как-то тот факт, что моя сестра не умерла, с тем, что служитель Гарри так и не объявился?

— Возможно, — говорит Эрин. — Твоя сестра, если она еще жива (сейчас я не знаю наверняка, знаю лишь, что она была жива, когда твой отец забрал тебя домой из больницы и явился отчитываться перед Ридом и Ли), была создана идеальным сосудом для Лета, а ты — идеальным сосудом для Зимы. Если она оказалась поблизости, вполне вероятно, что Кукурузная Дженни, которая могла бы прийти на помощь Гарри, притянулась к ней.

— Джек говорила, что вот уже много лет все

Ледяные Джеки, которые пытались ко мне пробиться, исчезали, и только ей удалось пробраться ко мне в комнату.

— Логично. Меньше всего алхимику нужно, чтобы его подопытные слишком много знали. У подопытных, которые что-то знают, часто появляются разные соображения о себе, они хотят, чтобы с ними хорошо обращались, могут вдруг отказаться участвовать в человеческих жертвоприношениях, убивать людей без особой нужды и вообще делать то, что требуется для проявления, — Эрин пожимает плечами. — Даже если нет никаких гарантий, что скоро начнется коронация, претенденты должны хоть чуточку понимать, кто они такие. Кем могут стать. Если твой отец не давал Джекам к тебе приблизиться, он мог точно так же не пускать к твоей сестре Дженни. А значит, Дженни в округе и не было и до твоего парня они тоже не могли добраться.

— В итоге Гарри вляпался во все это, и у него нет даже болтливого помощника, который обучил бы его и объяснил, что происходит.

— Ага. Понимаю, тут есть над чем подумать, уверена, твоя Джек делала все возможное, чтобы ты все поняла, но она действует изнутри системы, а мы вне системы. Так проще.

— Больше не могу это слушать, — внезапно говорит Тим и выходит из комнаты.

Ким медлит, разрываясь между братом и остальными, потом бросается за ним следом.

«У кого-то хватает сил отправиться вслед за любимым», — отстраненно думает Мелани, хотя, наверное, связь между братом и сестрой сильнее, чем между двумя влюбленными школьниками. Наверное, на это и полагался ее отец. Внезапно все его попытки растащить в стороны ее и Гарри предстают в новом свете: он действовал не как заботливый отец, пытающийся оградить единственную дочь, а скорее как ученый, пытающийся устранить из лаборатории нежелательный элемент.

Должно быть, он пришел в ужас, когда Мелани явилась домой из садика, а на ее папке для цветной бумаги мелком был записан телефонный номер претендента на Лето. У Мелани до сих пор есть эта папка — хранится под кроватью в коробке с разными дорогими сердцу вещицами. Вернее, хранилась, пока Мел не похватала первые попавшиеся пожитки и не сбежала навсегда из дома. Наверное, ей больше не принадлежит все то, что она бросила. Может, так она должна почувствовать себя свободной.

Но не чувствует. Она чувствует ужас, все сегодняшние события вызывают ужас. Все, что случилось после мотеля, когда веселое и странное путешествие съехало прямиком на дорогу в ад. У Мелани на руках кровь, у Гарри тоже, она больше не знает, в кого превращается, знает только, что подумала, что тот парень собирается ее убить, и в ней огромной волной поднялся холод и утянул ее за собой, а дальше вплоть до той самой зоны отдыха, где Гарри и Джек удалось вернуть ее к самой себе, Мел наблюдала за происходящим будто сквозь толстую неровную ледяную стену, которую не могла пробить, как не могла и сказать, что заперта внутри.

Неужели теперь это неизбежно? Неужели она заледенеет, что бы ни делала? Мелани не хочет умирать, но не уверена, есть ли какая-то разница, если, оставшись в живых и получив Зимнюю корону, она окажется в том далеком мерзлом месте, откуда она видит страдания любимых, но не может их коснуться, не может к ним вернуться, не может быть рядом.

Мелани спокойно смотрит на Эрин и говорит:

— Я должна получить корону, или я умру.

— Да, — соглашается Эрин. — Строго говоря, ты умерла сразу после рождения, но Зима поддер-

живала в тебе жизнь, чтобы у нее был запасной вариант, если что-то случится с Зимним королем. Оно и случилось (насколько я слышала, это был обширный сердечный приступ), он вышел из игры, и Зиме нужна ты. Поэтому она поддерживает тебя. Ты лучшая из всех имеющихся претендентов.

— Коронация — дело кровавое, верно? — спрашивает Роджер. — Это я вычитал в тех книгах, где она хоть как-то упоминается. Таких немного. Если ты получишь корону, то будешь первым алхимически созданным монархом. По большому счету, алхимиков мало интересует то, что они не могут контролировать. Как только они поняли, что не смогут отобрать короны у воплощений, как бы ни старались, то перестали обращать на вас внимание.

— Забавная формулировка, — сердито замечает Мелани. — Ты всегда так дипломатично выражаешься?

— Он живое проявление Языка, но при этом на удивление часто ляпает невесть что, — говорит Доджер. — Эдакий щеночек, которого так и не сводили на тренировочную площадку.

— Будешь у меня месяц на китайском изъясняться, — добродушно грозит ей Роджер.

— Тебе так нравится препираться? — спрашивает Доджер. — Просто уточняю, потому что выходит так: «Да-да, умненькая моя, красивенькая и во всех отношениях гораздо более замечательная сестренка, я так устал от того, что законы физики хотят со мной поговорить».

— Детишки, — устало и угрожающе одергивает их Эрин и поворачивается к Мелани: — Это мое наказание за то, что так долго работала с алхимиками. Меня обучали на лабораторную зверюшку, но все-таки я далеко не сразу решилась укусить кормившую меня руку. И в награду получила этих двоих. Они-то считают себя очень забавными, — она натянуто улыбается Роджеру и Доджер. — А сами ничуть не забавные.

— Да брось, — не соглашается Роджер. — В награду мы перематывали время снова и снова, пока не сумели обставить все так, чтобы ты пережила разгром лаборатории Рида и освободилась.

— Ну да, — Эрин снова поворачивается к Мелани: — Можешь ответить на его вопрос.

Мелани хмыкает.

— Джек говорит, что коронации не обязательно должны быть кровавыми. Последняя произошла в Северной Америке три сотни лет назад, и она была кровавой, но можно отказаться от короны.

Не обязательно ее забирать, а значит, претенденты могут ее отвергнуть. Все, кроме меня. Если я откажусь, Зима из меня уйдет и шок от коронации меня прикончит.

— Ходячая мертвая девочка, — одобрительно кивает Доджер. — Очень мило.

— Как думаешь, сможешь пробиться к финишу? — спрашивает Роджер. — Ты нацелена на победу?

Мелани вспоминает то мерзлое место, где ей так ненавистно пребывать в холодной непрошибаемой глубине.

И вспоминает Гарри, как она его любит, на что готова, чтобы остаться с ним.

— У меня нет выбора, — говорит она.

Клубничное лето

ПО КАЛЕНДАРЮ:

14 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

В саду все еще лето.

Гарри чувствует это, едва ступив на крыльцо, ему даже не надо с него спускаться. И Джек тоже чувствует: ей не по себе, и, когда Гарри все-таки делает шаг на первую ступеньку, она остается наверху в тени навеса, поближе к тому сезону, который действительно царит сейчас в мире за пределами этого нелепого, вывернутого наизнанку места.

— Извини, — говорит она. — Если пойдешь туда, я пас. Но если тебе так лучше, иди. Для меня это все немного чересчур, и для Мелани тоже, хотя сейчас наша половина года. Представить не могу, как бы я справлялась с этим дерьмом, если бы оно началось весной.

— Мне и здесь хорошо, — Гарри садится на ступеньку.

Клубничный кустик, который проклюнулся,

когда Гарри упивался летом, разросся еще больше и закрыл уже половину кирпичной дорожки. На нем появились ягоды, красные и спелые, благоухающие на солнце, и Гарри знает: если спуститься туда и нарвать их, они будут вкуснее всего на свете.

Он их сотворил. Он. Может, он не заморозил никого до смерти в ду́ше задрипанного мотеля, но ему удалось изменить мир, вызвать из ничего клубничный кустик, создать немного жизни. Потому что он либо наденет Летнюю корону, либо умрет.

Это бремя слишком тяжело для Гарри. Наклонившись вперед, он закрывает ладонями лицо, его пробирает дрожь. Недолго, всего несколько секунд, как раз, чтобы успеть хоть чуточку стряхнуть этот ужас, неотступное предчувствие, что небо вот-вот рухнет на землю. Гарри не плачет. Ему немного хочется, но он еще не готов. Будет готов, очень скоро, в этом он уверен.

Когда Гарри снова поднимает голову и поворачивается к Джек, рядом с ней стоят подростки из «Старбакса»; губы у Тима плотно сжаты, глаза за стеклами очков мрачны, Ким смотрит на него с тревогой. Тим плюхается на ступеньку рядом с Гарри и обводит рукой дворик, улицу, горизонт.

— Все это должно было стать нашим, — говорит он. — Из поколения перед нами в живых осталось только двое кукушат, дефектных от природы, они не могли находиться рядом дольше нескольких часов — сразу пытались убить друг друга, а кукушка-Математика хотела наложить на себя руки, когда у нее под рукой не было Языка, и все это должно было достаться нам. Так сказал наш отец.

— Ваш отец?..

— Джеймс Рид, — поясняет Ким. — Я знаю… Знаю, у Эрин с ним не очень-то сложилось, но Роджер и Доджер никогда не знали его лично, не так, как мы. Он был нашим папой. Создал нас, заботился, привозил нам из путешествий волшебные подарки. Он был к нам добр.

— А когда чертовы дефектные кукушата выучились терпеть друг друга, — подхватывает Тим, — они начали проявляться. Перетянули Доктрину себе, а нам ничегошеньки не оставили. Знаешь, они ведь могут общаться друг с другом. Постоянно сидят друг у друга в головах. Иногда, если у нас нет гостей, вообще забывают разговаривать вслух. Потянешься, например, за булочками во время ужина, а Роджер вдруг выхватит их у тебя из-под носа и передаст Доджер;

если возмутиться — смущается. Или делаешь домашку, а они как захохочут, будто услышали жутко смешной анекдот. Им никогда не приходится быть одним. Они не понимают, как им повезло.

— Так было и с нами, пока они не забрали Доктрину, — говорит Ким. — Один всегда знал, что думает другой. Это не было дико или страшно — по крайней мере, для нас. Так был устроен мир. Лучший друг живет у тебя в голове, и никогда не приходится быть одной.

— А не могут они… Не знаю, отдать вам небольшой кусочек этой самой Доктрины, чтобы вернуть все как было? — спрашивает Гарри. — Вот Джек, например, держит не всю Зиму целиком, у нее внутри только небольшой кусочек, поэтому она Ледяной Джек.

— Не выйдет, наша система, в отличие от вашей, не естественная, — объясняет Ким. — Не знаю, получили бы мы Доктрину, приключись что с Роджером и Доджер. Даже не знаю, может ли с ними вообще что-нибудь приключиться. Это скорее они приключаются с чем-то.

— А с ними приключаться все боятся, — говорит Тим. — И нам приходится жить в этом гребаном алхимическом мире, мы точно такие же чудови-

ща, как и те, с кем мы живем, неестественные и необязательные, но при этом нам даже не полагаются клевые суперспособности. Разве только мы станем алхимиками.

— А от алхимиков обычно сплошной вред, — вторит Ким. — Ну а что еще можно подумать после той истории с отцом Мелани. Но, может, он и любил ее. Может, он решил не сворачивать проект, позаботился о ней, потому что увидел свою дочь и полюбил. Как наш отец нас любил.

Гарри едва заметно кивает, он знает, что его отношение к Джеймсу Риду целиком и полностью основывается на словах людей, которым у него доверять не больше оснований, чем Тиму и Ким.

— Значит, вы жалеете, что так сложилось? Вы хотели быть частью алхимического мира, жить друг у друга в голове и никогда снова не быть одинокими?

— Для этого нас растили, — отвечает Ким. — Конечно, мы жалеем. Нельзя создать кого-то, воспитать его как чудовище, в один прекрасный день все переиграть и заявить ему, что он станет смертным, и надеяться при этом, что он воспримет это нормально. Мы жалеем, мы негодуем, вероятно, нам надо бы ненавидеть Роджера и Доджер за то, что они отняли у нас Доктрину.

Мы были так близки к ней, когда им удалось проявиться! А они… Они стараются не думать об этом больше необходимого. Иногда мне кажется, Доджер вообще забывает, откуда мы взялись, вроде как мы прилагаемся к дому. «Шесть спален, три ванные, двое подростков».

— Мы знаем, наш отец не был хорошим человеком, — говорит Тим. — Он готов был манипулировать нами, надавливая то на одного, то на другого, подставил под пули, хотя это было необязательно. Узнав о приближении проявившейся Доктрины, он мог бы отправить нас в безопасное убежище, но вместо этого подстроил все так, чтобы перенести ее из них в нас, а значит, мы должны были оставаться там. Он не был хорошим, не был добрым, не был великодушным. И все равно он любил нас. Делал для нас то, что не обязан был делать. Помнил про наши дни рождения, помнил имя той женщины, которая выносила нас, старался, чтобы мы по возможности были счастливы в его подземной лаборатории, куда никогда не заглядывало солнце.

Гарри не кажется, что это похоже на любовь. В некотором смысле это очень похоже на крайнее проявление той не совсем любви, которую он наблюдал у отца Мелани: иногда создавалось

впечатление, что для доктора Косгроува растить дочь с больным сердцем — то же самое, что растить редкую орхидею, как будто можно решить все проблемы, если построить достаточно большую теплицу. И Гарри молчит и слушает.

— Сезоны гораздо щедрее, — говорит Джек. — Они везде и потому распространяются. Асцендента вроде меня маловато, чтобы заставить Зиму или Лето наступить не в свой черед. Ни одна Кукурузная Дженни не сможет вырастить клубнику из ничего без отводков, ни один Ледяной Джек не сможет заморозить двигатель автомобиля. Но мы носим наши сезоны в сердцах и через них соприкасаемся с остальной сетью. Именно так мы отыскиваем своих претендентов. Не для каждого асцендента есть свой претендент на Зиму или Лето, но мы из-за них не деремся. Претенденты гораздо корыстнее, потому что на одном континенте только одна корона для Лета и одна для Зимы. И им приходится устранять конкурентов.

— Но ведь не всегда нужно было убивать, правильно? — спрашивает Ким. — Когда Доджер спустилась к нам и объявила, что началась коронация и скоро на порог могут заявиться разные чудики, требующие помощи в поисках короны, она предупредила, что нельзя их пускать — лучше

запереть дверь и позвать взрослых, — краешки губ у нее ползут вверх, показывая, как именно она относится к такому совету.

— Да, убивать нужно было не всегда, — соглашается Джек. — Эту традицию заложил последний Зимний король Северной Америки во время собственной коронации: тогда он убивал противников даже после их отречения. Он полагал, что имеет право на этот континент, потому что был белым, а они в основном нет.

— Триста лет назад, — Гарри неожиданно становится мерзко; он смотрит на собственные руки, белокожие, сильные, и хмурится. — Мерзавец-колониалист.

— Да, — соглашается Джек. — Ты не виноват в том, где родился, если не становишься из-за этого свиньей. Вот у него выбор был, и каждый раз он выбирал не то, и теперь коронация в Северной Америке во многом похожа на европейскую. Много крови на ячмене. Много крови на снегу. Множество трупов, по которым нужно пройти, чтобы добраться до трона.

— Ты все время бросаешься этими словечками, но, по-моему, так ни разу и не объяснила, что они значат, — сердится Гарри. — Подбирай слова получше или объясняй те, которые используешь.

— Пока ты не опустишься достаточно глубоко и не перестанешь отрицать, что все это реально, неважно, какие слова я использую, — отвечает Джек. — Короны реальны. Это материальные объекты, спрятанные в лабиринте, который строят все четыре сезона вместе. В том числе и поэтому служители так важны. Мы создаем и храним лабиринт, он всегда должен быть наготове, потому что мы не всегда знаем, когда начнется коронация. Нынешний где-то на юге, хотя я и не знаю точного местоположения — если бы знала, это было бы нечестно. После проявления лабиринт поддерживают служители, отвечающие за весну и осень. У них нет собственных претендентов, так что нет и повода жульничать. Если найдем лабиринт, вы сможете войти туда вместе. Пройдете по пути пу́гал к Невозможному городу.

— И вот тут ваша связь, которую Джек постоянно называет параллельностью, сыграет вам на руку, хотя сейчас слегка мешает, — подхватывает Эрин, которая вышла из дома и теперь стоит, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди, и наблюдает за ними. — Из-за вашей связи вы оба погружаетесь в свои сезоны быстрее, а когда уйдете слишком глубоко, забудете, каково это — быть обычными людьми. Так происходит

с Роджером и Доджер. Доктрина занимает в них столько места, что его почти не остается на то, чтобы быть обычными. Если потеряете человечность еще до лабиринта, не сможете друг друга выносить и, уж конечно, не сможете действовать сообща, чтобы пройти его и получить короны. Если поторопитесь — проиграете. Пока еще вы в достаточной степени похожи на людей. Ты не даешь своей девушке уйти на глубину. В какой-то момент она потянет тебя за собой, если будет так же стабильно погружаться.

— Мне плевать, — говорит Гарри. — Это моя Мел, я люблю ее и не дам ей уйти слишком глубоко, даже если это меня убьет.

— Может и убить, — замечает Эрин.

— И все равно мне плевать, — говорит Гарри искренне, совершенно и абсолютно, до глубины души.

Гарри постоянно твердят, что его любовь к Мел только кажется ему светом солнца, потому что не с чем сравнить; мол, в конце концов он поймет, что это всего-навсего огонек свечи, ведь за всю его жизнь таких свечей будет очень много. Может, они правы, а может, и нет, потому что прямо сейчас ему семнадцать и его любовь к Мел и есть свет солнца, яркий и жаркий, всепоглощающий,

и она любит его точно так же, Гарри знает наверняка, ему только и надо что не дать ей заледенеть настолько, чтобы она об этом забыла.

Ему только и надо служить ей якорем, как он всегда и делал, как она всегда служила якорем для него.

Смерив его внимательным взглядом, Эрин качает головой:

— Мне и правда кажется, что ты говоришь искренне, — она поворачивается к Джек: — Если сможешь, позаботься о том, чтобы он не погиб. Знаю, это не твоя проблема или, по крайней мере, не твоя ответственность, но у нас столько лет были дерьмовые король и королева, что в систему прокрался хаос, и мне это не нравится. Я хочу, чтобы он оказался на троне.

— Это не в моей власти, но я отведу его к лабиринту, если сумею. Я не смогу выбрать его, если придется выбирать между ним и Мелани, но, пока они не враждуют, я буду ему помогать.

— О большем я и не прошу, — говорит Эрин.

— Этот ваш лабиринт. Пожалуйста, — просит Гарри. — Столько всего, но каждый раз, когда ты рассказываешь то, что мне нужно знать, ты отвлекаешься и не отвечаешь на мои вопросы. Что такое лабиринт и почему наша параллельность

там пригодится?

— Прямо сейчас эта игра для одного, — поясняет Джек. — Вы с Мел не соревнуетесь друг с другом, поскольку сражаетесь за разные короны, а значит, можете действовать сообща, но ты соревнуешься со всеми остальными претендентами на Летнюю корону, и да, ты мне нравишься, у тебя есть веская причина, чтобы ее получить, но у каждого из них есть свои причины. Слава богу, среди претендентов не найдется второй Мел: насколько мне известно, кроме Косгроува, никто из алхимиков не пытался украсть сезоны… — Она оглядывается на Эрин и, дождавшись ее кивка, облегченно вздыхает и продолжает: — …но среди претендентов на Лето некоторые могут похвастаться такими слезливыми историями, что у тебя сердце захолонет. Тебе нужно их победить. Не обязательно убивать, если сможешь заставить отречься, но из каждой встречи с противником ты должен выйти победителем, или все напрасно. Это не игра. Это состязание, но не игра.

— Я уже убил человека, — тихонько говорит Гарри и смотрит на свои руки. Это пятнышко рядом с ногтем большого пальца — кровь? Он знает, что этого не может быть, знает, что бесчисленное количество раз мыл руки после того мотеля,

но… это кровь? Никак не определить. Поэтому Гарри глубоко вздыхает, не глядя на Тима и Ким (осуждение сверстников заденет больнее, чем осуждение Эрин или Джек). — Я сделал это без помощи Лета. Своими собственными руками. Он пытался покалечить меня или заставить отречься, и я его убил.

— И никто не явился тебя арестовывать, хотя, готова поспорить, шумели вы достаточно?

Гарри резко поднимает голову и встречается взглядом с Эрин, в его глазах молчаливая мольба — объясни. Она пожимает плечами.

— Мир алхимии повсюду, точно так же, как раньше повсюду был мир волшебства, до того, как все поменялось. Он защищает сам себя. Не всегда, но на удивление умело. Если кто-нибудь зайдет сюда занести посылку, то заметит, что в нашем саду цветут цветы и зреют овощи, совсем не соответствующие нынешнему сезону. Заметит, что мы не совсем подчиняемся привычному ходу времени. А потом уйдет и забудет. Забудет, если только в нем уже нет трещинок. Если будет возвращаться слишком часто, забывать станет все труднее, и в конце концов он начнет запоминать, и нам придется с этим разбираться.

— Один курьер регулярно забирает персики с

дерева, что растет у Доджер на заднем дворе, — говорит Ким. — Для этого дерева всегда август, при этом оно круглый год цветет и плодоносит.

— В один прекрасный день он начнет задавать вопросы, — подхватывает Тим. — Начнет удивляться, что это за дерево, почему все время плодоносит, как вообще это возможно, и тогда он либо догадается, что такое алхимия (или волшебство, поскольку волшебство — это такая протоалхимия, оно проще), либо посыплется, и у нас появится новый служащий доставки.

— Как ты можешь так спокойно об этом говорить? — спрашивает Гарри. — Выходит же, что люди не видят мир вокруг себя.

— Прямо сейчас ты благодаря этому избежал ареста за убийство, так что расслабься, ладно? — Джек пожимает плечами. — Они не видят алхимический мир, потому что не хотят туда попадать. Мы обитаем в зловещей долине. Мы похожи на людей, почти, почти всегда, мы лишь самую чуточку странные — нам не стоит доверять, с нами не стоит иметь дела, от нас не стоит отворачиваться. Копы не охотятся на тебя, потому что коронация стирает все следы того происшествия в мотеле. Это странно и невозможно, так не должно быть, и тебе нужно просто это принять,

потому что даже если не примешь, оно все равно есть. Чем больше ты принимаешь, тем проще все остальное.

— К тому же, принимай не принимай — это ничего не изменит, — добавляет Ким и с топотом сбегает с крыльца.

Высоко поднимая ноги, как делают чирлидеры (Гарри очень хорошо знает эту особенность — он ведь уже давно с Мелани), Ким подбегает к выросшим на дорожке кустикам клубники. Присаживается на корточки, набирает в горсть красных спелых ягод, бежит обратно. Она протягивает Гарри клубнику и не без нежности говорит:

— Держи.

Гарри берет ягоду.

— Я знаю, что все происходит на самом деле, — признается он. — Понял это, когда тот парень пытался меня убить, чтобы стать повелителем Лета, а моя девушка шутки ради устроила миниметель. Все реально. Иначе выходит слишком глупо.

— Летним королем, учти, пожалуйста, — поправляет Джек. — Повелитель Лета — это совершенно другое и не имеет отношения к тому, что происходит здесь и сейчас, так что просто

забудем, что ты назвал его имя.

Гарри удивленно моргает. По неумолимому выражению Джек он понимает, что расспросами ничего не добьется, поэтому даже не пытается. Помолчав мгновение, Джек продолжает:

— Когда доберетесь до лабиринта, все изменится. Это уже не будет приключение для одного. Перед тем, как войти туда, все претенденты без параллели будут отчаянно искать себе пару, и вот тут вам грозит самая большая опасность — они попытаются украсть у тебя Мелани. После проявления лабиринта они могут сбиваться в шайки, в стаи волков, единственная цель которых — поймать себе будущую Зиму. Они не смогут заставить Зиму стать своей параллелью, но могут убить тебя в надежде, что она выберет одного из них.

— Почему? Что это за странный смертельный лабиринт на выживание?

— Не знаю.

Несколько долгих неприятных секунд Гарри просто таращится на нее, пока наконец Джек не отводит глаза:

— Никто больше не знает. Слишком много времени прошло с нашей последней коронации, а лабиринт каждый раз другой. Мы только знаем, что претенденты заходят парами, а выходит в

итоге одна пара.

— Так зачем нам вообще сражаться? — недоумевает Гарри. — Если лабиринт сам выбирает, нам всем нужно просто прийти туда — и пусть делает свою работу, зачем все это время убивать друг друга?

— Войдя в лабиринт, ты больше не можешь отречься, — говорит Джек. — Остается идти до самого конца. А каждый вошедший в лабиринт претендент понижает твои шансы. Может, другие лучше подготовлены. Может, сезон сумел немножко глубже погрузиться в их душу. Много разных «может». А потом это уже не имеет значения, потому что ты бежишь к финишу вместе с остальными, состязаясь за корону, что́ там происходит — для меня тайна, но я всегда думала, что там творится что-то ужасное. В лабиринт входят только те, кто настроен серьезно. И почти все погибают.

— Так мы все можем…

— Если ты входишь в лабиринт и не выходишь оттуда победителем — это смертный приговор, и чем больше людей войдет туда вместе с тобой, тем меньше у тебя шансов добраться до финиша первым. Ты сражаешься с другими претендентами, чтобы не дать им возможности победить

себя, а еще потому, что каждый претендент, решившийся участвовать, верит в свою победу, и да, почти все они погибнут. Некоторые от твоей руки. У тебя не очень-то большой выбор, за что следует поблагодарить Косгроува, который напортачил с естественным ходом вещей. Если откажешься, умрешь.

— Но я же природный. Ты говорила, только Мелани создали алхимически, а я таким родился. Выиграл в безумной космической лотерее, и мой приз — это возможность погибнуть страшной смертью или превратиться в персонажа из старого рождественского мультика.

— Ты природный, но параллель у тебя не природная, — объясняет Эрин. — Насколько я понимаю, если откажешься от прав на корону, то умрешь, как и любой Летний король, потерявший свою Зиму, поскольку вы с ней связаны, а она не может отказаться и при этом не погибнуть.

— Ты умер в самом начале коронации, — напоминает Джек. — Знаю, об этом легко забыть, ты себя хорошо чувствуешь, но ведь так оно и было. Если потеряешь связь с Летом, потеряешь и связь с Мелани. Если потеряешь связь с Мелани, потеряешь связь с алхимией, благодаря которой вы остаетесь в живых.

— Почему у меня больше прав на жизнь, чем у остальных претендентов? — спрашивает Гарри.

— А у тебя их и не больше, — отвечает Тим. Гарри смотрит на него, почему-то чувствуя себя уязвленным, словно его сверстнику полагалось бы объяснить, почему он, Гарри, в отличие от других имеет право жить. — Думаю, весь вопрос в том, считаешь ли ты, что у Мелани больше прав на жизнь, чем у остальных претендентов. Это ведь не она сейчас раскисла, потому что не хочет убивать. Она будет сражаться столько, сколько потребуется. Вот только при этом будет все глубже и глубже погружаться в Зиму, и, возможно, если не будет при этом держаться за тебя, опустится на самое дно, и мы ее потеряем. А может, ты умрешь, потому что сочтешь это правильным, и она сломается и бросит все попытки оставаться человеком, и мы ее потеряем. Так что вопрос не в том, есть ли у тебя право на жизнь. Вопрос в том, есть ли оно у Мелани. Знаю, она тебе не сестра, но я бы охотно под поезд бросился, чтобы спасти Кимберли. А если бы мог сделать хоть что-нибудь, чтобы не только спасти ее, но и восстановить ее связь с Доктриной, то сделал бы это не раздумывая. Ни секунды. Даже если бы знал, что сам погибну, — Тим мрачно смотрит на

Ким. — Ни секунды.

Ким берет его за руку, наклоняется, и они соприкасаются лбами, будто она, если хорошенько постарается, сможет таким образом протолкнуть свои мысли в его голову; в саду тихо, пахнет сладкой клубникой, невозможной, украденной у лета.

Отъезд

ПО КАЛЕНДАРЮ:

14 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

— Лабиринт располагается на границе реального и алхимического времени, — говорит Джек, когда тишина, наконец истрепавшись и иссякнув, заканчивается, и в сад снова долетает уличный шум. — Думаю, вы называете это границей Невозможного города, поскольку вы прислужники Асфодель.

— Как по мне, так пусть Асфодель сгниет в своей могиле — правда, это либо уже произошло, либо совершенно невозможно, в зависимости от того, в какую историю верить, так что просто хрен с ней, с Асфодель Бейкер, а ты продолжай, — говорит Эрин.

— Отчасти поэтому лабиринт и перемещается. Ведь и Невозможный город перемещается.

— Невозможного города на самом деле не существует, — возражает Гарри. — Он из детской книжки. Я не Эйвери, а Мелани не Циб, и мы не

идем по невероятной дороге.

— Ты прав в отношении двух фактов, — отвечает Джек. — В тех книжках описываются двое детей, потому что почти все проявления, что алхимические, что естественные, случаются парой, они уравновешивают друг друга. Люди вроде меня с Эрин — мы не в ладу с собственной природой, разбалансированы, потому что у нас нет второй половины. Помнишь, в книжке каждый раз, когда что-нибудь приключалось с Циб, Эйвери только и мог думать о том, как бы ей помочь, даже если они до этого поругались? То же самое было и с Циб, когда что-нибудь приключалось с Эйвери.

— Ага, — с сомнением говорит Гарри.

— Бейкер описывает путешествие через четыре стихии естественного и волшебного мира. Земля, вода, воздух и огонь. Бейкер разметила их, а потом Баум все вывернул наизнанку, и теперь весь континент в состоянии постоянной неопределенности, потому что люди не понимают, где находятся, — Эрин тянется стащить у Гарри клубничину. — Так что Невозможный город перемещается, пытаясь соответствовать карте, которая не соответствует сама себе, а служители сезонов строят свой лабиринт на его границе.

— Мы как шалашники, — говорит Джек. —

Строим шалашик там, где, с нашей точки зрения, безопасно, пока не придет пора им воспользоваться. Каждый год возводится новый лабиринт, и каждый год его сравнивают с землей, если только не происходит коронация. В этом году он наконец пригодился. А раз Доктрина воплотилась, страны уже не так активно меняют положение, а значит, из юга получился удобный и устойчивый оплот Воздуха. Воздух благоволит Зиме, так что Мелани будет проще, чем тебе. Уж извини. Была бы я среди начальства, попросила бы Земли или Огня, чтобы обеспечить тебе небольшое преимущество.

— Но твоя претендентка Мел, — возражает Гарри.

— Моя претендентка Мел, а Мел уже наполовину из снега, — отвечает Джек. — Ей не нужны никакие дополнительные преимущества, ее отец достаточно постарался.

Входная дверь открывается. На крыльцо выходит Доджер, вид у нее чуточку пристыженный, позади идет Мелани.

— Роджер сделает вам сэндвичи, и остались вчерашние рисовые хлебцы. Вполне еще съедобные, — говорит она.

— Вы хотите накормить нас обедом? — спра-

шивает Гарри.

— Мы хотим выгнать вас взашей. Эй, девочка-служитель, это считается за жульничество, если я дам им карту?

— Вовсе нет, — отвечает Джек. — В правилах допускаются союзы и благоприятные обстоятельства, если они случаются во время путешествия.

— Хорошо. Тогда мы выгоним вас взашей вместе с обедом и картой, Роджер утверждает, что дольше задерживаться вам нельзя, а уж ему видней.

— Он что, высунулся из окошка и спросил у облаков, куда податься сезонам? — ехидно интересуется Эрин. Доджер, избегая смотреть ей в глаза, тяжело вздыхает. — Вы же знаете, я не могу всерьез воспринимать эту вашу хренотень. Пусть он умеет разговаривать на всех языках на свете, это вовсе не означает, что можно трепаться с облаками.

— Иногда означает, — возражает Тим.

Эрин бросает на него взгляд, а потом вздыхает.

— Ладно. Иногда означает, — сдается она. — Но все равно это очень глупо, и мне это не обязано нравиться, а у вас, кажется, еще домашка не сделана?

— Вам нужно ехать к лабиринту, — говорит

Доджер. — Претенденты потихонечку отправляются в ту сторону, сейчас в радиусе ста миль нет ни одного потенциального соперника. Но скоро они появятся, а вы не готовы столкнуться с ними лицом к лицу, только это мне и известно. Так что хватайте сэндвичи и прочее — и вперед. Если победите, возвращайтесь и расскажите нам об этом.

— А если не победим? — Гарри встает.

Ким ссыпает ему в ладони остатки клубники, словно это извинение или подношение.

— Если не победите, готова поспорить, ваша Джек уж сделает так, чтобы победители вернулись и рассказали нам обо всем, потому что не стоит без особой нужды держать в неведении ближайший аналог богов, — говорит Доджер. — Пошли в дом. Возьмете сэндвичи.

Все идут к дверям, но Мелани хватает Гарри за руку, не давая ему встать со ступеньки.

— Погоди, — тихонько говорит она.

Гарри замирает. И Джек тоже, но Мелани смотрит на нее и качает головой:

— Иди.

Джек уходит, и в первый раз с того самого мотеля Гарри и Мелани остаются наедине.

Гарри поражает страшная мысль.

— Ты слышала наш разговор? — спрашивает он.

— Не весь. Мы же не подслушивали. Мы беседовали об алхимическом мире, о том, как он ломает всех и вся, о том, для чего меня создали родители. Гарри, я так виновата, — она отпускает его руку. — Так виновата. Ты влип во все это из-за меня.

— Неправда, — где-то в глубине души Гарри хочется с ней согласиться, припомнить, что его Кукурузная Дженни так и не явилась: если б не Мелани, он бы спокойно сидел дома в Портленде, держался подальше от этой самой коронации, вообще не знал бы, что творится. И стал бы легкой добычей для первого же претендента на Лето, явившегося в город; даже не понял бы, что должен защищаться. Как только коронация началась, ни о какой безопасности для него речи уже не шло.

Но Гарри не знает, как это все объяснить, поэтому просто смотрит на нее, на свою Мелани, чувствуя, что перед ним настоящее чудо. Она все еще бледная (она всегда бледная, и теперь это понятно — Гарри ведь узнал, что ее такой сотворили, она не снежная королева, появившаяся по прихоти генетики), но на ее щеках румянец, и дышит Мел ровно и спокойно, и глаза сияют, и

взгляд сфокусирован. Она не барахтается, борясь с гипоксией и воздействием лекарств, она здесь, с ним, целиком и полностью. Это великолепно. Это невозможно.

Это того стоит. Что бы они уже ни сделали, что бы им ни пришлось сделать, это стоит того, чтобы видеть ее такой, чтобы она опять была с ним. Пусть даже им придется по полгода проводить в разлуке — и ведь Джек, когда хочет подсластить пилюлю, говорит, что из этого полугода они будут помнить лишь три месяца. Не самая большая цена.

Да. Именно так.

— Если бы мой отец не…

— Мел, — Гарри берет ее за руки. — Если ты состоишь в комиссии, ответственной за ежегодный школьный фотоальбом, это не значит, что ты отвечаешь за всех и вся на свете. Будь оно так, мир стал бы гораздо лучше, потому что ты сделала бы его лучше. Твои родители творили ужасное, причем без твоего согласия и ведома. Но это не они заставили меня влюбиться в тебя. Это не они поместили нас рядом. Уверен, твой папа спал бы гораздо спокойнее, если бы мы никогда не встретились. Ему не нравилось, что мы проводим время вместе, он не хотел, чтобы мы были вместе,

хоть он ни разу не опустился до знаменитого клише «чересчур заботливый папочка предлагает парню своей дочери деньги, чтобы тот с ней порвал», честно говоря, я думаю, это только потому, что моя семья гораздо богаче, вот он и решил, что не выйдет. У меня внутри Лето, потому что я таким родился. Я связан с моим сезоном, потому что такой уж я есть. И если из-за этого я быстрее в тебя влюбился, я благодарен. Если бы мы жили в другом мире, где не родились бы с сезонами, а были бы обычными людьми, живущими обычной жизнью, я бы все равно тебя разыскал. И все равно бы тебя выбрал. Выбирал бы снова и снова, всегда. Не надо просить прощения. Только не за то, что ты моя девушка. Только не за то, что позволила мне быть твоим парнем. Ладно?

Мелани несколько раз моргает, на ее длинных черных ресницах повисли слезинки, потом она отнимает руки, сдавленно вздыхает и порывисто обнимает Гарри, притягивает его ближе, утыкается лицом в изгиб его плеча, всхлипывает. Гарри понимает, что она страшно боялась: а вдруг, узнав, что Мел — просто научный проект одного самодовольного мерзавца, Гарри не выдержит, скажет: «Да пошло оно все», — и уйдет. Ему бы обидеться, что она могла такое о нем подумать.

Но на самом деле Гарри испытывает облегчение, ведь Мел пришла к нему и не позволила тревогам обратиться в сгнившую скользкую дрянь, которая встала бы между ними и отравляла все.

Дверь снова открывается. На крыльцо выглядывает сердитая Доджер:

— Ну и? Вы идете за своим обедом или как? Скоро вернется Смита, и тогда нам будет гораздо труднее объяснять, что же, черт побери, происходит. Она знает про алхимию. И вот-вот сама станет алхимиком. И она не будет тихонечко сидеть и слушать, пока мы обсуждаем алхимические понятия, с которыми она еще не знакома; придется растолковывать все с самого начала, и она наверняка захочет взять у твоей ледяной принцессы образцы костного мозга.

— Идем, — Мелани торопливо вытирает глаза и отворачивается от Гарри.

На Доджер она смотрит уже с улыбкой — привычка, выработанная долгими годами, когда она была чирлидером да еще «больной девочкой», которой нужно постоянно казаться веселой и жизнерадостной, чтобы ее хоть куда-нибудь брали.

Вслед за Доджер Мелани заходит в дом, за ними следует Гарри, и этот порядок важен: важно, что

Лето следует за Зимой, а Зима — за Временем.

Они идут на звуки смеха и болтовни, доносящиеся с кухни, где собрались все остальные, там делают совершенно невероятные сэндвичи, устроив некое подобие нелинейной линии сборки. У Тима несколько буханок и целая куча разнообразных намазок; Ким кричит ему, что́ намазать на очередной сэндвич, и он мажет, каким бы жутким ни было сочетание. У Эрин несколько упаковок сырной и мясной нарезки, и она скупо выдает нужное по запросу Ким, а Джек удалось завладеть секцией зелени — она заведует листьями салата, ломтиками помидора и более замысловатыми добавками вроде пророщенных бобов, клубники и маринованных артишоков. Роджер возле стола принимает готовые сэндвичи, заворачивает их в фольгу, а потом кладет либо в пакет, либо в кучку; те, что в пакете, скоро отправятся в путешествие, а те, что в кучке, предназначаются жителям дома.

Гарри останавливается и изумленно смотрит на все это. Мелани тоже. Это такой одичавший «Сабвей», который проявился, воплотился и бросается на все подряд. Рядом ухмыляется Доджер.

— Что предпочитаете? — спрашивает она. — Важно четко сформулировать. Я раз попросила

Ким меня удивить, и в итоге получила сэндвич с арахисовым маслом, крыжовенным джемом, бананом, беконом, луком и карри. У нас найдется почти что угодно, но очень важно выразиться поточнее.

— Сэндвичи — идеальная еда, — восхищается Роджер. — Что в них ни положишь, все равно в конце получишь обед. Неизбежность сэндвича решает все проблемы.

— Дурак, — очень ласково говорит Доджер.

— Хм, говядина, чеддер и помидоры, — заказывает Гарри.

— А это у вас цветы кабачка? — уточняет Мелани и, дождавшись кивка Джек, командует: — Тогда курица, джем из шиповника, мед и цветы кабачка.

Все смотрят на нее косо, кроме Гарри, у которого было достаточно времени свыкнуться с нездоровым пристрастием Мел к съедобным цветочкам. Он просто с улыбкой наблюдает, как она подходит к столу, чтобы помочь состряпать обед.

— Очень мило с вашей стороны, — говорит он Доджер.

— Это меньшее из того, что мы можем для вас сделать, — отвечает она. — В смысле, все это в некотором роде по нашей вине.

— У меня последний вопрос. Вы тут как ученые на метамфетаминах: перескакиваете с одного на другое и, если повезет, вспоминаете, что не закончили объяснять в самом начале, пока все не забыли, о чем вообще шла речь. Мне кажется, вы это нарочно, по крайней мере иногда.

Роджер прислушивается к их разговору, плечи у него напряжены, голова чуть склонена набок.

Доджер пожимает плечами.

— Вполне возможно. В смысле, мы с Роджером и есть ученые. Он в университете преподает, а я в основном занимаюсь небольшими проектами для аналитических центров. Эрин — соцработница.

Она вываливает на Гарри эти профессии, словно маленькая девочка, расписывающая, чем весь день занимаются ее куклы «Барби», пока она сама в школе. Гарри не верит, что эти трое в последнее время хоть когда-нибудь серьезно работали; может, они и вовсе никогда не работали. И это нормально. Он совершенно не хочет осуждать этих странных, невероятных людей. Просто хочет понять их, хотя бы немного, если получится.

— Иногда я не совсем вас понимаю.

— Мы же вселенские силы, а ты пока сила этого мира, вернее, готовишься ею стать, — поясняет

Доджер. — На Марсе лета нет. Там ты был бы бессилен. А вот математика есть, так что я вполне справляюсь.

— Только не говори мне, что вы еще на Марсе забавы ради зависаете, не уверен, что прямо сейчас к такому готов.

— Ладно, — Доджер замолкает на несколько секунд.

Гарри ждет, и секунды растягиваются, словно ириски, тишину нарушают лишь выкрики сэндвичных дел мастеров, которые просят друг у друга начинки, да шелест фольги Роджера, да звяканье ножей о стеклянные банки. Гарри подозревает, что Доджер скверно переносит молчание и, если подольше молчать, расскажет все, что он хочет знать.

Угадал.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает она.

— Что имела в виду Эрин, когда сказала, что иногда приходится довольствоваться лучшим результатом из имеющихся?

Тяжело вздохнув, Доджер подходит к Роджеру и берет у него фольгу, а тот плавно поворачивается к Гарри. При этом ни Доджер, ни Роджер не говорят ни слова, но Роджер треплет Доджер по плечу и не убирает руку.

— Мы как Мелани, — объясняет он. — Искусственно созданные. В этом доме все искусственно созданные, кроме Смиты, она ничье не проявление, ну, может, разве что воплотившийся дух мокрых полотенец, брошенных на пол в ванной.

— Нет, — поправляет Эрин. — Тогда бы она была Хаосом и Энтропией, а Даррен все-таки мертв.

Роджер чуть кривится.

— Да, мертв, — он вздыхает. — Ты и Мелани, да и Джек тоже, вы должны были появиться. Вы жемчужины, которые создает мир, когда в мироустройство попадают песчинки. Можно вытащить жемчужину, но жемчужница создаст еще одну, по привычке. Вселенная больше не умеет обходиться без вас. И неважно, что кое-кто создан искусственно, вы все равно привычное явление. Вы должны были появиться.

— Ладно, — протягивает с сомнением Гарри.

— А вот я и Додж, Ким и Тим — мы не должны были появиться. Нас создал алхимик по чертежам женщины, полагавшей, что можно контролировать что-то, чему никогда не полагалось стать человеком, если силой запихнуть это что-то в человечью шкуру. Ни один из них не подумал, что, если понятие сделать человеком, оно сможет творить что захочет. Если выйдешь на улицу в

декабре и замерзнешь насмерть, здесь нет ничего личного. А если твоя девушка устроит метель у тебя в легких, это будет намеренное действие.

— Мел не станет ничего такого делать.

— Нет, наверное, не станет. Но если ею овладеет Зима, если Зима станет Мелани, а не Мелани — Зимой, она может этого захотеть. И будет при этом человеком, пусть даже не таким, каким тебе бы хотелось. Иногда утром я просыпаюсь и не знаю, кто такой Роджер Миддлтон. Я его не знаю, никогда его не встречал, я просто Язык, от макушки до пят. И хочу только одного — быть Языком. Сама мысль о том, чтобы снова стать Роджером, вызывает отвращение.

— И как же ты возвращаешься?

Роджер дергает белую прядку у себя в волосах.

— У меня есть сестра. Иногда она тоже теряется, и, пока мы не потеряемся одновременно, один всегда готов отвести второго домой. Но это к делу не относится. Вселенная еще к нам не привыкла. Доктрина Этоса существовала всегда, это основополагающее явление, но раньше у нее не было способности чего-то желать. Принимать собственные решения. Все это в новинку. И виноваты в этом Рид и Бейкер, они вмешались в то, во что вмешиваться не следовало.

Гарри хмыкает.

— Мы не можем прожить один без другого, потому что мы не просто уравновешиваем друг друга, мы не противоположности, мы буквально две половинки одной и той же идеи, втиснутые в двух разных людей. Если всю идею поместить в одно место, она никогда не додумается, каково это — быть человеком, и потому для наших создателей этот вариант не годился. Рид забыл, что дети — не инструмент, они не хотят по умолчанию того же самого, чего хотят их родители. Не делают того, чего от них ждешь, просто потому, что ты дал им жизнь и они тебе обязаны. Мы воспротивились почти сразу.

— В первый раз даже до двенадцати лет не дотянули, — добавляет Доджер с чуть безумным весельем в голосе. — Несчастный случай в лаборатории, да уж, конечно. Ли Барроу была чудовищем и заслужила то, что́ мы с ней сделали.

— Да, заслужила, — соглашается Роджер. — Мы догадались, в общем-то, случайно, что когда мы вместе, то можем в буквальном смысле сбрасывать время.

Мелани роняет нож для масла. Гарри удивленно моргает.

— Ух ты, — изумляется он.

— Не настолько полезное умение, как тебе кажется, — чуть насмешливо замечает Роджер. — Во-первых, мы могли возвращаться только в пределах нашей личной временной шкалы. Если бы Доджер пришла сегодня домой и заявила, что вы, скажем, ей угрожали и она никак не может это пережить, она могла бы потребовать, чтобы мы сбросили мир до вчерашнего дня, встала бы утром и решила не идти на фермерский рынок.

— Так это получается, вы его не сбрасываете, а скорее перематываете? — уточняет Гарри.

— Да, так было, пока мы не получили Доктрину целиком, — говорит Роджер. — Мы путешествовали назад к различным фиксированным точкам на нашей временной шкале (обычно это были те точки, где мы принимали важные решения, имеющие долгосрочные последствия) и проживали все заново, принимали другие решения, не всегда правильные. Даже часто неправильные. Летали без всяких мер предосторожности.

— А потом я ушла в самоволку, — говорит Эрин.

— Да, — соглашается Роджер. — Примерно на наш пятисотый раз мы добрались до того места, где Рид подстроил смерть Даррена. И это все изменило. Без Даррена они не могли больше

полностью контролировать Эрин. Она восстала против них и поддержала нас, хотела помочь нам добраться до Невозможного города и проявиться. А поскольку Эрин воплощает Порядок и не входит в тот замкнутый круг, который образуем мы с Доджер, мы поняли, что сможем с ее помощью сохранять в памяти то, что происходило между сбросами. Можно было попросить ее что-то запомнить, что-то понять, помочь нам принять правильное решение в критической точке.

— Да уж, я прямо хакнутый электронный зверек «Ферби», — бесстрастно говорит Эрин. — Молодец, возьми с полки пирожок.

Роджер не обращает на нее внимания. Гарри приходит в голову, что у него в этом деле богатый опыт.

— И нас — тех, кто хотел выбраться, — стало уже трое. И после еще нескольких сбросов нам удалось дойти до Невозможного города и проявиться. Вот тут-то мы и наткнулись на Ким и Тима (Рид готовил из них сосуды для Доктрины) и поняли, что́ именно творили со вселенной.

— Это как? — спрашивает Гарри.

Очень странно стоять на кухне рядом с этим взрослым человеком и слушать его оправдания, будто Гарри может его судить. Но вид у Роджера

пристыженный; понурившись, он объясняет:

— Каждый раз, когда мы совершали сброс, мы сбрасывали абсолютно все. Весь мир. Может, даже целую вселенную, хотя мне не хочется думать, что мы так могущественны.

— Именно целую вселенную, ведь звезды не сдвинулись, — говорит Доджер. — Ни разу.

— Прямо сейчас гораздо позже, чем было когда-либо, — продолжает, не обращая на нее внимания, Роджер. — Время начало двигаться вперед без перебоев только тогда, когда мы перестали дергать его, как наш персональный спасательный трос, и даже когда мы все поняли и проявились, пришлось несколько раз возвращаться и делать все заново.

— До них наконец-то дошло, что они творили со мной все это время, — Эрин кладет на стол очередной сэндвич. — Им пришлось вернуться в собственное прошлое, полностью осознавая происходящее, осознавая, кто их уже предал и кого им придется потерять.

— Мои родители работали на Рида, — Роджер, чуть скособочившись, дергает плечом. — Они по-своему меня любили. Но я не мог привлечь их на нашу сторону, а когда говорил, что проявился, тут же приходилось устраивать сброс. Своего

хозяина и концепцию власти они любили гораздо сильнее, чем странного мальчика, которого усыновили по приказу.

Доджер кладет руку ему на плечо, и Роджер склоняется к ней.

— Мы сели и разметили карту с самыми важными моментами нашей жизни, а потом Доджер считала вероятности, пока не нашла линию, при которой ущерб был минимальным, но мы все-таки превращались в людей, которыми нам нужно было стать. Какой смысл в идеальном варианте, если в конце концов мы бы сделались марионетками Рида. Наши потери имели точно такое же значение, как и то, что удалось сохранить.

— Вы намеренно позволили причинить себе вред?

— Да, но мы знали, что оно того стоит. Мы разыграли наиболее близкий к идеальному вариант своей временной шкалы. В первый раз, когда нам удалось проявиться, Рид убил Эрин, Эрин убила Смиту, Кимберли чуть не убила Эрин — это было черт-те что.

— И мы все исправили, — говорит Доджер. — Кое-какие плохие события должны были случиться несмотря ни на что, потому что из-за них мы научились оставаться людьми.

По мнению Гарри, если речь идет о тех, кто буквально может перематывать и переписывать время, лучше бы им оставаться людьми. Люди мелочные и ужасные, жадные и ничтожные, но еще они великодушные и чудесные, добрые и лучшие на свете. Люди важны, и Гарри чуть спокойней, если он знает, что те, кто отвечает за реальность, ходят на фермерский рынок и очень серьезно относятся к сэндвичам. Это гораздо логичнее любой другой известной ему теологии.

— И как только мы добрались до варианта, наиболее близкого к правильному, мы остановились, — продолжает Роджер. — Мы все еще работаем над этой проблемой, но вряд ли попробуем снова. Думаю, у нас уже лучший сценарий из возможных.

— Нет шансов спасти Даррена так, чтобы Эрин к нам присоединилась, — добавляет Доджер. — Роджер не может оставить инструкции до того момента, как она к нам примкнула — она тут же выкладывает все Ли, а Ли наказывает нас за неповиновение. Так что пока Даррен жив, Эрин вне игры. И нет никакой возможности спасти моих родителей. Если их переместить, Ли их находит. Если переместить без их согласия, они плохо реагируют. А если попробовать все снача-

ла, придется сбрасывать вселенную до самого дня нашего рождения.

Какая жуткая мысль. Гарри и Мелани гораздо младше Роджера и Доджер… Им пришлось бы проживать всю жизнь заново, но без удобной карты с подсказками, помогающими избежать ошибок.

И пришлось бы снова пережить тот мотель и остаток коронации. Даже думать об этом не хочется.

— В «Докторе Кто» путешествия во времени гораздо круче, да? — сочувственно и иронично улыбается Доджер. — Не переживайте так. Вам есть о чем волноваться, о коронации, например, или о том, как отсюда выбраться. История больше не про нас. Теперь ваша очередь. Вы трое главные.

— Только одна просьба, — говорит Роджер. — Хорошо бы нам знать местных сезонных короля и королеву. Гораздо проще на будущее. Так что, если победите, вернитесь сюда и расскажите нам, ладно?

— Ладно, — Гарри не упоминает, что Доджер уже просила их о том же самом.

Немного спокойнее знать, что близнецы не делятся всем подряд автоматически. Значит, это

все еще два отдельных человека. Одной головной болью меньше.

Доджер вручает Мелани бумажный пакет с сэндвичами и рисовыми хлебцами, Джек отходит от стола — вот и все: интермедия закончилась, снова пора в дорогу.

— Куда мы дальше? — спрашивает Гарри.

Взгляд Доджер стекленеет, чуть плывет, она смотрит куда-то в невидимую им точку.

— На юг, — сообщает она после долгой паузы. — Вам нужно ехать на юг, потом резко повернуть на восток и прямо до самой Алабамы. Поймете, что добрались, когда они выйдут вам навстречу. Они покажут, куда дальше.

— Она что — еще и будущее видит? — спрашивает Джек.

— Кто такие эти «они»? — спрашивает Мелани.

— Не знаю, — сердито отвечает Доджер.

— Не видит она будущее — просто делает логические выкладки из известных ей цифр, — поясняет Роджер. — Прямо сейчас это значит, что оптимальный путь для вас лежит на юг, а потом на восток в Алабаму. Все может измениться в зависимости от того, что́ вы сделаете по дороге, но надо же жить в моменте, правильно?

— Правильно, — соглашается Гарри, совершен-

но неискренне, но это не имеет значения.

* * *

Гарри несет пакет с едой и прочим к машине, чувствуя странную благодарность за этот обед. Обед доказывает, что вся эта дичь произошла на самом деле, доказывает, что ему не примерещилось. К тому же, обед — это всегда хорошо. Они трое уже давно нормально не ели.

(Из дома они вышли через гараж, чтобы обойти несезонное лето, там было полно сваленных в кучу садовых инструментов и неразборчиво подписанных маркером картонных коробок. Приятно было увидеть хоть что-то нормальное после того, что случилось в доме, разве только настораживало огромное количество банок с краской на стеллаже возле двери. Перед тем как открыть ее, Ким остановилась:

— Никогда нет варианта, идеального для всех, — сказала она. — Не надо слишком зацикливаться на том, чтобы сделать все идеально для других, забывая при этом, что надо и для себя постараться сделать идеально.

Потом она нажала на кнопку, дверь гаража поднялась, и Ким махала им, пока они огибали по краешку двор, и вот они втроем уже идут прочь

от тех единственных повстречавшихся на пути, кто понимает, что именно с ними творится. Надо просто двигаться дальше.)

— Тебя это напрягает? — внезапно спрашивает Мелани. Гарри оборачивается, но она обращается не к нему, а к Джек. — Что меня искусственно создали?

— У моей матери было кольцо, и она закладывала его каждый раз, когда нужны были деньги, — отвечает Джек. — Починить машину, купить съестное, пару раз за квартиру заплатить. С нами все должно было быть в порядке, пока у нее оставалось это кольцо. А потом в местном ломбарде сменился владелец, и новый заявил ей, что больше кольцо не возьмет, потому что бриллианты выращенные. Но уж денежки за выкуп содрал с нее с удовольствием.

Мелани хмурится.

— Так ты думаешь… я ненастоящая?

— Я думаю, что у нее были прекрасные бриллианты, которые помогали нам выжить, пока на пути не встретился подонок, — Джек пожимает плечами. — Мне плевать, как ты получилась. Ты получилась, и ты здесь, и я за тебя отвечаю, и, если от меня хоть что-то зависит, ты наверняка победишь.

Вот и машина, и, точно как и обещала Доджер, на лобовом стекле нет бумажки со штрафом: на счетчике еще почти четыре часа. Гарри открывает дверь, все садятся, а потом уезжают из Беркли. Не очень понятно, куда именно они едут, но едут же. Едут.

Будущее ждет.

Книга VI
Сбей его с ног

Лето – это всего лишь невыполненное обещание весны, подделка вместо тех теплых блаженных ночей, о которых мечтаешь в апреле.
Печальное время жизни без роста…
Время без праздников.

Ф. Скотт Фицджеральд, «По эту сторону рая» [7]

Ведь сила родового и индивидуального характера состоит преимущественно в способности жертвовать настоящим ради будущего, в пренебрежении соблазнами эфемерного удовольствия ради более отдаленного и устойчивого удовлетворения.

Сэр Джеймс Джордж Фрэзер, «Золотая ветвь: Исследование магии и религии»

---

[7] Примечания: 7
Перевод М. Лорие.

Густой ватный туман еще висел среди ветвей и шипов, но уже чуть отступил: стало видно и цветки на стебельках, и сияющие в утреннем свете капли росы на паутинках. Желтые солнечные лучи лились из поднебесья, выжигая туман, и сад снова проявился. Тумана было столько, что все по-прежнему казалось серым и тусклым, словно дело происходило в сумерках, а не на заре.

Все новые вороны просыпались и принимались копошиться на ветках. Циб взглянула на ту, что первой подлетела к ней и уселась на плечо, птичий клюв был заляпан липким соком благодки.

– Было бы здорово побеседовать и чтоб ты помогла мне собрать ягоды для Эйвери и Нив, они остались в доме, – сказала девочка. – Вороны – чудесные птицы, но так у тебя не получится со мной разговаривать, разве только я буду разговаривать сама с собой.

Ворона наклонила головку, смерила Циб взглядом, а потом тихонько каркнула и взлетела. Никогда Циб не видела, чтобы птицы взлетали так, как взлетала Де-

вочка-ворона. Она словно набрасывалась на небо, ожидая, что ее вот-вот прогонят оттуда истинно небесные создания. По всему саду вороны поднимались в воздух и сталкивались друг с другом, пока наконец в нескольких футах от Циб из громкой какофонии крыльев не соткалась худенькая девочка-подросток в черном перьевом платье.

– Есть ли еще другие вроде тебя? – выпалила Циб.

Вопрос получился грубым, но Циб не жалела, что спросила. У нее было такое чувство, что ей нужен ответ, не сейчас, так потом, а Циб все больше уставала от того, что приходится постоянно откладывать что-то на потом, а не разбираться в неотложном зудящем настоящем.

– Ты же видела остальную стаю, когда Король хотел вас захватить, – ответила Девочка-ворона.

– Да, я знаю, что есть и другие вороны, но есть ли кто-то еще? – Циб сосредоточенно нахмурилась, а ее руки меж тем рвали спелые розовые ягоды. – Есть ли

тут мальчики, превращающиеся в стадо жаб, или девочки, становящиеся тучей летучих мышей, когда им надоедает ходить на двух ногах? Я знаю, ты отдала за перья свое имя. Можно ли так купить себе что-то еще?

– А! – сказала Девочка-ворона. – Ну, – сказала Девочка-ворона. – И да, и нет, – сказала Девочка-ворона.

Она и сама начала собирать ягоды, ее ловкие пальцы в мгновение ока обирали ветви и ссыпали добычу в горсть. Девочка-ворона смотрела на кусты, а на Циб не смотрела.

– Понимаешь, так у меня и появилась идея. Когда я была помладше, то знала мальчика, который мог стать целым косяком лососей, если ему не хотелось думать по-мальчиковски, а хотелось плавать на воле, чтобы его никто не трогал. И у меня появилась идея: что, если я смогу так же, стоит только хорошенько постараться. Что, если у меня будет свобода, когда захочу, и клетка, когда захочу. И я отправилась на поиски. Сбежала от людей, которые должны были за мной присматривать, их лица я отдала вместе со своим именем, так что даже не знаю, кого оставила.

А. Дебора Бейкер, «Вдоль Солистого моря»

На запад

ПО КАЛЕНДАРЮ:

14 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

Гарри никогда не бывал в этой части Калифорнии, но шоссе I–5 — это прямая линия, прочерченная через весь штат, каменный хребет, удерживающий вместе тектонические плиты. Гарри знает: во время землетрясения I–5, несомненно, расколется пополам, но все равно чувствует себя в безопасности, доверившись его силе, длине и прочности, которые точно должны довести их до цели.

Не то чтобы у них была какая-то конкретная цель. Они едут на юг, как им велели; когда доберутся до южной границы штата, свернут на восток, а потом неизбежно упрутся в Алабаму. Гарри никогда там не был и испытывает сейчас естественную для коренного обитателя западного побережья смутную тревогу из-за того, что приходится забираться в дебри едва ли не другой страны. У разных штатов одно правительство…

Теоретически. Но поскольку в каждом штате проходят самостоятельные выборы, нельзя сказать, что представители властей Алабамы видят мир так, как видит его Гарри, и это нормально! У Алабамы должно быть право принимать собственные решения о будущем! Гарри просто не уверен, что у них есть что-то общее. А еще в разных штатах вроде как разговаривают на одном языке, но он видел, как меняются словечки и их значения, даже если переместиться из Портленда в Сиэтл или Сан-Франциско. Он не взялся бы с уверенностью утверждать, что разница в расстоянии и идеологии никак не скажется на их шансах уцелеть.

Все это неизведанная территория, и Гарри старается не волноваться, когда съезжает с шоссе в маленький городок под названием Кроус-Лендинг, или Пристанище вороны, чтобы заправить машину. В конце концов отец Мелани убедит его родителей, что ее похитили, и они заблокируют кредитные карты, но, пока этого не случилось, нужно пользоваться ими при любой удобной возможности. Гарри меньше опасается того, что их выследят, чем того, что закончится наличка, которую он по пути таскал из банкоматов и припрятывал, поэтому чем дольше они не трогают

неприкосновенный запас, тем лучше.

И все равно Мелани вытаскивает двадцатку из лежащей в бардачке пачки и выпрыгивает из машины, как только он подъезжает к бензоколонке.

— Я сейчас! — весело кричит она, а потом бежит — бежит! — к магазинчику.

Гарри замирает и глядит ей вслед, сам едва это осознавая, но вот Джек тыкает его в плечо:

— Эй, влюбленный мальчик, смотри, чтоб глаза не вывалились.

— Просто приятно видеть, как хорошо она себя чувствует — даже бегает, — беззлобно отвечает Гарри, отворачивается, выбирает нужную марку бензина, снимает насос. Проведя кредитной картой, убеждается, что та все еще действует и можно заправляться. Гарри откручивает колпачок бензобака, вставляет насос, и буквально через один удар сердца его окатывает тошнотворным жаром.

Будто раскаленная на солнце мостовая посреди лета, будто июльские костры, хотя для них совсем не время; Гарри поворачивается посмотреть, что это, и тут же получает бейсбольной битой в лицо, и мир меркнет.

* * *

Мелани стоит возле кассы с коробкой-сердечком в руках, и тут ей на глаза попадается стойка с чуть подвявшими розами. Она задумчиво смотрит на них, прикидывает стоимость конфет и стоимость цветов. Если купить и то и другое, придется возвращаться в машину и брать еще денег, выйдет не очень красиво, не как с той первой двадцаткой. Она хочет подарить Гарри валентинку, да, фактически он и так и так за нее заплатит, но первую двадцатку Мелани взяла, повинуясь порыву (вспомнила, что сегодня День святого Валентина, даже если они не празднуют как обычно). А вторая — это уже по расчету.

Мелани с сожалением решает отказаться от роз, кладет на кассу коробку с дешевым шоколадом и одаривает продавца улыбкой. Продавец уже не молод и слегка потаскан жизнью, в которой чего только не приключалось, и, даже подвернись Мелани такая возможность, она не чувствовала бы себя вправе об этой жизни расспрашивать. Но лицо у него доброе, и, когда он улыбается в ответ, обнажив пожелтевшие зубы, улыбка выходит искренняя.

— Что такая милая девушка делает в таком

месте в Валентинов день? — спрашивает продавец, не переходя тонкую грань между обычным вопросом и мерзким вопросом, которую очень легко перескочить; в его тоне слышится любопытство. Ему и правда интересно.

— Мой парень заправляет машину, а я решила ненадолго сбежать и купить ему конфет, чтобы отблагодарить за все, что он сегодня сделал. Он вел себя просто потрясающе, а вот я творила бог знает что.

Все было не совсем так, но для незнакомца в магазинчике подобная история вполне сгодится. Продавец улыбается еще шире и кивает на подвявшие розы.

— Надо бы вам ему букетик купить.

— Не могу. Больше денег у меня нет, а нам еще долго ехать, шоколадки ему больше понравятся.

— Да ладно, — улыбка продавца становится понимающей. — Валентинов день почти закончился — никто никаких цветов уже не купит. За счет заведения.

Он отдает ей сдачу — одиннадцать долларов и тридцать семь центов, — и Мелани сует пятидолларовую купюру в банку для чаевых, с широкой улыбкой бросает остальное в карман, свободной рукой подхватывает тот букет, что посвежее

прочих.

— Спасибо вам огромное, — весело щебечет она и поворачивается к двери.

Продавец радушно прощается с ней, завороженный собственной щедростью. Мелани выходит на пропахшую бензином заправку, в одной руке конфеты, в другой розы, подносит дареный букет к лицу и глубоко вдыхает аромат, а потом бежит к машине.

Из бензобака все еще торчит насос, крышечка болтается на пластиковом шнурке, а Гарри нет.

И Джек тоже нет.

На боковом зеркале капли крови, всего несколько, круглые и красные, словно розы, которые Мелани выронила на асфальт, их лепестки рассыпались, будто конфетти, скоро их унесет ночным ветерком. Глаза у Мелани широко распахнуты, она быстро прижимает ладонь к губам.

Но недостаточно быстро — с них успевает сорваться крик, хоть и чуточку приглушенный.

Мелани Косгроув стоит одна посреди раскиданных по асфальту роз и пытается понять, что же дальше.

Похищение

ПО КАЛЕНДАРЮ:

14 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

Почти пять минут уходит у Мелани на то, чтобы справиться с собой, в крови плещется адреналин, и ей хочется, размахивая руками, бежать непонятно куда, спрятаться в безопасном месте. Это желание борется с настолько же сильным желанием найти телефон Гарри и набрать 911 (телефон Мел они давно разнесли на куски, чтобы отец ее не нашел).

Перестав кричать, Мелани почти с отчаянием смотрит на магазинчик. Тот милый продавец, который волновался, почему она совсем одна вечером на заправке, снова читает журнал, не обращая внимания на разыгравшуюся снаружи маленькую драму. Он должен был хотя бы услышать ее крик. А если не услышал, значит…

Значит, Мелани снова проскользнула за краешек мира, и все, что здесь творится, происходит из-за столкновения сезонов. Она не чувствует

убийственного холода, предупреждающего о близости другого претендента на Зиму, но тот, кто забрал Гарри, совершил ошибку.

Он ведь забрал и Джек тоже.

В руке у Мелани все еще зажата коробка конфет, пальцы впиваются в картонку, оставляя глубокие вмятины. Она закидывает шоколадки через открытое окно на переднее сиденье, радуясь, что Гарри додумался сначала провести оплату кредиткой, вытаскивает насос из бензобака и вешает на место. Было бы, конечно, очень драматично уехать с заправки, не вытащив насос, но Мелани плохо водит, и ей совершенно не хочется мчаться наперегонки со взрывной волной. А еще не хочется испытывать на прочность невидимость, которая, судя по всему, возникает при взаимодействии с алхимическим миром.

Обойдя машину, она, словно в трансе, открывает дверь и садится за руль. Гарри не собирался далеко отходить от машины, поэтому, слава богу, оставил ключ в замке зажигания, Мелани пристегивается, подправляет под себя зеркало заднего вида и поворачивает ключ. Двигатель оживает.

Мелани на мгновение опускает голову, делает несколько глубоких вдохов, пытаясь сконцентрироваться на ночном воздухе, который пахнет

бензином, да, пахнет выхлопными газами с близкого шоссе, но еще — умирающей зимой и скорой весной. В ночном воздухе, в запахе далеких тающих снегов и пробуждающихся из спячки цветов Мелани чует свое будущее.

Калифорния дальше ушла в весну, чем ее любимый Орегон, и в глубине души Мелани гадает, как это повлияет на нее: есть ли где-нибудь место, где климат настолько не совпадает с календарем, что попасть туда — как снова войти в тот невозможный сад. Почти всю жизнь она знала, каково это — понимать, что скоро умрешь, упадешь и просто… пропадешь, исчезнешь в великом небытии спустя удар сердца, которое по-прежнему не бьется в груди. В Беркли она узнала, каково это — умирать иначе.

Когда она вошла в лето, то не рухнула в великое небытие, но мягко приземлилась в том лесу, куда попадает во снах, где на голых ветвях полно сов и сосулек. Если бы понадобилось, Мелани могла бы бродить там целую вечность. Мысль о том, что три месяца в году придется проводить в том лесу, расстраивает меньше, чем могла бы, а когда потом тот человек, Роджер, приказал ей вернуться к жизни, Мелани очнулась, еще ощущая запах метели, абсолютно уверенная в том, что они все

делают правильно, не больше и не меньше.

Она чует приближение весны, весна надвигается, словно товарный поезд, Мелани никак ее не задержать. Пока никак. Она смутно понимает, что когда-нибудь сможет задержать ее, если не отложить насовсем. Как только они проявятся, как только поймут, как вписаться в эту мудреную систему, то смогут гораздо яростнее противиться миру. Смогут что-то менять. Не полностью (сезоны — это миллионы движущихся частичек, и Мелани сомневается, что даже все Зимние и Летние короли и королевы, сколько их ни есть на свете, смогли бы до конца их понять), но понемногу, по необходимости.

Поэтому Мелани знает, как пахнут весна, зима и лето. Она закрывает окно, делает глубокий вдох и закашливается. В машине много дней безвылазно торчали три человека, ели, дышали, спали, пукали, и пахнет в ней соответственно. Пахнет долгим путешествием. Не самый приятный на свете запах. Но Мелани кое-что ищет, поэтому закрывает глаза и снова сосредоточивается.

И вот за запахом нынешнего сезона и сезона грядущего, за запахом снега и тьмы, застывших лесов, который будто исходит от нее самой, она находит искомое. Чуть более легкий оттенок

зимы, веселый и ветреный, не поверхностный, не совсем, но такой нейтральный, что выразить трудно. Так пахнет Джек.

Ее Джек.

Гораздо проще прикасаться к Зиме так, чтобы не тянуло вниз, когда обращаешься с ней как с внешней силой, с которой можно спорить и договариваться. Не с другом, пока еще нет, но с партнером. Мелани передает Зиме чуточку власти над собой и нажимает на газ, предоставив ей вести себя.

Через несколько секунд на заправке уже никого нет, только лепестки позабытых роз уносит ветром. Продавец найдет их, когда будет убираться перед концом смены, и задумается, что же случилось с той милой девушкой, которой он их подарил, почему ее парень выбросил такой хороший подарок.

Он не заметит кровавое пятно на асфальте, даже когда будет подметать лепестки и осколки.

И не вспомнит об этой встрече, до самой смерти не вспомнит… но отныне зимние ветра будут не так жестоки к его костям, холод будет меньше донимать его артрит. Продавец никак не свяжет эти два явления, да ему это и неважно. Зато важно зиме.

Зима всегда помнит.

* * *

Гарри медленно приходит в себя и открывает глаза, все расплывается. В голове звенит, во рту резкий медный привкус — вероятно, кровь, какие еще варианты. Гарри сидит на чем-то жестком — на стуле. Он хочет встать, но не может: не просто сидит — привязан.

Это совершенно меняет дело.

Вокруг темно, хоть глаз выколи. Рядом кто-то дышит. Гарри осторожно облизывает губы, чувствуя на языке кровь, и хрипло спрашивает:

— Кто здесь?

— Гарри, — в голосе у Джек облегчение. — Ты очнулся.

— Пока да.

Закрыть глаза и погрузиться в беспамятство — это, кажется, самое правильное решение. В комнате темно и тепло, даже сидя можно легко заснуть. Гарри снился прекрасный сон: залитый солнцем и усыпанный цветами и ягодами луг, и никакой боли. Совсем. Очень трудно не поддаться соблазну туда вернуться.

— Не отключайся, — почти умоляет Джек. Странно. Обычно она не умоляет. — Гарри, у нас

большие неприятности.

— М-мел здесь?

— Нет, когда нас схватили, она была в магазине, но, Гарри, мне нужно, чтобы ты сосредоточился. Оставайся со мной, не отключайся, сосредоточься. Сделаешь это для меня?

Мгновение Гарри обдумывает ее слова. В его нынешнем ошарашенном состоянии это будет трудно.

Только сейчас он понял, как холодно ему было эти дни. Даже печка не может обогреть машину, когда снаружи февраль, а внутри два аватара Зимы.

— Могу попробовать, — говорит он наконец, и это большое одолжение с его стороны.

Джек вздыхает с явным облегчением.

— Супер. Спасибо.

— Что с-стряслось?

— Я не чую претендентов на Лето так, как чую претендентов на Зиму. Вероятно, нам попался претендент на Лето, готовящийся стать серийным убийцей. Тебя огрели битой, меня вытащили из машины (сбежать я не успела), потоптались по мне, и я отключилась, — с легкой иронией отвечает Джек. — Это не первый раз, когда я пожалела о том, что такая мелкая, но уж точно

самый недавний. Будь я размером как ты, я бы этого урода приложила о мостовую два десятка раз за то, что напал на тебя. Зубы целы?

Вопрос неприятный, но Гарри уже давно играет в футбол и не первый раз его слышит. Не обращая внимания на привкус меди, он проводит языком по зубам и с облегчением понимает, что во рту все привычно, все на своих местах.

— Целы. Немного странно, что он мне челюсть не сломал, если так вдарил, что я отрубился, но пусть.

— Человеческое тело до нелепости крепкое и одновременно очень хрупкое, — отвечает Джек. — Двигаться хоть как-то можешь?

Гарри задумывается. Гарри пробует шевельнуться. У Гарри ничего не выходит.

— Не-а.

— Следовало догадаться. И я не могу. Этот мерзавец хорошо затянул узлы, и это почти так же обидно, как и тревожно. Знал же, что можно и не возиться. Он вот-вот вернется.

— Правда?

Может, и не вернется. Может, он сейчас ловит Мел для своей коллекции или ухлестывает за ней, чтобы она забыла Гарри и стала его Зимой. В таком случае его ждет неприятный сюрприз, и

Гарри на мгновение позволяет себе погрузиться в сладкие фантазии: бугай с бейсбольной битой подкатывает к Мелани и предлагает стать ее новым парнем.

Но фантазии становятся гораздо менее сладкими, когда Мел ему отказывает, и остаются лишь два варианта. И оба (один — он ударяет ее битой, и второй — она замораживает его до смерти) чудовищны и Гарри совсем не нравятся. Он трясет головой, но звон в ней становится лишь громче, а нахлынувшая следом волна боли окончательно смывает все фантазии.

Желудок скручивает.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — говорит он.

— Постарайся, пожалуйста, сдержаться. Если тебя стошнит, то и меня стошнит, и тогда мы оба будем сидеть здесь посреди зловонной лужи, от этого нам лучше точно не станет, а станет гораздо хуже.

— Все и так уже хуже некуда, не уверен, что бывает еще хуже.

— Я-то знаю, с чем у меня был последний сэндвич, — возражает Джек. — Поверь мне. Будет гораздо хуже.

Гарри верит и больше не спорит. Глаза посте-

пенно привыкают к темноте, а значит, какой-то свет здесь все-таки есть, хотя и такой рассеянный, что источник его определить невозможно. Окон не видно, только стены. Не видно и очертаний мебели, будто кроме тех двух стульев, к которым привязаны они с Джек, в комнате больше ничего и нет.

Внезапно свет становится ярче, но все равно непонятно, откуда он исходит, только глазам больно. Гарри морщится, зажмуривается, а потом чуть приподнимает веки.

По-прежнему рассеянный свет льется откуда-то сверху. Наконец-то становится ясно, в чем дело: стены и потолок сплошь укрыты полупрозрачным пластиком, и таким же пластиковым занавесом отгорожена небольшая комнатка внутри другого помещения, именно поэтому ничего толком и не видно. На полу тоже пластик. Когда Гарри ерзает на стуле, пластик шуршит, удивительно, как он раньше не заметил.

Но в голове по-прежнему бухает, а вокруг творится что-то непонятное и ужасное. Глянув на Джек, Гарри понимает, что она немного приврала: на одном глазу у нее фингал, на щеке окровавленная царапина (когда начнет заживать и появится короста, выглядеть будет жутко).

Придется купить ей консилер, иначе все решат, что Гарри и Мел избивают ребенка.

Если еще допустить, что им удастся выбраться живыми, а это не точно. Гарри снова окатывает кипящим летним жаром, в комнате становится слишком тепло, кожа сохнет, душно, невыносимо. Гарри старается по возможности дышать глубоко (нос у него забит, видимо, подсохшей кровью, как же здорово будет его прочистить, когда они выберутся), натягивает удерживающие его веревки.

В каком-нибудь боевике (Гарри хорошо это представляет) он бы сейчас их порвал, с триумфом вырвался на свободу, спас Джек и превратил в отбивную того типа, который их похитил. Но ничего подобного не происходит. Гарри закашливается.

По ту сторону пластикового занавеса шуршит. Гарри так быстро поворачивается на звук, что на мгновение его одолевает головокружение. Джек тоже поворачивается и морщится.

Пластиковый занавес отодвигается в сторону, и в образовавшуюся щель входит миниатюрная девушка в толстом белом свитере и лыжных штанах. Одета она так, будто собралась в лыжный поход в Саскачеван, а не находится сравнительно

теплой февральской ночью в Калифорнии в хорошо отапливаемом помещении.

Оружия при ней нет, и это явно не она огрела Гарри бейсбольной битой. Чуточку расслабившись, он говорит:

— Привет. Пока ты не начала истерить, можешь нас развязать? Мы сами не знаем, как здесь очутились, и нам нужно найти мою девушку… — Гарри по опыту знает: чем раньше упомянуть в разговоре Мел, тем быстрее девушка его возраста почувствует себя рядом с ним спокойнее, и это понятно — в нем росту больше шести футов, и похож он на кирпичную стену, которой вдруг вздумалось прогуляться. Футбол творит с физической формой настоящие чудеса, хоть и накладывает свой отпечаток.

Девушка смотрит на него в явном недоумении. Верхняя губа у нее приподнимается в гримасе отвращения:

— Фу! Будто я стала бы помогать тебе вернуться к девице, которая встречается с воплощением! Мерзость какая. Тебе не следует с ней встречаться. Она мерзкая.

— Лучше встречаться с тобой?

— Нет, тебе ни с кем не надо встречаться, потому что любая твоя девушка будет встречаться с

воплощением, а это мерзость, — она окидывает взглядом сначала Гарри, а потом и Джек. — Малявка — половинчик, да?

— Чего? — удивляется Джек.

— Ну знаешь: наполовину воплощение, наполовину нормальный человек, каким и должен принадлежать этот мир. Не такая мерзкая. И не его девушка, если только он не любит совсем маленьких и не слишком широко понимает значение слова «найти».

— Нет, я не его девушка, — соглашается Джек. — А если ты про все это знаешь, ты тоже не нормальный человек. Но к сезонам отношения не имеешь. Рискну предположить, что ты алхимик, а значит, зло во плоти. Угадала?

Девушка улыбается. Губы у нее тонкие, резкая улыбка словно разрезает лицо, доброты в этой улыбке нет ни грана. Ни одного.

— Ты мне нравишься больше, чем тот другой. С удовольствием посмотрю, что можно сделать с твоими кусочками.

— Другой? — переспрашивает Джек.

Девушка, все так же улыбаясь, переключает внимание на Гарри, даже не двинув головой.

— А ты, неважно, нравишься ты мне или нет, достанешься мне целиком. Вот все в ковене

обзавидуются, когда узнают, что мне удалось разобрать на части претендента!

— В ковене? — стонет Джек. — У нас тут что, сериал про Сабрину? Да ладно тебе, вот уже сотни лет нет никаких ведьм. Ты алхимик. Прояви хоть немного достоинства.

Девушка не обращает на нее внимания. И Гарри может ее понять.

— На твои кусочки я смогу выменять много чего, их хватит на много-много лет, и даже если им тоже удастся поймать претендента, ты очень поможешь в моих исследованиях, — она переводит взгляд на Джек, и улыбка сменяется суровым бесстрастным выражением. — А вот ты не такая ценная. Я знаю еще троих практикующих, которым удалось заполучить себе на стол половинчиков, рынок уже наводнен маленькими кусочками существ вроде тебя. Жатву я все равно устрою, просто мне будет не так приятно.

Джек плюет в нее.

В кино это всегда получается эффектно: пристыженный злодей с отвращением утирается. Но плевок Джек в основном попадает на пол, не долетев до цели.

Девушка мрачно провожает его взглядом.

— Надо бы заставить тебя пол лицом подте-

реть, — холодно говорит она, медленно переведя взгляд на Джек. — Возможно, так и сделаю, когда тебя передадут мне. Хороший способ научить тебя манерам, а там уже неважно будет.

Развернувшись, она выходит за пластиковый занавес, и до Гарри с Джек доносится ее крик:

— Мэттью! Они целиком в твоем распоряжении!

Гарри смотрит на Джек. Джек смотрит на Гарри. На них накатывает с ног сшибающее чувство обреченности.

Джек все-таки умудряется вздохнуть и почти беззаботно заметить:

— Терпеть не могу таких вот поп-алхимиков. Они даже хуже, чем те из Конгресса.

— Что?

— Американский алхимический конгресс — это такая заочная школа для алхимиков. В Конгрессе слишком мало народу, так что систематическое обучение организовать они не могут, и отношения «мастер — подмастерье» работают далеко не для всех, но Конгресс рассказывает алхимикам что и как. Официальная алхимия в основном базируется на симпатической магии. Видимо, именно поэтому у всех проектов Рида рифмующиеся имена и именно поэтому все служители

перестают отзываться на имена, полученные при рождении, почти сразу, как осознают свою природу. Мое старое имя перестало звучать так, будто принадлежит мне. С месяц я притворялась, а потом ушла, ведь в материном доме у меня не было особого выбора. Это как если бы кто-нибудь вдруг вздумал звать тебя Микеланджело. Ты мог бы откликаться на это имя. Но это был бы не ты.

Гарри хмыкает.

— Так ты уверена, что она алхимик?

— Когда она грозится разобрать нас на части и, вооружившись нашими берцовыми костями, подмазаться к своему ковену? О да. Разница между алхимиком и ведьмой — это как разница между супермаркетами «Хол-фудс» и магазинами «Все за доллар». У ведьм нет приличного образования, но они кое-как доходят до тех же самых понятий, если времени хватает, и любят делиться знаниями с товарищами. Я же говорю: поп-алхимия.

— Голова болит, — стонет Гарри.

— Странно было бы, если б не болела.

Отвечая на вопросы Гарри, Джек напряженно и внимательно вглядывается в пластиковый занавес. Трудно ее в этом винить. Гарри бы тоже был напряжен, если бы голова не шла кругом,

если бы он так дико не волновался за Мелани. Он не может ни на чем толком сосредоточиться, разве что легонько дергает веревки, пытаясь хоть немного ослабить узлы.

Ничего не выходит.

— Наверно, у тебя сотрясение, — встревоженно говорит Джек.

Она не несет за него ответственность, но с ним у ее претендентки больше шансов добраться живой до лабиринта, а Джек, наверное, ничего так в жизни не желала, как победы Мелани. Ей нужно спасти Гарри, если она хочет спасти Мелани, это она знает наверняка.

Снова шуршит пластик. Перед ними появляется миловидный юноша с каштановыми волосами, карими глазами и изящной бородкой. Во что одет — непонятно, потому что на нем большой холщовый фартук, а на руках толстые перчатки.

Но все меркнет в сравнении с пилой, которую он держит в руке и которой помахивает так уверенно, будто отлично умеет с ней обращаться и не испытывает по этому поводу ни малейших угрызений совести.

Вместе с ним появляется и то чувство — как от разогретого летним солнцем асфальта, и Гарри охватывает внезапное и почти нестерпимое

желание заехать ему в нос и лупить, пока не повылетают эти превосходные зубы, не раскрошится эмаль и не испортится прикус, за который парень явно немало заплатил ортодонту. Теперь гораздо понятнее, почему претенденты сражаются друг с другом: если каждый раз при встрече с другим претендентом на Летнюю корону Гарри будет чувствовать себя так, драки не избежать. Возможно, все дело в том, что негодяй оглушил его бейсбольной битой, но в этом желании есть и что-то более глубинное, более неизбежное.

Оно так же естественно, как желание дышать.

— Приветик, — парень смотрит на Гарри с легкой улыбкой. — Отречешься от короны?

Значит, по крайней мере, основы он выучил, даже если работает с недоделанным алхимиком. Еще неделю назад Гарри сам их не знал, не знал даже, что такое алхимики, и все равно он не может не ощущать некоторое превосходство рядом с этим парнем. Значит, у него есть алхимик-недоучка?

Ну и ладно. Отец Мелани — настолько искусный алхимик, что может сотворить человека, и, хотя он не то чтобы на стороне Гарри, такого не скинешь со счетов.

— Нет, это вряд ли, — чуть неразборчиво от-

вечает Гарри распухшими от удара губами. Кажется, никогда в жизни у него так не болела голова. — Корона моя и останется у меня.

— Понимаешь ли, она не твоя, пока не твоя, — отвечает парень — Мэттью. И поднимает пилу. — Ты можешь заявить свое право на корону, но это право тебе реализовать не удастся, поскольку для испытаний нужно добраться до лабиринта живым. Исходя из нынешней ситуации, у тебя это не получится. Но, если не возражаешь, я не хотел бы тебя убивать, пока ты еще претендент.

— А какая, на хрен, разница? — спрашивает Гарри.

Веревки не поддаются. Ему никак не освободиться. Это не боевик. Либо Гарри потянет время, чтобы Мелани успела их найти (вероятно, при этом ей придется глубже уйти в Зиму, хотя Гарри и не хочется размышлять об этом дольше необходимого), либо умрет здесь — его распилит на части человек с огромной костяной пилой, будь она неладна.

— Прямо сейчас ты связан с Летом, — терпеливо объясняет Мэттью. — Мисти это нравится. Она разошлась чуток, когда решила, что сможет покрошить Лето на кусочки и засыпать их в свои баночки для специй, чтоб жаркое приправлять,

а я бы не хотел потакать ее жуткому желанию захватить мир.

— Поверить не могу, что ты связался с алхимиком, — говорит Джек, словно ничего хуже и представить нельзя. — Думаешь, тебе это боком не выйдет?

— Нет. С чего бы? — Мэттью пожимает плечами. — Ты, маленький Зимний дух, не можешь мне указывать, с кем связываться, а с кем нет. Ты принадлежишь кое-кому другому. И с этим кое-кем я очень хочу познакомиться, когда она сюда доберется.

Гарри выпрямляет спину, натягивая веревки.

— Отвали на хрен от Мелани!

— Нехорошо ругаться, ты в курсе? — вид у Мэттью становится довольный, будто грубость Гарри каким-то образом оправдывает все то, что он уже сотворил и что еще только собирается сотворить. — Мелани, говоришь? Девчонка, наверное, огонь, — он довольно фыркает. — Хотя, конечно, скорее не огонь, а лед, раз уж она живое воплощение Зимы. Совсем не как та другая Зима, которая жила в наших краях.

Лицо у него мрачнеет, из-под добродушной маски проглядывает холодная жестокость.

У Гарри возникает страшная догадка: прошед-

шее время Мэттью использует вовсе не потому, что его Зиме удалось ускользнуть.

Снова шуршит пластик, и внутрь протискивается еще один человек. Он старше Гарри и парня с костяной пилой, который тоже выглядит лет на восемнадцать-девятнадцать, — незнакомцу около двадцати пяти, латиноамериканец, коротко стриженные темные волосы, фланелевая рубашка поверх тонкой белой футболки. Вид у него, в отличие от Мэттью или жуткой Мисти, беспокойный.

Джек замирает, а потом, прищурившись, с ненавистью смотрит на долговязого мужчину.

— Предатель, — говорит она так тихо, что Гарри едва удается расслышать в ее словах яд.

Но мужчина прекрасно все слышит. Вздрогнув, он спрашивает:

— А ты сама что бы сделала, если бы твой претендент вот так вот собирался победить?

— У моего претендента в руках нет пилы. Мой претендент участвует не для того, чтобы расчленять других людей. Она убьет, если понадобится, но не ради развлечения. А ты своему помог обустроить гребаную комнату для убийств, будто у вас сериал Брайана Фуллера, только не говори, что без этого было никак не обойтись.

Мэттью помахивает пилой:

— Ты начинаешь меня утомлять. Томми, сколько должно быть рук и ног у служителя, чтобы он справлялся с работой?

Мужчина громко сглатывает, и его кадык подскакивает, словно поплавок на воде. Гарри не может отвести взгляд. Что-то такое есть в этом человеке, который помогает их будущему убийце и так быстро навлек на себя гнев Джек, что-то такое, что заставляет вспомнить о доме и урожае, о безопасной гавани. Перед ним Кукурузный Дженни, как бы его ни звал другой претендент на Лето, это успокаивающее присутствие Гарри и должен был ощущать с самого начала путешествия.

— Томми? — уже резче повторяет Мэттью, и Кукурузный Дженни, оторвав взгляд от Гарри, оборачивается:

— Хм, касательно количества рук и ног никаких специальных требований нет. У первой Ледяной Джек, с которой я познакомился, не хватало двух конечностей, поскольку она участвовала в Первой войне в заливе, и тем не менее она смогла поддержать и обучить своего претендента.

— Превосходно, — говорит Мэттью. — Тогда отпилю ей руки, может, научится держать язык за зубами. А может, и язык отрежу — будет общаться

без помощи голоса и рук. По мне, так все одно.

Он подходит к Джек, дергающейся в своих путах. Кукурузный Дженни почти в отчаянии просит:

— Погоди!

Мэттью останавливается и спокойно смотрит через плечо на своего служителя. Тот, чуть приосанившись, говорит тем же отчаявшимся голосом:

— Ты обещал ее Мисти. Если сейчас ей навредишь, Мисти не обрадуется, а, как ты знаешь, злость она вымещает на мне. Пожалуйста, не надо ее злить, иначе она снова на мне отыграется.

Вид у Мэттью делается заинтересованный:

— Ты боишься моей сестры?

— У меня ведь есть чувство самосохранения, так что да, я в ужасе от твоей сестры. Она бы и тебя пригрозила разобрать на запчасти, если бы не боялась так сильно расстроить маму.

— Поэтому сестрица просто шантажирует меня и угрожает рассказать маме о моем прекрасном кабинетике, — Мэттью машет в сторону Джек пилой. — Мне она больше не нужна, разве что в качестве приманки для той другой, а я пока не уверен, что хочу иметь с ней дело. Будет гораздо лучше, если Зима явится сюда и увидит, что

ее Лета больше нет. Тогда мы сможем свалить вину за его смерть на Мисти, и она решит все наши проблемы одним махом, чу́дно, — он снова переводит взгляд на Гарри. — Ты, уж конечно, понимаешь, как мудро с твоей стороны будет отречься. Откажись, и я отпущу тебя.

— Нет, не отпустишь.

— Нет, не отпущу, — со вздохом соглашается Мэттью. — Мисти действительно хочет заполучить свою долю мясца, и я знаю, как тяжело ей было сдержаться и не срезать его с меня. Бедная малютка. Настоящее чудовище, знаешь ли. Гораздо более страшное, чем ты или я, по крайней мере, пока не доберемся до лабиринта. Как я понял, вы с вашей Зимой путешествуете вместе, потому что друг другу небезразличны? Она вышла из магазинчика с розами в руках, а нынче День святого Валентина, так что это неспроста.

Когда Гарри это слышит, сердце у него заходится. На прошлый Валентинов день он купил Мелани столько роз, что родители прочитали ему лекцию о неразумно потраченных карманных деньгах, а товарищи по футбольной команде потом долго проходу не давали, ведь он выставил их всех в невыгодном свете. А в этом году он ей даже шоколадки не купил.

Конечно, он сбежал вместе с Мел из дома и намеревался (и до сих пор намеревается) доехать до Алабамы, чтобы она осталась жива, но они дети капиталистического общества, и потому Гарри сложно не воспринимать отсутствие подарка как промах.

Наверно, все это угадывается по его лицу. Мэттью смеется.

— Она тебя обожает, не знаю, взаимно это или нет, и не станет связываться с другим партнером, пока ты жив. Для победы мне нужна Зима. А тебе нужно отречься, или я жуть что с тобой сделаю. С твоей точки зрения жуть.

— Отрекусь я или нет, ты меня все равно убьешь, — отвечает Гарри.

Если он отречется, Мелани умрет.

Поэтому он по-прежнему корчит из себя храбреца, даже если никакой храбрости при этом не ощущает. Если он умрет, пока они связаны…

Из-за связи с Мелани Гарри ушел глубже, он ее противовес, но именно из-за нее сам он так глубоко увяз в этом дерьме. Ни у кого из них в общем-то не было выбора. Если Гарри умрет, оставаясь претендентом, то, вполне возможно, Зима, которая медленно подавляет волю Мелани, просто перекинется на ближайшее доступное Лето.

А поскольку у ближайшего доступного Лета в руках костяная пила и он угрожает этой пилой Гарри, Гарри не очень-то нравится подобный расклад.

— Я не отказываюсь от своих прав на корону, — повторяет он медленно и четко. — Если убьешь меня, то убьешь претендента, и неважно, как это повлияет на твои обещания сестре. Ведь ты прав, моя Зима и я — мы вместе. Она моя девушка со средней школы. Ты ее получишь только через мой труп.

— Будет совсем затертый штамп, если я скажу, что это можно устроить? — спокойно спрашивает Мэттью. — Потому что это легко можно устроить.

— Хрень какая, словно два песика выясняют, кто во дворе главный, — стонет Джек, запрокинув голову и глядя на затянутый пластиком потолок. Она дергает руками, как будто ей хочется закрыть лицо, но они связаны. Теперь Джек кажется более спокойной, и Гарри никак не может решить, хорошо это или плохо. — Вы оба такие страшные и могучие, да? Необязательно гавкать друг на друга всю ночь напролет.

— Мэттью! — вопит откуда-то из-за пластикового занавеса Мисти, голос такой громкий и

пронзительный, будто она совсем рядом. — Мама велит тебе вынести мусор!

Мэттью окидывает Джек ненавидящим взглядом.

— Повезло тебе, что с родителями не поспоришь, — возмущенно фыркает он и широким шагом направляется к выходу.

— Гавкай-гавкай, — спокойно говорит ему в спину Джек.

Мэттью оглядывается, на его лице неприкрытая злоба.

— Ты еще пожалеешь, — это похоже на обещание, а не на угрозу. — Очень пожалеешь, что решилась мне перечить.

— Я уже привязана к стулу, а ты корчишь из себя чокнутого ученого и угрожаешь мне костяной пилой, — парирует Джек. — Вряд ли у тебя получится заставить меня пожалеть сильнее, чем я жалею прямо сейчас.

— Она права, — соглашается Гарри.

— Я бы на твоем месте не стал ей поддакивать.

— Мэтт! — вопит Мисти.

Мэттью со вздохом вручает пилу Томми:

— Сейчас вернусь. Глаз с них не спускай.

Он выходит, стягивая на ходу перчатки. Томми глядит ему вслед. Хлопает дверь. Джек открывает

рот. Томми качает головой и подносит палец к губам, так что она молчит, опасливо глядя на него.

Еще через несколько секунд Томми бросает пилу и подходит к пленникам.

— Вы понимаете, что он вас обоих убьет, — быстро и тихо говорит он. — Он уже убил двоих претендентов на Лето. Первую — в день коронации. Я даже не успел сказать моей девочке, что она началась…

— Так ты не был служителем Мэттью с самого начала? — спрашивает Джек.

— Нет. Я принадлежал девушке по имени Сандра. Из нее получилось бы превосходное Лето. Они вместе с Мэттью учились в старшей школе. Он нашел ее на танцах в честь Дня святого Валентина и удавил прямо посреди танцпола, когда понял, что никто не обращает на них внимания. А я не мог быть там рядом с ней.

— Почему?

— Это же старшая школа, — Томми тыкает в себя пальцем. — Я ее окончил четыре года назад, сезоны, конечно, нам помогают, но ничто не заставит толпу белых учителей пропустить совершеннолетнего латиноамериканского парня в школу. Я был с ней рядом, пока не выпустился, учил всему, что ей нужно было знать. Сандра и

раньше жаловалась мне на Мэттью, называла его школьным психом, говорила, что он на ней зациклился, но так и не поняла, что привлекала его потому, что они оба были претендентами на Лето. А потом началась коронация, она узнала его, а он увидел в ней соперницу. Не просто соперницу — она же не раз отвергала его. Вот он и отомстил под какую-то жуткую танцевальную песенку, я почувствовал, как она умерла, но не мог ее спасти. Не мог даже войти в школу — сразу бы охране попался.

— А у него не было своего служителя? — спрашивает Джек.

— Его Кукурузный Дженни давным-давно уехал. Ему хватило ума понять очевидное, еще когда Мэттью был ребенком. Он предупредил нас, что в округе живет потенциальное Лето и ему нельзя доверять, так что мы и близко не подходили.

— Все это… Странно, что в таком маленьком городке целых два Лета, — удивляется Джек. — Сколько вас тут?

— Сперва он жил в Сакраменто, — Томми морщится. — Их семья часто переезжала. Наверняка догадываетесь почему.

— Вероятнее всего, детишки устраивали под-

жоги и до смерти пытали зверюшек, — ворчит Джек. — Ладно, допустим, я тебе верю. Мэттью убил твоего претендента, и твои обязанности перешли на него. А второе Лето?

— На автобусном вокзале. Видимо, он ехал в Техас со своим служителем. До них дошел слух, что лабиринт на юге. Мэттью перехватил их до того, как они сели в автобус, но похитить их было никак нельзя. Трупы пришлось бросить. Мисти чуть не лопнула со злости. Вот уже многие годы она трудится, чтобы стать, как она это называет, «настоящей ведьмой», а тут не только выясняется, что старший братец в будущем будет гораздо могущественнее нее, так он еще убивает людей и ничего ей не приносит.

— Он раньше убивал? — вырывается у Гарри.

Томми неверяще смотрит на него.

— Фу, — морщится Гарри.

— Я же сказал, они часто переезжают.

— Чтобы получился алхимик, требуется очень долбанутая семейка, — говорит Джек. — Ладно, чтобы вынести мусор, времени много не надо. Давай-ка развязывай нас.

Томми удивленно моргает.

— Не собираюсь я вас развязывать. Если пойду против Мэттью, он и меня прикончит. Он уже

убил двоих претендентов и одного служителя. Не хочу быть следующим.

— У меня нет служителя, — торопливо говорит Гарри. — Развяжи нас, и сможешь пойти со мной. Он не убьет тебя, если не найдет.

На мгновение кажется, что Томми готов поддаться соблазну.

— Не уверен…

— Мы будем звать тебя настоящим именем, — говорит Джек. — Дженни.

Томми дергается, будто от удара статическим электричеством.

— Я знаю, старое имя больше тебе не подходит; когда они тебя так называют, то будто обращаются к кому-то другому, — продолжает Джек. — Кем бы ни был тот Томми, он давным-давно пропал, и теперь есть ты, а они не уважают того, кто ты есть. Может, ты и оставался Томми, когда была жива Сандра, но потом случилась коронация. И теперь сезоны распространяют свое влияние на тех, кто им служит, и с каждым днем ты все больше Кукурузный Дженни и все меньше Томми. Так будет и дальше. И будет только хуже — тем быстрее, чем ближе коронация.

Томми и Гарри удивленно таращатся на нее. Джек мрачно смотрит на Томми.

— Раньше ты ничего такого не говорила, — изумляется Гарри. — Почему ты раньше ничего такого не говорила?

— Потому что с Мел такого не происходит, и со мной такого не происходит. Мой сезон заканчивается, а ваш скоро начнется. Мел уже так тесно связана со снегом, что ее практически можно назвать воплощением, коронация — простая формальность, которая должна доказать, что она этого достойна. А вот вы — вам есть куда падать. До дна еще очень далеко, особенно если никогда не нырял.

— Не уверен, что смогу, — говорит Томми.

Джек пожимает плечами.

— Ну и ладно. Я могу поработать ныряльщицей за нас обоих.

Где-то на улице раздается гудок, громкий и резкий, как старинный клаксон. Гарри поворачивается, пытаясь сдержать радость. Трудно. Ведь он хорошо знает этот звук, сам много раз нажимал на гудок после того, как они с отцом впервые выехали со стоянки в большой мир.

Мел здесь.

Радость умирает почти так же быстро, как и появилась, желудок болезненно скручивает.

Мел здесь. Теперь до нее может дотянуться это

безумное Лето и его чокнутая сестрица-алхимик.

Томми торопливо подходит к стульям.

— Я вас выпущу, — говорит он, но Гарри смотрит на него с опаской. — Выпущу. Верь мне.

— Не очень-то у меня много поводов тебе доверять, — сомневается Гарри.

— Я не мог ничего поделать, пока Мэттью был в комнате, — Томми дергает за веревку, вроде бы выглядит это нелогично, но потом Гарри понимает: он пытается ослабить узлы, чтобы их проще было развязать. — Когда он убил мое Лето, то заявил на меня права. Прямо сейчас я его служитель. И не могу пойти против него, с таким же успехом можно взбунтоваться против собственной руки — ничего не выйдет. Но если ты заявишь на меня свои права… — он развязывает Гарри, а сам смотрит на него с неприкрытой надеждой.

— Ладно, мы так и сделаем, — обещает Джек. — Нам просто нужно прокрасться мимо этого смертельно опасного психа и выбраться отсюда. У тебя есть идеи, как отыскать его первого Кукурузного Дженни?

— Нет, не особенно, — отвечает Томми. — Я просто знаю, что он сбежал, а раз Мисти жалуется, что мне ей жалко даже пальчик с ноги отдать,

значит, Мэттью его не поймал. Если бы я понимал, насколько Мэттью опасен, сбежал бы еще до коронации. И не болтался бы поблизости, но после смерти старой Летней королевы начали действовать правила.

Гарри медленно кивает.

— Если он уже убил одного Дженни, то ты в такой же опасности, как и все мы…

— Теперь ты понимаешь, — с усмешкой говорит Томми, расправившись с первым узлом. Гарри вытягивает руки, машет ими, двигает плечами, пытаясь восстановить кровообращение. — Мэттью — злобный маленький гаденыш и не видел в других людях людей, даже когда еще не понимал, что он и сам не человек. А теперь он собирается стать живым Летом — думает, тогда на людей и вовсе можно будет наплевать. Мисти пока в относительной безопасности только лишь потому, что она такая же кровожадная, а Мэттью знает: свой алхимик дает преимущество. Не шевелись, я ноги развяжу.

Гарри, которому и в голову не приходило, что в этом диком состязании алхимик может быть преимуществом, хмурится и замирает, чтобы Томми удобнее было развязывать ноги. Тот отбрасывает веревку, а Джек подпрыгивает на собственном

стуле, натягивая путы.

— Эй. Теперь меня развяжи!

Томми медленно распрямляется, не сводя взгляда с Гарри.

— Пожалуйста, — просит он. — Заяви на меня свои права как на служителя. В тебе больше Лета, чем в Мэттью. Если ты заявишь права, у меня не будет выбора. Мне придется остаться с более сильным претендентом.

Гарри неприятно думать, будто он владеет живым человеком, словами не выразить, насколько ему не нравится эта идея и почему от нее так воротит. Но все же он не может не видеть отчаяние на лице Томми, не замечать, как взгляд темных глаз то и дело в тревоге обращается на прореху в занавесе. Руки теперь свободны, но их колет. Гарри кладет одну Томми на плечо, стискивает его, удерживая на месте.

— Я Гаральд Марч, я Летний король, воплощение сезона, и я заявляю на тебя права как на моего Кукурузного Дженни, ты должен служить восходящему сезону, — говорит он. — В грядущем, когда я получу корону, ты встанешь рядом со мной и будешь моим глашатаем, — Гарри убирает руку и удивленно моргает. — Понятия не имею, откуда взялись эти слова. Прости. Освобо-

ди, пожалуйста, Джек.

— Сию секунду, — говорит Дженни — говорит Томми — говорит *Дженни*.

Неожиданно мысленно называть его «Томми» стало невыносимо и болезненно — с тем же успехом можно мысленно называть маму или Мелани «тварью». Это слово ему не подходит и никогда не подходило. Это вообще не имя.

Джек задумчиво смотрит на Гарри, пока Дженни ее отвязывает. Когда они встречаются взглядами, девчонка одобрительно кивает.

— Эти слова подсказала та часть тебя, которая только что пробудилась, которая взывает к солнечному свету так же, как Мел взывает к снегу. Их подсказало Лето. Для тебя все это вновь, ты ведь плотское создание из самой что ни на есть плоти и крови, но Лето знает, что делает. Иногда просто нужно ему позволить.

Снаружи доносится грохот, как будто пустой бак для мусора катят обратно к стене. Джек резко поднимает голову, плечи ее напрягаются. После того первого автомобильного гудка больше не было никаких признаков Мелани; пока не раздался грохот, вообще было тихо. А Мелани дала врагу отпор в том мотеле.

Дала отпор, потому что рядом был Гарри: она не

хотела, чтобы ему причинили вред. А теперь она одна, и совершенно непонятно, что́ то другое Лето говорит или делает. Может, пытается убедить Мел, что Гарри уже мертв и ей нужно поменять партнера.

Та часть Гарри, которая знала, как предъявить права на Дженни, знает и то, что Мелани может отказаться от него и взять себе в качестве потенциального спутника другое Лето. А еще знает, что этого пока не произошло. Не самая приятная на свете вещь — знать что-то, хотя тебе об этом никто не говорил, будто где-то в мозгах ползают муравьи, деловито вытаскивая на поверхность кусочки ментального сахара.

Дженни успел развязать руки Джек. Она поднимает их над головой, наклоняется, чтобы помочь с узлами на ногах, и тут пластиковый занавес раздвигается и входит Мисти, хвостик у нее на затылке сердито подпрыгивает с каждым торопливым пружинящим шагом.

— Придется вам подождать, пока мой братец флиртует с этой блеклой белоснежкой-чирлидершей, — говорит она и только потом сподобляется посмотреть на них. Лицо у нее мрачнеет, в безжалостном, бесстрастном взгляде мелькает злобное торжество. — У-у, Томми, Мэтт на тебя очень-

очень рассердится, — радостный тон Мисти не вяжется с ее разъяренным видом.

Гарри встает, из-за долгого сидения ноги дрожат, но только чуть-чуть. Приятно знать, что благодаря своим тренировкам сейчас он способен двигаться.

— Его зовут Дженни, — спокойно говорит он. — Он мой служитель. И мне плевать, рассердится твой брат на нас или нет. Я сам на него зол.

Мисти достает из кармана стеклянный пузырек, полный темного бурлящего дыма. Очень похоже на реквизит из дешевого фэнтези-фильма, Гарри не может оторвать от пузырька взгляд. С того самого дня, как Мел упала на футбольном поле, а девчонка, едва окончившая началку, взяла за правило читать ему лекции о том, что магия существует и он имеет к ней непосредственное отношение, мир стал ужасно нелогичным. Все происходит на самом деле, хочет Гарри того или нет, и он смирился, пусть и вынужденно, но тем не менее.

Если не считать личный маленький снегопад Мел, этот пузырек — первое воочию увиденное Гарри доказательство, которое нельзя объяснить тем, что какие-то чудики затащили его в очень странную ролевую игру. Дым внутри двигается

не хаотично — он целеустремленно бросается от одной стенки к другой, будто больше всего на свете мечтает выбраться наружу.

— Знаешь, что это такое? — Мисти потрясает пузырьком, словно капитан танцевальной команды жезлом.

Дженни, который развязывал ноги Джек, замирает, Джек, которая пыталась стряхнуть веревки, замирает. По их реакции Гарри понимает, что этот дым, чем бы он ни был, очень-очень опасен, и они совсем не хотят, чтобы он вырвался на волю.

Гарри складывает руки на груди и смотрит на Мисти так, как давно выучился смотреть на девчонок, которые слишком уж рвутся утешить его после «неотвратимой» смерти Мелани.

Едва ли не единственное, что радует его в происходящем, — представлять их разочарованные лица, когда они узнают, что Мел больше не умирает.

— Нет, и сомневаюсь, что ты сама знаешь, — отвечает он. — Размахиваешь этой штуковиной, будто там что-то очень страшное, но, если бы там и правда было что-то очень страшное, ты бы обращалась с ней осторожнее и не трясла ею с криками: «Только посмотрите на меня, я настоящая злодейка из никому не известного аниме!»

Мисти прищуривается.

— Знаешь, а моему братцу вы в общем-то без надобности. Он вас сюда притащил только потому, что я захотела на день рождения твой труп.

— Какая мерзость, — говорит Гарри.

— А если это мой подарок, я могу с ним делать, что пожелаю, — злобно кричит Мисти, швыряет пузырек об пол и бросается к щели в занавесе. Прямо за занавесом она останавливается и смотрит сквозь прозрачный пластик, на лице у нее алчное выражение.

Но не такое алчное, как дым. Он клубами вырывается из разбитого пузырька, собирается в жуткое черное облако посреди комнаты — такое огромное облако никак не могло поместиться в такой маленькой бутылочке.

Дым не рассеивается, наоборот, собирается все плотнее и плотнее — явный предвестник грядущей катастрофы. Он похож на готовую к броску змею. Облако по-прежнему клубится, и Гарри готов поклясться, что из черноты проступают лица с провалами вместо глаз, с неустанно щелкающими алчными челюстями.

На лице Мисти почти такая же алчность, ее глаза горят радостным предвкушением. Джек выпуталась из веревок, они с Дженни в ужасе

жмутся друг к другу.

— Ты обещала брату меня не трогать! — кричит Дженни, как будто это и правда может помочь.

Мисти заливается безумным смехом.

— А ты обещал его не предавать! — кричит она в ответ. — Он гораздо важнее глупого сезонного служителя! Таких, как ты, многие дюжины, а Летний король всего один! Он победит и получит корону, а что будет с тобой — неважно!

Дым бросается на них. Он мгновенно окутывает Гарри, бурлит, кусает, в нем тысячи пастей с острыми как бритва зубами, миллион клыков. Если Гарри ничего не сделает, не найдет способ выбраться, его сожрут заживо всего за несколько секунд. Первое побуждение — бежать, но он знает, что это не поможет; дым ведь обычно липнет. Об этом известно всякому, у кого есть знакомые курильщики. И кататься по полу тоже бесполезно: пламя не сбить, ведь Гарри не горит, дым приходит уже после огня.

Гарри не двигается.

Дым бурлит. Джек вскрикивает, громко, испуганно, как ребенок, на глазах у которого происходит нечто ужасное. Она всегда выглядела гораздо старше своих лет, и этот крик едва ли не страшнее самого дыма. Волшебство существует,

волшебство ужасно, и недостаточно принадлежать к волшебному миру, чтобы защититься от него. Джек — просто служитель. Если Гарри погибнет, что станется с ней?

Гарри не двигается.

Укусы дыма становятся болезненными, словно по коже снова и снова проводят наждачкой. Глаза Гарри закрыл, в основном для защиты. Он делает глубокий вдох и закашливается, потому что вместе с воздухом в легкие попадают частички дыма, потом поднимает руки, обращается внутрь себя, ищет то место, которое обрел в саду в Беркли, ищет всепоглощающее умиротворение и правильность, которыми преисполнился тогда под летним солнцем.

Сейчас не лето, во всяком случае здесь, но ведь он сам Лето, и впервые Гарри понимает разницу между этими двумя понятиями. Сам сезон преходящий. Он навязывает свою силу, да, но тут как с тем анекдотом, который всегда рассказывал отец, когда мама ругалась, что он в выходной вздумал выпивать перед обедом: где-то на свете сейчас пять часов. Что ж, где-то на свете сейчас лето, может, в Австралии, а может, в других далеких неведомых краях, куда Гарри, возможно, никогда не попадет. Став живым сосудом для сезона,

чего-то лишаешься — нельзя путешествовать, как всегда мечталось… Но Гарри просто мечтал показать Мелани весь мир, а она сама не особенно этим интересовалась. У Гарри будет Мелани. Будет Вид-на-замок. И будет кипеть в жилах солнечный свет.

Где-то на свете всегда лето.

Там, где Летний король, всегда Лето. Гарри не подчиняются метели и мрачные морозы, но он должен быть равным Мелани, иначе не сможет стать ее противоположностью, а значит, что-то такое в нем есть, особенно здесь и сейчас, во время коронации, когда он наконец-то получил собственного Кукурузного Дженни. Впервые живущий внутри него сезон стал цельным, и пусть в это время года он слаб, тем не менее он существует.

Мэттью и не подозревал, чем рискует, когда так дурно обходился со своим Кукурузным Дженни. Надо будет сказать Мел, чтоб была поласковей с Джек, хотя Мелани и так с ней ласкова. С самой первой встречи она всегда прислушивалась к советам девчонки и выполняла ее требования.

Гарри тянется руками к потолку — окровавленные пальцы выныривают из бурлящего облака — а потом резко опускает их, будто гася мяч. И

лето, неуместное и невозможное, летит за его руками, летит за руками Лета, и обрушивается на комнату горящей волной жара и ослепительного солнечного света. Дженни вскрикивает от радости и удивления. Джек тоже вскрикивает — от удивления, но не от радости, а скорее от ужаса, как маленькая девочка, приложившая ладошку к раскаленной плите.

Мисти визжит, высоко и пронзительно, но визг быстро стихает, возможно, она зажала рот рукой. А дым вопит сотнями и тысячами пастей, их завывания ненадолго сливаются в жуткий хор, а потом ослепительный свет, исходящий от Гарри, сжигает их дотла. Всего через несколько секунд дыма уже нет, комната снова пуста, там остались лишь они трое.

Со стен стекает оплавленный пластик. Он предназначался для того, чтобы стены не пачкались в крови, а не для того, чтобы устоять перед внезапной вспышкой неразбавленного солнечного света. Мисти отшатывается от поплывшего занавеса, который должен был защитить ее от ее же ужасов, лицо у нее красное, будто она зверски обгорела на солнце. Глаза широко распахнуты, в них плещется страх, на мгновение Гарри кажется, что Мисти смотрит прямо на него. Но потом

она стонет, и он понимает: Мисти вообще ничего не видит.

Разбираться, насколько этично ослеплять вспышкой того, кто только что пытался тебя убить, Гарри будет потом. Прямо сейчас ему есть о чем волноваться. Он резко разворачивается к Джек и Дженни, внезапно испугавшись, что навредил служителю Мелани, явив Лето в одной с ней комнате.

Девчонка цепляется за Дженни, уткнувшись лицом ему в живот; сейчас она выглядит на свой собственный возраст. Видимо, так они и стояли, пока Гарри боролся с дымом.

Не успели даже двинуться.

Дженни выглядит точно так же, как и до взрыва, кожа у него темнее, чем у Гарри, но он не обжегся и вообще с виду никак не пострадал. Встретившись взглядом с Гарри, он криво улыбается — значит, зрение не потерял.

Хотя бы Летний служитель цел. Гарри быстро подходит к ним. Он хорошо помнит, что сказала Мисти: Мэттью сейчас флиртует с Мелани. Больше всего на свете Гарри хочется выбежать на улицу. Но теперь он знает, что его собственные победа или поражение напрямую зависят от того, есть ли у него верный служитель; что бы

асценденты обычно ни делали для своих сезонов, теперь, когда коронация в самом разгаре, их роль гораздо важнее. Ему нужен Дженни. Ему нужно победить. Ему нужно, чтобы победила Мелани, а значит, ей нужна Джек.

Оттолкнув Дженни, Джек поворачивается к Гарри. Не обожглась. Он сразу это видит и испытывает такое облегчение, что едва не плюхается на стоящий позади стул (слава богу, он не горит — никаких таких глупостей).

— Ну и? — грозно спрашивает Джек. — Что ты топчешься здесь, как идиот? Беги за нашей девочкой!

— Берегитесь алхимика, она все еще там, — предупреждает Гарри.

Губы Джек растягиваются в беспощадной улыбке. Пусть только Мисти попробует что-нибудь выкинуть, последствия ей совсем не понравятся.

Только это Гарри и было нужно, чтобы со спокойной совестью их оставить. Развернувшись к оплавившемуся занавесу, за которым стоит Мисти, он срывается в бег. Они постоянно так делают на тренировках. Если она не отойдет, ей не поздоровится, но прямо сейчас Гарри плевать. Ему самому из-за нее не поздоровилось. Бесчисленные крошечные порезы кровоточат, они не

пропали вместе с дымом. Кровь на коже и одежде подсохла, спасибо Лету, но раны при этом не исцелились.

Несущиеся футболисты топают, как носороги. Мисти не видит, зато слышит: в последний момент она делает шаг в сторону, и Гарри проскакивает мимо, не зацепив ее. Но не останавливается. О ней позаботятся Джек и Дженни, Мисти собиралась разрезать его на кусочки, так что ее судьба Гарри не очень-то заботит.

Как он и подозревал, пластиковая комната для убийств обустроена внутри отдельно стоящего гаража. За занавесом пустое пространство фута в три шириной, там валяются садовые инструменты, стоят картонные коробки, и больше ничего нет. Интересно, трудно ли было Мэттью и его сестрице убедить родителей отдать гараж в полное их распоряжение и вынести оттуда скопившийся хлам. Гарри и представить не может, что родители знают, что детки соорудили себе комнату для убийств; а если знают, то ситуация гораздо хуже, чем он думал, ведь семья, расчленяющая туристов, способна учинить жуткую бойню.

Дверь не заперта. Гарри со всей возможной скоростью проскакивает в нее и вылетает на заросший травой и засаженный кустами дворик.

Все залито лунным светом, на окнах приземистого одноэтажного дома-ранчера играют лунные блики, гараж действительно стоит отдельно, лунный свет отражается от капота припаркованной возле крыльца машины и еще одного автомобиля у тротуара, гораздо более нового и чистого, такого знакомого.

Возле водительской двери стоит Мелани, на лице у нее отчетливая беспримесная ярость. Кажется, она готова убивать. Между Гарри и машиной стоит Мэттью, руки в карманах, вид абсолютно спокойный.

Гарри сложно представить, что Мэттью не почувствовал, как он только что призвал Лето. Допустим, Мел этого не ощутила (он сам не почувствовал, когда она призвала Зиму в мотеле, сезоны у них противоположные, так что тут нет ничего необычного), но, если Гарри удалось призвать так много Лета настолько близко от другого претендента, и тот ничего не заметил, значит, система гораздо более автономная. Гарри останавливается, под ногами чавкает грязная земля.

— Эй, придурок, — выкрикивает он, не так громко, чтобы разбудить обитателей дома, но достаточно громко, чтобы его услышали.

Мелани оборачивается, ярость на ее лице сме-

няется сначала облегчением, а потом ужасом, когда она понимает, что Гарри весь в крови.

Выкрикнув его имя, она бросается бегом вокруг машины.

И тут наконец Мэттью отмирает. Он не бежит к Гарри, Гарри как будто и вовсе тут нет. Мэттью бросается Мелани наперерез и хватает ее за плечи, вынудив остановиться.

Они почти одного роста, но Мэттью достаточно крепко сбит, чтобы удержать ее.

Мелани рвется из его рук, но он лишь сжимает пальцы, не пуская ее.

— Я же тебе говорил, — тихонько объясняет он. — Твой паренек отрекся от короны. Он тебе не поможет.

— Ничего такого я не делал, — Гарри подходит ближе. — Я не стал отрекаться, этому идиотскому провинциальному недоделку ни черта не удастся заставить меня бросить мою девушку и отказаться от нашей цели.

— У идиотского провинциального недоделка больше шансов на победу, чем у тебя, — Мэттью не спешит отпускать Мелани. — У меня больше преимуществ. У меня есть Кукурузный Дженни. И алхимик. Тебе нечего ей предложить.

— У тебя был Кукурузный Дженни. И, вполне

вероятно, был алхимик, поскольку я оставил ее наедине с двумя нашими служителями, а они очень на нее злы.

— Мисти? — в голосе у Мэттью наконец-то появляется неуверенность.

Вырывавшись из его хватки, Мелани бежит прямо в распахнутые объятия Гарри. Он обнимает ее покрепче, наслаждаясь знакомым запахом розового мыла, в котором (как будто так было всегда) чувствуется легкий аромат снега.

— Гарри, — почти всхлипывает она. — Я вышла из магазина, а тебя нет, тебя нет, а на земле кровь, и Джек тоже нет, я испугалась, что случилось что-то ужасное…

— Со мной все хорошо.

Мэттью морщится, услышав, что его назвали «чем-то ужасным». Время от времени он оглядывается на гараж, вероятно, ждет появления сестры. Гарри думает, что ждать придется долго, очень долго. Он все еще чувствует пузырящееся в жилах Лето, игристое, словно шампанское, какое облегчение, что Мелани не отпрянула от него. Она не такая холодная, как обычно, уютно и тепло устроилась в его объятиях, как всегда, как и должно быть.

Они снова уравновешивают друг друга. Они

снова друг другу равны. Это чудесно, хоть и до странного болезненно, потому что означает, что они оба потеряли связь с тем миром, который знали всю жизнь. Теперь у них такая вот реальность. Пути назад нет.

От этой мысли немного больно, ведь Гарри окончательно понимает: до происшествия в гараже он еще мог вернуться. Ему только и нужно было найти в себе силы бросить Мелани, и он бы вернулся в яркий солнечный мир, который, как он всегда верил, в один прекрасный день стал бы принадлежать ему. Мелани изначально была потеряна, а вот он… Он решил потеряться сам.

Есть разница. Хоть Гарри и не хочется этого признавать, разница есть.

Гарри отстраняется от Мелани, держа ее руками за плечи, мрачно глядит на нее, а она глядит на него. Мел еще раз ахает при виде его окровавленного лица, поднимает руку и осторожно гладит кончиками пальцев его щеку.

— Прости меня, — шепчет она, полностью позабыв про Мэттью. Гарри испытывает неуместный приступ радости, осознав, что он единственный парень в мире, которого Мелани по-настоящему видит, даже если его соперник тоже связан с Летом и тоже смог бы уравновесить растущий в

ней холод. — Он тебя ранил.

Она поворачивается к Мэттью, и тот, кажется, не рад, что про него наконец вспомнили. Мелани прищуривается, и Гарри чувствует, как она холодеет под его руками.

— Зря он причинил тебе боль.

— Да, зря, — соглашается Гарри, пытаясь отвлечь ее внимание. — Но тут в основном виновата его сестра, Мисти. Она алхимик.

— Алхимик? — Мелани не сводит взгляда с Мэттью и становится все холоднее. — Как мой отец?

— Видимо, она не такая искусная. Твой отец никогда не натравливал на меня поедающий заживо дым, — хотя несколько раз ему, наверное, очень хотелось это сделать, но Гарри готов списать это на треволнения родителя больной девочки, который только что узнал, что у нее есть парень. Возможно, неприязнь к Гарри была единственным нормальным чувством в жизни Роланда Косгроува. — Она работала вместе с братом, они нападали и на других претендентов. Кстати говоря.

С некоторым сожалением Гарри отпускает Мелани и поворачивается к Мэттью. Тот успел где-то скинуть нелепый фартук (видимо, оставил

в доме, когда отправился выносить мусор), и в руках у него ничего нет. Сейчас он не вооружен.

И внутри у него меньше Лета, чем у Гарри. Пока один претендент не получит корону, сезоны отдают силы и забирают силы, и раз в Гарри сейчас столько Лета, Мэттью мало что осталось. Хорошо. Гарри не из тех футболистов, которым нравится задирать противников послабее, он всегда старался не запугивать людей, а заботиться о них, но сейчас он расправляет плечи, вертит туда-сюда головой, так что щелкают позвонки, и, напустив на себя внушительный вид, делает шаг к Мэттью. Тот крепко сложен и, вероятно, сумеет постоять за себя в драке, но большим ростом не отличается, и плечи у него совсем не «футбольные». Гарри уверен, что одолел бы его и в честной драке, а поскольку Лето сейчас так разбалансировано, драка не будет честной.

Мэттью отступает, но не бежит.

— Что ты сделал с сестрой? — грозно спрашивает он, по-прежнему изображая превосходство, будто все идет как задумано.

— То же, что сделал ты. Оставил ее одну в компании двух разозленных служителей, сочтя, что она сумеет о себе позаботиться. Это было уже после того, как она швырнула в меня свой кусачий

дым. Мне не очень-то понравилось.

Позади ахает Мелани, коротко и отрывисто, потом раздается шлепок — это она прижала ладонь к губам. Аханье удивленное, а не испуганное, и Гарри не оглядывается — продолжает наступать на Мэттью.

— И сейчас, видимо, лучше всего поступить так, как поступил ты. Я хочу услышать, как ты отрекаешься от короны, и хочу услышать это прямо сейчас.

Тихонько хлопает дверь. Гарри надеется, что это дверь гаража, а не дверь дома.

Родители, вероятно, до сих пор считают Мэттью и Мисти невинными детьми, хотя, насколько Гарри известно, невинные дети не обустраивают комнаты для убийств. Он представляет себе парочку шестилеток, понавесивших в гараже столько пластика, и едва сдерживает улыбку.

К тому же комнаты для убийств у них больше нет. Наверное, когда там все оплавилось, пропали и улики, но Мэттью и Мисти придется как-то объяснить весь этот бардак.

Мэттью храбрится и качает головой.

— Нет. Я не отрекаюсь от своего права на корону, и ты не сможешь меня заставить.

— Дружок, по-моему, ты не понимаешь, по ка-

кому тонкому льду расхаживаешь прямо сейчас.

Разумеется, ни по какому льду они не расхаживают — просто стоят на грязной пожухлой февральской траве. Гарри это кажется добрым знаком. Если бы Мелани сильно расстроилась, трава наверняка бы покрылась инеем, и им бы пришлось снова вытаскивать Мел из глубин Зимы.

Теперь он понимает, как легко ей падать в сезон. Понимает отчетливо, до боли, потому что его собственный сезон яркой нитью тянет его в будущее, сулит целый мир, пусть только Гарри примет его в свое сердце, прижмет покрепче и будет гореть, гореть, гореть. Его не создавали специально для этого, он просто таким родился, и все равно ему трудно противиться. А Мелани, наверное, уже пристрастилась к холоду.

— Я должен отречься искренне, — говорит Мэттью. — Я надеялся, что, испугавшись за свою жизнь, ты сделаешь это искренне, откажешься от короны; я не знаю, убил ли ты мою младшую сестренку. Если она мертва, мне нужно за нее отомстить. Если нет, то, стоит мне отречься, я лишусь защиты перед ней, а она определенно жаждет разрезать меня на кусочки. Так что я и так и так мертвец.

— Приблизительно то же ты предложил и мне.

Позади раздаются шаги. Гарри слышит, как взвизгивает Мелани, как смеется Джек, видимо, девчонки обнимаются. Снова шаги, и вот уже рядом стоит Дженни. Гарри оглядывается: на Дженни крови нет.

— Она мертва?

— Без сознания, — отвечает служитель. — Я ударил ее со всей силы, она упала, но все еще дышит.

— Хорошо, — Гарри снова поворачивается к Мэттью. — Отрекись.

— Нет, — на губах у Мэттью появляется холодная улыбка. Гарри внезапно понимает, что́ он собрался сделать, и спустя один удар сердца Мэттью и правда набирает в грудь побольше воздуха и вопит: — Мама! Возле дома какие-то люди! По-моему, они покалечили Мисти!

Вдалеке лает собака. В доме разом зажигаются все лампы, что-то громыхает, распахивается дверь. Выругавшись, Гарри мчится к своей машине, надеясь, что и остальные не отстают. Так и есть. Все четверо запрыгивают в салон, Мелани не спрашивает, почему Дженни едет с ними, из дома выбегает мужчина, очень похожий на Мэттью, с ружьем в руках.

Гарри жмет на газ, и они летят по улице со всей скоростью, на которую только способен бедный двигатель. Мэттью так и стоит посреди лужайки, он все еще претендент, но сейчас ему придется объяснять родителям, что случилось в гараже и почему его сестра валяется без сознания, так что он вряд ли доставит много хлопот.

Гарри на это надеется.

Гарри едет вперед.

После драки

ПО КАЛЕНДАРЮ:

14 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

— Гарри, теперь можно помедленнее, — Мел кладет руку Гарри на плечо.

Пальцы у нее снова холодные, но не ледяные, Гарри ощущает человеческую руку, не покушающуюся на его Лето. Мел тает. Гарри не остывает. Это должно бы его встревожить. Но перед ним длинная прямая дорога, скоро они снова окажутся на шоссе и поедут на юг, потом свернут на восток, к лабиринту, к коронам.

Гарри не осознавал этого раньше (не мог осознать, потому что ему не разъяснили все как должно), но ему и не нужны были Роджер и Доджер, чтобы понять, куда ехать. Нужно было просто соединиться со своим сезоном. Теперь он знает, куда направляется. Даже если бы они лишились машины, дошел бы пешком. Лабиринт взывает к нему: приди и получи то, что причитается тебе по праву рождения, первым надень

Летнюю корону — и Гарри убьет любого, кто помешает ему туда добраться, любого, кто встанет у него на пути.

Мел знала. Мел уже была связана со своим сезоном и еще до того, как им сказали, знала, что на востоке зажегся маяк, призывая сезоны домой. Просто не могла не знать. Гарри оглядывается на любимое лицо, бледное на фоне темного салона, и чувствует вспышку гнева, так сильно на Мел он никогда в жизни не злился. Это его Мелани, его лучший друг, его девушка, а теперь и его Зима, противовес огню, пылающему у него внутри, словно проклятие, ей не положено его предавать. Ее предательство ранит так, что и словами не выразить, не представить. Им положено действовать сообща, но Мел ему не сказала.

Вид у Мелани делается встревоженный, она видит во взгляде Гарри гнев, но руку не убирает.

— Гарри? Милый, ты в порядке?

В ответ он лишь молча давит на газ.

Дженни выглядывает между сиденьями, как это раньше делала Джек, и говорит:

— Там в гараже он призвал к себе Лето и до сих пор одержим им. Возможно, он не сразу придет в норму.

Мелани поворачивается к нему.

— Кто ты такой? — она не требует ответа, скорее умоляет: пожалуйста, пусть все снова станет понятным; но почему-то это не помогает, хотя должно.

Гарри не может избавиться от мысли, что у нее вообще нет права спрашивать о чем-либо его служителя, ведь у нее так долго был служитель, а у Гарри — никого, только сплошные вопросы и невнятные ответы. Что он вообще здесь делает? Сидел бы в безопасности дома в своей комнате, на своей кровати, если бы не она…

Но тогда он не слышал бы сейчас звонкого, как пение сирены, зова лабиринта, который торопит, толкает на самый короткий путь в будущее. Может, Мел и втянула его в историю, которой он с легкостью мог избежать, но теперь Гарри здесь и хочет остаться.

Хочет остаться так сильно, что не может даже представить, что можно ослабить хватку, пусть даже самую чуточку, даже чтобы вернуться к ней.

— Кукурузный Дженни, — голос у Дженни извиняющийся. — Я был служителем того придурка (его зовут Мэттью, и очень жаль, что мы его не убили, рано или поздно это нам аукнется), но твой парень заявил на меня права. Так что теперь

я работаю на него. Буду помогать ему, направлять в сторону лета.

— Он моя противоположность, — весело поясняет Джек, в ее голосе такая радость, что Мел, позабыв про свои подозрения, обмякает на сиденье, хотя руку с плеча Гарри не убирает, и тревога с ее лица никуда не уходит.

— Хорошо, — говорит она. — Значит, он теперь с нами?

— Тебе что-то не нравится? — огрызается Гарри. — Тебе можно служителя, а мне нет?

Мел отдергивает руку так быстро, будто наконец почувствовала исходящий от Гарри жар, как он чувствовал ее холод, прижимает к груди и потрясенно смотрит на него широко открытыми глазами. Джек пихает Дженни локтем в бок:

— Хотел быть служителем — так служи. Убеди его, что нам сейчас нужен человек, а не шар из раскаленного газа за рулем гибрида.

Дженни непонимающе смотрит на нее. Джек стонет.

— Когда Мелани слишком глубоко погрузилась в Зиму, мне пришлось уговаривать ее вернуться, он не смог ее вернуть. Ты, наверное, никогда не встретишь другую такую парочку, как эти двое — они нелепо, нереально, по уши влюблены, но

Гарри не смог стать тем якорем, который удерживал в Мелани человека. Это моя работа. И твоя.

— Но Мэттью никогда… В смысле, я не… Я не знаю как.

— И я не знала, а потом взяла и сделала. Прямо сейчас он там, где ему хорошо и безопасно, где не нужно сомневаться в том, кем он себя считает. Надо, чтобы кто-то помог ему оттуда вернуться. Скажи ему, чтобы вернулся.

Дженни молчит. Гарри, который слушал весь этот диалог издалека, оттуда, где все это не имеет значения, не сводит глаз с дороги.

— Или не говори, — предлагает он. — Теперь я вижу лабиринт. Понимаю, куда нам ехать, а раньше не понимал. Мне так хорошо. Мое состояние вовсе не проблема.

— В некотором роде проблема, потому что сейчас еще не твой сезон, а ты проявляешься с такой силой, что деревья вот-вот поверят, — возражает Джек. — Еще немножко лета к себе притянешь и погубишь весь урожай артишоков.

Гарри не очень понимает, почему его должны волновать артишоки, но ему нравится пылающий внутри огонь. Он хочет, чтобы так было и дальше. Поэтому качает головой, не отводя взгляда от дороги, и едет. Если верить навига-

тору, до Алабамы тридцать часов, но это если не превышать скорость. Гарри готов поспорить, что уложится в пятнадцать, пусть только все заткнутся и оставят его в покое.

— Он светится, — в голосе у Мел легкая паника. — С ним все в порядке?

— Нет, — говорит Дженни. — Но все еще можно исправить.

Никогда в жизни Гарри так не хотел, чтобы его оставили в покое.

Потом на его плечо опять ложится рука, сквозь ткань рубашки не чувствуется холода, как от Мел, или жара, как это было с Мэттью. Совершенно нормальная рука, нейтральная. Просто друг, помогающий перебраться через пылающую пропасть, которая разверзлась между Гарри и остальным миром, просто лесенка, просто…

Просто спасательный канат.

Маленькая частичка Гарри понимает, насколько все это ненормально, насколько не похоже на него — отвергнуть помощь Мел, эта частичка больше всего на свете желает ухватиться за протянутую руку и перебраться в безопасное место. Но эта частичка такая маленькая, просто крохотная. Когда Мелани упала в Зиму, она упала быстро, резко, после травмы, потерялась, едва ли

успев понять, что происходит. А вот Гарри… Гарри знал, что сходит с узкой безопасной тропки, по которой шел всю жизнь. Он уступил своему сезону, полностью отдавая себе отчет в своем выборе. И сделал это, чтобы спасти девушку, которую сейчас хочет прогнать, но это ничего не меняет — это сделал он, Гаральд Марч. Это был его выбор. Это он призвал Лето, которое дремало у него внутри.

Гарри и не упомнит, когда в последний раз сам делал выбор. Он не сам решил стать сосудом для Лета — за него решил сам сезон, вошедший в него, когда Гарри еще только формировался естественным путем, который алхимически скопировали родители Мелани. Несмотря на уверения Роджера и Доджер, у Гарри неожиданно появляются сомнения в том, что он сам выбрал Мелани. Она идеальный сосуд для Зимы, специально задуманный и сотворенный, и больше всего на свете подходит для того, чтобы вмещать свой сезон. Конечно, он влюбился. У него не было ни единого шанса. Как и у любого другого Летнего сосуда.

Значит, за него выбрали и судьбу, и параллель, а когда Мел сбежала, то приняла решение за них обоих. И здесь ему тоже выбора не оставили, опять он по сути ничего не решал. Зато Гарри сам

захотел призвать Лето и теперь почти опьянел от этого чувства — как замечательно, когда наконец-то, разнообразия ради, решаешь сам.

Он стряхивает с плеча руку Дженни.

— Не трогай меня, я за рулем.

— Съезжай на обочину и притормози, — голос у Дженни тихий, спокойный, близкий. — Гарри, это важно. Тебе нужно отпустить Лето.

— Я не отрекусь от короны.

— Никто не просит тебя уступать свое право на Лето. Ты станешь воплощением Лета, если только мы сможем доставить тебя к лабиринту и провести через него. Насколько я вижу, у тебя хорошие шансы на победу. Ты сможешь гореть вечно, если и правда этого пожелаешь. Но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты отпустил Лето. Придется поверить, что оно вернется к тебе, если ты хочешь получить корону.

Слова кажутся вполне разумными. Уместными. Гарри не хочет слушать, не хочет верить, что хоть что-то из этого относится к нему.

А потом плеча касается другая рука. Прохладная, почти холодная, но все-таки рука живого существа — не трупа; как будто это существо просто долго бродило по декабрьским улицам, позабыв прихватить перчатки. Гарри чувствует

каждый пальчик, и в этот самый миг человек и сезон, который им сейчас управляет, единодушно желают заключить обладательницу этой руки в объятия, сжать покрепче и никогда-никогда не отпускать.

— Гарри, — тихонько говорит Мел. — Ты обещал никогда меня не бросать, помнишь? Говорил, как бы ни было плохо, как бы сильно я ни заболела, ты никогда-никогда меня не бросишь. Я никогда не считала тебя лжецом. Вернись ко мне, Гарри. Вернись ко мне, пока не ушел слишком далеко.

Гарри моргает, и дорога перед глазами дрожит, расплывается. Он снова на шоссе. Мимо проносятся машины, почему-то слишком быстро; включив поворотник, Гарри съезжает на обочину, подальше, почти к самой канаве. Ему громко сигналят, автомобили такие быстрые, за ними не угнаться. Теперь, когда сам он не двигается, они кажутся еще быстрее.

Гарри кладет руки на руль, вжимается спиной в спинку кресла и сидит, уставившись в пустоту.

Рука Мел на его плече вроде бы стала теплее, и он инстинктивно понимает: это не она нагревается, а он остывает, они встретятся посередине, как и должно быть всегда.

Гарри откашливается.

— Я все еще свечусь? — спрашивает он, избегая пока смотреть на Мелани, не уверенный, что уже можно.

Она со смехом обнимает его за шею, прижимается, все в порядке. Пока они в порядке. Едут к лабиринту, все в порядке.

Правда.

Путешествие

ПО КАЛЕНДАРЮ:

14 февраля 2017 года, зима, убывающая червивая луна.

В Беркли они въезжают незадолго до полуночи, и Тревор сразу же понимает: сюда-то им и надо, они почти нагнали заблудшую сестру Авен и ее упертого ухажера. Все скоро закончится.

И больше не придется путешествовать в одной машине с девушкой, которую кидает из крайности в крайность: то она кровожадная кукла, то капризная двухлетка, иногда между первым и вторым не успевает пройти и двух ударов сердца, которого у Авен, кстати, нет. Они догонят Гарри и Мелани, и Авен сделает то, что у нее получается лучше всего, что она любит больше всего, о чем Тревору уже снятся кошмары каждый раз, как он ослабляет бдительность и решается заснуть; Авен отправится дальше и получит Летнюю корону, а он станет служителем воплощенного Лета и больше никогда не будет никого бояться.

Тревор вряд ли может объяснить, почему, при-

вязавшись навсегда к этой девушке, он каким-то образом от нее освободится, но он служитель. Для этого он и был сотворен. И, в отличие от Гарри, не может отказаться от своей связи с короной. Воплощения дорого платят за то, во что их превращают сезоны, но у них больше свободы выбора в том, как именно платить по счетам.

Авен с кислым видом ковыряет пятно на свитере; может, это кетчуп, а может, кровь (пятно липкое и красное, а не бурое, так что Тревор поставил бы на кетчуп, но с Авен никогда не скажешь наверняка), она хмурится.

— Почему ты остановился?

— Здесь были твоя сестра и ее парень. Недавно. Неужели не чувствуешь?

Авен хмурится еще больше, как всегда, когда Тревор просит ее напрячься, но при этом не надо никого убивать. Авен нравится расчленять людей. А искать их не нравится. Но вдруг она широко распахивает глаза, и хмурое выражение сменяется изумлением.

— Туда, — она тыкает пальцем вперед. И когда Тревор не нажимает на педаль газа немедленно, гневно смотрит на него, снова тыкает и повторяет: — Туда. Я хочу, чтобы ты ехал.

Тревор уже выучился не спорить с Авен без

особой причины. Давать отпор лучше тогда, когда нет другого выхода и они оба могут погибнуть. Пусть она и воплощение Лета, ее вполне можно убить обычными человеческими средствами, это отлично продемонстрировала бывшая Летняя королева, бросившись под самолет; если Авен не получит и не удержит корону, запасного варианта у Тревора нет.

Сама мысль о возвращении к Гарри, когда Тревор буквально совершил убийство, чтобы этого избежать, вызывает невыносимое отвращение. Это даже хуже, чем работать с убийцей. Поэтому он сворачивает и едет, куда велено; Авен отрывисто командует, и машина кружит по узеньким извивающимся улочкам, пока наконец Авен не приказывает остановиться перед самым чудовищным домом, какой Тревор только видел.

Красивший его человек будто смутно представлял себе стиль Лизы Франк, но совершенно не понимал, почему этот стиль так нравится буквально всем, даже детишкам, благодаря которым и появилась художественная империя, ежегодно продающая миллионы папок и сотни миллионов коробок с карандашами, от которых кровь идет из глаз. Ни один цвет не сочетается с другим, а когда Тревор смаргивает, ему кажется, что изоб-

ражение этого дома навечно отпечаталось на изнанке век.

— Что за х…

Закончить он не успевает, потому что Авен на ходу выскакивает из машины и мчится к калитке. Тревор дергает руль, кое-как тормозит, перегородив при этом проезд.

— Черт побери, Авен! Нельзя выпрыгивать из машины на ходу!

Он вытаскивает ключи и тоже выходит из автомобиля, молясь про себя, чтобы в Беркли не так усердствовали с эвакуаторами, как в родном Портленде, иначе придется украсть еще одну машину, чтобы ехать дальше. Тревору вся эта дурость не по душе; он предпочел бы иметь дело с таким партнером, с которым можно строить планы, а не с таким, который владеет собой не лучше кокер-спаниеля.

Но нет, ему досталась кровожадная Барби, только-только освободившаяся из отцовской подземной лаборатории, и пусть она может при желании превратить жизнь в настоящий кошмар, чаще всего Авен просто с удовольствием поедает фастфуд, задает бестолковые вопросы, на которые Тревор вынужден отвечать, и тыкает в ту сторону, куда, по ее мнению, им нужно ехать.

Интересно, чувствует ли Мелани свою сестру так, как ее саму чувствует Авен. Убегает ли от Авен или просто бежит и не понимает, что́ это зудит на краешке сознания, предупреждая, где ее истинный партнер, призывая освободиться от бесполезного парня, с которым она теперь связана? Знает ли она, что не одна?

Добежав до калитки, Авен принимается изо всех сил дергать ее, ей хочется в сад. Сунув ключи в карман, Тревор преодолевает последние десять ярдов до забора, хватает Авен за руку и пытается оторвать от калитки. У него получается лишь ее отвлечь: Авен медленно поворачивается и злобно смотрит на своего служителя.

Еще вчера Тревор отдернул бы руку и рассыпался в извинениях, чтобы она его не тронула. Но он уже провел с ней достаточно времени. И понимает, что Авен вовсе не так импульсивна, как хочет казаться, она способна осознавать последствия своих действий, просто предпочитает о них не задумываться.

Еще вчера ему казалось, что он сумеет выбраться живым.

— Нельзя вламываться в частные дома, — тихо и четко говорит он. — У этого дома есть хозяева, и, если калитка заперта, это значит, что они не

хотят, чтобы мы заходили к ним во двор.

Теперь, когда он стоит прямо возле ограды, Тревор понимает, что именно привлекло внимание Авен. Невероятно, но от сада веет летом. Не просто летом — Летом. Этот лучезарный и яркий сад совершенно выбивается из зимы, это невозможно не заметить. Прямо посреди дорожки растет клубника — очень нелепо, кто же сажает клубнику прямо на дороге? Нелогично, и на кустиках и правда висят ягоды, круглые и красные, при виде них у Тревора слюнки текут. Каким-то образом хозяева этого сада умудрились подчинить себе сезон, который не должен им подчиняться.

Алхимики. Наверняка. Но Тревор никогда не слыхал, чтобы какому-нибудь алхимику удалось воспользоваться одним из основных сезонов, а он ведь Кукурузный Дженни, хоть и пытался изо всех сил отказаться от титула и сохранить собственные имя и личность, и претендента на Лето он бы почувствовал. Простой фокус. Единственное доступное ему полезное волшебство.

По тротуару по направлению к ним идет симпатичная индианка, в синих джинсах и свитере из разноцветных лоскутков, лоскутки дисгармонируют с раскраской дома, какие-то чуть-чуть, какие-то сильно, в руке у женщины белый бумаж-

ный пакет из местного кафе. Заметив терзающую ворота Авен, женщина останавливается и озадаченно смотрит на них. Подойдя ближе, она спокойно говорит:

— Уверена, наша калитка чем-то страшно и непоправимо вас оскорбила, но я была бы крайне признательна, если бы вы отошли в сторону и пропустили меня.

Авен замирает, но калитку не отпускает — поворачивается к женщине и рычит, в буквальном смысле рычит, словно дикий зверь, обнажив в оскале сверкающие зубы, гораздо более красивые, чем им положено быть, только лишь по контрасту с белоснежной кожей они кажутся чуть более тусклыми.

Кожа Авен не покрывается загаром. Не обгорает. Будто солнце слишком любит ее и боится тронуть.

— Кто ты такая и как смеешь указывать мне, что делать? — грозно спрашивает Авен.

Тревор морщится. Ему пока не удалось втолковать Авен, что не все встречные принадлежат к алхимическому миру, не со всеми надо сражаться за статус и территорию. Если уж на то пошло, прямо сейчас сама Авен посягает на территорию этой женщины, а потому женщине грозит нешу-

точная опасность, если вдруг случится открытое противостояние.

— Извините нас, — спешит он вмешаться. — Мы очень долго ехали, а сестра с первого взгляда влюбилась в ваш садик. Я постараюсь увести ее отсюда, честное слово…

— Я тебе не сестра, — огрызается Авен, и оскал на ее лице сменяется капризной гримаской. — Ты мне никто, просто полезный инструмент, поломался — выкинь. Только тронь меня, и я тебя мигом освежую, не успеешь даже руку отдернуть, — взгляд ее перескакивает на незнакомку. — Тебя это тоже касается, женщина.

Индианка устало вздыхает.

— Так вы из этих? Объяснили бы сразу. Полагаю, вам нужны кукушата? Я смогу их позвать, только если вы меня пропустите. В сад не могу вас пригласить, извините, мне даже пиццу заказывать не разрешается. Курьерам приходится оставлять все на углу, — она нарочито тяжело вздыхает. Судя по ее лицу, спокойному, едва ли не веселому, подобные запреты не особенно ее расстраивают. — Вот так и получается, когда ты единственный настоящий мальчик в кукольном театре.

— Ты мальчик? — озадаченно спрашивает

Авен.

Женщина невозмутимо смотрит на нее.

— Нет. Это цитата. Но это же Беркли, так что не следует делать поспешных выводов о ком бы то ни было, как бы этот кто-то ни выглядел. При желании я могла бы быть и мальчиком.

Авен не спешит соглашаться. Тревор снова хочет вмешаться, хоть и понимает, какой это риск, ведь она еще больше разозлится, но тут Авен наконец отпускает калитку и делает шаг назад, давая женщине пройти. Отступает она недостаточно далеко: индианке придется протискиваться мимо, она заденет Авен плечом, овеет теплом своего тела. Если бы Тревор не знал Авен так хорошо, решил бы, что она пытается запугать противницу. Но, к несчастью, он слишком хорошо ее знает.

Авен просто понятия не имеет, что ее поступки социально неприемлемы и отпугивают людей. При помощи алхимии отец вложил в нее целую кучу знаний: она умеет причинять боль разнообразными способами, может изготовить руку славы, процитировать законы алхимического обмена, но почти ничего не смыслит в этикете. Без Тревора она бы пропала.

Ему-то нужна была королева, а не маленькая

девочка, с которой надо нянчиться. Эта маленькая девочка представляет большую опасность для окружающих, но она единственный шанс для Тревора на победу, и потому он не может сделать то, чего желает больше всего — уйти. Это нечестно. Он не этого хотел.

Но это получил.

Индианка улыбается натянутой недовольной улыбкой, только вежливости ради.

— Спасибо, — отрывисто благодарит она, протискивается мимо Авен и распахивает калитку.

Та открывается мгновенно, будто вовсе и не была заперта, и Тревор не понимает, почему они до сих пор стоят за забором — почему Авен не проскочила в залитый солнцем сад со спелой клубникой, когда он еще только выбирался из машины. Женщина, не оглядываясь, шагает к крыльцу.

Заметив на пути клубнику, она явно удивляется. Останавливается, склоняет голову. Потом пожимает плечами, набирает пригоршню спелых ягод и идет дальше.

Для Авен это уже слишком. Разбив тишину, словно оконное стекло, она бросается в открытую калитку. Отскакивает, ударившись о пустоту, с перекосившимся от ярости лицом бросается

снова и снова, ее опять отбрасывает, она похожа на бьющуюся о стекло птицу. Авен рычит, а Тревор лишь молча наблюдает, не зная, что еще предпринять.

Оглянувшись через плечо на молча стоящего Тревора и беснующуюся Авен, женщина поднимается по ступенькам и скрывается в доме. И через несколько секунд на крыльцо выходит другая — с рыжевато-золотистыми волосами и такой кислой миной на миловидном личике, будто она только что раскусила горькую анисовую сердцевину реальности, и эта реальность пришлась ей совсем не по вкусу. Скрестив руки на груди, она прислоняется к столбику крыльца и смотрит, как Авен пару раз стукается о пустоту.

Перед третьим броском Тревор хватает Авен за руку. Она оборачивается и рычит от неизбывного желания и животной ярости, но, услышав женщину на крыльце, замирает.

— Прекрасный ты тут устроила спектакль; если ради наших соседей стараешься, напрасно — они тебя не увидят. Природные нас не видят, если только уже не свернули в сторону, вот как этот твой мальчик. Сущий кошмар был, когда пришлось подправлять слова, чтобы допустить сюда природные проявления. Насколько я пони-

маю, грамматику частично позаимствовали из иврита, частично из амслена, да еще из какого-то мертвого енохианского диалекта, которым больше никто в мире не владеет. Можешь бросаться на забор хоть весь день напролет, толку не будет, если только мы тебя не впустим.

На крыльцо выходит первая женщина с двумя стаканами лимонада в руках. Один вручает светловолосой, потом прислоняется к другому столбику. Обе смотрят на Авен и Тревора, и он не может отделаться от ощущения, что его оценивают — возможно, потому, что именно так и есть.

Светловолосая заговаривает первой. Она делает глоток лимонада и, не отводя взгляда, говорит:

— Не припомню, чтобы кто-нибудь сегодня звал гостей. Тим бы точно предупредил, а Ким таких, как вы, недолюбливает. Значит, вас не приглашали.

— Меня уж точно не предупреждали, когда я уходила к мануальному терапевту, — подхватывает индианка. — А поскольку на кухне явно делали сэндвичи и еще черт знает что, я, видимо, что-то пропустила.

— Ну да, гости у нас сегодня были, — отвечает блондинка. — Уехали где-то час назад. Много хлопот, везде надо успеть, обычное дело. Мы бы

их попросили задержаться, чтобы тебя познакомить, но они торопились. И хорошо, что не попросили, потому что вот та с белыми волосами очень похожа на одну из них, а мы вряд ли захотели бы стать свидетелями этой семейной встречи.

На мгновение Тревора пробирает озноб.

— У нее были черные волосы?

— Черные волосы, голубые глаза и такой озадаченный вид, будто вся жизнь шла по известному сценарию, а потом в один прекрасный вечер вдруг началась сплошная импровизация. У тебя видок был похожий, когда я не пырнула тебя ножом, — последняя реплика предназначается индианке, и та морщится.

— Я же не виновата, что ты явилась с рукой мертвеца, ножом, да еще такой дикой историей, — бормочет она. — Если ты хотела, чтобы я не спорила, надо было рассказать что-нибудь более похожее на правду, а ты будто доджеровской травки курнула перед приходом в мою лабораторию.

Авен снова скалится, но, по крайней мере, больше не бросается на пустоту.

— Вы видели мою сестру? — в ее голосе странный призвук надежды.

— Видели, ответили на ее вопросы и отправили

ее и ее Летнего парня к лабиринту, — отвечает блондинка и снова отпивает лимонад. — А вам нужно уходить. Мы вас не впустим.

— Прошу прощения за грубость, но мы таких гостей не привечаем, — с сожалением добавляет индианка.

Позади них открывается дверь, и на крыльцо выходит мужчина, ничем особенно не примечательный — такого легко пропустить в толпе, волосы каштановые, одет словно любимый университетский преподаватель. В одной руке у него кружка с кофе, другой он поправляет очки. Мужчина смотрит на Тревора и Авен.

— Они видят наш дом? — спрашивает он.

— В общем-то поэтому мы с ними и разговариваем, — отвечает блондинка.

— А я и понятия не имею, что тут творится, — добавляет индианка.

— Мы тебе все потом расскажем, — обещает мужчина. — Честное слово. День выдался долгим и очень странным, и дальше явно будет не лучше, — он делает глоток и корчит рожу. — К тому же Доджер снова добавила в мой нормальный кофе бескофеиновый. Не понимаю, зачем она это делает. Ей же, как и мне, кофеин нужен позарез.

— Просто когда она это делает, то пьет в два

раза больше кофе, — поясняет индианка. — Чего ты натворил на этой неделе, чем ее расстроил?

— Да не знаю я нихрена, — сердится мужчина. — Сама попробуй ужиться с буйной близняшкой, которая ментально с тобой связана. Взбесится просто потому, что я что-то не то подумал, а я потом слушаю, как она топает мне назло и хлопает дверцами шкафов, только дня через три так уж и быть расскажет, в чем же было дело.

— Учись получше скрывать от нее свои мысли, — весело советует блондинка.

— Возьму эту гениальную идею на заметку, сам бы я уж точно не додумался. Что бы мы делали без великой Эрин, которая всегда готова мне объяснить, как надо думать?

— Гораздо чаще пили бы бескофеиновый кофе.

Тревора все это порядком раздражает. Диалог похож на театральную постановку, как будто эти люди отлично понимают, как нервирует и обескураживает их болтовня, когда они не обращают ни малейшего внимания на Тревора и Авен, на их присутствие. Авен злится все больше. От нее волнами расходится тепло, воздух вокруг нагревается гораздо сильнее, чем ему положено. Что-то новенькое. Она связана со своим сезоном, но в присутствии Тревора Лето еще ни разу не

проявляла.

Он отчасти надеялся, что она не сразу этому научится. Как только Авен действительно явит Лето, он потеряет последний шанс от нее избавиться. Может, даже перестанет быть Тревором, не сможет сохранить личность, а ему совсем не хочется становиться Кукурузным Дженни. Тревор всегда знал, что этот момент наступит. Так долго этого боялся, что теперь даже не удивляется.

— Сейчас не лето, — спокойно говорит мужчина на крыльце. — Оно наступит еще не скоро, и я был бы крайне признателен, если бы вы больше не вредили саду. У нас очень много сил ушло на то, чтобы его правильно сбалансировать, и парень твоей сестры успел тут дел наворотить, — он оглядывается на кустики клубники, и на Тревора обрушивается почти необоримое желание нарвать полные пригоршни ягод.

Но он не уверен, что сумеет проскочить через калитку. Зато уверен, что, если вдруг сумеет, ему придется либо провести в этом саду всю жизнь, либо эта жизнь окажется весьма короткой. Авен не прощает неповиновения. Если она не прикажет ему туда идти, он с места не сдвинется.

Мужчина спускается с крыльца, медленно, шаг за шагом, не сводя глаз с Авен.

— Ты, видимо, вторая половина научного проекта доктора Косгроува. Пожалуйста, не сочти мое замечание пренебрежительным, мы с сестрой тоже представляем собой научный алхимический проект. Просто наш немножечко более масштабный, потому что наш алхимик был даже более мерзким подлецом, чем твой. А у мальчика, который стоит рядом с тобой, на радужках узоры в форме цветочных лепестков, значит, он, видимо, твой Кукурузный Дженни?

— Да, — отвечает Авен и отступает от калитки, будто опасаясь, что сейчас вместо кружки с кофе в руке у мужчины появится тесак и он набросится на нее. — Роланд Косгроув был моим отцом.

Сколько едва слышной радости, сколько злорадного ликования в этом «был». Авен разрезала Косгроува на кусочки, своего первого тюремщика и первую жертву, и ничуть не жалеет о содеянном. А вот Тревор уже пожалел за них обоих.

— Был, получается? — мужчина отпивает кофе и смотрит на нее. — Не наше дело нарушать ход коронации. Мы не являемся частью той системы, которая создала тебя, разве что на макроуровне, поскольку на макроуровне мы все в буквальном смысле часть одной и той же системы. Мы принадлежим к тому же циклу, что и ты. Идем по

той же дороге. У тебя есть проводник, а больше для честной схватки тебе ничего и не нужно. Я не буду тебе помогать. Никто из нас не будет.

Авен скалится. Еще не рычит, пока нет, просто угрожающе щерится, словно загнанный в угол зверь, готовый укусить, если это понадобится для спасения, зверь, которому очень хочется, чтобы ему позволили сбежать. Тревор никогда раньше не видел, чтобы она так подставлялась, даже не знал, что она на такое способна.

— Тебе здесь не рады, — продолжает мужчина, спокойно и неумолимо. — Ни в нашем доме, ни в нашем саду, ни в нашем городе. Ты идешь по следу сестры и, я полагаю, охотишься на мальчика, который путешествует вместе с ней, того, с кем у вас один и тот же сезон.

— Я убью его, — бормочет Авен. — У него нет права на Мелани. Она моя.

— Понимаешь, есть одна забавная штука, связанная с сестрами. Даже если сестра знает тебя, любит тебя, не бежит от тебя, она тебе не принадлежит. Она все равно человек, а не просто твоя вторая половина, а вот когда ты перестаешь относиться к ней так, будто она вполне реальна и может сама принимать решения, тут-то и получается бардак, — он кривится. — И все это до тебя

совершенно не доходит, потому что ты ничего не желаешь понимать. Нельзя убедить того, кто не хочет слушать.

Авен морщит носик.

— Ты несешь чушь. Конечно, она мне принадлежит. Я ее сестра. Я подхожу ей лучше, чем кто бы то ни было. Я ее уравновешиваю. Когда мы вдвоем, мы совершенны.

— Значит ли это, что, когда вы по одиночке, ты не совершенна? — с искренним любопытством спрашивает мужчина. Он вообще как будто весь преисполнен искренностью. Глядя на него, Тревор думает, что мир, если бы ему хватило наглости хоть в чем-нибудь возразить этому мужчине, с удовольствием потом переделал бы сам себя, просто из вежливости и чувства стыда.

Наверное, ужасно и упоительно жить вот так, когда боишься слишком явно выразить свое мнение, чтобы реальность не переписала самое себя, подстраиваясь под твои желания. Авен прищуривается.

— Я всегда совершенна, — огрызается она.

Мужчина хмыкает.

— Занятно. Ну, как я уже сказал, здесь ты помощи не получишь. Вам придется уехать из Беркли, потому что мы не желаем вас здесь видеть. На

этот раз мы отсиживаемся.

Авен трясет головой.

— Пусти меня в сад, и увидим, кому понадобится помощь.

— В смысле, ты собираешься напасть на меня? Только эту песенку и знаешь? Моя сестра — сама музыка, без слов, но даже у нее песни интересней, — он делает еще один глоток. — Изыди, Летняя девочка, и подумай о том, что натворила.

— Ты не можешь заставить меня уйти, — рычит Авен.

— Неужели? — мужчина поднимает руку и щелкает пальцами, и вот уже нет никакого мужчины, никогда не было никакого мужчины, машина стоит возле заросшего кустами и огороженного сеткой-рабицей пустыря, на сетке висят объявления строительной компании. Нет никакого лета, никакой клубники, никакого разноцветного крыльца, на котором сплетничают, потягивая лимонад, две женщины. Ничего такого никогда и не было.

На самом деле, ничего этого вообще не случилось. Тревор вздрагивает, будто стряхивая с себя паутинку или назойливый дым. Рядом точно так же вздрагивает Авен. От нее исходит тепло, словно она вот-вот вызовет лето.

— Зачем мы здесь остановились? — спрашивает она и смотрит на Тревора ледяными голубыми глазами, чуть прищурившись.

Авен не в духе и готова выместить это на комнибудь.

Значит, надо разыскать для нее другого претендента, на котором можно отыграться.

— Не знаю, — Тревор поворачивается и тыкает пальцем куда-то на восток. — Но, кажется, там есть еще один претендент на Лето, и если ты хочешь его найти…

Авен улыбается.

Аризона

ПО КАЛЕНДАРЮ:

18 февраля 2017 года, зима, последняя четверть червивой луны.

Калифорния гораздо больше, чем кажется на карте. Она все тянется, тянется и тянется — сотни миль возделанных полей, пустошей, пологих холмов, которые выглядят побуревшими и повядшими в тусклом свете зимнего солнца, хотя кое-где мелькает поразительный ярко-зеленый. Когда едешь через калифорнийские холмы, а зима выцветает в весну, хорошо понимаешь, что иногда календарь и мироздание друг другу противоречат, потому что зиме никак не возможно удержать здесь свои позиции. Возле дороги растут нарциссы. Нарциссы! Гарри совершенно убежден, что это весенние цветы.

Когда он во второй раз вслух им удивляется, Джек, дождавшись, пока Мелани не уйдет в туалет на стоянке для грузовиков, кладет ему на плечо холодную руку и просит прекратить.

— Сезоны — это не точная наука, — говорит

она. — Именно так предшественник Мел и держал столько лет твою предшественницу в подвешенном состоянии. Каждый раз, когда мир оттаивал, он благополучно сбегал в Австралию, где только началась зима, и не возвращался до самой тамошней оттепели. Прямо сейчас ты сильнее, чем должен быть, а она слабее, и, готова поспорить, чудики из Беркли сделали это нарочно.

Гарри удивленно моргает.

— Не понял.

— Ты природный, а она нет. У нее больше шансов уйти слишком глубоко. Значит, ты останешься на территории Лета и, если она начнет падать, будешь в выгодной позиции и сможешь подхватить ее и вытащить обратно, пока она не потерялась.

— Мэттью собирался поскорей отправиться на восток, — замечает Дженни. В последнее время он разговаривает все уверенней, голос все громче, постепенно он понимает, что в этой компании действуют другие правила. Гарри хмурится, и Дженни объясняет: — Он знал, что на западном побережье лето сильнее всего, и рассчитывал, что другие Летние претенденты как можно дольше будут оставаться там. Чем дальше вглубь матери-

ка, тем Зима сильнее, но у него ведь сестра, а еще он прекрасно умеет убеждать людей поступать себе во вред, просто не потрудился вам свое умение продемонстрировать.

Гарри снова моргает.

— Получается, Доктрина Этоса велела нам оставаться здесь ради Мелани, потому что Лето тут сильнее всего, а остальные претенденты на Лето в это время едут вглубь страны, чтобы ослабить конкурентов?

— Возможно, и не все, — говорит Джек.

Гарри не очень понимает, хочет Джек его успокоить или нет. Видимо, нет: теперь оба служителя гораздо реже их ободряют, ведь уже понятно, что все всерьез. Они поедут в сторону лабиринта, и другие претенденты отправятся туда же. Когда именно они столкнутся — всего лишь вопрос времени; если ряды противников недостаточно оскудеют, Гарри и Мел придется сражаться.

Гарри не уверен, что сможет еще раз убить человека, пусть даже ради спасения собственной жизни. А ради спасения Мел? На этот вопрос он не сможет ответить, пока не припрет. И каким бы ни был ответ, он ему вряд ли понравится. Либо Гарри суждено стать убийцей, либо он подведет Мелани.

Выигрышного сценария нет.

— Некоторые претенденты на Лето, вероятно, будут как можно дольше цепляться за побережье, — говорит Джек. — А все претенденты на Зиму, начавшие путешествие отсюда, скорее всего, последуют по тому же маршруту, что и мы. Если повезет, мы на них не натолкнемся.

Хлопнув дверью магазинчика, на улицу выходит Мелани, в руке у нее бумажный пакет, а изо рта лихо торчит палочка от леденца. Приподнявшись на цыпочках, она машет рукой, а потом трусит к машине, и Гарри окатывает волной нежности, которая, отступив, едва не утаскивает его за собой прямо в море. Его ответ тонет в этой волне, и он тонет вместе с ним. Как и всегда.

Да, он убьет, если придется, чтобы Мел не пострадала, а поскольку единственный способ сделать так, чтобы она не пострадала, — оставаться с ней, он убьет ради нее, если их обнаружат другие претенденты. Гарри надеется, что сможет простить Мелани, если до этого дойдет. Но на самом деле не знает. Наверное, никто бы на его месте не знал.

Мел открывает дверцу, плюхается на сиденье, вытаскивает изо рта леденец и, взмахнув им, словно волшебной палочкой, принимается до-

ставать из бумажного пакета и раздавать всем чипсы, шоколадки и разогретые в микроволновке буррито.

— У них не было обычных «M&M's» с молочным шоколадом, — извиняется она перед Дженни. — Что за заправка такая, где нет обычных «M&M's»?

— Такая, на которой их уже раскупили, — Дженни без жалоб забирает свою пачку «Доритос». — Ну и ладно. До обеда на этом продержусь.

— А обедать мы будем в Сан-Диего, — радуется Джек. — Поедим для разнообразия настоящей мексиканской еды. Сальса, которая и правда знакома с перцем, грязный рис, который и правда грязный.

— Понятия не имею, о чем ты, — говорит Гарри.

— Бедный белый мальчик, — в голосе у Дженни гораздо больше симпатии, чем в начале их совместного путешествия. Несколько дней в машине (а ехали они намного медленнее, чем могли бы, потому что, следуя указаниям Джек и Дженни, Гарри постоянно съезжал с шоссе и кружил по окраинным улочкам городков, когда асцендентам мерещилось присутствие другого претендента) — и в результате все либо подружатся, либо пе-

реругаются навсегда; в их компании, слава богу, все друг с другом уживаются.

— Да, — соглашается Гарри. — Но Мел еще белее меня.

— Мел в буквальном смысле сделана из снега, — замечает Джек, и Мелани смеется, Гарри поворачивает ключ в замке зажигания, и вот они снова в пути, впереди очередной короткий переезд — звено в длинной цепочке, вытянувшейся в бесконечное путешествие.

Нечестно, правда нечестно, что служители чуют близость других претендентов, а Гарри и Мелани нет. В конце-то концов, служители не рискуют жизнью: им не приходится убивать друг друга из-за короны, и от своего сезона они получают такую малость, что Зима и Лето вполне могут поддерживать их всех — сотни Ледяных Джеков и Кукурузных Дженни по всему миру, помогающих претендентам в ожидании следующей коронации. Им не надо добывать короны и побеждать соперников, чтобы оставаться собой, — просто служи, когда призовут. Если Гарри и Мелани победят, их восхождение дарует Джеку и Дженни дополнительные силы, но асценденты останутся собой. Они ничем не рискуют. И ничего не потеряют, если их претендент потерпит неудачу.

Но почему-то именно их пробирает морозом рядом с другой потенциальной Зимой или овевает дуновением теплого ветерка возле другого потенциального Лета, если только претенденты не идут толпой. Дженни помогал Мэттью выслеживать жертв и готов делать то же самое для Гарри, но Гарри упорно избегает ненужных столкновений. Джек ничего такого Мелани и не предлагает. Мел и так стоит на самом краю и вот-вот рухнет в Зиму, а если она упадет некоронованной, то может пропасть навсегда.

— Пусть поубивают друг дружку, все равно в лабиринте мы их побьем, — только и сказала Джек, в очередной раз велев съехать с шоссе, чтобы пропустить полного надежд соискателя с горящим взором и испачканными кровью руками, который промчался мимо, прямиком к неизбежному сражению и вероятной гибели. — Нам самое главное — продвигаться вперед.

Все дальше и дальше вперед, мимо мелькают одна за другой стоянки для грузовиков, заправки, забегаловки, дешевые придорожные гостиницы. Во время каждой остановки Гарри просматривает газеты, но пока не попалось ни одного упоминания о двух пропавших подростках из Портленда или больной девочке, которую похитил ее соб-

ственный отчаявшийся парень. У Дженни есть телефон, и он время от времени его достает, но еще ни разу не нашел ничего такого, что можно связать с Мел и Гарри.

Смерти упоминаются, да. Множество смертей, некоторые весьма странные — вполне вероятно, они отмечают путь других претендентов; эти смерти привязаны к сезонам тонкими цепочками из ветра и времени, невидимыми и нерушимыми, и весь остальной мир обнаруживает жертву уже потом, когда успела рассеяться пелена безразличия. Некоторые тела подолгу валялись в квартирах, на задворках супермаркетов и в других местах, пока кто-нибудь случайно на них не наткнулся, и — финальный сезонный штрих — никому в голову не пришло удивиться. Дженни прочитал про одно убийство в Портленде: погиб одинокий человек, Роланд Косгроув, его расчленили в подвале собственного дома.

Поскольку в статье написано, что у Роланда не было детей, Дженни, который беспокойно проглядывал газету, проверяя, не пустил ли отец Мелани волков по их следу, и не подумал связать статью с Мел. Поскольку ее прикрывала Зима, в газете четко говорилось, что детей у Косгроува не было: ни слова ни о какой дочери-подростке,

ни слова ни о каких беглецах. Дженни отложил телефон и занялся обедом, сочтя ту смерть очередной нелепицей, которая могла быть, а могла и не быть связана с сезонами. И из той закусочной они вышли в прежнем блаженном неведении о том, что́ сотворила Авен, и о том, что больше никто Мел не ищет. Теперь они с сестрой остались одни на всем белом свете, пусть даже Мелани об этом и не знала.

Иногда неведение защищает лишь от страха.

Обед в Сан-Диего получился, как и было обещано, весьма приятным: кусачий чили кон кесо, жгучие перцы, идеально мягкие домашние тортильи. У Мелани типичное для белой девочки нетренированное нёбо, и она пьет воду стакан за стаканом и пыхтит, а остальные радостно потешаются над ней — обычная беззаботная компания путешествующих подростков. Ничто в них не вызывает подозрений и не привлекает внимания. Это же Сан-Диего, сюда постоянно съезжаются на каникулы красотки и красавчики, и люди безразлично скользят по ним взглядами, разве что кто-нибудь озабоченно думает, что в первый же день на пляже Мелани обязательно обгорит и станет красной как рак.

Не проходит и часа, как они уже снова садятся

в машину и едут в сторону границы с Аризоной. Этот этап путешествия скоро закончится.

Гарри внимательно смотрит на дорогу, сосредоточившись на длинной прямой, уже такой знакомой. Они пробыли в Калифорнии достаточно долго, и дорога воспринимается как что-то вполне естественное, хотя она так не похожа на затененные деревьями орегонские шоссе, бегущие по зеленым холмам. На западном побережье Северной Америки можно найти почти любой микроклимат на свете, и Гарри кажется, что он уже во всех побывал. Пока не лопнут шины, он будет ехать дальше.

Судя по знакам, до большого поворота на восток, в Аризону, меньше шестидесяти миль, а там они уже и вправду поедут к лабиринту. До этого момента можно было вернуться, если они готовы были подставиться другим претендентам, которые еще не уехали вглубь материка, если бы Гарри готов был отпустить Мел. Но они не станут. Они поедут дальше.

Они победят.

Гарри улыбается этой мысли, но тут рука Дженни ложится ему на плечо и сжимает его сильно, до боли. Гарри, широко распахнув глаза, смотрит в зеркало заднего вида.

— В чем дело?

— Прямо позади нас претендент на Зиму, — говорит Дженни, а потом, обернувшись, смотрит в окно.

Встревоженная и удивленная Мелани распрямляется на сиденье.

— Мы же едем в машине, — говорит она. — Они нам ничего не могут сделать.

И вот тут-то включается мигалка на патрульном полицейском автомобиле. Из-за красно-синих всполохов по салону пробегают причудливые тени. Гарри судорожно вертит головой. Патрульная машина явно нацелилась на них.

— Мы не превышаем скорость, — нервно говорит он.

— Тебе придется съехать на обочину, — велит Джек.

— Или можем сбежать, — предлагает Дженни.

— Это «Приус», — возражает Гарри, — у нас не получится их обогнать.

Включив аварийку, он перестраивается ближе к обочине, и патрульная машина следует за ним.

Когда они останавливаются, Джек в панике уже едва не хватает ртом воздух.

— Претендент на Зиму прямо тут, — говорит она. — Это полицейский. Наверняка.

Машина останавливается позади, полицейский выходит и шагает прямо к ним. В его автомобиле на пассажирском сиденье кто-то есть — мужчина, но не в форме, лицо встревоженное. Едва мазнув по нему взглядом, Гарри сосредотачивается на полицейском. Как отбиваться от блюстителя порядка средь бела дня прямо на шоссе? Никак. Стоит только попробовать, и они мигом попадут в вечерние новости отнюдь не в качестве героев. Даже под защитой сезонов скрыться не удастся, это точно привлечет внимание.

Подошедший полицейский жестом велит Гарри опустить стекло.

— Вы знаете, почему я вас остановил? — с ходу спрашивает он.

— Нет, сэр, — отвечает Гарри как можно более смиренно, хотя в горле клокочет ярость. Они ведь почти добрались! К ночи должны были выехать из Калифорнии и направиться к Алабаме и к лабиринту, к следующей остановке в этом безумном путешествии! Им почти удалось ускользнуть!

Но не удалось. Сдвинув черные очки на кончик носа, полицейский заглядывает в машину — но смотрит не на Гарри. Нет, Гарри будто вовсе здесь нет, патрульный внимательно вглядывается в Мелани, снежно-белую Мелани с тревожными

ледяными глазами. Он смотрит на нее так, будто перед ним не просто человек, не просто девочка-подросток, и Гарри очень хочется заехать прямо в его чуть обгоревшее на солнце лицо.

— Вы должны проехать вместе со мной, — полицейский поправляет очки. — Здесь недалеко.

— Он тащит нас в другое место, — шипит Джек. — Нельзя ему этого позволить.

Гарри только кивает, голос помертвел и присох к горлу, даже сглотнуть не выходит. У Джек вид такой, будто ее вот-вот стошнит. Мелани спокойна и собранна — девочка, высеченная изо льда, она не сводит глаз с удаляющегося полицейского.

Через мгновение снова загорается мигалка, патрульная машина объезжает их и встает впереди. Гарри поворачивает ключ в замке зажигания, нажимает на газ и едет следом.

— Он точно претендент на Зиму, — говорит Джек. — Наверняка с ним в машине его Ледяной Джек, так они нас и вычислили. Неплохая схема. Останавливаешь человека и велишь ему ехать следом за тобой куда-нибудь, где можно его прикончить. И гадать не буду, скольких он уже вот так убил.

— Но он не обратил никакого внимания на

Гарри, — удивляется Дженни. — Может, претендентов на Лето он не трогает.

— Если у него в распоряжении нету Кукурузной Дженни, он их просто не может обнаружить, — отвечает Джек. — А раз он отлавливает соперников на шоссе, значит, перед этим за ними не следит. В отличие от Мэттью. Может, решил, что вы просто два случайных пассажира в машине по дороге в ад.

— Мне придется его убить, — говорит Мелани, вид у нее как во сне.

Гарри с ужасом понимает, что в салоне с каждой секундой становится все холоднее, словно Мел вытягивает все тепло, превращая машину в морозилку. Пока еще не совсем холодно, тут же он сам и Дженни, но, если она не прекратит, скоро все заледенеет. Мелани отступает в глубины Зимы, туда, где она не столько девушка, сколько природное явление, и Гарри не знает, как ее остановить.

Если он сам погрузится в свой сезон, то проблему не решит. Он даже не уверен, не навредит ли этим; они уравновешивают друг друга, они не обязаны противостоять друг другу. Но иного выхода он не видит.

— Дженни…

— Тебе нельзя.

— Почему?

— Да потому, балбес, что ты еще не коронован, — вот уж Джек точно всегда прямолинейная донельзя.

Они еще на шоссе, полицейская машина вроде бы направляется к ближайшему съезду, ведущему на какую-то богом забытую дорогу, из тех, что внезапно обнаруживаются между городами и напоминают путешественникам, что Калифорния — это в основном сельская местность. Как будто мало холмистых полей и обваливающихся амбаров вдоль дороги, как будто это и так не очевидно.

— Каждый раз, когда вы погружаетесь, есть шанс не вернуться. Если вы оба уйдете вниз одновременно, у нас не останется рычага, с помощью которого можно заставить вас всплыть.

Воздух в салоне все холоднее. На полицейской машине включается поворотник, она перестраивается поближе к съезду, Гарри едет за ней, он приучен подчиняться представителям власти, да и неясно, будет ли толк, если устроить на не очень скоростной «Тойоте» погоню посреди запруженного автомобилями шоссе. Так их не спасти. Гарри вообще не уверен, что сможет их

спасти.

— А когда меня и правда коронуют, я смогу, если понадобится, погружаться вслед за ней?

Этот вопрос кажется ужасно важным. Джек и Дженни на заднем сиденье переглядываются.

— Мы не знаем, — признается Дженни. — Вот уже несколько сотен лет здесь не было нормально функционирующей монархии. Может, сможешь, а может, и нет, но прямо сейчас мы точно знаем, что тебе нельзя. Пожалуйста, даже не пытайся.

— Если ты вдруг забудешь, что у тебя есть руки, и не сможешь вести машину, мы все погибнем, — еще резче говорит Джек. — Прямо сейчас нам нужно, чтобы ты был мальчиком, а не условно двуногим Летом.

— Со мной все хорошо, — говорит Мелани отстраненно, словно во сне, но совершенно отчетливо. — Может, все-таки будете разговаривать со мной, а не обо мне?

— Мел, ты уверена, что с тобой все в порядке?

Если Мелани скажет, что нет, Гарри плюнет на слова асцендентов, ему плевать, что он вроде как должен пустить все на самотек и позволить ей овладевать сезоном в своем темпе. Ему гораздо важнее убедиться, что с Мел все в порядке, чем добраться до их идиотского лабиринта и заполу-

чить их идиотские короны. Это не его проблема, пусть расхлебывает тот, кто согласился на всю эту дичь добровольно.

Он просто мальчик, который почти целую неделю ехал по побережью. Он устал, у него все чешется, волосы воняют, сколько бы он ни мыл их дешевым мотельным шампунем.

Он устал лежать ночью без сна и слушать храп Дженни, устал гадать, суждено ли ему когда-нибудь вернуться домой, устал скучать по папе и маме. Гарри очень надо, чтобы с Мелани все было в порядке.

— Со мной все хорошо, — голос все такой же отстраненный, как во сне, да, но это ее голос. Она еще не потерялась. Что бы с ней сейчас ни творилось, она не пропала. — Он хочет забрать то, что принадлежит мне. Я чувствую его там, где все заледенело.

— Что?

— Не волнуйся. Ты сам поймешь, когда встретишь противника, ты же теперь глубоко погрузился. Достаточно одного раза, и ты узнаешь дорогу через лес, хотя я не знаю, лес у тебя там или нет. Возможно, нет. Может, у тебя там луг, я видела тебя на нем…

Ее голос отдаляется, словно улетая в туннель,

все дальше, все тише. Потом Мелани откашливается и качает головой.

— Со мной все в порядке, — повторяет она. — Все хорошо, это должно было случиться. И уже случалось раньше. Я справлюсь.

Полицейская машина съезжает с шоссе. Гарри следует за ней, поражаясь, как быстро с Калифорнии сошел лоск цивилизации: вокруг кривые деревья с узловатыми ветвями, заржавленный товарный вагон, разваливающийся мост. Они словно заехали в типичную для ужастика глубинку — покажи Гарри кто-нибудь фотографию этого места и спроси, далеко ли оно от шоссе, он сказал бы, что милях в ста, не меньше. Поклялся бы, что это страшное захолустье, тут уж точно никто и никогда не найдет труп.

Патрульный автомобиль съезжает на небольшой усыпанный гравием пятачок (назвать это парковкой язык не поворачивается) в тени чего-то похожего на обвалившийся амбар. На секунду Гарри одолевает искушение — не вдарить ли по газам. Они ничего такого не сделали. Даже если полицейский доложит о них по рации, то не сможет объяснить, за что их арестовывать.

Еще можно уехать.

Гарри паркуется рядом с полицейским автомо-

билем и глушит двигатель, руки на руле, взгляд прямо перед собой. В салоне уже так холодно, что дыхание превращается в облачка пара, холоднее, чем с самым сильным кондиционером. У Гарри внутри ворочается огонь, не дающий полностью покориться холоду, и Гарри изо всех сил пытается его умерить. Мелани падает. И нужно дать ей упасть.

Но как же это больно — сидеть сложа руки, пока она удаляется от него все дальше и дальше.

Полицейский выходит из машины, а его пассажир снова остается внутри.

Гарри опускает стекло и нацепляет на лицо самое дружелюбное и невинное выражение. Он-то думал, что после побега из дома больше не придется изображать дурачка перед вышестоящими, но вот опять, кое-что никогда не меняется.

— В чем дело, сэр? — вежливо спрашивает он.

Полицейский фыркает.

— Сынок, не надо тут изображать умственно отсталого.

— Не стоит называть умственно отсталым того, кто поступает не так, как вам хочется, — отвечает Гарри, не сводя с полицейского глаз.

Тем временем Мелани отстегивает ремень, открывает дверцу и, о боже, выходит из маши-

ны; она собирается сразиться с этим человеком. Гарри не может просто так сидеть и ничего не делать. Не может просто так сидеть, пока она подвергается опасности.

Но Гарри не сидит просто так. Он отвлекает полицейского. Удерживая на лице добродушное и озадаченное выражение, хоть и нахмурившись, он продолжает с легким упреком:

— Это дискриминация по отношению к инвалидам, так нельзя. Нужно аккуратнее выбирать слова. Я превысил скорость?

Неужели в Калифорнии полицейские увозят превысивших скорость подростков с шоссе куда-то в глухомань, прямо-таки идеально подходящую, чтобы спрятать труп? Гарри, конечно, знал, что Калифорния — странное место. Но понятия не имел насколько. В голове мелькает мысль, не сказать ли все это вслух, но он решает не рисковать и выталкивает ее подальше на темные задворки сознания.

— Нет, сынок, не превысил, — полицейский кажется скорее раздраженным, чем сердитым, даже когда Мелани выходит из машины. — Мисс, вернитесь на место. Вы должны оставаться в транспортном средстве.

Склонив голову набок, Мелани смотрит на него.

Просто смотрит. В салоне «Тойоты» сразу потеплело, и Гарри отчасти благодарен за это тепло, а отчасти ненавидит сам себя за то, что, пусть и на мгновение, обрадовался уходу Мел.

Мелани плавно обходит машину, направляясь к патрульному автомобилю.

— Мисс, остановитесь немедленно. Вы препятствуете аресту.

— Не с тобой я должна встретиться, — говорит она. — Ты хочешь, чтобы мы так думали, но нет. У тебя есть пистолет, и ты решил, что с ним ты важная птица. Но ты просто очередной служитель, — в ее голосе столько презрения, что слышать больно.

Гарри оглядывается на Джек и Дженни.

Они молчат, выражения лиц не разобрать.

Поймав его взгляд, Джек выдавливает улыбку.

— Все нормально, — говорит она. — Зима и Мелани не всегда будут мыслить одинаково. Я же знаю, как она на самом деле ко мне относится.

Мелани не останавливается. Она — девушка молодая и симпатичная, и полицейского одолевают сомнения. Положив руку на кобуру, он разворачивается и делает шаг вперед.

— Мисс, вы не подчинились прямому приказу офицера полиции. Остановитесь немедленно,

или мне придется выдвинуть обвинение в сопротивлении аресту.

Мелани оборачивается и смотрит на него, и полицейский делает шаг назад, еще один, еще, пока едва не садится прямо на капот «Тойоты». Высунувшись в окно, Джек говорит:

— Нам, знаешь ли, с ними спорить не положено. Даже когда нам не нравится то, что они творят. Не трогай ее.

Мелани не обращает на полицейского внимания. Ни на кого не обращает внимания и идет дальше к патрульной машине, открывает дверцу со стороны водителя, грациозно опускается на сиденье. Человек на пассажирском месте отшатывается; он слишком далеко, и Гарри не удается разглядеть выражение его лица, когда Мел поворачивается к нему. Судя по развороту плеч и наклону головы, она улыбается.

Когда Мелани вот так поворачивается к кому-то, она обычно улыбается.

— Они же беспощадные, претенденты-то, — продолжает Джек, высовываясь еще дальше, чтобы офицеру было лучше слышно. — На нынешней стадии они наполовину люди, наполовину воплощения и не очень понимают, что́ со всем этим делать, потому что соотношение

постоянно меняется. Не как у нас.

Полицейский встревоженно смотрит на нее. Пожав плечами, Джек продолжает:

— Сезоны заговаривают с нами, объясняют, что́ мы такое и что́ будет дальше, а потом больше особо не трогают. Мы медленнее стареем, быстрее исцеляемся, глаза у нас делаются чудны́е, но на этом все. С претендентами иначе. Они меняются постоянно. Внутри у них трескучий мороз, в сердцах у них засуха. Трудно носить это в себе и не забыть, каково это — быть человеком; возможно, они и про наше присутствие забывают. Забывают, что нам нельзя работу терять, нельзя у всех на глазах тормозить первого встречного подростка на шоссе I–5.

Полицейский снова смотрит на нее.

— Тебе сколько? Двенадцать? Про какую такую работу речь?

— Тринадцать, и работа у меня такая же, как и у тебя, — доставить своего претендента живым к лабиринту. И думаю я, что у меня это получится, а ты только что сел в лужу.

Полицейский резко разворачивается к своему автомобилю. Стекла сплошь покрылись инеем, не видно, что внутри. Машина стоит неподвижно и не качается, драки нет. Что бы там ни произо-

шло, все уже кончено.

Снова открывается дверца с водительской стороны, оттуда выскальзывает Мелани. Вокруг нее клубится ледяной туман, будто она исходит паром, излучает холод. Вот-вот начнется очередная маленькая метель. Полицейский вытаскивает пистолет и направляет на Мел, она спокойно шагает к нему.

— Лечь на землю, — отрывисто командует он. — На землю немедленно.

Не обращая на него внимания, Мелани идет вперед.

— Если хочешь, можешь ее убить, — говорит Джек. — Она еще не добралась до лабиринта, и пуля ее прикончит. Подумай только вот о чем: у тебя больше нет претендента. Так что ты просто застрелишь невооруженную девочку-подростка безо всякой на то причины. Сможешь потом с этим жить?

Полицейский колеблется, и Мелани спокойно доходит до машины. По-прежнему не обращая на него внимания, она обходит «Тойоту», садится, пристегивается. В салоне немедленно становится холодно.

Кожа у Мел даже белее обычного, с голубоватым отливом, будто у свежего трупа. Гарри едва

может на нее смотреть.

— Езжай, — велит она голосом хрупким и очень отстраненным. Этот голос принадлежит кому-то другому, не его девушке. Не его Мелани.

Гарри заводит машину. Полицейский их не останавливает, вообще не двигается, не стреляет, и Гарри выезжает на дорогу.

Впереди у них долгий путь.

Путешествие

ПО КАЛЕНДАРЮ:

18 февраля 2017 года, зима, последняя четверть червивой луны.

Авен скучно.

А это всегда плохо. Тревор уже волнуется, удастся ли ему добраться до лабиринта живым, не говоря уж о том, чтобы целым и невредимым. За последние несколько дней Авен охотно продемонстрировала ему, что «живой» и «целый и невредимый» вовсе не синонимы. Удивительно, сколько всего нужно отрезать человеку, чтобы он перестал отбиваться.

Тревор видел такое, чего никогда не горел желанием увидеть. Он-то считал себя закаленным, на что угодно готовым ради достижения цели, и при этом думал, что по-настоящему злодейский поступок — это застрелить женщину. Ему никогда в голову не приходило, что можно разбирать людей на части, будто надоевшие игрушки, и выкидывать эти части одну за другой, пока игрушка окончательно не сломается.

Авен не терзают угрызения совести. Ей все любопытно, она смотрит на мир со злой и невинной любознательностью ребенка, делает что вздумается, потакает собственным желаниям.

И вот теперь ей скучно, и Тревору, вероятно, недолго осталось.

Они ехали по побережью по следу стылой сестрицы Авен и ее Летнего мальчика, милю за милей по бесконечным калифорнийским дорогам; на юге зовет лабиринт — мерцающий маяк на горизонте, и Авен этот зов причиняет боль, хоть она и отказывается сворачивать туда и уезжать с шоссе I–5. Тревору очень хочется посмотреть, как умрет Гарри, полюбоваться, как Авен испробует свое искусство на его школьном сопернике и тот поймет наконец, где его место в этой вселенной, но еще больше Тревору хочется добраться до лабиринта. Наверное, так чувствует себя лосось, которого бесконечно выманивает из океана зов нереста, тянет домой, туда, где он родился, где он зачнет других лососей и умрет.

Тревору хочется жить. Но рядом на пассажирском сиденье хрустит чипсами Авен, не обращая ни малейшего внимания на крошки, не потрудившись закрыть рот, и получить желаемое у Тревора все меньше и меньше шансов.

Она замирает, и он тоже, инстинктивно реагируя на ее интерес.

— Туда, — Авен тыкает пальцем в сторону съезда, такого маленького, что Тревор его даже не заметил. — Езжай туда.

Он недостаточно быстро крутит руль, и Авен искоса бросает на него гневный взгляд.

— Я сказала, поворачивай, — еще резче приказывает она.

Тревору все-таки хочется жить. И он поворачивает.

Машин мало, так что лишь пара водителей сигналит, когда он через три полосы сворачивает к съезду, ведущему на узенькую сельскую дорогу. Вскинувшись, Авен роняет пакет с чипсами, и по полу рассыпаются крошки. Она не замечает. Прищурившись, оглядывает окрестности.

И наконец говорит:

— Туда, — и показывает на небольшую усыпанную гравием площадку — идеальное место упокоения для автостопщиков. Тревор громко сглатывает.

— Я расстроил тебя, моя госпожа? — спрашивает он придушенно, высокопарно, голос будто чужой. — Ты… Вот здесь ты…

Он не заканчивает фразу. Если сказать «убьешь

меня», слова станут настоящими, а у настоящего гораздо больше шансов произойти.

Тревор знал о такой возможности. Просто думал, что у него больше времени.

— Нет, — нетерпеливо отвечает Авен. — Заткнись. Туда.

Послушно заткнувшись, Тревор едет куда велено.

На гравийной площадке еще одна машина, полицейская, черно-белая с желтым, наверху старомодная мигалка. Эта машина не прячется — не хищник, засевший в засаде, но гордый охотник, сам вид которого должен усмирять.

Рядом стоит человек в форме помощника шерифа и слегка потерянно пялится на нее. Окна запотели. Удивленно моргнув, Тревор понимает, что на самом деле они не запотели, а замерзли изнутри. Либо там взорвался кондиционер, либо…

Он не успевает остановиться. Толкнув ногой дверь, Авен выпрыгивает на гравий, на один сумасшедший миг Тревору хочется вдарить по газам и уехать, бросив ее тут. Это было бы так легко.

Но он не может. Теперь он уже принадлежит ей, он ее Кукурузный Дженни и не может бросить ее посреди этого захолустья, как не может, скажем,

бросить собственную руку. Он так старался никому не принадлежать, что теперь принадлежит ей, целиком и полностью, поэтому он останавливает машину; Авен мчится к неподвижно стоящему помощнику шерифа, бежит так, будто лучше занятия на свете нет.

Тревор почти восхищается ее экономным бегом. Она похожа на львицу, настигающую добычу, и, когда помощник шерифа, наконец заслышав ее шаги, поворачивается, для него уже слишком поздно. Авен врезается в него, хватает за плечи. Тревор торопится следом. Он хочет услышать, что она скажет.

— Где она? — гневно спрашивает Авен. У полицейского озадаченный вид, и она рычит: — Моя сестра. Где моя сестра?

— Та другая Зима, — наконец озаряет полицейского. Он пытается вырваться и не может, Авен сильнее сжимает пальцы. — Мисс, нападать на представителя закона — это тяжкое правонарушение и…

— А что такое «правонарушение»?

На лице у Авен такое невинное выражение, что полицейский удивленно хлопает глазами и, видимо, только сейчас понимает, в какой угодил переплет.

Это дурное место. Они где-то в глуши. Тревор оглядывается по сторонам. Кто бы ни выбрал это место, выбрано оно удачно.

Криков никто не услышит.

Помощник шерифа осознает, в какой опасной ситуации оказался. Еще раз безуспешно трепыхнувшись, он говорит:

— Та другая Зима убила Чарльза, а потом запрыгнула в машину и удрала. Я не знаю, куда они поехали.

— На восток, — говорит Авен. — Они едут на восток. Чарльз был твоей Зимой?

Полицейский кивает.

Авен тоже кивает, ее лицо так и лучится поддельным сочувствием.

— А теперь его нет, и у тебя больше не осталось цели в жизни, маленький Джек?

Полицейский бледнеет.

— У меня есть семья.

— А у меня сестра. И ты ее упустил, — улыбка у нее выходит жуткая. Как у призрака из морских пучин, а не у симпатичной девочки-подростка с сырными крошками на пальцах. Тревор вздрагивает, радуясь, что эта улыбка предназначается не ему. — Не волнуйся. Тебе недолго осталось жить без цели.

Когда Авен приступает к работе, выясняется, что Тревор был совершенно прав.

Криков тут никто не услышит.

После она слизывает с ребра ладони сырную крошку (язычок проходит совсем рядом с кровавым пятном) и, едва ли не пританцовывая, возвращается к машине.

— Наверное, мне хочется тако. Они уехали недалеко. Иней еще не растаял. Нам хватит времени поесть, потом мы их поймаем, и моя сестра пожалеет, что бросила меня.

— Да, — соглашается Тревор. — Уверен, что пожалеет.

Полицейского, или, по крайней мере, его труп, они оставляют лежать возле медленно оттаивающей машины.

Возвращение

ПО КАЛЕНДАРЮ:

18 февраля 2017 года, зима, последняя четверть червивой луны.

В машине все еще холодно. Дыхание Гарри не превращается в облачка пара, но он дрожит и жалеет, что у него такая тонкая куртка, жалеет, что невозможно убавить кондиционер, если кондиционер — твоя собственная девушка. Гарри смотрит в зеркало заднего вида на служителей. Дженни тоже дрожит, съежился и прижался к пассажирской дверце, лицо у него унылое. А вот с Джек вроде бы все нормально, она даже довольна.

Ее устами говорит Зима, пусть и не так отчетливо, как устами Мел. Наверно, так ей хорошо.

Мелани по-прежнему молчит. Смотрит прямо перед собой, не двигается, излучает мороз.

Гарри рад, что надо рулить: можно удержаться от искушения заглянуть ей в глаза, которые почти полностью поменяли цвет и будто покрылись инеем изнутри. Зрелище не просто тревожное

— жуткое. Мел больше ему не принадлежит.

Может, вообще никогда не принадлежала. Доктор Косгроув сотворил ее как идеальный сосуд для Зимы; может, Гарри всегда был для нее всего-навсего средством, которое должно доставить ее к неизбежному, проводить через границу к лабиринту, минуя всех претендентов. От этой мысли едва не лопается сердце. И мысль эта вовсе не такая далекая, как Гарри бы хотелось. И он сильнее давит на газ и едет, превращая расстояние в воспоминание, цель — в путь, оставляя все позади. Все, чем они были, есть и когда-либо хотели стать.

Будущее, несмотря ни на что, все равно наступит. Самое важное — до него добраться.

Мелани тихонько вздыхает, это первый звук, который она издала с того момента, как пристегнула ремень. Гарри бросает на нее быстрый взгляд, разрываясь между страхом и надеждой.

— Мел?

Она не отвечает.

— Эй, Мел, если ты меня слышишь, может, дашь знать? Ведь прямо сейчас я просто с ума схожу; я пойму, если тебе нужно больше времени, честно, пойму, просто не знаю, что со всем этим делать.

Если бы прямо сейчас Гарри не сидел за рулем, он обнял бы ее и не отпускал, пока не оттает. У него есть подозрение, что при этом пришлось бы взойти в Лето — иначе ему пришел бы конец, вскарабкаться по острым горящим ступеням, отделяющим его от сезона, который пока целиком ему не принадлежит, но Гарри готов это сделать, чтобы вернуть Мел. Чтобы привести ее домой.

Только этого он всегда на самом деле и хотел — привести ее домой.

Мелани не отвечает, просто смотрит прямо перед собой, и в машине так холодно, а ехать еще так долго. Сглотнув, Гарри продолжает рулить. Он не знает, что еще делать.

* * *

— Это должна быть и твоя история тоже, иначе смысла нет.

Девушка выглядит в точности как сама Мелани: белоснежная кожа, черные волосы, миловидное личико, будто созданное, чтобы вытащить владелицу из неприятностей: достаточно красивое, чтобы избежать обвинений, но не настолько красивое, чтобы обвинения на себя навлечь (и то и другое — социальный конструкт: красота не добродетель, но и не спутница порока). Вот толь-

ко глаза у нее другие, не льдисто-голубые — это два черных кусочка звездного неба, и Мелани понимает, что они с этой девушкой еще никогда не встречались, и Мелани понимает, что они были вместе еще до того, как она появилась на свет.

Это чересчур. Хотя сейчас все чересчур. Сто́ит Мелани даже на мгновение закрыть глаза, просто чтобы моргнуть, перед внутренним взором возникает тот другой претендент на Зиму в полицейской машине, он пытается крикнуть, его кожа покрывается инеем, пальцы чернеют. Пусть смерть от обморожения и наступает скоро, но это не безболезненный переход в небытие, как любят показывать в кино; плоть не превращается в лед безмятежно и быстро. Это больно, это жестоко, это страшная смерть.

Мелани кажется, сама она такой смертью умереть уже не может. Ведь у нее внутри столько Зимы. Но есть и другие способы, и она умрет, если не будет осторожной.

Вокруг лес: лишь черные деревья на белом снегу, единственное цветное пятно — та самая девушка, похожая на нее, в фиолетово-желтом костюме чирлидерши, будто украденном из шкафчика самой Мелани. Поскольку Мелани уверена, что все происходит у нее в голове, может,

так оно и есть: пусть не из шкафчика, но из представления о нем, из памяти, из такого места, где хранятся ее лучшие школьные воспоминания.

Мелани должна была умереть гораздо раньше. Она была больной девочкой, умирающей девочкой, неудачным экспериментом, и, раз отец столько времени и сил потратил, спасая ее, значит, любил, по крайней мере настолько, чтобы не отпускать. Это должно бы обнадеживать, даже здесь, в ледяном лесу. Но не обнадеживает, пока нет.

Когда она убила человека в полицейской машине, мир начал постепенно выцветать в этот лес, в эту черно-белую иллюзию. Мелани так и не узнала его имени, а теперь никогда не узнает, и ей больно оттого, что ей недостаточно от этого больно. Она могла бы спросить. Могла бы не просто сказать: «Хочешь бросить мне вызов в борьбе за корону? Отречешься?»

Могла бы что-нибудь сделать, а не просто схватить его за руку холодными-прехолодными пальцами, когда он покачал головой и отказался. Могла бы найти другой способ. Могла не участвовать. Гарри сошелся со вторым претендентом на Лето и не убил его, даже когда тот избил и похитил их с Джек. А у Мелани не вышло. Не вы-

шло найти безопасный путь среди меняющихся сезонов, и им всем придется за это заплатить. Она уже платит, ведь она опустилась так глубоко, что даже не может укутаться в успокаивающее оцепенение, которое помогло ей во время первого нисхождения; ей остается только чувствовать и падать.

И чувство у Мелани такое, будто она падает до сих пор, даже стоя в заснеженном лесу и глядя на девушку, которая одновременно является и не является ею, девушку со звездным небом в глазах. Это тот самый лес из снов.

Но прямо сейчас Мелани не спит.

— Ты не можешь отказаться и при этом получить корону. Если останешься здесь внизу со мной, будешь в безопасности, дома, но тебя так и не коронуют.

Мелани моргает, внезапно в ней просыпается интерес. Так есть еще варианты, кроме победы? Джек никогда ей об этом не говорила. По словам Джек, нужно победить, или всему конец. Это что-то новенькое. Мелани вглядывается в девушку, и та удивленно поднимает брови.

— Так тебя это интересует? Хочешь уклониться от коронации? Но все совсем не так. Если останешься здесь, будешь в безопасности, но не

сможешь сохранить меня. Меня получит кто-то другой. Отчасти поэтому мы и смиряемся со смертями всех тех маленьких претендентов, которым не удается победить (и поэтому не вмешались, когда вы начали убивать друг друга, как делаете теперь всегда; очень необычно, правда, но я не совсем понимаю зачем), — все потому, что вы уже мертвы. Все до единого.

Мелани снова моргает, хмурится, чуть расправляет плечи.

— В смысле?

— Я знаю, что ты знаешь, что мертва — ты умерла драматичнейшим образом. Разорвавшееся в груди сердце — прекрасный способ объявить о своем участии. И ты утащила за собой Гарри, потому что вы двое параллельны гораздо дольше, чем кто-либо подозревал. Он бы умер и сам после смены сезона. Возможно, не так драматично; некоторые претенденты даже не замечают, что умерли. Но умер бы сразу. Вы все — ходячие трупы с самого начала коронации, двигаетесь, словно живые, потому что вас поддерживают короны. Любой Зимний или Летний король или королева в момент коронации разом убивает многих, потому что, получив корону, отрезает остальных претендентов от ее даров, а значит, их

перестает поддерживать сезон. Не пугайся так, малышка, ты уже убила двоих и при этом сама не знала, что делаешь.

— Но когда… когда мы бросаем вызов, полагается предложить сопернику отречься.

— Да, и если он отречется, то умрет, — девушка — Зима — спокойно смотрит на Мелани. — Будет отрезан от своего сезона и умрет. Не сразу. Это произойдет не так быстро и резко, как во время поединка, но так же неотвратимо. Прости. Тебе нужно это знать. Корона пробыла у моего последнего регента так долго, что многое сгинуло, позабылось, а о таком не следует забывать.

Мелани несколько раз моргает, пытаясь сопоставить слова девушки со словами Джек, которая так беззаботно утверждала, что можно отречься от короны. Но Джек много чего рассказывала, правда? О смене сезонов…

— Я тебе не верю.

— Не обязательно мне верить. Ты в любой момент можешь отречься от своих притязаний на корону или уговорить Гарри все бросить. Надо просто быть искренней, понимая при этом, что обратного пути не будет. И, конечно, умереть. Все смертное умирает. Даже сезоны. Просто мы потом возвращаемся.

Мелани изумленно смотрит на нее.

— Это ужасно. Кошмарно.

— Да. Оба эти слова подходят.

— Это бесчеловечно.

— Малышка, а почему ты решила, что я человек?

Шурша юбкой, Зима подходит ближе, она больше не выглядит ни юной, ни невинной, ни нетронутой. Она оскорбляет эту фиолетово-желтую форму. Мелани хочется сорвать с нее наряд, лишить ее всего привычного и спокойного, хотя она понимает, что Зима выглядит так только для того, чтобы спокойно и привычно было самой Мелани, чтобы Мел услышала то, что ее просят услышать.

— Я существовала еще до того, как научилась надевать человеческое лицо, и буду существовать после. Когда все человечество обратится в золу, пыль и сказки, я все еще буду существовать, на каждой планете, которая вращается вокруг своей оси, в каждом мире, где есть времена года. У тебя в голове мелькает одна фраза: «Жизнь везде пробьется». Не всегда. Но вот зима… зима пробьется всегда.

Мелани отступает, в равной мере зачарованная и устрашенная.

— Некоторые из вас рождаются такими — их не создают, как создали тебя, в ваших полых сердцах уже пробиваются ростки сезонов. Там, где должна была расцвести ваша собственная человечность. Вы растете, и мы растем, и, когда вы достигаете поры плодоношения, расцветают наши цветы. Что касается служителей, почва у них плодородная, но не такая питательная, как нам бы хотелось. Мы прорастаем и в них, но переплетаемся с семенами человеческой природы, не можем получить принадлежащее нам по праву. Даже когда они расцветают, то сохраняют что-то от своей человечности. А ты, цветочек, нет. Ты целиком и полностью то, для чего тебя сотворили, и чем быстрее уступишь, тем лучше тебе будет.

Мелани не сводит с нее глаз.

— Джек сказала, если я слишком глубоко погружусь в Зиму, то не смогу заявить права на корону. А ты только что сказала, что я не могу остаться здесь с тобой, даже если захочу.

— Для коронации нужна небольшая частичка человечности, — Зима взмахивает рукой, будто отгоняя назойливую мошку. — Пока ты цепляешься за обломки, ты сможешь принять меня. Если же нет, коронуют кого-нибудь другого, и тогда ты мирно угаснешь, как и многие другие до

тебя. Но я надеюсь на другой исход.

Мелани моргает.

— Что?

— Тебя создали для меня. Красивую куколку, которую можно дергать за ниточку. Мне нравится, с каким тщанием тебя творили. Нравится знать, что ты существуешь лишь потому, что кто-то решил, что я могу тебя пожелать. Из всех нынешних претендентов ты моя любимица, поэтому и получаешь столько моего внимания. Я неизбежна. А ты нет. Так что борись со мной, чтобы потом мне уступить, оставайся со мной столько, сколько сможешь. Вместе мы сотворим много всего чудесного.

Мелани пятится от ледяной девушки, у которой ее собственное лицо, которая улыбается такой сладкой, такой холодной улыбкой. Мелани больше не хочет оставаться в этом лесу. В темном холодном месте, где ничего не цветет, ничего не растет, ничего не возрождается. Девушка делает шаг к ней, Мелани снова пятится, поворачивается и бросается наутек; вокруг, словно ветка под ногой, хрустит холод. Холод разбивается на осколки, и зима разбивается вместе с ним, сыплется битым стеклом, и Мелани выдирается наверх из этого леса, она не здесь, ее здесь никогда не было…

В машине посреди шоссе Мелани резко распрямляется на сиденье и с шумом втягивает воздух.

Гарри, который единственный из всех понимал, что она уже пять минут как не дышит, ударяет по тормозам и останавливается прямо посреди трассы. Сейчас это не опасно, во всяком случае, не так опасно, как обычно: на несколько миль впереди и позади никого, на обочинах пусто, только кусты и песок, засохшая грязь, а вдали возвышаются горы.

Отстегнув ремень, Гарри стремительно поворачивается к Мел, обнимает ее и делает то, что не раз делал за эти годы, например, когда в детстве впервые понял, что иногда Мелани, такая любимая Мелани, становится удивительно хрупкой. Он прижимает ее к себе, а Мел плачет, Гарри зарывается лицом в ее волосы и не говорит ничего.

Просто обнимает.

Ускорение

ПО КАЛЕНДАРЮ:

26 февраля 2017 года, месяц до весны, новолуние между червивой луной и луной молодой травы.

Сколько же вокруг Америки — Гарри и не представлял никогда, сколько именно, пока не проехался по ней. Даже когда они не тянут время, как делали в Калифорнии, приходится ехать и ехать без конца по много часов, и, если верить навигатору в телефоне Дженни, до границы между Нью-Мексико и Техасом не меньше двухсот миль. Еще несколько дней — быстрее не получится, даже несмотря на нарастающую тревогу, которая охватывает Гарри при взгляде на темное, полное звезд небо, где нет ни следа луны.

Джек выходит из туалета в зоне отдыха, вытирая руки о джинсы, встает рядом с Гарри и тоже задирает голову.

— Червивая луна официально закончилась, — говорит она. — Теперь мы движемся к луне молодой травы. Когда она полностью покажется

в небе — все: зима не будет ни нарастать, ни даже убывать, начнется весна.

Гарри бросает на нее беспокойный взгляд.

— Ты говорила, что и я, и Мел весной будем бодрствовать.

— Ага, и осенью, — судя по тону, Джек пытается его успокоить. Выходит не слишком хорошо. Но ей все равно, пожав плечами, она продолжает: — Но это если вы получите короны и вас коронуют. Это и моя первая коронация тоже. Я не знаю, что будет, если сезоны сменятся прямо во время нее.

— Не очень-то ты меня успокоила.

— Не знала, что это входит в мои обязанности, — Джек снова пожимает плечами, а потом легонько хлопает его по руке. — Точно как и я, она не рухнет замертво при первых признаках весны. Просто чуть ослабнет. Возможно, это не так уж и плохо.

— Ага, — угрюмо соглашается Гарри и залезает в машину.

Прошло уже несколько дней после того, как они подъехали к границе Аризоны, когда тот претендент на Зиму столкнул Мелани в ее личную ледяную бездну. Мел вернулась к ним и больше не соскальзывала туда — обеими руками цеплялась за настоящее, за свою полнокровную

личность, улыбалась, смеялась, беззаботно болтала, хорохорилась изо всех сил, но Гарри хорошо ее знает. Он уже видел Мел такой, когда ей в очередной раз грозила госпитализация, когда впереди маячила следующая операция и Мелани не знала точно, вернется ли после нее домой. Она делала храброе лицо. Ей вовсе не так хорошо, как она пытается показать, и, хоть Гарри и не винит ее в этих попытках, ему очень жаль, что она чувствует себя обязанной притворяться.

С другой стороны, они только недавно познакомились с Джек и Дженни, доверие между ними не возникает легко и естественно. Гарри страшно устал, напуган, а теперь еще, когда они уехали с побережья, постоянно на взводе и ждет нападения, поэтому в основном он им доверяет, но не потому, что хорошо знает — так, как знает Мел.

Немного странно, как быстро и решительно Джек избавилась от той девчонки, которой была до зова Зимы. Дженни хотя бы признает свое старое имя, пусть даже оно больше ему не подходит, как не подходят взрослому старые детские ботиночки. А Джек как будто решила, что ее новая жизнь началась в тот день, когда она сбежала из старой, и у Гарри язык чешется ее расспросить, но он ведь благополучный ребенок из удивитель-

но здоровой и крепкой семьи и понимает, что некоторые границы пересекать нельзя. Может, у него ушло много лет, чтобы это понять, но никто никогда не скажет, что Гарри Марч не усваивает вбитые в него уроки.

Мел выходит из низенького бетонного туалета. На нем пестреют плакаты, призывающие путешественников, прежде чем снимать штаны, проверить, нет ли поблизости скорпионов. Вот он, американский брутализм, как и в Калифорнии, как и в Аризоне, как и по всему побережью, и Гарри он нравится. Наверное, до конца жизни со словом «безопасность» у него будут ассоциироваться вот эти зоны отдыха возле американских шоссе: никаких финтифлюшек и украшений, битое стекло на парковках и древние гудящие торговые автоматы, домики достаточно прочные, чтобы там можно было укрыться во время бури.

Эти зоны отдыха гораздо больше ассоциируются с безопасностью, чем те мотели, в которых они ютятся, набиваясь вчетвером в одну комнату, ведь, если разделиться, пришлось бы караулить в два раза больше дверей, баррикадировать в два раза больше окон. Гарри только и надеется, что, достигнув лабиринта, они смогут хоть немного выдохнуть. Он травмирован. И знает, что Мел

тоже травмирована. Им нужно отдышаться и отыскать путь домой.

Пусть отец Мел и алхимик, но он не сможет бороться с ней, когда она станет Зимней королевой, не сможет контролировать ее, когда у нее появятся свой двор и корона, да еще будут помогать те чудаки из Беркли. Они справятся. Должны.

Стоя у двери, Мелани дожидается Дженни, а потом они вдвоем идут к машине; наклонившись друг к дружке, сплетничают о чем-то — Гарри с водительского места не слышно о чем.

Он никогда не был склонен к ревности, но, поскольку у его девушки подходил к концу срок годности, остальные парни относились к их отношениям чуть более уважительно.

Они уводили подружек друг у друга, но не у Гарри: Мелани была неприкосновенна. И вполне естественно, если бы при взгляде на Дженни и Мел в груди у Гарри заворочалась, просыпаясь от долгой спячки, ревность. Но нет. Он в некотором роде воспринимает Дженни как продолжение самого себя, как своего законного наместника во многих вопросах.

Гарри потихонечку начинает разбираться в происходящем, и кое-что его настораживает и даже пугает, но особого выбора у него нет.

Дойдя до машины, Дженни и Мелани садятся, и перед тем, как пристегнуть ремень, Мел тянется поцеловать Гарри в щеку. Кожа у нее холодная, но в разумных пределах — ведь ночь-то промозглая, и Гарри, заводя двигатель, понимает, что она поцеловала его просто для того, чтобы он ее почувствовал, и ощущает благодарность.

С каждым днем они все ближе к лабиринту. Дальше будет только хуже.

Еще через восемьдесят миль Гарри подъезжает к мотелю, который будто вышел прямиком из ужастика: длинный, одноэтажный, жмется к земле, перед ним мигающая неоновая вывеска и целая куча кактусов. Комната сто́ит вполовину меньше, чем Гарри рассчитывал, а напор в ду́ше вполовину меньше положенного. Зато есть две кровати, и никто не чувствует поблизости других опасных соискателей, дорога к лабиринту свободна. Гарри забирается в кровать и проваливается в сон, едва голова касается подушки; Мелани сворачивается у него под боком, чуть теплая, от нее пахнет спокойствием и гелем для душа.

Тишина.

* * *

Гарри открывает глаза на залитом солнцем лугу, где сильно пахнет клубникой и в зеленой траве пестреют цветы. Он садится, потом встает и удивленно оглядывается. Он уже бывал здесь, во сне, но сейчас на сон не очень похоже. Совсем не похоже.

Гарри медленно поворачивается кругом. Куда ни глянь, только бесконечный луг. Гарри — дитя западных гор, и этот луг вовсе не его идеальный ландшафт. Хоть что-то должно разнообразить линию горизонта.

Только эта мысль успевает оформиться в его голове, как вдали появляется гора, которой совершенно точно еще мгновение назад тут не было, черно-белая, отчетливо выделяющаяся на фоне неба. Гарри замирает и удивленно моргает. Какая нелепая идея: будто гора возникла только для его успокоения, но это не означает, что такое невозможно.

Гарри все больше привыкает к мысли, что иногда что-то происходит просто потому, что хочет произойти, а не потому, что это логично. Логичность — не самый главный для вселенной критерий. Может, именно поэтому он не подпры-

гивает от удивления, не вздрагивает и даже не моргает, когда, в очередной раз повернувшись, обнаруживает прямо перед собой человека; у этого человека лицо и фигура Гарри, и не только лицо и фигура — вообще все, они отличаются разве что одеждой: на Гарри джинсы и жутко замызганная рубашка (это путешествие скверно сказалось на его обычно строгих привычках, Мел с каждым днем просто кажется все более милой и растрепанной, а вот Гарри выглядит уже так, будто вовсе пренебрегает личной гигиеной), а на том другом мужчине — футбольная форма, фиолетово-желтая, без единого пятнышка. Ни следов от травы. Ни грязи, ни пота.

Значит, в футбол он не играет, надел ее только ради Гарри. Гарри знает, каково это — изображать кого-то ради другого. Нацепив на лицо дружелюбную улыбку и приняв расслабленную позу, которую он обычно принимает перед вышестоящими, он смотрит мужчине в глаза.

И на этот раз вздрагивает, хотя позже с гордостью будет вспоминать, как ему удалось справиться с собой, ведь при взгляде в эти глаза совсем не скажешь, что Гарри и этот человек похожи: в чужих глазах кусочки летнего неба, голубые, ясные, нечеловеческие, по небу мчатся

облака, подгоняемые ветром.

Гарри охает.

— Уже почти весна, — говорит мужчина. — Колесо совершает оборот. Солнце возвращается из долгого небесного странствия.

— На самом-то деле Земля вращается вокруг Солнца, — отвечает Гарри, совсем не уверенный, что педантизм сейчас кстати.

Мужчина смеется.

— На самом-то деле Солнце вращается вокруг галактики, но людям далеко не сразу удалось это вычислить, — говорит он. — Много веков вы считали, что Солнце вращается вокруг Земли, вот только не верили в это достаточно сильно, чтобы вселенная переписала сама себя соответствия ради. Человеческая вера прекрасна и ужасна.

— Мел мне про это рассказывала, — Гарри скрещивает руки на груди. — Она говорит, иногда ей снятся заснеженный лес с черными деревьями и женщина, которая выглядит в точности как она, и в глазах у нее полночь. Именно так Мел разговаривает с Зимой. Значит, ты Лето?

— В основном претенденты угадывают не так быстро, — говорит Лето. — Я впечатлен — или был бы впечатлен, если бы ты не шел в тесной параллели с ледяной девой. У тебя есть преиму-

щества, и это вовсе не твоя заслуга.

Гарри пожимает плечами.

— По мне, так недостатки их вполне компенсируют. Если ты разговариваешь со мной так же, как с ней разговаривает Зима, значит ли это, что теперь у меня больше шансов получить тебя?

— Мы не едины так, как едины те люди из Беркли: у них только одна сущность в каждый отдельный момент времени. Нас же всегда больше одного. Если получишь мою корону, не будешь единственным Летом — в мире их семь. И тебе нужно будет с ними освоиться. Вам придется работать вместе, даже если они желают только гореть.

Гарри моргает. Сама мысль о том, что судьбу климата нужно решать сообща, нелепа… но разве не так уже много лет делают нефтяные компании? Решения, влияющие на всю планету, принимаются в кабинетах, где сидят акционеры, у которых есть свои предубеждения, ведь они не просто делают что-то, в результате чего гибнут коралловые рифы, поднимается уровень моря да мало ли что еще, но при этом гребут деньги лопатой. Гарри знает (абстрактно, как человек, которому в жизни не приходилось волноваться из-за денег), что деньги обычно вызывают силь-

ный стресс. Интересно, сколькие из этих людей смогли бы отказаться от желаемого, взглянув на отчет, где говорится, что ради собственного комфорта и безопасности придется пожертвовать какими-то там морскими млекопитающими, которых они и в глаза не видели?

Вероятно, немногие. Значит, эта система ненамного хуже других. Она работает, как и любая другая система, когда-либо придуманная человечеством. И все-таки Гарри хмурится.

— Ты не ответил на мой вопрос. У меня больше шансов?

— Да. Именно поэтому, человек, мне нужно, чтобы ты освоился в моем обществе. Если ты получишь мою корону, то никогда больше не будешь один, никогда не освободишься от меня — или от своей ледяной девы. Она будет рядом до конца твоих дней. Подумай хорошенько, прежде чем принимать окончательное решение.

Гарри семнадцать, он еще слишком молод, чтобы всерьез задумываться о женитьбе (хотя он собирался жениться на Мел еще в детстве, когда им обоим исполнится двенадцать), но он всегда знал, что в один прекрасный день эти мысли у него появятся, а еще знал, что, если откинуть в сторону все возражения, касающиеся неизбеж-

ной смерти Мелани, он обязательно выберет ее. Она его девушка. Вот и все. И однажды станет его женой, если они оба доживут. Поэтому Гарри пожимает плечами и отвечает на предостережение Лета:

— И что? Это я понял, когда мне восемь стукнуло. Ты обещаешь мне мир, где мы сможем быть вместе. Как же мне не согласиться?

— Ты понимаешь, что даже сейчас она не совсем человек?

— В смысле, понимаю ли я, что ее папаша — придурок вроде доктора Моро? И создал ее в лаборатории, чтобы получилось хорошее воплощение Зимы? Скажу начистоту, когда Джек впервые об этом упомянула, я решил, что это какая-то чушь, ведь тогда столько всего происходило… — Гарри вздыхает и качает головой. — Это было чересчур. И сейчас чересчур. Ты же понимаешь? Человеческая вера — штука серьезная, но отдельные человечки — существа маленькие, и вот это все немножечко перебор: «Эй, а теперь давайте-ка поубивайте друг дружку, чтобы выиграть корону, стать антропоморфным воплощением сезона и заодно перестать быть человеком. Надеюсь, у вас все классно, ребята».

Лето медленно моргает и долго смотрит на

Гарри своим бесстрастным взглядом, в котором плывут облака.

— Так вот что они вам сказали? Это не совсем правда.

— В каком смысле? — встрепенувшись, спрашивает Гарри. — Можно отказаться?

— Нет. Но необязательно убивать. Нужно только заявить право на корону.

Гарри недоуменно морщится.

— Не понимаю.

— Нельзя убить то, что уже мертво. Все претенденты, которые останутся после коронации, умрут, их сметет с пути новых короля и королевы ветром проявления. Технически ты никого не убиваешь.

— Не убиваю?

— Как я уже сказал, нельзя убить то, что уже мертво.

В устах Лета все звучит совершенно логично, будто Гарри должен без сомнений это принять, но ему хочется усесться прямо на заросший цветами луг, опустить руки в траву и завопить. Гарри знал, что Мел умерла: у нее не было пульса. И пытался не обращать внимания на едва заметные знаки, которые свидетельствовали о том, что и сам он мертв. Например, он спит, но не устает, ест, но не

испытывает голода, вовремя справляет плотские нужды, но они его вовсе не беспокоят, словно он выполняет по списку некие обязанности, которые нужно выполнить, чтобы потом заняться более приятными делами.

Тело по-прежнему функционирует как положено, а может, даже немного лучше: Гарри уже давно нормально не спит, питается лишь едой, которую продают на стоянках для грузовиков и в закусочных, — даже его подростковый организм уже должен был взбунтоваться. У него не болит голова. У него даже насморка ни разу не было. Он легко засыпает, легко просыпается, не чувствует боли, ведет машину по много часов, и у него не ноют глаза и не немеют плечи… Если это смерть, нужно было умереть давным-давно.

Вот только Гарри знает, что смерть обычно не выпускает людей так легко. Поэтому он смотрит на Лето в молчаливом изумлении, не желая верить услышанному, хотя почти все это он и так уже знал.

Мел была мертва с самого начала истории. Мел появилась на свет в лаборатории безумного ученого, ведь алхимики — безумные ученые, именно так, хоть волшебниками их зови, хоть магами, как в каком-нибудь дерьмовом фэнтези, но уж

Гарри знает, что такое безумный ученый. И врать себе не будет.

— Те, кто отказался от короны, хранят частичку меня у себя внутри, как и служители, — объясняет Лето. — Они успевают вернуться домой к семье, уладить дела. А потом частичка меня, поддерживавшая в них жизнь с начала коронации, угасает, возвращается ко мне, и они угасают тоже. Их смерть связана с сезонами, поэтому родные и любимые о них не забывают, как забывают о тех, кто гибнет, состязаясь за мое расположение. — Заметив выражение лица Гарри, Лето смеется. — А ваши служители не сказали? Вероятно, они забыли — пусть, ведь это ничего не меняет; твои родители не разыскивают тебя, потому что к этому моменту уже так плохо тебя помнят, что не осознают твое отсутствие.

Гарри это кажется не более удивительным, чем новость о его собственной смерти. Сезоны столько всего скрывают, пусть даже из-за этого у них могли возникнуть серьезные неприятности, тайной больше, тайной меньше.

— Они вспомнят меня, когда я одержу победу и получу корону?

— Да. Тебе придется отсутствовать лишь до тех пор, пока человеческая воля не упорядочит меня

на этом континенте.

Гарри, чуть нахмурившись, пытается разобраться в этой фразе. Наконец он со вздохом говорит:

— А знаешь, не обязательно ведь разговаривать как дипфейк из «Инстаграма».

К его удивлению, Лето хохочет, долго, заливисто и совершенно бессовестно, словно ничего смешнее в жизни не слыхал. Успокоившись, он качает головой и говорит:

— Нет, обязательно. Пока обязательно. Когда я стану тобой, а ты мной, может, у меня и получится. Но вот уже почти триста лет на этом континенте я имел дело только с Уильямом Монро, а этот мелкий жалкий человечек при любой удобной возможности прибегал к жестокости и никогда не разговаривал со мной подолгу, чтобы я успел приспособиться к меняющемуся миру.

— Как ему это удавалось? Ты ведь был с ним, разве этого недостаточно?

— Обычно так и есть. Но он мнил себя лучше своего сезона. Он первый на этом континенте убил по собственному желанию. До него, когда приходило время сменить лицо, претенденты сражались друг с другом, да, состязались браво и достойно, отлично зная, что проигрыш означает

смерть, но проигрывали с честью. Все, кроме Уильяма. Он желал победить любой ценой. Каждый раз он отказывался от честного поединка и убивал. Проведя с ним столько времени, я стал более жестоким. Надеюсь, ты научишь меня быть мягче.

Эта просьба кажется искренней, поэтому Гарри ничего не отвечает. Это все чересчур. Он знает, что это чересчур, и хочет послушать еще, пока сезон, который, как он надеется, скоро будет принадлежать ему, готов рассказывать. Да и что остается — не бегать же от Лета по лугу?

Рвануть к далекой блеклой ледяной горе, где Мелани, видимо, ведет сейчас такую же беседу с собственным сезоном? Нет. Лучше остаться и послушать, поспрашивать в нужных местах, чтобы разговор, пусть и такой странный, не прекращался. Гарри что-то узнаёт. Ему это нужно.

— Насколько ты — это ты, и насколько — тот, кто носит твою корону?

— Я идея, побочный продукт природного мира. Сезоны существуют потому, что планета вращается вокруг своей оси и оборачивается вокруг Солнца, или потому, что древняя богиня урожая прокляла весь мир и потребовала, чтобы ее дочь вернули из царства мертвых, или потому, что

люди хотели, чтобы снова росло зерно на полях, и приносили в жертву своих же соплеменников на снегу. Трудно сказать. Я все это сразу, и неважно, какая версия кажется тебе весомее остальных, они одинаково значимы. Даже если сочтешь одну причину более важной, это ничего не изменит. Одной Летней души недостаточно, чтобы изменить всю вселенную, как бы сильно ты ни желал. Но, Гаральд, я не человек. Ты должен принять и понять это прямо сейчас, пока мы еще не едины, отделены друг от друга, ибо ты уже так близок к лабиринту, что можешь победить прямо сейчас, а когда получишь корону, не сможешь отринуть ее. Разве что убив девушку, которую, как сам утверждаешь, любишь.

Гарри моргает.

— Мы параллельны.

— Да, но не связаны друг с другом так тесно, как будете связаны после коронации. Здесь зарождается алхимическая свадьба. Если ты согласишься, пути назад не будет, разве что ты захочешь начать все сначала и устроить новую коронацию.

Долгое мгновение Гарри молча смотрит на далекую гору, а потом пожимает плечами:

— Ладно.

— Ладно? — озадаченно переспрашивает Лето.

— Да, ладно. Я достаточно далеко зашел, и я уже мертв, выходит, это какая-то безумная посмертная жизнь, правильно? Бывают гораздо худшие варианты посмертия, ведь в этом у меня по-прежнему есть руки и ноги, я могу ходить, да еще остаюсь с Мел. Это прямо-таки вишенка на верхушке того кошмарного мороженого, в которое превратилась моя жизнь. Когда больше не придется постоянно терпеть общество двоих служителей и можно будет наконец поцеловаться по-человечески и даже раздеться, все будет превосходно. И если ты сейчас скажешь какую-нибудь гадость про то, что мы три месяца в году проваляемся мертвыми, так лучше не надо. Я уже знаю, можешь не напоминать.

Лето смотрит на него, и его губы медленно растягиваются в широкой улыбке. Пусть на нем и лицо Гарри, но Гарри так не улыбается. Это какая-то совсем другая улыбка.

— Думаю, мне понравится быть тобой, Гаральд Марч, если только ты доберешься до конца. Увидимся в лабиринте.

— Что ты?..

Луг пропадает, Гарри открывает глаза в темном номере очередного мотеля. На соседней кровати тихонечко храпит Дженни; под боком свернулась

калачиком Мел, положила голову Гарри на плечо, ее волосы вот-вот залезут ему в рот. Опять. Гарри моргает заспанными глазами, а потом с улыбкой смотрит на нее.

Они почти добрались. И они победят.

Никогда еще он не был так уверен.

Книга VII
Алабама

В весенних грезах ощущаю
Граната вкус и мяты.
Но, просыпаясь, слышу ветер,
В тоске ее зовущий.

Доктор Мэри Кроуэлл, «Когда меняются сезоны»

Претендент на место жреца мог добиться его только одним способом – убив своего предшественника.

Сэр Джеймс Джордж Фрэзер, «Золотая ветвь: Исследование магии и религии»

Королева мечей славится тем, что создает чудовищ, а почти все Пажи по-своему чудовища, но почти никого из них она не задумывала и не имеет никакого отношения к их созданию. Каждый владыка творит собственный двор, призывает придворных из своих владений. Консорта, если пожелает, Госпожу или Господина;

Рыцаря, чтобы вершил волю владыки в его землях; и иногда Пажа, который служит своему повелителю живым оружием. Многие Консорты не желают терпеть рядом с собой Пажей, поскольку многие Пажи – чудовища.

Видите ли, Пажи бессердечны, все до единого, даже добрейшие из них. Они действуют в соответствии со своими идеалами, а это не идеалы мягких и милосердных. Худшая среди них – Паж застывших вод, и всегда была худшей, ее сотворили изо льда и утопленников, но она лишена естественного сострадания, которому наследуют эти обыкновенные вещи. И если лучший среди них – Паж тлеющих углей, то лишь потому, что Королева жезлов, создавая своего соратника, не воображала ничего жестокого. Пажи – не люди. Они чудовища, и то, что вину за создание чудовищ, коль скоро Пажи существуют, всегда возлагают на Королеву мечей, служит очередным доказательством того, что мир вечно и всегда по сути своей несправедлив.

Все Пажи, раз почуяв что-то, что мож-

но уничтожить, будут являться снова и снова; обратить против себя Пажа – то же самое, что обратить против себя сами стихии в их наиболее необузданной и жестокой форме.

Эйвери и Циб продолжали путь, не ведая, что против них теперь обратились и вода, и ветер, каждый по-своему, и что их путешествие настолько далеко от завершения, что едва-едва началось.

А. Дебора Бейкер, «Вдоль Солистого моря»

Красная глина

ПО КАЛЕНДАРЮ:

28 февраля 2017 года, месяц до весны, новолуние между червивой луной и луной молодой травы.

Границу с Алабамой они пересекли чуть больше часа назад, и теперь лабиринт очень близко — Гарри даже не уверен, что сможет нормально вести машину. Дорога впереди мерцает радужным светом, так ярко, что на нее едва можно смотреть. Мелани вообще больше не смотрит. Откинувшись на сиденье, она закрыла глаза и запрокинула лицо к потолку. Джек и Дженни сзади прижались друг к дружке.

— Нас захватила невероятная дорога, — тихонько говорит Джек.

— Мне от этого не легче, — огрызается Гарри.

— Теперь мы ни за что не потеряемся, — поясняет она. — Вряд ли это возможно.

— Все равно не легче, не смогу я погрузиться на самое дно детской книжки и при этом не потерять из виду всамделишную дорогу, а если я ее

потеряю, вы оба умрете.

С мыслью о собственной смерти Гарри за последние два дня свыкся. Ситуацию облегчает то, что Мел тоже мертва и из-за этого не переживает. Гарри только и надо получить корону, тогда ему достанется все, чего он когда-либо желал. Вот оно, превосходное определение победы.

Гарри сумеет. Они сумеют. Машина едет все дальше, Мел притворяется спящей, впереди разматывается дорога, они въезжают в городок под названием Хантсвилл, и Гарри словно чувствует на коже статическое электричество, буквально чувствует, вот оно, рядом, пылает и полыхает. Лабиринт. Они почти добрались до лабиринта.

Гарри едет, больше не оглядываясь на карту и не спрашивая дорогу у Дженни — да и Дженни вряд ли бы сейчас подсказал. В его навигатор была забита Алабама, а не конкретный адрес, и с самой границы штата Миссисипи навигатор молчит. Гарри едет на зов лабиринта, горящего маяком на горизонте, звенящего неотвратимой песнью сирены. Лабиринт заполучил его. Сейчас Гарри не смог бы ускользнуть, даже пожелай он того, а он больше не желает.

И вот машина сворачивает на небольшую улочку с беленькими домиками (настоящий гимн

американским пригородам), и вдруг лабиринт исчезает.

Гарри тут же ударяет по тормозам. Тормоза взвизгивают, и машина останавливается. Возмущенно замычав, Мелани выпрямляется, открывает глаза и моргает.

— Куда он делся? — спрашивает она.

— Не знаю, — отвечает Гарри. — Я ехал по следу, потом свернул на эту улочку, а тут ничего нет.

— Паркуйся, — резко командует Джек.

Гарри встречается с ней взглядом в зеркале заднего вида.

— Тебе что-то известно?

— Мне известно, что ты должен припарковаться: я уловила кое-что, чего не чувствовала уже давным-давно.

Пожав плечами, Гарри ставит машину возле тротуара перед белым домиком, ничем не отличающимся от остальных. На зеленой лужайке два надувных рождественских украшения: большой умильный мультяшный кролик и мультяшная же собака в автомобильчике в форме морковки, морковка едет к кролику. Гарри выключает зажигание, кладет ключи в карман и поворачивается к служителям.

У Дженни такое же выражение лица, как и

у Джек. Недоумение мешается с желанием настолько сильным, что им можно ранить. Дверь дома открывается, и в светлом проеме появляется черный силуэт женщины. Она не выходит на лужайку, но манит их внутрь.

Джек пулей, не дожидаясь разрешения Мелани, вылетает из машины и мчится, не разбирая дороги. Зацепившись ногой за тросик, удерживающий надувную мультяшку, она растягивается ничком на траве. Бегущий следом Дженни помогает девочке подняться, и они несутся дальше, пока Гарри и Мел медленно выбираются из автомобиля.

Смех стоящей на пороге женщины похож на дымный бурбон: текучий, торфянистый, насыщенный, чуть дурманящий. Она смеется, когда к ней подбегает Джек, снова смеется ее словам, а потом обнимает девочку, Гарри понимает, даже глядя издалека, что ее объятия ласковы, как родимый дом. После Джек женщина обнимает и Дженни, и взмахом руки приглашает обоих служителей войти.

А сама оглядывается через плечо:

— Ну что, идете? — голос у нее такой же, как и смех, со сладким алабамским выговором.

Мелани ускоряет шаг, Гарри торопится за ней.

Женщина ждет их на пороге, напомаженные губы улыбаются, в глазах веселое любопытство. Гарри она кажется очень милой, в духе «милая и по возрасту в матери мне годится»: стриженые темно-каштановые волосы до линии подбородка, глаза, как и смех, тоже напоминают виски, лицо хорошо слепленное, красивое и симметричное. На незнакомке черные лосины и черный свитер с V-образным вырезом, вид у нее спокойный, расслабленный, несмотря на внезапно нагрянувшую толпу.

Причина проясняется, когда женщина смотрит на Мелани. Шагнув вперед, она делает глубокий реверанс, торжественно, словно придворная дама перед королевой.

— Моя госпожа, — говорит она, распрямляясь и улыбаясь еще шире. Ее взгляд переходит с Мел на Гарри, как будто женщина только что его заметила. — Вот мой муженек обрадуется, когда увидит, что ты тоже добрался. Хороший знак — начинать с параллелью. Насколько вы связаны?

— Они оба одновременно рухнули замертво, — поясняет Джек. — В самом начале коронации.

— Ты присматривала за ней? — спрашивает женщина у Джек, и та кивает. — Ну что ж, поэтому, наверное, они и продвинулись так далеко.

У них всегда лучше получается, когда есть кому присмотреть, во всяком случае, так я слыхала. Одна моя родственница сейчас в Англии, она помогала с последней коронацией — приглядывала за будущей Летней королевой во время испытаний.

— Извините, а вы Кукурузная Дженни? — спрашивает Гарри.

— Ой, вот уж нет, — улыбка на лице женщины напоминает огромный костер в ночь на середину июля, на котором жарят хот-доги и сморы. За такой улыбкой Гарри последовал бы на край света. Последовал бы куда угодно.

У него такое ощущение, что он последует за ней в лабиринт.

— Я Скупой Джек. Но вы можете звать меня Кэролин. Давайте уже пройдем в дом, чтобы не устраивать спектакль перед соседями.

Гарри берет Мел за руку, сжимает покрепче, и они заходят вслед за женщиной в дом, в теплую ярко освещенную прихожую.

Кэролин закрывает дверь.

* * *

— Клифф сейчас на работе, — сообщает она, снуя по гостиной, пока все рассаживаются на

диванах и глядят на нее — кто с усталостью, кто с опаской, кто с обожанием. Кэролин вроде как ничего не замечает, а если и замечает, то не подает виду; она занята — разливает кофе, выкладывает на тарелку свежие сконы и печенье «Орео», ставит угощение на журнальный столик, церемонно, будто жрица — поднос с королевскими сокровищами.

Мелани берет себе скон и чашку кофе и, откинувшись на спинку, следит за Кэролин, по-прежнему хлопочущей вокруг них.

— Может, присядете и присоединитесь к нам? — спрашивает она.

— Моя госпожа, ты просишь меня присесть? — переспрашивает Кэролин. Вид у Мелани становится озадаченный, и хозяйка со вздохом поясняет: — Я бы с радостью, но вы мне тут грязи натрясли с ботинок, и, если прямо сейчас не убрать, останутся пятна. Подождете немного? А я выполню главнейшие хозяйские обязанности, да еще спасу свои полы.

— Э, конечно, — вид у Мелани делается сконфуженный.

Положив скон на колени и обхватив ладонями чашку, она продолжает следить за Кэролин, а та достает из шкафчика возле кухни швабру и

начинает мыть пол.

Дома в Орегоне такое поведение сочли бы грубоватым: не дело предпочесть гостям швабру, пусть даже гости незваные. Но в этих краях грязь (Мел хорошо видит ее на своих ботинках) жуткого ржавого цвета и напоминает засохшую кровь. Она непоправимо испортит ковер. Щеки Мел заливает румянец, и, пристыженно опустив голову, она спрашивает:

— Может, нам ботинки снять?

— Да поздно уже, милая, — со сладкой улыбкой отвечает Кэролин. — Грязь проникла в дом. Но все в порядке. Мамочка моя всегда говорила: если ты в здравом уме, то и полы у тебя будут такие, чтоб отмывались. А мне и так и эдак нужно было пошуровать шваброй.

— У вас во дворе кого-то убили, мэм? — спрашивает Джек, и в ее голосе слышится обожание.

— Нет, милая, в Алабаме такая грязь повсюду. Виноваты какие-то минералы в почве, а глина липнет к подошвам и попадает везде, куда бы вы ни пошли. Если такое пятно высохнет, хоть на дереве, хоть на ткани, его уж ничем не сведешь, вот я и убираю, пока не засохло. Почти как кровь, пусть никого и не убили.

— Прошу прощения, — чуть приосанившись,

говорит Гарри, — но вы сказали, что вы Скупой Джек. Я знаю, это как наш Джек, только не для зимы, а для осени. Почему же мы еще ни разу не встречали Скупых Джеков? И почему у вас осталось обычное имя, и вы не откликаетесь только на «Джек», как, хм, наша Джек?

— Давай-ка я домою, а уж потом будете задавать мне важные вопросы об устройстве вселенной. Я послала сообщение Клиффу, надеюсь, он подойдет, когда я управлюсь с уборкой или около того, вот и поговорим. Мы вас ждали.

— Мы что, прибыли первыми? — спрашивает Дженни.

Почему-то совершенно не удивительно, что Кэролин снова смеется и качает головой.

— Бог мой, вот уж нет. Ваш брат, претенденты, уже много дней собираются, окрестности лабиринта наверняка усыпаны трупами. Никто не может попасть внутрь, пока не откроются врата, а они откроются, когда придет час, когда они сами решат, что пора; претенденты стягиваются туда и, вероятно, убивают друг дружку, чтобы скоротать время. Лабиринт сияет все ярче, он уже почти готов впустить их в себя, скоро вы сможете войти и приступить к испытаниям.

— Что… — начинает было Гарри, но Мелани

кладет руку ему на колено. В ответ на его вопросительный взгляд она качает головой. И Гарри понимает.

Если они насядут и потребуют рассказать все прямо сейчас, пока эта славная сверхъестественная женщина убирается и ждет Клиффа, кем бы ни был этот Клифф, то, возможно, не получат исчерпывающих ответов, а может, не получат и вовсе никаких. Они в гостях. Нужно уважать ее границы.

— Что вы кладете в свои сконы? — чуть неуклюже переиначивает Гарри вопрос, надеясь, что хозяйка не заметит резкой смены темы. Он обнюхивает свой скон. Обычное сладкое тесто, но что-то такое туда добавили, Гарри откусывает кусочек и пытается угадать, что именно.

Закончив уборку, Кэролин снова ослепительно улыбается ему, опершись на швабру.

— Ваниль и маленькую щепотку розмарина. Тогда они получаются и сладкие, и пряные. Не угадаешь же, что́ вам придется по вкусу, мне ведь неизвестно, из какого далека вы прибыли.

— Мы начали свой путь в Портленде, в Орегоне, — подсказывает Джек все тем же чуточку восхищенным голосом.

— Долгая дорога. Полагаю, вы среди последних;

может, поэтому лабиринт наконец заворочался, готовясь проснуться и впустить всех вас. Он хочет сделать все по-честному, если может, во всяком случае, так говорится в легендах; хочет, чтобы у всех, кто зашел настолько далеко, были равные шансы.

— А лабиринт живой? — Мелани внезапно охватывает беспокойство. Кажется, в последнее время все так и норовит ожить, начиная с концепций и заканчивая временами года. Ей вовсе не хочется лезть внутрь огромного неведомого чудовища, чтобы добыть корону, о которой она вообще-то никогда и не просила.

И умирать ей тоже не хочется. Каким-то образом они оказались в той точке, где невозможно сделать правильный выбор, ей, Мел, это совсем не по душе.

— Полагаю, тут можно ответить и «да», и «нет», и еще добавить небольшую щепотку «возможно», — отвечает Кэролин. — Он живой, когда пожелает, и неживой, когда не желает, решает только он сам.

Гарри не очень понимает, как что-то неживое вообще может что-то решать. С другой стороны, он сам сейчас жив только потому, что так решило Лето, и это он тоже не очень понимает. Иногда,

чтобы получить нужные ответы, остается лишь не спрашивать.

Сполоснув швабру, Кэролин ставит ее обратно в шкафчик, берет себе чашку кофе, присаживается на большой пуфик и делает глоток.

— Скон хотите? — спрашивает Джек, явно готовая вскочить и начать обихаживать их собственную хозяйку.

Честно говоря, это стремление объяснимо. Ситуация получается немножечко неловкая и неудобная, будто тебя внезапно посадили болтать с дальней родственницей, с которой ты не виделся с самого детства.

Кэролин качает головой.

— Нет, заинька, просто сиди себе спокойно. Мне глютен нельзя. Для суставов плохо.

Наверное, это самая нормальная фраза, которую Гарри слышал за последнее время. Он удивленно моргает, позабыв про зажатый в руке скон.

— Но вы же… Вы же не… — он беспомощно машет другой рукой, не понимая толком, что именно пытается сказать, понимая лишь, что выходит не очень внятно.

Хорошо бы устраивали такие специальные мастер-классы: что делать, когда, проехав через всю страну, оказываешься в гостиной милой

южной дамы, которая в матери тебе годится и улыбается так, будто знает какую-то тайну, и сама, может, живая, а может, и нет. Родители исправно учили Гарри хорошим манерам, чтобы не забывал говорить «пожалуйста» и «спасибо» и спрашивал разрешения, и он всегда вел себя как можно вежливее с теми взрослыми, которые не приходились ему родней. Но вот это — все это — неизведанная территория, и он понятия не имеет, что делать. Мелани, кажется, тоже не по себе, и кофе в ее чашке покрывается корочкой льда. Гарри не знает, заметила ли она.

Джек и Дженни все еще с восхищением смотрят на Кэролин, словно восторженные детишки, повстречавшие живую диснеевскую принцессу. И что-то есть в этой женщине от мультяшной принцессы — какая-то нереальная приторность. Гарри бы охотно поверил, скажи она вдруг, что каждое утро ей помогают причесываться лесные зверюшки, к тому же он ведь встречается с Мелани, а Мел практически Белоснежка, только в джинсах. Может, и женщина не всамделишная. Может, все происходит понарошку, а они на самом деле сидят в «Уоффл-хаусе» и ждут, когда нерасторопная официантка принесет яичницу с тостами. Сейчас уже так сложно отличить одно

от другого.

— Я не мертва, если ты про это хотел спросить, — отвечает Кэролин. — Служители не мертвые. Мы живые люди, только внутри у нас слишком много сезона, поэтому мы не можем жить обычной жизнью, но мы живы, и нам приходится заниматься всем тем, чем занимаются живые люди. У нас работа, ипотека, дети (если повезет), аллергия и иногда непереносимость глютена. У меня она, слава богу, не такая сильная, так что я сама еще пеку. Знавала я таких, кто ни крошки в доме не потерпит — сразу худо становится, а я совсем не уверена, что смогла бы поставить на первое место физическое здоровье, наплевав на психическое, даже если б захотела.

Гарри снова удивленно моргает. Потом поворачивается, утыкается лицом в плечо Мел и закрывает глаза.

— А можно, чтобы все опять стало логичным? — жалобно спрашивает он. — Пусть будет не очень логичным. Пусть просто чуточку логичным. Ну хотя бы немножечко — было бы неплохо для разнообразия.

Мел легонько хлопает его по плечу.

— Все в порядке, солнышко. Эта милая дама представляет осень. Я чувствую ее, хоть и не

очень сильно, и, кажется, она не хочет нам навредить.

Кэролин моргает, наклоняет голову к плечу так, что темно-каштановые волосы обнимают щеку.

— Поразительно, — она оглядывается на Джек и Дженни. — Ваших рук дело?

— Они были такими, когда я их нашел, — отвечает Дженни. — Гарри не первый мой претендент.

— Мел у меня первая, — поясняет Джек. — Но, когда я их нашла, они тоже уже были такими. Параллелили задолго до начала коронации. Она… — Джек запинается, будто не зная, разумно ли продолжать. А потом, сглотнув, заканчивает: — Она — Зимняя девочка Косгроува.

— Роланда Косгроува? — вскидывается Кэролин. — Алхимика?

Гарри, услышав ее вопрос, тоже вскидывается и отстраняется от Мел. Тон Кэролин ему совсем не нравится. Будто она больше им не рада, будто она только что обнаружила какую-то дрянь, вылезшую из канализации. Гарри чуть сдвигается, готовясь в случае необходимости заслонить Мел.

— Он был моим отцом, мэм, — говорит Мелани. — Я знаю, что он сотворил из меня идеальный сосуд для Зимы, хотя до сих пор не до конца по-

нимаю, что это значит.

— Он не просто сотворил из тебя идеальный сосуд для Зимы, если верить тому, что я слыхала; он вообще целиком и полностью тебя сотворил, из обрезков и обрывков, совершенно неестественным путем. Алхимический проект, как в былые времена, а алхимикам только дай рецептик из прошлого — тут же кинутся менять настоящее. Раньше они делали сосуды для Лета из роз и солнечного света, а для Зимы — из совиных перьев и снега. В тех созданиях не было ничего человеческого, они были жестоки. Правили, не подчиняясь смертным, и от этого ничего хорошего миру не приключалось.

Гарри пристально смотрит на Кэролин, у него внезапно возникает подозрение, что она бы с радостью подсыпала Мел яду в кофе, если бы знала, кто она такая, когда его готовила. В ее взгляде стальная неумолимость.

— Мел такой же человек, как и любой другой, — говорит он. — Она любит меня, а чтобы кого-то любить, нужно быть человеком.

— Владелец собаки с тобой бы поспорил, — отвечает Кэролин. — Много чего есть на свете, что испытывает чувства, со стороны похожие на любовь. И невозможно узнать, что это на самом

деле за чувства, если только мысли не умеешь читать, а люди в основном, к счастью, не умеют. Этот жуткий фокус лучше оставить богам.

— Я люблю его, — возражает Мелани. — Любила всю жизнь. Я знаю, что чувствую, и знаю, что я настоящий человек. Даже если не предполагалось, что я им стану, что-то пошло наперекосяк, когда я появилась на свет, и я в гораздо большей степени человек, чем вы хотите признать.

— Готова поспорить, пес тоже сказал бы, что любит хозяина, если б умел говорить.

— Готова поспорить, что нет никакой разницы, даже если бы он ошибся, — огрызается Мел. — Если пес говорит, что любит, и это чувство заставляет его вести себя так, будто он любит, заставляет защищать хозяина и заботиться о нем, быть ближе к тому, кому отдал сердце, важно ли при этом, что пес чувствует не совсем то же самое, что человек назвал бы любовью? В определенных обстоятельствах видимость и реальность важны почти в равной степени.

На мгновение воцаряется напряженная тишина. Потом Кэролин смеется.

— А ты мне нравишься, — говорит она. — Не знаю уж, есть ли в тебе то, что нужно для победы (полагаю, лабиринт даст нам ответ), но кроме вас

я пока встречала только одну пару параллелей, и вы уж точно гораздо прочнее укоренились в сезонах. Вы у нас первый полный набор.

— Полный набор? — нервно уточняет Гарри, гадая, не очередной ли это термин, который он не может понять из-за отсутствия знаний.

— Оба сезона и их служители, все сразу.

— Я думал, вы тоже служитель.

— Так и есть, глупыш. Но я никому не принадлежу, — Кэролин морщит нос, словно эта идея кажется ей совершенно нелепой, и оглядывается через плечо, заслышав знакомый звук поднимающейся двери гаража. — Это наверняка Клифф. Хорошо. Мы со всем разберемся.

— Да, мэм, — говорит Мелани.

Никто в гостиной не встает. Хлопает дверь, и из кухни выходит мужчина (видимо, воспользовался черным входом через гараж). И в комнате тут же становится… свежее, будто подул приятный резкий ветерок, очистивший воздух. Глядя на этого человека, сложно ему не доверять. И еще сложнее не проникнуться к нему симпатией, так что Гарри даже не пытается сопротивляться.

Незнакомец высок, широк в плечах — такая фигура обычно бывает у кряжистых от природы людей, а не у качающихся футболистов, на нем

сине-зеленый медицинский халат. Еще бы стетоскоп на шею — и получился бы добродушный доктор прямиком из голливудского фильма. У него приятное дружелюбное лицо и совершенно лысая, будто отполированная блестящая макушка. Может, и правда отполированная. Гарри гадает: раз уж по утрам не надо расчесываться, не натирают ли вместо этого лысые мужчины свои плеши до блеска?

При виде них человек останавливается и широко улыбается.

— Привет вам всем, — алабамский выговор у него еще более явственный, чем у Кэролин. — Кэр, а сконы еще остались?

— На кухне, — отвечает Кэролин. — Налей себе чашечку кофе и приходи к нам. Я как раз собиралась объяснить этим милым детишкам, как добраться до лабиринта.

— Такое нельзя пропустить, — соглашается мужчина. — Посидите немножко, сейчас выдадим вам инструкции, — он возвращается на кухню.

А Кэролин снова с безмятежной улыбкой смотрит на гостей.

— Клифф без кофе не может, — поясняет она. — Чтобы у него больше одной мысли в голове

уместилось, нужен кофеин. Такой вот он у меня лабрадор, возомнивший себя педиатром.

— Не вы ли сейчас пытались нас убедить, что собаки не способны любить, как люди? — язвительно спрашивает Мел.

Улыбка у Кэролин становится не такой дружелюбной.

— Да, может, что-то такое я и сказала. Но ты очень ловко парировала; а с гостями спорить невежливо.

— Вы двое женаты, мэм? — быстро спрашивает Гарри, пока Мел не превратила внезапное напряжение в ситуацию, оскорбительную для хозяйки, про способности которой они по-прежнему мало знают, но которая, несомненно, связана с лабиринтом, а им нужно его пройти, если они хотят пережить зиму.

— В этом октябре будет двенадцать лет, — в голосе у Кэролин гордость. — Встретились, когда Клифф выпустился из колледжа и еще не успел поступить на медицинский. Он тогда только пробудился для силы живой весны, ничегошеньки не понимал, бедный ягненочек. Не уверена, что справился бы, не повстречай тогда меня, а уж я сумела его привязать. А может, я обманываюсь, и с ним и так было бы все в порядке. Удивитель-

ный человек мой муж. Умеет выбивать людей из колеи.

— И это тоже, а еще говорю, как боженька, — добавляет Клифф, выходя из кухни со сконом в одной руке и чашкой кофе в другой. Он плюхается на пуфик рядом с Кэролин и улыбается так широко, словно ничего замечательнее у него дома никогда не приключалось, словно он ждет не дождется, что же будет дальше. — Добро пожаловать. Меня зовут Клиффорд. Так вы, ребята, ищете лабиринт? И что думаете делать, когда туда доберетесь? Готов поспорить, вокруг уже не протолкнуться. До середины не дойдете — затопчут.

— Я думаю войти в лабиринт, получить наши короны и занять престол, — говорит Мел нарочито вежливым голосом. — Более того, я думаю, что, если вы Джек в зеленом, который уравновешивает вот эту Скупую Джек, вы двое будете нам помогать, а значит, было бы очень мило, если бы вы бросили свои замашки а-ля «хороший полицейский и очень вежливый полицейский, который чересчур печется о приличиях» и рассказали то, что нам следует знать.

Клиффорд удивленно приподнимает бровь, еще мгновение с его лица не сходит нелепая

улыбка, а потом он серьезнеет, поворачивается к жене и говорит уже гораздо более естественным голосом:

— А они мне нравятся.

— Прямо к дверям явились, — кивает Кэролин. — Просто… взяли и подъехали к дому, будто им ничего не стоило нас найти. Грязью наследили, но извинились, когда я им попеняла, и, кажется мне, они слегка расстроены.

Гарри и Мел дружно таращатся на нее, не говоря ни слова — они не знают, что тут сказать. Как ни странно, первым справляется с собой Дженни.

— Погодите, так это все что — обычная процедура? Разве это не ваша работа — нас приветствовать?

— О да, — голос Кэролин тоже изменился, в нем по-прежнему чувствуется тепло, но уже чуть меньше искусственности. Она расслабилась. — Мы создали этот лабиринт.

— Мы построили шесть лабиринтов из последних восьми, — хвастается Клифф. — Довольно сложно совместить это со всем тем, что нам еще приходится делать, но уж куда деваться. Как только этим лабиринтом воспользуются, мы сожжем остатки, а потом другая команда возведет следую-

щий. Надеюсь, что его не придется использовать, а еще через год мы опять построим новый.

— Почему вы надеетесь, что его не придется использовать? — спрашивает Гарри.

— Лабиринтами пользуются только во время коронации, — отвечает Джек. — Они строят их каждый год, всегда, потому что именно этим и занимаются Весна и Осень, но все эти лабиринты не будут использоваться, пока не умрете вы двое.

Гарри бледнеет.

— А, тогда лучше не будем умирать.

— Да, не будем, — говорит Мелани. — Знаю, вам всем очень нравится рассказывать новичкам про свой странный секретный алхимический мир, я уважаю это желание: если бы у меня была своя реальность, которую почти никто не видит и не чувствует, я бы тоже не прочь была о ней поболтать. Может, лет через пять, когда обживусь в роли Зимней королевы, стану такой же. Но прямо сейчас мы торопимся, и нам нужно узнать то, о чем вам нужно нам рассказать.

— А ты у нас девчушка прямолинейная, да? — спрашивает Клиффорд, потягивая кофе.

— Это девочка Косгроува, — поясняет Кэролин.

— Что? Да неужели? — опустив чашку, Клиффорд внимательно вглядывается в Мелани. — Вот

уж не думал, что этот научный проект так далеко зайдет. Ты уверена?

— Да, уверена, разве что буквально все встречные, включая дух Зимы, мне наврали, — холодно отвечает Мел. — Да, мой отец был алхимиком, он создал меня, а когда пытался спасти свой эксперимент, убил мою маму, и да, предполагалось, что я стану идеальным сосудом для Зимы; судя по тому, что она успела мне сказать, эта часть эксперимента удалась, но все полетит коту под хвост, если только я первая не надену корону.

— Девочка Косгроува, — вздыхает Клифф. — Помню, мне рассказывала про тебя Джек в зеленом, которая раньше работала в той больнице. Говорила, они пытались пробиться к тебе и твоей сестре, чтобы помочь по медицинской части, но твой отец не пустил. Он хотел создать идеальные сосуды, а они хотели, чтобы эти сосуды выросли под присмотром сезонов, готовые к тем обязательствам и обожествлению, которые в один прекрасный день могли на них свалиться. Он всех прогнал, а кое-кто из наших после этого бесследно исчез.

— Джеки в зеленом представляют весну, и обычно их привлекает работа, связанная с ростом и пестованием, — поясняет Джек. — Многие

становятся медсестрами. Или докторами. Часто учителями.

— Если каждому сезону полагается своя профессия, то какую получила ты, став Ледяным Джеком? — удивляется Гарри. — Прогульщицей заделалась?

— Ха-ха-ха, как смешно.

— Вы оба отвлекаетесь, — одергивает их Мел. — В каком смысле они хотели помочь по медицинской части мне и моей сестре? Сестра родилась мертвой. Некому было помогать. Нельзя оказать медицинскую помощь мертвецу. Отец поддерживал ее при помощи алхимии, а не медицины.

— Но и ты мертва, — возражает Кэролин. — И, глядя на тебя, я бы предположила, что уже после рождения ты умирала несколько десятков раз, но твой отец, твой создатель, мыслит как алхимик, а значит, мыслит как человек, а значит, полагает, что лучше по возможности оставаться живым. Вот он и изыскивал все новые способы тебя вернуть. Для тебя это хорошо, и, возможно, для нас тоже, если ты так подходишь своему сезону, как кажется со стороны; даже коронации не под силу было бы тебя вернуть, если бы ты перешла границу Зимы. Ты и раньше умирала, и прямо сейчас мертва. Почему ты думаешь, что твоей Летней

сестрице это не под силу? Просто глупо.

Мел удивленно моргает и тихонько откидывается на спинку дивана. Гарри забирает у нее чашку, чтобы не пролила кофе. Если уж Кэролин так переполошилась из-за грязных полов, то неизвестно, как она отреагирует на кофейное пятно на своем диване.

— Что нам теперь делать? — спрашивает Гарри, не отводя взгляда от Клиффорда. — Как добраться до лабиринта и что делать, когда мы туда доберемся?

— Лабиринт так близко, что вы окажетесь на пути пу́гал, едва ступив за порог, — говорит Клифф, став гораздо серьезнее. — Вам только и нужно что двигаться вперед. Остальные претенденты там, их служители тоже; вероятно, они попытаются вас убить, но вы сумеете друг друга защитить, пока не откроются врата. А еще можете поохотиться на соперников, сами решайте. Как только двери откроются, вы сможете войти и отправиться к центру. Кто первый туда дойдет, тот и заявит права на корону. Всех непригодных отсеяли задолго до этого момента.

— Так нам предстоит бег наперегонки, только с убийствами? — уточняет Гарри.

— Вот теперь ты уловил суть, — говорит Клиф-

форд. — И нет, мы не знаем, когда откроется лабиринт. Он сам решает, когда пора.

— Как только войдем, попадем в алхимическое время, — поясняет Джек. — Так уж это устроено.

Гарри сердито смотрит на нее.

— Я маленько устал от всех этих «так уж это устроено», когда нужно объяснить что-то совершенно нелогичное. Просто чтоб ты знала.

— Соберись, тряпка, — отвечает Джек чуть веселее, чем следует. Сделав еще один глоток, она ставит чашку на столик. — Что ж, почти добрались. Наверное, пора нам двигать.

Кэролин пристально смотрит на нее и откашливается. Джек недоумевает.

— Подставка, — подсказывает Кэролин.

Джек с пристыженным видом переставляет чашку на подставку и поднимается.

— Спасибо вам за гостеприимство. Мы знаем, что вы не обязаны были, и мы благодарны.

— Не за что, и, если от этого есть хоть какая-то польза, я думаю, у вас весьма неплохой шанс добраться до конца. Косгроув потрудился на славу, и ваша пара связана с сезонами теснее всех, кого мы пока видели.

— Очень… приятно слышать, — неуверенно отвечает Гарри, встает и протягивает руку Мел. Она

ставит чашку (на подставку, заслужив одобрительный кивок Кэролин) и тоже встает, держась поближе к нему. — Если, переступив через порог, мы окажемся в лабиринте, можно ли оставить здесь машину?

— Ты на улице припарковался? — уточняет Кэролин.

Гарри кивает.

— Неделю-другую с ней все будет в порядке, а если лабиринт вас к тому времени не выплюнет, значит, вы погибли там внутри. Он сияет все ярче и ярче, ему уже недолго вызревать. Наверняка мы не знаем. При нас он никогда еще не просыпался, — она внезапно ослепительно улыбается. — Готова поспорить, вам так же, как и нам, не терпится поглядеть, что же будет.

— Ага, но, когда это произойдет, есть немаленькая вероятность, что мы все умрем, так что, уж простите, не особенно-то мы этого и ждем, — вежливо говорит Гарри.

— Да брось, ваши служители, скорее всего, не погибнут, — возражает Клиффорд. Он тоже встал и теперь потягивается. — Их лабиринт не испытывает. Почти все претенденты побросали своих служителей, если они вообще у них были.

— Мои знакомые из Европы рассказывали,

что многие служители гибнут во время коронации, — говорит Джек. — Путешествуя со своим претендентом, сильно рискуешь: когда воплощение и асцендент рядом, их легко перепутать, и во время поединков служители часто навлекают огонь на себя.

Гарри медленно поворачивается и с ужасом смотрит на Дженни. Он умудрился проглядеть этот элемент системы, даже когда они повстречали того Зимнего служителя на шоссе, даже когда Дженни мгновенно перешел от Мэттью к Гарри. На лице Дженни легкое сожаление мешается со смирением, и он кивает, подтверждая слова Джек.

— Именно так, — говорит Клиффорд. — Отчасти поэтому я всегда радовался, что отвечаю за тот сезон, которому не нужно никого готовить к борьбе за корону. Ладно, понимаю, приятно тут языками чесать всю ночь со мной и моей милой женушкой, но вам пора. Если не вернетесь через неделю, мы позвоним в дорожную службу, и вашу машину эвакуируют. До тех пор будем говорить соседям, что вы к дочке нашей приехали. Она сейчас в колледже, так что и возразить не сможет.

— Мы так волновались, что ее призовут на службу, но нет, сезоны миловали, — говорит

Кэролин с таким довольным видом, будто это ей удалось как-то убедить сезоны не трогать ее девочку. — Уехала изучать сельское хозяйство и информационные технологии.

— А я собирался заниматься лесоводством и землепользованием, — говорит Гарри.

— Любишь деревья? Всегда приятно такого встретить, — радуется Клиффорд. Подведя всех к входной двери, он кладет руку на ручку и оглядывается. — Все готовы? Дальше пути назад не будет.

— Не уверена, что сейчас это имеет хоть какое-нибудь значение, — отвечает Мел.

— Нет, — соглашается Клифф. — Не имеет.

Лабиринт

ПО КАЛЕНДАРЮ:

28 февраля 2017 года, месяц до весны, новолуние между червивой луной и луной молодой травы.

Дверь открывается, но за ней нет ни лужайки с надувными зверюшками, ни припаркованной рядом машины Гарри. Нет, за ней начинается длинный тоннель с утоптанным, усыпанным соломой земляным полом, по которому явно не так давно ходили — стебельки глубоко вдавлены в грязь. Стены тоннеля состоят из кукурузных стеблей, высоких и зеленых, в самом расцвете, на каждом торчат толстенькие початки с золотистыми макушками, и пахнет так сладко, что у Гарри слюнки текут. В этом тоннеле можно было бы пировать вечно — просто садись на землю и объедайся сырой кукурузой, пока не лопнешь.

Гарри оглядывается на идущую рядом Кэролин и вздрагивает: ее наряд успел поменяться — вместо обычной одежды на ней теперь платье из красных, коричневых и желтых листьев, они

не топорщатся — колыхаются на ходу, точно как ткань, хотя отчетливо видно каждый листик, а еще шуршат. Поймав его взгляд, Кэролин вяло улыбается и склоняет голову.

— Пока у тебя еще нет титула, но я не особенно удивлюсь, если вскоре назову тебя «мой господин».

Гарри хмыкает.

Он уже получил много доказательств того, что мир алхимии и мир магии — одно и то же, просто увиденное под разными углами, получил достаточно подтверждений, чтобы поверить: все происходит на самом деле, это не какая-нибудь дикая ролевая игра, в которой он путешествует на машине вместе со своей больной девушкой и парой автостопщиков, но почему-то невозможное платье Кэролин для Гарри уже чересчур. Он останавливается:

— Нет уж.

Дженни, который отвлекся на кукурузу, врезается в него и ойкает.

— Начальник, что стряслось?

— Не бывает так, чтоб одежда поменялась, когда выходишь за дверь, — Гарри дрожащим пальцем указывает на Кэролин.

Та, наклонив голову к плечу, насмешливо

смотрит на него. Теперь уже все остановились — небольшая кучка людей перегородила тоннель, закрыв путь любому, кому вздумается здесь пройти.

Но постойте-ка, если кому-нибудь действительно вздумается здесь пройти, этот кто-то, по всей вероятности, ринется убивать всех, кто под руку подвернется, а значит, не так уж и плохо, что путь перекрыт.

Мелани не изменилась. Джек и Дженни тоже. А вот одежда Клиффорда выглядит иначе: на нем наряд из зеленых дубовых листьев, ярких и свежих. А на голове корона из сплетенных ветвей. Он криво улыбается Гарри и едва заметно кланяется.

— Точно как она и сказала, — говорит он. — Все происходит как до́лжно.

— Мне это не нравится, — возражает Гарри. — Это ненормально. Не… неправильно.

Так не должно быть. Он еще может стерпеть, когда сердце снова начинает биться само по себе, когда клубника мгновенно вырастает в саду посреди зимы, когда женщина кутается в радужную вуаль и даже когда кое-кто устраивает маленькую вьюгу, но вот это слишком невозможно, слишком вопиюще, слишком чересчур.

— Так ты сейчас решил упереться рогом? — негодует Джек. — Нет, ну правда?

Вокруг совершенно тихо, если не считать их голосов, и даже это неправильно: должны быть какие-то звуки, хотя бы шелест кукурузы. Должны стрекотать сверчки, чирикать птицы в сумерках. Не должно быть так… тихо. Дорога впереди освещена ярко, будто проход в супермаркете, но небо над головой темное, на нем поблескивают далекие серебристые звезды. И все бы ничего, если бы можно было определить источник света, но его нет, Гарри его не видит. Разве что светится сама кукуруза.

Он ненавидит абсолютно все вокруг, абсолютно все вокруг неправильно, нечестно, невозможно.

— Правда, — говорит он. — Всего этого на самом деле нет, я возвращаюсь.

Клиффорд с торжественным видом смотрит на него:

— Не забывай, у тебя есть выход.

— Нету у него выхода, — огрызается Джек.

Клиффорд поворачивается к ней:

— Он может отречься от короны. Претенденты всегда могут отречься.

— Они с Мел параллельны, — возражает Джек. — Он не может.

— А я не могу, потому что, если отрекусь, то сразу умру, — добавляет Мелани. — Когда Зима перетащила меня через край, мое сердце остановилось. Я больше не человек. Я то, как Зима представляет себе человека, не самый лучший вариант, но другого у меня нет, и я не хочу от него отказываться.

— Все претенденты умирают, если отрекаются, — говорит Гарри. Кэролин и Клиффорд украдкой переглядываются, и он качает головой. — Мне Лето сказал. Все претенденты умирают, потому что еще раньше им приходится вытолкнуть что-то из себя, чтобы освободить место для сезона. Просто обычно мы не сразу… сходим на нет, наверно, это самые подходящие слова. Как только отказываешься от короны, превращаешься в ходячего мертвеца. Мы с Мел просто в чуть более затруднительном положении, чем остальные. Не надо предлагать мне отречься с таким видом, будто это разумное решение.

— Тогда чего ты хочешь? — спрашивает Кэролин. — Не можем же мы тут вечно торчать. В конце концов тебе придется войти в лабиринт.

— В смысле, это не?.. — Гарри взмахивает обеими руками, очерчивая высокие кукурузные стены.

— Вовсе нет, — отвечает Клиффорд. — Это путь пу́гал. Одна прямая дорога. А лабиринт по определению — это много разных дорог, которые изгибаются и перекрещиваются, большой такой запутанный клубок. Как подземелья в «D&D».

Кэролин бросает на него сердитый взгляд:

— Эй ты, цыц.

— Нет уж. Не заткнешь, — вид у Клиффа на мгновение становится довольным. — Как бы то ни было, лабиринт впереди. А дом позади, так что либо иди вперед, либо отрекайся.

Гарри смотрит на Мел, а она смотрит на него с мольбой в глазах. Он понимает, что, отказавшись от короны, обречет и ее, и себя. Ему придется ее бросить, и хотя бы раз он сделает что-то по собственному почину. Может, это глупо. Может, это по-детски. Но Гарри все равно так не поступит ни с ней, ни с собой. Даже после стольких лет он не может оставить ее одну.

— Я не отрекусь, — говорит он едва ли не со злостью и идет дальше.

Мел торопится следом и вкладывает свою ладонь в его. Остальные идут за ними.

Кукуруза наблюдает.

* * *

Тоннель заканчивается так же внезапно, как и начался, — он выводит их на большое треугольное поле, где под ногами топорщится жнивье, будто тут только что завершилась жатва. Не очень-то логично, ведь кукурузный тоннель — штука весенняя, а здесь царит самое что ни на есть урожайное время, когда осень соскальзывает в зиму. Гарри останавливается и удивленно моргает, Мел останавливается вместе с ним.

Далеко впереди стена, серая, кирпичная, она тянется влево и вправо, на сколько хватает глаз. На поле ждут люди, некоторые отдыхают на земле или на стогах, некоторые, сбившись в кучки, беседуют. Совсем не похоже на смертоубийство, которым их пугали. Кто-то дрожит на осеннем ветерке. А кто-то, судя по виду, чувствует себя превосходно, как будто погодка самая подходящая. Значит, это Джеки и Дженни, их легко можно определить по сезону.

Смертоубийства, может, и нет, но есть трупы: почти все они свалены возле огибающих поле зарослей кукурузы, с глаз долой. Сломанные шеи, перерезанные глотки, прерванные жизни. Этих устранили из состязания.

В стене только один вход — закрытые ворота из прихотливо переплетенных ветвей, будто выкованных из железа. У ворот толпится еще сколько-то народу, хотя слово «толпиться» тут не совсем подходит. Они сторонятся друг друга, выдерживая дистанцию в пять-десять футов, никто не приближается к соседям на расстояние удара. Вид у всех такой, будто они прямиком с войны: синяки, грязная изодранная одежда, кровь на лицах.

— Другие претенденты, — поясняет Джек, подтверждая догадку Гарри.

Она делает шаг вперед и становится рядом с Мелани. А Дженни точно так же становится рядом с Гарри, они выстроились в прямую линию, сплотились перед лицом грядущего. Гарри даже не обязательно оглядываться — он уже и так понял, что двое других служителей исчезли, а вместе с ними исчез и выход. Перед ними лабиринт.

Начиная с этого момента все будет происходить так, как и должно, и никто из них больше ничего не сможет изменить.

Мелани сжимает руку Гарри ледяными пальцами, а потом идет вперед. Гарри идет рядом с ней, они шагают в ногу. Джек и Дженни чуть отстали, пропустив вперед воплощения. У Гарри такое

чувство, будто он играет в пьесе, которую раньше никогда не видел, и четко понимает, куда ставить ногу и что сказать. Такое чувство, что все, что произошло с того дня на футбольном поле, — это часть представления, все предопределено, предназначено.

Не очень приятное чувство. Ведь выходит, все, что он когда-либо делал, было абсолютно бессмысленно, Гарри в любом случае должен был попасть сюда, что бы ни совершил, что бы ни сказал, как бы ни старался. И если все это предопределено, действительно ли он влюбился в Мелани, когда они были еще детьми? Или зациклился на ней исключительно потому, что Лето в его душе так велело, указало ему, что делать, кого любить, кем быть? Внезапно свобода воли кажется волшебной сказочкой, такой же невероятной, как это поле, как эта стена, как городские шпили, едва угадывающиеся вдалеке за ней…

«Мы стоим в тени Невозможного города», — думает Гарри, и никогда прежде он не был так близок к истине, и никогда прежде он так не боялся.

Мелани снова сжимает его руку. Гарри оглядывается на нее. Встретив его взгляд, она улыбается, и Гарри сразу легче дышать, тугой узел в груди

чуть ослабляется. Может, все и было предопределено с самого начала, а может, и нет; может, все должно было случиться именно так, а может, происходит, как происходит все на свете — по шажочку за раз, и одно действие приводит к другому. В конце концов, это неважно. Прямо сейчас они здесь. И с этим придется жить. Это мгновение — результат их действий.

И Гарри все равно любил бы Мел, несмотря ни на что. Будь она обыкновенной девочкой и при этом Мелани, будь он обыкновенным мальчиком и при этом Гарри, он полюбил бы ее. Им не нужны были сезоны, чтобы быть вместе. Просто нужно было, чтобы мир позволил им встретиться, и они ни за что не смогли бы не влюбиться, поняв, что могут это сделать.

Мелани создана для него, и, судя по ее улыбке, одновременно сладкой, теплой и приветливой, он создан для нее.

В толпе возле ворот слышится шепот, когда там замечают новоприбывших, на Гарри и Мелани смотрят с опаской. Они еще свеженькие, тогда как остальные вымотаны и разбиты, и пусть другие претенденты им не рады, они уже достаточно изранены и не полезут в драку без особой нужды. Джек и Дженни отходят и присоединяют-

ся к группке служителей возле стога, и Гарри и Мелани подходят к воротам одни, рука об руку. Гарри замечает, что другие за руки не держатся, близко друг к другу не подходят. Мэттью в толпе не видно.

Может, он сюда и не добрался. Может, разозленная и разгневанная, но все еще живая Мисти решила: раз уж ей не достался Гарри, можно покромсать на кусочки собственного братца, и он выбыл из состязания, так и не уехав из Калифорнии. С некоторым удивлением Гарри понимает, что ему все равно. Мэттью чуть его не убил и напугал Мелани. Если он погиб, поделом ему.

Краем глаза Гарри замечает что-то белое. Но не поворачивает головы. Он слишком занят — вглядывается во врата, ждет, когда лабиринт наконец перестанет тянуть время и впустит их. Игра в гляделки в любой момент может превратиться в догонялки, а у того, кто столько играл в футбол, обязательно есть хотя бы небольшая тяга к соревнованию. Гарри хочет победить.

Хочет получить Летнюю корону, остаться с Мел и понять, что значит «нормальная жизнь», когда три месяца в году ты мертв. В колледжах есть летние программы. Если все правильно рассчитать, он сможет получить образование; не

обязательно радикально менять жизнь, если он не захочет. Вот только все изменится, потому что Мел останется с ним навсегда, и они будут счастливы. Им мешают лишь другие претенденты, но теперь Гарри знает, что они все уже мертвы, и ему гораздо проще представлять, как он на них набросится.

Если придется «убить» их, чтобы расчистить себе путь, он, наверное, сможет это сделать. Ведь сперва их убили сезоны; он просто поможет им понять то, о чем уже подозревают их тела. И тогда в конце концов его собственная полужизнь продолжится.

Гарри достаточно молод и потому отчасти верит в свое бессмертие, знает в глубине души, что мир зародился тогда, когда он сам появился на свет, и закончится с его гибелью; разубедить его в этом не смогло ничто из того, что он пережил за последние несколько недель; поэтому он крепко держит Мел за руку и делает шаг к вратам, и все хорошо, все правильно, точно так, как и должно быть; все как нужно…

На затылок обрушивается удар, и Гарри падает на землю, выдернув руку из ладони Мел. Он слышит ее полный страха и негодования крик, а потом уже не слышит ничего, вокруг смыкается

темнота.

Мелани хватает человека, который только что ударил Гарри, оттаскивает, пока он не успел… навредить… лежащему на земле.

— Руки прочь от него! — рычит она. А потом замирает, глядя на девушку, которую схватила.

На Мел смотрит она сама.

Авен

ПО КАЛЕНДАРЮ:

28 февраля 2017 года, месяц до весны, новолуние между червивой луной и луной молодой травы.

Девушка выглядит точь-в-точь как Мелани, только волосы другие — чудовищно белые, словно свежевыпавший снег. Мел успевает подумать, что это ей логичнее иметь белые волосы, поскольку она связана с Зимой, но тут девушка (ее сестра, наверняка это ее сестра, как иначе все объяснить) бросает на землю нож, хватает Мел за плечи и ударяет ее головой в лоб с такой силой, что перед глазами вспыхивают звезды. Потом почти сразу отбегает, пританцовывая, разворачивается и наотмашь бьет ногой прямо в корпус.

Мел успевает отпрянуть. Девушка снова замахивается ногой, но Мелани хватает ее за ступню и дергает, подтягивая к себе.

— Привет, — говорит она едва ли не веселым тоном. — Полагаю, нас друг другу не представили. Я твоя сестра. Меня зовут Мелани. А тебя?

— Авен, — рычит беловолосая и снова бросается на Мелани, скрючив пальцы, готовая хватать и рвать.

Она двигается как настоящая хищница, изящно и плавно, ее не терзают сомнения, непременно возникшие бы у любого, кто вырос в обычном обществе; ее никогда не учили, что нельзя кусаться, пинаться, царапаться. Она бьется насмерть.

Мелани с легкостью уклоняется, и, когда Авен по инерции проносится мимо, ударяет ей коленом в поясницу.

— Понимаешь, какое дело, — говорит она (на лбу наливается огромный лиловый синяк, яркий на фоне бледной кожи). — Я чирлидер. Знаешь, что это такое?

Повернувшись, Авен озадаченно смотрит на нее.

— Нет, — отвечает она наконец. — Не понимаю, какое это имеет значение.

Мелани наступает на брошенный нож, впечатывая лезвие в землю, и безмятежно улыбается девочке, которая должна была стать ее лучшей подругой, а не искореженным, искаженным отражением из кривого зеркала. Позже Мел еще это аукнется: и сейчас понятно, что она не отделается просто чудовищной головной болью, которая уже

гнездится под черепом, ее ждет еще и приступ истерической паники, ведь она встретилась с невозможным и наконец-то поверила, что все те несуразные истории — правда.

Ее отец действительно был доктором Моро. Ее мать, почитаемый образ из детства, никогда не любила ее, ждала ее появления не как мать ждет появления ребенка, а как ученый ждет удачного окончания эксперимента. Мелани породила не любовь. Ее породили долг и гордыня, а сестра, которую она всю жизнь считала мертвой, не умерла, а превратилась в эту полудикую девочку: она начинает знакомство с удара, у нее на свитере непонятное пятно — может, кетчуп, может, малиновое варенье, а может, и что похуже. От этой девочки фонит Летом почти так же сильно, как от Гарри, кожа у нее горячая — Мелани будто коснулась недавно выключенной плиты. Не так горячо, чтобы обжечься. Но у обычных людей такой горячей кожи не бывает.

— Это имеет значение потому, что невозможно стать чирлидером и не научиться при этом падать, — тихо говорит Мел. — Ванна со льдом и арника — наши верные друзья.

«И ты должна была все это время жить со мной рядом, вставать в те же пирамиды, учить те же

приемы».

— Может, ты и крутая, но тебе меня не победить, разве что ты готова сама убиться в процессе. Не смей больше трогать Гарри.

Мелани поднимает голову и смотрит на собравшихся вокруг претендентов, почти все они поглядывают то на нее, то на врата, лица у них отрешенные и сосредоточенные, какие бывают у покупателей, ожидающих открытия торгового центра в Черную пятницу. Их около десятка, и в этот момент Мелани безоговорочно их ненавидит. Они явились сюда забрать то, что она уже считает своим по праву. Явились, чтобы свести ее в могилу.

Что ж, она туда не собирается.

— Это касается всех вас, черт побери, — говорит она громко и отчетливо. — Только троньте его, мне плевать, хотите ли вы бросить вызов другому Лету и получить корону или хотите навалять Гарри, потому что он похож на мальчишку, который вас в школе обижал и отбирал деньги на обед. Мне плевать. Я вас убью.

Непонятно, послушаются ли ее претенденты на Лето, а претенденты на Зиму, скорее всего, будут нападать на нее саму. Но на это Мелани тоже плевать. Она просто грозно смотрит на Авен,

безмолвно бросая сестре вызов: давай, попробуй еще раз, только подойди к Гарри, дай мне повод.

— Я думала, будет совсем по-другому, — голос у Авен едва ли не пристыженный, будто она и правда рассчитывала, что сначала убьет парня Мелани, а потом они раскроют друг другу сестринские объятия. — Ты мне снилась.

— Ну да, а я тебя похоронила. Так давно, что и не помню.

— Наш отец…

— Я все знаю, — огрызается Мелани.

Авен хватает наглости скорчить разочарованную гримаску, будто правда об их происхождении должна была их связать, объединить. Будто, узнав, что они не настоящие девочки, Мелани тут же перешла бы на ее сторону. Но Мел узнала об этом от кого-то другого, у нее было время осмыслить это грандиозное, громадное предательство… Этого не должно было случиться.

Авен делает шаг назад.

— Я убью его, — говорит она почти безмятежно. — В лабиринте. Я убью его, потому что мы с тобой — нам предназначено быть вместе. Неужели не чувствуешь? У нас могла бы получиться идеальная свадьба сезонов, какой мир еще не видывал. Если мы обе наденем короны, наше

царствование будет длиться вечно.

Хуже всего то, что Мелани действительно это знает, где-то в глубине души; в присутствии Авен Зима внутри нее поет громче, чем в присутствии Гарри. Она могла бы бросить его и встать в параллель с сестрой, тогда грандиозный эксперимент Роланда и Ариадны Косгроув наконец завершился бы и перед глазами миллионов зрителей разыгралось бы невероятное представление. Частичка Мелани этого желает.

Но бóльшая ее часть знает, что Зима не принимает за нее решения — пока еще нет; если она расстанется с Гарри, то сделает это ради Зимы, чтобы сезон стал сильнее, а не ради Мелани. Ну и нахрен. Она позаботится об интересах Мелани, потому что Мелани все еще важна. Мелани всегда будет важна, даже когда позволит Зиме, засевшей в ее переломанном сердце, прорасти в остальное тело, даже когда окончательно перестанет быть человеком и станет чем-то совсем другим.

— Пошла на хрен, — приветливым тоном говорит Мелани, поднимает с земли нож, бегло осматривает, а потом складывает лезвие и кладет нож в карман джинсов. — Я тебе не сестра. Может, нас и создал один человек, но, если бы ты была мне сестрой, ты бы меня знала, а если бы ты

меня знала, то не стала бы трогать моего парня.

Гарри ворочается на земле, кое-как приподнимается на локтях. Мелани садится возле него на корточки и протягивает ему руку, все еще не сводя глаз с Авен.

— Убирайся, маленькая Летняя девочка, — говорит она. — Если придется, я буду с тобой драться; может, одержу победу, а может, и нет, но мы в общем-то равны, и, чем бы дело ни кончилось, я тебя достаточно задержу, и мы обе вылетим из состязания. Ты же знаешь, что случается с претендентами, которые не получают корону?

— Конечно, знает, — говорит кто-то странно знакомым голосом.

Мелани поднимает взгляд, отшатывается и чуть не плюхается от удивления на землю. Ее удерживает только рука Гарри на запястье. Он садится, все еще цепляясь за нее, теперь они на одном уровне, и оба смотрят на идущего к ним человека, такого знакомого, которому здесь совсем не место и…

— Тревор? — вскрикивает Мелани. — А ты что тут делаешь?

— Если бы вы, воплощения, хоть иногда обращали внимание на служителей, а не просто ждали, что мы прибежим к вам по первому зову,

вы бы уже давно поняли, что я Кукурузный Дженни, — холодно отвечает Тревор. — Но вы слишком зациклились на самих себе и не замечали, что́ творится вокруг, были слишком заняты своей жизнью и не видели, что́ происходит в моей.

— Кукурузный… Так это ты должен был подготовить Гарри? — Мелани встает, поднимая за собой Гарри, и с угрожающим видом делает шаг к Тревору. Про Авен она совершенно забыла, ведь теперь у нее гораздо более подходящий объект для ярости. — Ты должен был стать его служителем?

— Сюрприз, — самодовольно кивает Тревор.

Мелани гневно смотрит на него.

— Тревор, какого хрена? Ты его невзлюбил из-за какой-то глупой ссоры в шестом классе и потому наплевал на товарища из команды и переметнулся к моей мертвой сестре?

— Ты говорил, что мы друзья, — говорит Гарри. — Ты сказал: «Без обид». Я тебя специально спросил, и ты сказал: «Без обид».

— Ну да, но ты же не единственный врать умеешь, — огрызается Тревор. — И это было не в шестом классе. А в восьмом. Перед весенним балом. Вспомнили?

— Нет, — безо всякого выражения отвечает

Мелани.

А вот Гарри глядит на Тревора, и до него медленно доходит, понимание почти сразу сменяется ужасом.

— Дружок, ты что, всерьез? Правда? Ты бросил меня неподготовленным во время коронации потому, что я сказал тебе, что собираюсь пригласить Мел на танцы? Да мы уже до того сто лет встречались. Все знали, что она моя девчонка! Даже учителя!

— Только потому, что ты первый вызвался домашку ей отнести, когда она болела. Если бы ты хоть малейший шанс дал всем остальным…

— То что? Ты убедил бы Зимнюю девочку, что подходишь ей лучше Летнего мальчика, в которого она с детства влюблена? Да ладно. Меня из-за тебя чуть не убили. Мел из-за тебя чуть не убили. Вот это уже никуда не годится.

— Я знал про Авен, — продолжает Тревор, не обращая на Гарри внимания. — Кукурузная Дженни, которая обучала меня, знала про эксперимент Косгроувов и велела не лезть в тот дом. «Мы ничего не можем поделать, пока она не проснется, а те Ледяные Джеки, которые заходили туда, пропали без вести». Так и сказала. Велела не волноваться: если спящая принцесса когда-ни-

будь откроет глаза, она с этим разберется, а мне пусть достанется золотой мальчик. Сказала, что так «решили» сезоны. Но я тебя не хотел, — по лицу Тревора медленно расплывается жестокая улыбка. — Не хотел оставаться в твоей тени, мистер Квотербек, хорошенький богатенький мальчик с хорошенькой жизнью, хорошенькой девушкой и всем прочим. Коронации не должно было случиться. И всю жизнь я так и проболтался бы твоим чокнутым убогим помощником.

Гарри разводит руками, очерчивая весь этот невозможный пейзаж: бесконечную стену, тень Невозможного города.

— Коронации не должно было случиться? Еще какие-нибудь сногсшибательные предсказания будут, Нострадамус ты наш?

— Надеюсь, тебе нравится получать по голове, — ухмыляется Тревор, и прямо в висок Гарри летит брошенный Авен камень, и Гарри снова падает на землю.

Мелани делает шаг вперед, воздух вокруг нее стремительно леденеет, рушится в арктический холод. Ее глаза покрываются изморозью, столько мороза она притягивает к себе, вытаскивая его… откуда-то, где живет Зима, когда не расхаживает по миру. Остальные претенденты, которые

немного отстраненно наблюдали за этой драмой, как спортсмены наблюдают за соперниками перед первым матчем, отшатываются, а мальчик со снежинками на радужках бормочет себе под нос:

— А я так не умею, — голос у него обиженный, будто у малыша, который увидел самую модную нынче игрушку, но его тащит прочь жестокосердный родитель.

Мелани делает еще один шаг к Тревору, она не оглядывается и не останавливается, даже если осознает, что позади валяется на земле беззащитный Гарри. Прямо сейчас та часть ее, которой небезразличны другие люди, осталась где-то очень далеко. Мелани целиком сосредоточилась на объекте своей ярости, даже если не отдает себе в ней отчет. Та Мелани, которая понимает свои чувства и их причины, сейчас бессильна.

Гарри со стоном откатывается; туда, где только что была его голова, с размаху опускается нога Авен. Он смотрит на нее снизу вверх, а она ухмыляется, глядя на него сверху вниз, но тут он хватает ее за ногу и дергает, и она тоже падает. Пока Авен копошится в грязи, нащупывая свой камень, Гарри со всей силы ударяет кулаком прямо ей в солнечное сплетение, вышибая из нее дух.

Всю оставшуюся жизнь этот образ будет являться ей в кошмарах, возможно, даже дольше, чем другие сцены — с тем безымянным мальчишкой из мотеля, с Мисти и ее кусачим дымом, с Мел посреди сотворенной ею самой метели — все это не так ужасно, как искаженное всепоглощающей ненавистью лицо девочки, которая выглядит в точности как та, кого он любит больше всего на свете. Она его ненавидит. Не знает, но ненавидит, потому что в ее глазах он вор, похитивший Мелани.

Не отца, умудрившегося сохранить ей жизнь и державшего в заточении все эти годы, вдали от людей, которые должны были стать ее семьей и опорой. Не Тревора, который привел ее сюда и забил ей голову неведомым бредом о сестре и ее Летнем мальчике, бросающем ей вызов самим своим существованием. Гарри. Почему-то она ненавидит только его. Может, в ее глазах он уже бросил ей вызов и победил, потому что украл любовь Мелани.

Будто Мел вообще могла принадлежать сестре, которую считала мертвой еще до встречи с ним. Еще до встречи с самой собой.

Авен снова бросается на Гарри. Он поднимает колено, и это колено врезается прямо ей в жи-

вот, Авен отлетает в сторону. Похлопав рукой за головой, Гарри нащупывает тот самый камень. «Прости меня, Мел», — с этой мыслью он швыряет камень Авен в лоб, со всей силой и точностью, которые развил за четыре года футбольных тренировок в старшей школе и семь лет футбольных тренировок в юношеской лиге до того. Камень ударяет ее ровно промеж глаз, глаза съезжают к переносице, будто она пытается разглядеть собственный нос. А потом Авен шмякается на землю, и Гарри отползает от нее подальше.

Пока идет эта схватка, Мелани продолжает надвигаться на Тревора, и ему хватает ума отступить, вскинув руки. Мел тоже поднимает руки, готовясь ударить, и эти руки оставляют в воздухе ледяной след, Гарри понимает, что их прикосновение сожжет мальчишку, с которым он учился в одном классе, мальчишку, который в конце-то концов всего лишь Летний асцендент, а не воплощение.

Тревор его ненавидит. Сильнее, чем Гарри осознавал. Злость на то, что он «потерял» Мел, хотя она никогда ему и не принадлежала, проросла и дала ядовитые плоды, ее корни уходят далеко вглубь. Но все это не имеет значения, потому что они до сих пор товарищи по команде, нельзя до-

пускать, чтобы товарищ погиб от обморожения. Гарри резко вскакивает и едва не теряет сознание — так кружится раненая голова, но вот он восстанавливает равновесие и бросается к Мел, широко расставив руки, чтобы обнять ее, вернуть.

Когда он касается ее, руки прошибает холодом — по пальцам и дальше вверх до самых плеч. Мел рычит и бьется в его объятиях, словно дикая.

— Мел, тихо, Мел, — шепчет Гарри ей на ухо и крепко прижимает к груди. — Мел, это я.

Она все еще бьется, не сводя глаз с Тревора. Гарри целует ее в макушку, и губы на мгновение немеют от холода, а потом тоже смотрит на Тревора, с прищуром.

— Дружок, теперь уже не без обид, — говорит он. — Все могло сложиться гораздо проще, но ты решил все усложнить лишь потому, что Мел не захотела идти с тобой на глупые танцы?

Тогда в средней школе на весеннем балу никто даже свидания не устраивал по-настоящему, хотя им очень хотелось, ведь только-только забурлили гормоны и ощущения были яркие, а сравнить пока не с чем. Просто хороший повод чуть принарядиться (не очень-то завлекательно для ребенка) и вместе потусить в столовой, когда столики сдвинули к стенам, будто их и нет.

Гарри и Мелани встречались — очень по-детски, наивно, задолго до тех танцев, и, будь Гарри чуть более агрессивным ребенком, он, вероятно, еще тогда дал бы Тревору хороший повод себя возненавидеть. Но он никогда не стремился решать проблемы кулаками и не хочет становиться таким сейчас.

Это нечестно.

Мелани снова трепыхается в его руках, и Тревор делает еще шаг назад.

— У тебя было все, — обвиняющим тоном говорит он. — Деньги, футбольная команда, даже девушка, которая для тебя слишком хороша. А потом Лето выбрало меня, и та Кукурузная Дженни меня разыскала и рассказала, что это значит. Пообещала, что, когда я встречу свое Лето, то сразу его узнаю, смогу ему служить. Смогу сделать что-то важное и грандиозное, даже если не будет коронации. Воплощения служат своим сезонам, даже если те так никогда и не проявляются, и я должен был помогать своему Лету. И вот в один прекрасный день выясняется, что мое Лето — это ты.

Губы Тревора искривляются в гримасе. На лице такое отвращение, что Гарри едва не отшатывается и на мгновение чуть ослабляет хватку. Но

Мелани не вырывается, только ежится и прижимается к нему, видимо, ей больше не хочется сбежать. Уже что-то. Гарри ее не потеряет.

— Вы с Мелани сидели вдвоем возле качелей, и я видел, как тебе не терпится побегать, но ты не бегал, потому что она не могла. Просто сидел там на траве и смотрел на нее, словно она пирожное, которое хочется слопать, и одновременно таракан, которого хочется раздавить, — Тревор выплевывает слово за словом, яростно, зло. Все это он носил в себе уже давным-давно. — Она вызывала у тебя омерзение. Такая чу́дная, красивая, заботилась о тебе, даже когда ты, как обычно, идиотничал, а ты считал ее мерзкой из-за ее болезни. И мучил еще сильнее, потому что не мог из-за нее делать что вздумается.

— Я помню это совсем иначе, — осторожно отвечает Гарри. Мелани уже не бьется, но по-прежнему прижимается к нему, со стороны все выглядит так, будто он до сих пор ее удерживает. — Я помню только один раз, когда мы сидели возле качелей, это было после ее первой операции на открытом сердце. Ее разрезали, копались у нее внутри, и ее отец меня потом к ней не пускал. Сказал, я еще не дорос, чтобы видеть Мел такой, не дорос и не пойму, как важно выполнять

все предписания докторов, даже если они мне не нравятся. Если уж кто и вызывал у меня омерзение, так это ее отец, доктора, все, кто не давал нам видеться.

Мелани доросла, чтобы ей делали операцию на открытом сердце. Значит, и Гарри дорос, чтобы его пустили к ней, когда она одна, перепуганная в незнакомом месте, когда ей больно.

И он сидел тогда рядом с Мел, потому что она наконец-то вернулась в школу, и Гарри одурел от радости, он снова был рядом и помыслить не мог, чтобы встать и уйти куда-то. Обычно на перемене он всегда носился как угорелый, и Мелани, когда хорошо себя чувствовала, от него не отставала. Пусть они привязались к друг другу гораздо раньше и сильнее, чем это считается нормальным, но все-таки оставались детьми. И оба знали про вшивых девчонок и дураков-мальчишек — про все мелкие предубеждения и гендерные стереотипы, бытующие на детских площадках, но их так тянуло друг к другу, что они всегда друг к другу возвращались. Гарри тогда сидел рядом потому, что до того они пробыли в разлуке невыносимо долго, если он и ненавидел кого-то, то взрослых, которые изо всех сил пытались их разлучить, а не Мел, которая ничего дурного не сделала.

— Я остался тогда с ней, потому что любил ее, — говорит Гарри, и все именно так, все правда, именно поэтому он так и поступил. — И сейчас люблю, именно поэтому я сейчас с ней и не даю ей тебя, придурка, прикончить. Мы оба смирились с тем, что придется сражаться с другими претендентами — выбора нет, а даже если б и был… Кости брошены, судьба предрешена. А вот служители… Ты все еще можешь уйти. У тебя еще может быть нормальная жизнь. Ты можешь отсюда выбраться. Она никогда себя не простит, если убьет тебя.

— Она меня не убьет, — огрызается Тревор.

— Дружок, — безо всякого выражения говорит Гарри. — Я ее едва держу, она жутко холодная, а ведь я воплощение. А ты просто асцендент. Стоит ей тебя коснуться, и ты разлетишься, словно снежок об стену. Не хочу вешать это на нее.

Мелани отстраняется, и на этот раз Гарри ее отпускает. Мел широко распахнутыми глазами смотрит на свои руки. Они до сих пор такие ледяные, что исходят паром, ногти почернели и покрылись изморозью. Она оглядывается на Гарри:

— Правда?

— Правда, — отвечает он. — Ну, может, и нет.

Меня там не было, когда ты убила того претендента. Но, думаю, правда. В духе этой чертовой системы.

Мелани оглядывается на неподвижно лежащую на земле сестру. На лбу у Авен в том месте, куда ударил камень, кровь, густая и темная, она уже подсохла, но рана отчетливо видна на бледной-бледной коже.

— Она мертва? — тихонько спрашивает Мел.

— Технически мы все мертвы, — Гарри с трудом подавляет смешок, который в нынешних обстоятельствах явно прозвучал бы неуместно. — Но она дышит, думаю, с ней все будет в порядке.

Он так сильно получил по голове, что должен бы по идее отбиваться от маленьких зеленых человечков с Марса и блевать, но чувствует себя совершенно нормально. И даже лучше. Будто только что проснулся, сладко проспав всю ночь, будто готов пробежать марафон, сдать экзамен и еще перед ужином сыграть футбольный матч. Вероятно, во всем виновата близость Невозможного города. Гарри вообще чувствовал себя гораздо лучше, чем должен был, с самого начала этой истории; так почему бы эффекту не усилиться, когда они подобрались настолько близко к месту, видимо, и дарующему им всем силы?

— Спасибо, — Мелани касается его щеки почерневшими пальцами. Гарри пробирает легкий озноб, но он не отшатывается, ее прикосновение не обжигает. Они уравновешивают друг друга. Мел не может ему навредить. — Знаю, мы оба с ней не знакомы, и она хотела тебе навредить, но… Спасибо, — на ее губах мелькает мимолетная улыбка. — Она все-таки моя сестра.

— Пока да, — соглашается Гарри. — Но я не отрекусь от короны ради нее.

Довольно жестоко говорить об этом вот так в лоб. Но Гарри кажется, что это нужно сделать как можно скорее, ведь когда они в конце концов получат короны и займут престол, Мелани поймет, что это значит. Поймет, что выбор был между ним и Авен, и Гарри выбрал себя.

По идее, извиняться перед своей девушкой за то, что придется убить ее сестру, должно быть гораздо тяжелее, но при учете всего остального Гарри кажется, что и так достаточно тяжко.

— Я знаю, — отвечает Мелани и тянется его поцеловать.

Гарри отвечает на поцелуй, и на мгновение мир будто озаряется светом. Но потом Гарри понимает, что все происходит на самом деле, а не у него в голове — свет отчетливо виден даже

сквозь закрытые веки. Он открывает глаза и поворачивается.

Стена вокруг лабиринта озарилась, словно бульвар в Лас-Вегасе, и сияет ослепительно-белым обжигающим светом на фоне темноты. Остальные претенденты уже бегут к закрытым вратам, все, кроме неподвижно валяющейся на земле Авен. Мелани отстраняется и вкладывает свою руку в его.

— Думаю, почти пора.

— Мне тоже так кажется, — соглашается Гарри.

Ветви на вратах начинают расходиться в стороны, одна за другой, словно распутывается огромный морской узел. Все происходит медленно, неторопливо, они успевают подойти и смешаться с толпой, а лишившийся дара речи Тревор так и остается стоять посреди поля.

И вот последние побеги расходятся, ворот больше нет, лабиринт открыт, и претенденты входят в него.

Во тьму

ПО КАЛЕНДАРЮ:

28 февраля 2017 года, месяц до весны, новолуние между червивой луной и луной молодой травы.

Как только они переступают порог лабиринта, рука Мелани исчезает из руки Гарри, и он остается один. Абсолютно, совершенно один, перед ним длинный проход, стенами которого служат ровно выстриженные кусты, других претендентов нет. Гарри поворачивается. Врата исчезли. Стена тоже — позади сплошная зелень.

Что ж, ему говорили, что это лабиринт. Гарри срывается в бег и останавливается только на первом перекрестке. Два коридора такие же ярко-зеленые, по ним так и хочется пробежаться. В третьем абсолютная непроницаемая чернота. Гарри что-то такое припоминает — правило левого поворота: всегда поворачивай налево, тогда найдешь середину лабиринта, а может, и выход. Точно он не помнит, но другого плана нет, так что он сворачивает налево и бежит дальше.

На следующих двух перекрестках все повторяется — два зеленых коридора и пятно черноты. Каждый раз Гарри сворачивает налево, не медля, и на бегу внимательно оглядывается в поисках остальных. А на четвертой развилке его поджидает проблема.

Левый коридор скрыт тьмой.

Чуть поразмыслив, Гарри пожимает плечами и бросается в черноту.

И выбегает в заснеженный лес, где повсюду, куда ни глянь, на земле и на похожих на скелеты голых деревьях лежит снег. Гарри не позволяет метаморфозе выбить себя из равновесия. Он шагает по снегу, не сводя глаз с горизонта и дрожа от холода.

Интересно, удастся ли добраться до опушки или он замерзнет насмерть. Интересно, тот ли это лес из снов Мелани, о котором она рассказывала. Интересно, тут ли сама Мел.

И когда последняя мысль окончательно оформляется в голове, Гарри замечает среди деревьев кого-то… что-то.

Оно переходит от тени к тени, смутное, трудно различимое, словно составленное из дыма или золы. Гарри останавливается и прищуривается, чтобы разглядеть получше, оно подходит бли-

же и вот уже оказывается так близко, что мозг волей-неволей вынужден придать ему какую-то постижимую форму.

Вытянутое существо смутно похоже на человека, передвигается на двух ногах и напоминает скелет или даже насекомое — долговязое, высокое, совершенно чуждое. Как инопланетянин из «Стартрека». Кажется, оно состоит не из плоти, но из тумана, из зависших в воздухе сияющих снежинок. Гарри мгновенно его узнает. Почти всю свою жизнь он держал это за руки и целовал, в другом обличье. Может, оно совсем не похоже на Мелани, но ощущения такие же, как от Мел, и Гарри понимает: вот оно, тайное испытание в центре лабиринта, о котором не могли предупредить служители, к которому его не могли подготовить, но которого следовало ожидать.

Суть всего процесса — спор со вселенной, которую надо убедить помочь им или по крайней мере не мешать, позволить перейти к следующему этапу путешествия, позволить остаться вместе. Может, за этим силы природы и примеряют человеческие лица. Они учатся упрямству, учатся спорить. Значит, все верно, пришла пора поспорить с сезонами за право получить корону. Суть гонки не в том, чтобы пройти лабиринт. А в

том, кто войдет во тьму и быстрее всех докажет свою правоту.

Гарри хочется начать поскорее, пока никто его не обогнал. Хочется поскорее со всем покончить. Он осознает, отчетливо и ясно, что торопить Зиму не стоит — это ему не поможет. Поэтому он стоит, весь как на иголках, и смотрит на приближающийся остов.

Существо не прячется от него. Да ему и не нужно. Оно такое тонкое и почти целиком состоит из дыр, кажется, стоит Гарри отвернуться, стоит самому существу замереть хоть на пару мгновений, и оно исчезнет. Оно приближается, шаг за шагом, а с ним крепнет холод, температура в зимнем лесу падает стремительно, будто камень, рушится с удивительной, пугающей скоростью. Гарри не двигается с места. Он столько пережил, чтобы добраться сюда. Значит, и с небольшим обморожением справится.

Зима останавливается футах в трех, так близко, что при желании Гарри мог бы ее коснуться, если бы набрался храбрости и рискнул пальцами. У нее нет лица. Но Гарри все равно уверен, что она смотрит на него, изучает, снимает мерку.

Сочла ли Зима его достойным или нет, ей придется иметь с ним дело, потому что Гарри не

намерен уходить. Время, когда можно было уйти, прошло. Скрестив руки на груди, Гарри задирает подбородок и приосанивается, пытается выглядеть поуверенней и одновременно медленно замерзает в заснеженном лесу, который кажется таким чужим и, вероятно, никогда не сможет стать своим.

Зима заговаривает с ним. Голос у нее низкий, мужской, хотя Гарри не может объяснить, почему он так думает, гласные она выговаривает с полузнакомой старомодной интонацией.

— Так ты явился побороться за корону, маленький Летний мальчик, не дрогнувший при виде меня?

— Да. Если борьба еще продолжается, я бы хотел числиться среди претендентов.

— Умный мальчик, — в голосе у Зимы нет особенного одобрения, это не оценка, а просто констатация факта. Гарри вряд ли бы обрадовался, если бы сезон Мелани взялся его оценивать. Слишком уж он, если говорить откровенно, холодный. — Ты первым дошел до меня, и у тебя единственного есть партнер, поэтому я яснее вижу твое сердце. После твоего появления еще двое проникли в лес, но пусть побродят пока среди деревьев, я потом с ними побеседую, — вид у Зимы

самодовольный, если сияющая дымка вообще может выглядеть самодовольно. — Один плачет. Полагаю, я вряд ли возьму его в партнеры. Другая собирает хворост. Если ей удастся запалить костер, я буду очень недовольна. Времени у тебя мало. Изложи свои доводы.

— Изложить мои… Ладно, — переведя дух, Гарри пытается вернуть спокойствие. Получается с трудом. На мгновение кажется, что ничего не выйдет. — Я здесь не для того, чтобы бороться за Зиму.

— Думаешь, я этого не знаю? Дитя, как только ты мне наскучишь, я тебя покину. Мне недостает терпения возиться со смертными дураками.

— Вот уже триста лет Лето и Зима не были едины, но они должны быть едины, — торопливо продолжает Гарри. — Алхимическая свадьба. Баланс. Стоит объединить их, и путь в Невозможный город станет немножко яснее, немножко прямее. Я здесь не для того, чтобы бороться за Зиму, а потому, что Зима уже получила мое сердце.

— Твое, Летний мальчик? У меня нет ничего твоего.

— У тебя моя Мелани, — Гарри смотрит прямо туда, где, как он надеется, располагаются глаза. Было бы несколько неловко излагать несокруши-

мые, как ему кажется, аргументы, уставившись в шею или лоб. — Она принадлежала тебе еще до своего рождения, потому что была рождена, чтобы стать тобой, а я принадлежу ей едва ли не со дня нашей встречи. Она принадлежит мне, а я принадлежу ей, она принадлежит тебе, а значит, ты тоже принадлежишь мне. Я не приглашаю тебя в себя. Знаю, что не выдержу этого. Я Летнее дитя, я охотнее горю, чем леденею. Но все равно явился сюда, чтобы получить Зиму, потому что весь остаток жизни я хочу посвятить тому, чтобы сделать Мел счастливой. Весь остаток жизни я посвящу тому, чтобы сделать счастливой тебя.

— Возможно, моя противоположность не выберет ее, — отвечает Зима. — Что тогда? Что, если я приму тебя, а потом выяснится, что ты поклялся служить вместе с ледяным незнакомцем? Свершишь ли ты тогда алхимическую свадьбу или поступишь так, как поступил Уильям, презревший свои обязанности?

— У меня дома есть лес. Он принадлежит моей семье, насколько вообще земля может кому-то принадлежать, мы о нем заботимся. Следим, чтобы земля не оскудевала и деревья были здоровы, рубим только те, что необходимо. Я знаю, что такое наследие и как его сохранять, знаю, чего стоит

от него отказаться. Если Лето решит, что Зимнюю корону должен носить кто-то другой, я все равно останусь рядом с этим человеком. Возможно, я не смогу служить так долго, как служил бы, если бы мое сердце не было разбито, но я буду служить.

Именно поэтому параллелям и проще в лабиринте. Теперь все становится настолько ясно, что Гарри и сам удивляется, как раньше этого не понимал. Добравшиеся сюда претенденты должны подходить обоим сезонам, своему они уже подходят или погибли бы в борьбе за корону. Какой смысл Лету снова глядеть на него, чтобы объявить: «Да, этот мне нравится», если и Лето, и сам Гарри уже и так это знают.

Теперь Зима проверяет, сможет ли она с ним ужиться, и Гарри остается только надеяться.

Воздух искрится от мороза, закручивается, уплотняется, пока наконец призрачный силуэт зимы не исчезает — на его месте стоит Мелани. Не совсем привычная — эта Мелани холоднее, в глазах у нее полночное небо, вместо джинсов и свитшота — белоснежное платье. Но Гарри все равно непроизвольно делает шаг вперед.

— Сгодишься, — говорит она, чуть склонив голову. И улыбается, эта улыбка одновременно и прекрасная, и ужасная, и незнакомая, и родная.

Эта Мелани живет там, где бродит Зима, Гарри спрашивает себя, не разговаривает ли она прямо сейчас с такой же версией его самого, с тем Гарри, который всегда живет на освещенном солнцем летнем лугу и совсем не умеет мерзнуть, так же как она не умеет таять.

Гарри на это надеется. И подозревает, что не у всех добравшихся до Зимы в распоряжении столько времени.

— Это означает, что я могу продолжить борьбу за корону? — спрашивает он.

— Что? Нет. Не мели чепухи. Если в тебе, мальчик, нет хотя бы капельки ума, ты наскучишь мне гораздо скорее, чем мне бы того хотелось. Уильям и Диана слишком долго занимали престол. Человеческие сердца не предназначены для того, чтобы триста лет носить в себе сезонные страхи. Но мне бы хотелось, чтобы ты продержался по крайней мере столько же, сколько прожил бы в обычной жизни, — она протягивает раскрытые ладони, и на них появляется корона из переплетенных черных ветвей, украшенная снежинками размером с его кулак. Корона очень красивая. Невозможная.

Как и все то, что произошло за последние несколько недель.

Зима подходит к Гарри, неся корону на вытянутых руках, останавливается в паре футов.

— Ну? На колени! — велит она нетерпеливо.

Гарри встает на колени. И живой дух Зимы, надевший на себя лицо его девушки, возлагает на голову Гарри корону, она невообразимо холодная, но это не Зимняя корона — это Летняя корона, это сила и диво сезона, чуть отстранившегося от самого себя, чуть вышедшего за пределы самого себя на яркое открытое пространство, где все невозможно и ничто не невероятно.

Гарри широко распахивает глаза, лес рассыпается, и он видит извилистую улочку, под ногами брусчатка, дальше красивые кирпичные стены, в небесах реют яркие птицы и знамена. Гарри моргает, пытаясь вобрать в себя сразу все, потому что в глубине души знает: это место не для него, он не сможет остаться, как бы ни желал. Но сможет вернуться сюда, возможно, в своих грезах.

Гарри Марч с короной лета на челе и летом, горящим внутри, стоит и созерцает Невозможный город.

Что дальше

ПО КАЛЕНДАРЮ:

28 февраля 2017 года, месяц до весны, новолуние между червивой луной и луной молодой травы.

Но уже совсем скоро город исчезает, Гарри знал, что так будет, и вот он стоит один на большой поляне, с трех сторон огороженной живой изгородью, а прямо впереди проход, ведущий на поле с щетиной жнивья. Там сбились в кучку служители, они смотрят на стену, ждут своих претендентов.

Гарри дотрагивается до лба. Короны нет, даже обруча нет, но ему этого и не нужно, ведь он до сих пор ощущает ее вес. Он был избран и сам сделал выбор, как и сезоны: Лето еще до его появления здесь, Зима — уже после. Гарри оглядывается. Позади никого. Он не знает, какие правила действуют в этом месте, не знает, что будет, если задержаться здесь, но помнит слова Джек: «Коронация заканчивается, когда из лабиринта выходят претенденты-победители».

Гарри еще не одержал окончательную победу, пока стоит здесь, поэтому он поворачивается к выходу и идет на поле. Тело одеревенело, ему холодно, он очень устал — впервые с того самого момента, как все началось; коронация еще не завершилась, но он наконец снова чувствует себя человеком, тем, кем всегда себя считал.

Гарри выходит из лабиринта, никто его не останавливает. Все служители поворачиваются к нему. Один из них (Дженни, его Дженни) с победным криком воздевает к небу кулак, а потом бежит к Гарри, за ним торопится Джек. Остальные смотрят на него с разочарованием и сожалением. Одна закрывает лицо руками, ее плечи вздрагивают, Гарри слишком далеко и не слышит точно, но, кажется, она плачет.

А потом на него налетает Дженни, обнимает за плечи.

— Ты его прошел! — восклицает, нет, на самом деле выкрикивает он, ликуя, не сдерживаясь. — Ты жив. Друг, ты победил?

Гарри смотрит на этого человека, на своего служителя, на Кукурузного Дженни, который до лабиринта успел сменить трех претендентов, и в горле у него пусто. Слов не осталось. Он не заговорит, пока не кончится коронация; пока не

выйдет Мелани.

Она выйдет. Должна выйти. Зима выбрала его, потому что он уравновесит грядущее Лето; лучшая алхимическая свадьба получается, когда оба участника этого желают, а не когда один — участник, а второй — жертва. Он победил Авен. Его душа лучше подходит для Лета.

Но Гарри не знает, какие еще кандидаты были у Зимы. Может, Лето ее не одобрит; может, нашелся кто-то более теплый, менее искалеченный, более угодный его капризному сезону. Так что Гарри мотает головой и, вздрогнув, отстраняется от Дженни.

Джек кладет руку ему на предплечье.

— Гарри, ты знаешь, где Мел? — торопливо и тихо говорит она. — У нее не получилось пройти лабиринт?

Губы у Гарри сухие, но на вопросы, не связанные с ним самим, он ответить может. Сглотнув, он говорит:

— Как только мы вошли, нас разделили. Думаю… думаю, нужно по-настоящему желать найти кого-то, чтобы пройти по лабиринту не в одиночку.

Если Авен не сумела побороть искушение и ринулась на Гарри, едва увидев, она могла вы-

следить его и в лабиринте. И если уж не убить, так замедлить, чтобы кто-то другой успел получить благословение Зимы. Она могла лишить его короны.

— Так ты ее потерял?

Вопрос Джек обрушивается как удар, такое обвинение Гарри едва ли может снести. Он закрывает глаза и сглатывает, пытаясь унять головокружение. Потом снова открывает и спокойно отвечает:

— Я не потерял ее. У меня ее не было. После того, как мы вошли в лабиринт. Каждый заходит туда по одиночке.

Дженни хватает его за локоть.

— Но ты победил?

— Думаю, да, — задумчиво говорит Гарри. — Зима сказала, что сможет выдержать мое общество. А потом надела лицо Мелани и короновала меня. Когда я вышел, корона исчезла, но я по-прежнему ее ощущаю. Думаю, я победил.

— Если победил, скоро мы это узнаем, — Джек поворачивается к лабиринту. — Подождем и посмотрим, кто еще выйдет.

Гарри тоже поворачивается, но видит только стену и далекие очертания Невозможного города за ней.

— А как выйти? Выход пропал.

Джек озадаченно смотрит на него.

— Нет, не пропал. Вот же он.

Ага. Что ж, логично. Гарри бы с радостью жизнь отдал, только бы еще раз бросить взгляд на те улицы. Если бы существовал простой путь обратно в лабиринт, он бы им воспользовался, ухватился бы за малейший шанс добраться до чудес на другой стороне. Невозможный город не предназначен для живых и смертных, а прямо здесь и прямо сейчас Гарри и живой, и смертный; там ему не место.

Во всяком случае, пока.

— Только не для меня, — говорит он. — Мне нельзя туда вернуться.

— Бедненький ты несчастненький, — отвечает Джек. — Мне туда вообще нельзя заходить.

А потом на поле появляется Мелани — просто проходит сквозь стену. Перед ней не открываются врата, нет никакого выхода, через который Гарри мог бы вернуться. Одна только гладкая стена, а потом сразу Мелани, вид у нее отрешенный, между пальцами потрескивает мороз, она идет прямо к ним. Гарри делает шаг вперед.

Мел замечает его. Резко поворачивает голову и срывается в бег. Гарри тоже бежит к ней, они

встречаются посреди поля, заключают друг друга в объятия так, что между ними не остается места ни для единой снежинки, ни для единой травинки.

Они просто держат друг друга в объятиях.

Книга VIII
Коронация

Зима еще не прошла, если гуси летят в эту сторону.

Уильям Шекспир, «Король Лир» [8]

На холм Уффингтонский на лошади белой

Я въехала в свете луны;

Добычу почуяв, вели меня волки,

Темнели в снегу их следы.

И были готовы смениться сезоны,

Зима начинала стареть,

Но лунный свет манит, в снега меня тянет,

Таким, как я, стужа не смерть.

Талис Кимберли, «Уффингтонский холм»

---

[8] Примечания: 8
Перевод Б. Пастернака.

Похоронные хлопоты

ПО КАЛЕНДАРЮ:

1 марта 2017 года, месяц до весны, нарастающая луна молодой травы.

Гарри думал, что из лабиринта выйдут только победители, но, видимо, за последние триста лет без коронации и это успело позабыться, потому что на поле почти сразу после Мелани начинают выходить остальные претенденты. У кого-то руки в крови, кто-то изранен, и эти раны уже покрылись запекшейся коркой. У кого-то ожоги, у кого-то обморожение — следы столкновения с охотящимися на конкурентов соперниками из противоположного лагеря. Но в основном все целы и невредимы, только глаза их уставились куда-то в пространство. Претенденты с вожделением оглядываются на силуэт Невозможного города.

Гарри так и стоит на месте, обнимая Мелани. Она тоже не хочет его отпускать; сейчас они цепляются друг за друга, будто больше всего на свете боятся, что их разлучат. Она молчит. А когда Гар-

ри шепчет ей на ухо: «Ты видела Лето?» — кивает, и в глазах у нее звездный свет и тени.

Гарри не может понять, что́ это значит: победила она или проиграла, но в этот конкретный миг ему и неважно. Никто из претендентов не лучится светом победы.

Авен не выходит. Гарри с облегчением замечает, что и Мэттью тоже не видно.

Кажется, целая вечность минула с того момента, как последний претендент появился на поле, и вот стена начинает тускнеть. За ней нет ни зеленой живой изгороди, ни дороги к Невозможному городу — она просто исчезает, открывая пустое поле. Почти все вышедшие претенденты теперь стоят рядом со своими служителями, кто-то плачет, кого-то успокаивают. Вид у них совсем не торжествующий.

Гарри не отпускает Мел. Ничего лучше он сейчас придумать не может, но вот позади кто-то прокашливается. Гарри поворачивается, по-прежнему не размыкая объятий, перед ним стоят Кэролин и Клиффорд в своих нелепых, невозможных нарядах из листьев. Гарри молча смотрит на них и ждет.

Кэролин улыбается ему теплой, словно августовский полдень, улыбкой, Клиффорд низко

кланяется, выражение у него торжественное.

— Мой господин, — говорит он.

И тогда-то Гарри понимает наверняка. Тогда-то между вдохом и выдохом в мир возвращаются краски. Кэролин переводит взгляд на Мелани и склоняет голову.

— Моя госпожа, — говорит она.

У Гарри вырывается резкий смешок, он обнимает Мелани за талию, подхватывает ее и кружит. Она тоже смеется, они оба радуются этому мгновению, своей победе, совершенно невозможному факту: они живы, они победили. Остановившись, они смотрят прямо друг на друга. У Мелани глаза широко распахнуты. Гарри замечает появившиеся на ее радужках ледяные завитушки, сами глаза все такие же ярко-голубые, словно лед, но другие. Наверняка и с ним происходят похожие перемены. После пляски с сезонами всегда остаются отметины.

Гарри целует Мел, и губы у нее на вкус как мятный леденец на палочке, как сильный ветер в морозный зимний день, как вьюга, как стужа. А еще — как свет костра, как теплые носки и горячее какао, и вроде бы невозможно вместить столько всего в один поцелуй, но так и есть, потому что, когда Мелани целует Гарри по собственной воле,

он целует живое, бьющееся сердце Зимы. У них получилось. Они преодолели лабиринт. Они победили.

— Зима отдала тебе свою корону, — говорит Мел, когда поцелуй заканчивается. Голос у нее тихий, глаза сияют.

— А Лето отдал тебе свою, — говорит Гарри и очерчивает ее губы кончиками пальцев.

Она не умрет. И он не умрет. У них будет столько времени, сколько они пожелают. У них будет алхимическая свадьба, и однажды, когда придет пора передавать короны, они попадут в Невозможный город. Сейчас в них, наверное, слишком много человеческого, чтобы поселиться там, но время — величайшая на свете река, она сгладит их края и даст свыкнуться с новой формой.

Вместе. Пока они вместе, все остальное неважно.

Гарри поворачивается к Клиффорду и Кэролин. Они по-прежнему стоят на огромном невозможном поле. А значит, это еще не конец.

— А теперь что? — спрашивает Гарри.

Клиффорд улыбается.

* * *

Сцена, маленькая и непритязательная, сколочена из дерева (никакой краски или лака) и ошкурена до шелковистой гладкости. Все натуральное, одним лишь упорным трудом дерево превратили во что-то прекрасное. По краям два увитых цветами столба, Гарри знает, что такие цветы не могут вырасти в одном месте в одно и то же время года. Кэролин и Клиффорд подводят их с Мелани к помосту, следом идут остальные претенденты и служители — небольшая толпа.

— Простите нас, — извиняется Кэролин. — Раньше, когда коронации происходили регулярно, ритуал был более торжественным и пышным, но нынче нам недостает практики. Даже те, кто нас обучал, никогда сами этого не видели.

— Чего не видели? — спрашивает Мелани.

— Коронации, — отвечает Клиффорд.

Вид у Мелани делается растерянный.

— Кажется, вы что-то напутали, — говорит она. — Нас уже короновали наши сезоны. Никакую коронацию устраивать не надо.

— Да, но это было для вас и для них, для алхимического мира, — поясняет Кэролин. — А это — для них.

Для тех, кто едва не стал Зимой, и тех, кто мог бы превратиться в Лето, а теперь постепенно сойдут в могилу, отрезанные от силы сезонов, поддерживавшей в них жизнь с самого начала коронации. Для Джеков и Дженни, которые только начали скорбеть, некоторые из них потеряют друзей детства и надежных коллег. Здесь есть определенная логика. Церемония должна не подчеркнуть, а… подтвердить.

Подтвердить, что выбор действительно сделан и сделан верно. Гарри и Мелани вместе поднимаются по ступенькам на сцену, рука в руке, а потом поворачиваются к толпе.

Там со злобной гримасой на лице стоит Авен. Значит, она все-таки выбралась из лабиринта, а может, вообще в него не попала. Тревора нигде не видно. Либо ему хватило ума сбежать от своей потерпевшей поражение претендентки, либо не хватило, и она прикончила его в отместку за то, что он плохо ее подготовил. Авен только злобно таращится, но не пытается подойти к сцене, так что Гарри не обращает на нее внимания.

Мэттью перед сценой нет. Мисти тоже. Неудивительно. Гораздо удивительнее увидеть там пятерых знакомцев. Толкнув Мелани локтем, Гарри показывает на толпу. Проследив за его

пальцем, она удивленно моргает. Все пятеро окутаны радужным туманом, никто к ним не приближается, никто их как будто не замечает. Они затесались между секундами, и окружающие оказались в другом временном потоке.

Заметив направленный на них взгляд, Доджер машет Гарри и Мелани.

Спустя мгновение Роджер поворачивается и показывает большой палец. Значит, Доктрина довольна исходом коронации, ну или, по крайней мере, довольны составляющие ее части, потому что вот они — стоят прямо перед сценой, а ведь это они вряд ли могли предсказать, и наверняка их сюда не приглашали.

Гарри уверен, что бесполезно об этом заикаться. Все происходит на самом деле.

Кэролин подходит к Мелани, а Клиффорд — к Гарри. Этот порядок определен не столько полом, сколько последовательностью сезонов: весна перед летом, осень перед зимой. И у Кэролин, и у Клиффорда в руках круглые подносы, вырезанные из того же дерева, что и сцена, ошкуренные, ошлифованные так, что в древесных завитках проступает история леса. Прекрасно. Невозможно. На самом деле.

На подносах лежат короны. Корона, которую

несет Клиффорд, сплетена из ячменных и ржаных колосков, в которые вплетены маленькие красные цветочки, похожие на алые-преалые рубины. Кэролин несет корону из черных ветвей и ледышек, украшенную красными ягодами падуба. Гарри наклоняется, и Клиффорд увенчивает его короной. То же самое делает Кэролин с Мелани.

Воздух становится другим.

А может, только они стали другими; может, воздух тот же самый. Но Гарри вдыхает его полной грудью, сладкий и теплый, с привкусом грядущей весны. Гарри чует, как оттаивает земля, как цветут цветы, чует равновесие, нарушенное и его предшественником, и тем углекислым газом, который люди выпускают в атмосферу. Климат изменился, а с ним меняется и роль сезонов, это уже не обратить вспять. Но в мире все еще живут люди, и, пока в мире есть люди, у сезонов будут человеческие лица. Возможно, черты Лета изменились. Но ему все равно нужна голова, на которую можно надеть корону.

Распрямившись, Гарри поворачивается к Мелани. Она выглядит даже бледнее, чем мгновение назад, в ней ощущается ломкая усталость, Гарри очень хорошо знает это ее состояние, ведь он много лет следил за ее здоровьем, как за своим.

Зима заканчивается, вместе с ней заканчивается и время Мелани, вскоре она заснет и проспит все лето, будет видеть сны, пока Гарри правит в одиночестве.

Но потом она проснется. Когда закончится его время, она проснется, и они снова будут вместе. С этим Гарри справится. Мир мог потребовать от них чего угодно, и такую цену Гарри вполне может заплатить, по крайней мере пока. А если что-то изменится, им обоим хватит времени, чтобы устать, и они откажутся от корон и без сожалений отправятся в Невозможный город. Мысль о том, что они умрут на службе своим сезонам, теперь уже не так пугает, ведь Гарри знает, куда они попадут потом. В конце концов, за службу полагается награда.

Заглянув ему в глаза, Мел смеется, и этот смех едва не переходит во всхлип, она тянется к Гарри и прижимается губами к его губам, целует его так, как ей никогда не дозволялось целовать его раньше и, возможно, не будет дозволено потом. Гарри обнимает Мел за талию, прижимает к себе, она холодная, но живая, такая живая. Она останется с ним.

Они оба останутся.

Вперед выходит Клиффорд.

— Друзья мои, на этой первой за триста лет североамериканской коронации я представляю вам наших новых владык — Летнего короля и Зимнюю королеву, которые поведут нас в лучшее будущее. И да правят они долго!

Приветственные крики получаются не очень-то искренними. Слишком многие из зрителей надеялись, что короны достанутся им или их любимым подопечным; слишком многие постепенно угаснут, когда их покинут сезоны, и это нельзя предотвратить. Теперь Гарри это чувствует, чувствует все Летние души. Не проклюнувшееся семя не причиняет вреда, но, если оно проросло, это нельзя обратить вспять. Нельзя заделать дыру, которая останется, когда побег увянет. Словно одуванчик, пробившийся через трещину в асфальте, Лето проросло сквозь самую их суть, сломало их, и теперь они умрут, точно как ему и говорили.

Гарри это не нравится. Может, в будущем можно будет что-то изменить; может, чудаки из Беркли, которым удалось переписать свою собственную историю, смогут переписать историю и для будущих воплощений, которым не досталась корона. А может, и нет; может, тогда оставалось бы слишком много претендентов на

трон, и король с королевой никогда бы не обрели истинный покой. А Гарри очень нужен покой. Это он тоже чувствует. Они с Мел должны не столько контролировать свои сезоны, сколько… определять их. В руках того, кто действительно любит этот мир, Лето станет мягче. А Зима будет не такой самовлюбленной, а потому не такой жестокой.

Летние и Зимние владыки не могут повернуть вспять климатические изменения, иначе монархи на других континентах уже давно бы это сделали, но Гарри чувствует, что, если система вновь станет сбалансированной, это поможет, хотя бы немного.

В толпе перед сценой Дженни, сунув два пальца в рот, оглушительно свистит, Джек со смехом аплодирует, и их радость компенсирует неискренность всех остальных. Мелани отстраняется, и Гарри размыкает объятия, но руку ее не выпускает.

В конце концов, именно держась за Мелани, он и зашел так далеко. Они победили и теперь отправятся домой.

Осталось только понять, что это значит.

Без адреса для пересылки

ПО КАЛЕНДАРЮ:

4 марта 2017 года, первый месяц весны, нарастающая луна молодой травы.

После коронации Кэролин выходит вперед и хлопает в ладоши, чтобы привлечь всеобщее внимание. Толпа затихает. Хотя, стоит признать, не очень-то громко она и шумела.

— Знаю, вам всем по нраву пришлись наш миленький лабиринт и жаркое гостеприимство, но сейчас я вынуждена попросить вас уйти, — говорит она. — Путь открыт: вы можете вернуться. Лабиринт закрыт.

И это почему-то два разных факта. Гарри испытывает некоторое облегчение, когда смысл ее слов не всплывает в его голове немедленно, направляемый Летом. За лабиринт отвечают промежуточные асценденты, и они будут так же прилежно следить за ним, прилежно возводить и ровнять его с землей каждый год вокруг границ Невозможного города, где бы тот ни появился.

Именно из-за Невозможного города в создании

лабиринта не могут участвовать сезонные короли и королевы. Они ни за что не устояли бы перед соблазном и бросились бы на стены, пытаясь прорваться внутрь еще до того, как пришел их срок. Раз или два — конечно, но каждый год, всегда? Нет. Лучше доверить это дело более надежным исполнителям.

— Спасибо всем, что пришли, — продолжает Кэролин, будто у присутствующих вообще был выбор.

На ее лице ослепительная улыбка. Гарри чуть отстраненно думает: а не принимала ли Кэролин в детстве участие в конкурсах красоты? Может, состояла в каком-нибудь женском обществе вместе с ухоженными дамами вроде тех, что обычно стайками бродят по кампусу портлендского университета, в закрытом сестринстве, где еще внимательнее относятся к внешности участниц, чем в разлюбезной команде чирлидеров Мел.

— А теперь нам всем пора, после нашего ухода стены начнут разрушаться, — продолжает она. — Не рекомендую задерживаться здесь, когда путь исчезнет, до следующей коронации он больше не откроется даже для нас. То есть, называя вещи своими именами, ваш труп никто и никогда не найдет, — улыбка у Кэролин делается натяну-

той. — Спасибо за внимание, хорошего вам дня!

Быстро повернувшись, она протискивается между Гарри и Мел и шепчет им на ходу:

— За мной. Ни о чем не спрашивайте и не оглядывайтесь.

— К ней всегда стоит прислушиваться, — говорит Клиффорд.

Он тоже протиснулся между ними, и теперь они втроем шагают вслед за Кэролин, одной рукой Клифф обнимает за плечи Гарри, другой Мелани, словно весна соединяет собой Лето и Зиму.

Гарри гадает, перестанет ли у него когда-нибудь голова идти кругом, когда он думает о людях как об абстрактных понятиях, а если и когда перестанет, хорошо это будет или плохо. Но ответ на этот вопрос придет в свое время, поэтому он просто внимательно смотрит под ноги, когда они спускаются со сцены, а ступив на поле, наконец понимает, как же устал.

Лето в Гарри горит гораздо сильнее и ярче, чем до коронации — можно и не заметить, что оно уже больше так его не поддерживает. Миновал первый этап быстрого роста. Теперь предстоит медленно тянуться вверх и созревать, набираться силы и стойкости. Становиться не вьюнком, но дубом. Не одуванчиком, но секвойей.

Гарри разбирается в лесоводстве. И понимает, почему его охватила такая усталость. У остальных претендентов на Лето, наверное, она гораздо сильнее, ведь поддерживавший их сезон выдирается из них росток за ростком.

Думая о них, Гарри надеется, что это не больно. А думая об Авен, почти надеется, что больно. Он испытывает одновременно оба эти чувства — болезненное противоречие. Кто-то же должен. И лучше он, чем Мел.

К их маленькой процессии присоединяются Джек и Дженни, и вся компания идет по вновь появившемуся полю к кукурузной стене напротив исчезнувшего лабиринта. Впереди шагает Кэролин, и вслед за ней они подходят к просвету в кукурузе и снова оказываются в тоннеле, по которому и пришли сюда, — это путь пу́гал.

Никто из претендентов и служителей за ними не идет. Мел растерянно и удивленно смотрит на Клиффорда, и тот смеется:

— Они явились сюда другими путями. Вы единственные пришли к нам в дом. Кстати говоря, с тех пор как вы ступили в лабиринт, минуло три дня. Ваша машина на прежнем месте. Никто о ней не спрашивал, и нам не пришлось вызывать эвакуатор. Так что вернетесь туда, откуда приеха-

ли, после того как примете горячий душ, поедите и хорошенько выспитесь.

— У нас несколько гостевых спален, — поясняет Кэролин. — А мамочка восстала бы из гроба и отлупила бы меня, вздумай я выставить вас, не убедившись сначала, что вы в состоянии ехать.

— Это может быть опасно, — сомневается Гарри. — Если другие претенденты будут на нас охотиться…

— Если ты такой слабый Король, что тебя может прикончить проигравший претендент, при том, что начинается твой сезон, а их сезон их покинул, лучше пусть все случится побыстрее, пока лабиринт еще стоит и мир не приспособился к новому раскладу, — говорит Клиффорд. — Все будет хорошо. Дайте нам вас накормить и обиходить. А сами пока подумаете, что делать дальше.

Это разумно. Логично. Но Гарри все равно немножечко волнуется: а вдруг другие пострадают, впустив их к себе в дом. Но путь по кукурузному тоннелю неблизкий, и в конце глаза у него совсем слипаются. Гарри едва помнит, как Кэролин проводила их с Мелани в гостевую комнату, выдержанную в весьма резких фиолетовых тонах, вручила стопку полотенец и пожелала спокойной ночи.

Совсем не помнит, как разделся — кажется, он просто упал лицом на кровать и заснул, едва голова коснулась подушки.

* * *

Залитый солнцем луг ему знаком, но на этот раз никто его там не ждет, здесь нет его двойника. Бродя среди цветов, Гарри кое-что понимает. Во-первых, гора, которая раньше возвышалась на горизонте, исчезла, вместо нее можно увидеть очертания далекого великолепного города; во-вторых, на краю луга темнеет лес, где он когда-то встретил Зиму, его голые ветви тянутся к небу.

А третье Гарри понимает не сразу — только когда пробирается к этому лесу сквозь высокие травы. Его двойника здесь нет, потому что он и не нужен; потому что все это теперь принадлежит не ему.

А Гарри.

Он получил эту землю, надев корону, став Летним королем, и когда-нибудь ему предстоит встретиться с тем, кто придет после Мелани, расспросить этого человека и выяснить, есть ли у него право занять ее место. Будет больно, но после долгой службы, когда складываешь с себя бремя, всегда больно.

До самого конца своего правления Гарри будет приходить на этот луг раз в году, раз в году и не чаще, заснув глубоким смертным сном. Это он понимает тоже, и понимание прорастает тем глубже, чем ближе он подходит к лесу, там на земле снег, а на опушке голая земля. На самом краю чащи сквозь снег пробиваются подснежники и крокусы, но дальше все черно-белое, выделяются лишь ярко-алые ягоды на кустах падуба, застывших в тени молчаливыми часовыми. Переходное место.

И всегда таким было, но раньше они сами постоянно менялись, каждый год или даже каждый месяц становились другими людьми. Вырастали в тех, кем в конце концов должны были стать, тех, кому хватит сил дать пристанище целому сезону, и потому снова и снова бродили по границе Невозможного города, учились расти в его тени, проверяли, сумеют ли. Может, некоторые люди, в которых есть семена сезонов, не становятся асцендентами или претендентами, потому что не цветут на виду у Невозможного города и сезоны их не трогают.

Значит, Гарри нечасто предстоит здесь появляться, и Мелани нечасто будет бродить в зимнем лесу, они проживут свои сезоны в реальном мире,

и раз в год, когда погрузятся в сон, закончатся, а потом начнутся сызнова, как всегда делают времена года, будут возвращаться в это привычное место и блуждать здесь в одиночестве. Не самый плохой вариант будущего.

Многие плохие варианты с ними чуть не случились.

Футах в десяти от леса Гарри останавливается и, приложив ладони ко рту, зовет Мел. Снова и снова, но она не выходит к нему. Когда он наконец опускает руки, то так и стоит один среди цветов.

Но они победили. У них должен быть счастливый конец. Так уж все устроено, правильно? Они победили. И получат желаемое, навсегда. Победили.

* * *

Утром Гарри будит звонок в дверь, такой оглушительно громкий, словно дело происходит в замке семейки Аддамс. Со стоном оторвавшись от подушки, он трет заспанные глаза. Соседняя половина кровати в беспорядке, смята, но Мелани нет.

От этого Гарри моментально просыпается, как от удара. Садится в окружении мягких подушек и теплых одеял, сам он в одежде, но какой-то доб-

рый человек (видимо, Мел) снял с него ботинки. Хорошо. Гарри не хочется даже думать, что бы сказала Кэролин, увидев грязь на своих простынях, он еще помнит, как она расстроилась из-за пятен на полу.

— Мел? — кричит он.

Наверное, в этой комнате хорошая шумоизоляция, потому что крик пропадает безо всякого эха, не отразившись от стен. Интересно, как он тогда услышал звонок в дверь, но об этом Гарри подумает позже.

— Мел? Ты тут?

Дверь напротив кровати открывается, за ней ванная (Гарри смутно припоминает, что Клиффорд что-то такое говорил накануне), на пороге стоит завернувшаяся в полотенце Мел и вытирает волосы вторым полотенцем. Она чистая, глаза сияют, и вид у нее настолько здоровый, что Гарри такого и не припомнит… А значит, Мел гораздо лучше, чем было уже очень давно.

Увидев ее такой, Гарри как никогда ясно понимает, насколько же плохо она себя чувствовала, но больше не будет. Соскользнув с кровати, он подходит к ней.

— Душ свободен, — говорит Мел, когда Гарри обнимает ее за талию и притягивает к себе. Он

тянется ее поцеловать, но она кладет пальцы ему на губы, со спокойной улыбкой отстраняется на расстояние вытянутой руки и ласково возражает: — Только когда зубы почистишь. Я уже час назад встала, а до того мы проспали не меньше двенадцати часов. Все, что нужно, в ванной.

— Все, что нужно?

— Полагаю, Клиффорд залез в нашу машину. Он извинялся, когда я поднялась на второй этаж за кофе. Кстати, не вздумай пить кофе, если он сам предложит его заварить: Клифф устраивает настоящий религиозный обряд, который нужно справлять строго определенным образом, иначе оскорбишь чувства кофейных зерен. У Кэролин кофе гораздо более вменяемый.

Гарри озадаченно смотрит на нее:

— Серьезно?

— Да нет, — смеется Мелани. — Просто он что-то странное делает с френч-прессом, пропускает воду через вакуум-фильтр, и получается очень долго. Иди почисти зубы. Я оденусь, и пойдем наверх.

Гарри не хочется наверх. Впервые почти за месяц они наедине, и не нужно бояться за собственную жизнь, и Гарри хочется сделать кое-что такое, что совсем не одобряет отец Мелани и что

не следует делать в компании. Но они в чужом доме, и ему не хочется расстраивать хозяев, поэтому он с улыбкой кивает, отпускает Мел и идет в ванную.

Когда Гарри выходит, на Мел, как ни печально, уже джинсы и ржаво-красная толстовка, мокрые волосы заплетены в косу.

— Это мне Кэролин одолжила, — поясняет Мел, дергая за рукав. — Ткань покрашена настоящей красной грязью. Помнишь, мы ее видели на улице. Чокнутые они тут в Алабаме, да?

— Это уж точно, — соглашается Гарри. В ванной он старательно пригладил волосы мокрыми руками. Одежда у него мятая, но, что удивительно, чистая, хоть он в ней и спал, — сойдет. — Ты что-то говорила про кофе.

— А еще кексы. Пошли, — Мелани ведет его вверх по лестнице прямо на кухню.

А там на столешнице и правда стоит блюдо со свеженькими, только из духовки яблочными кексами, а рядом кофейник. Гарри наливает себе кружку и топает вслед за Мел в гостиную, где вовсю идет беседа.

На пороге он удивленно останавливается. В гостиной не только их хозяева и служители, но еще пятерка из Беркли — стоят с чашками кофе

и кексами в руках и болтают. Первым Гарри и Мелани замечает Роджер. Он поворачивается к ним с улыбкой, ну точь-в-точь добродушный учитель английского языка из старшей школы, который так рад, что любимые ученики победили в конкурсе дискуссионного клуба.

— Надеюсь, вы не против, что мы к вам заскочили по дороге домой, — голос такой же добродушный, как и улыбка. — Просто хотели проверить напоследок, не нужно ли вам чего.

— Нам до Беркли не меньше двух часов, — у Доджер вид до жути радостный. — Хотелось бы оказаться дома до захода солнца.

Гарри удивленно моргает. Они из Калифорнии в Алабаму добирались несколько дней, да, пусть не особенно торопились, но не пешком же шли. Никак невозможно за два часа доставить этих людей и их нелепый фургон домой. С другой стороны, у этой женщины в саду в буквальном смысле лето, потому что ее брату захотелось цветочков.

Роджер сердито смотрит на Доджер:

— Некоторые более уважительно относятся к линейным расстояниям.

— Некоторым неплохо бы знать, что мили — это просто циферки на карте, а с цифрами вполне

можно договориться, — Доджер кусает свой кекс.

— Вот видите, она совершенно не понимает, что обычные люди не могут за полдня проехать всю страну, как ляпнет что-нибудь эдакое — все думают, будто ее по голове стукнули, — вмешивается Эрин и, обойдя близнецов, протягивает Мел руку. — Мои поздравления.

— Э, спасибо, — Мел пожимает протянутую ладонь. — Я заметила вас на коронации. Но не ожидала увидеть здесь.

— А мы не ожидали, что в коронации будет замешан Невозможный город, — объясняет Доджер. — Поэтому и думали, что вам придется возвращаться, чтоб все нам рассказать.

— Мы всегда знаем, когда кто-то входит в Невозможный город, — говорит Роджер. — В определенном смысле мы его часть, связаны с ним. Предполагалось, что само наше существование заставит его проявиться; может, в некотором роде так оно и вышло. Не знаю. Я спрашивал европейскую Летнюю королеву, видела ли она Невозможный город до своей коронации, а она в ответ поинтересовалась, видел ли я чудеса Калоса. Издевалась, видимо, — тон у Роджера одновременно обиженный и восхищенный, будто ему трудно поверить, что кто-то может над ним

издеваться, по крайней мере, в открытую.

У него за спиной Ким и Тим с жутковатой синхронностью закатывают глаза.

— Да в Калосе просто происходит действие последней приличной игры про покемонов, — поясняет Ким.

Роджер хмыкает.

— Век живи, век учись, — он отхлебывает кофе. — Вот, кстати, пока мы еще не уехали, просветите меня: что вы сделали с этим кофе? Он просто превосходный.

Клиффорд раздувается от гордости.

— В молотый нужно положить немножко соли, — объясняет он. — Так вкус зерен лучше раскрывается. Ну и, конечно, самое важное — сами зерна.

— Конечно, — соглашается Роджер.

— И ты прими мои поздравления, — Эрин протягивает руку Гарри. — Рада, что у вас обоих все получилось. Вряд ли кому-нибудь из вас понравилось бы править одному.

— А что это вообще значит — «править»? — спрашивает Гарри. — Я знаю, мы теперь как будто королевские особы и все такое, но какая у нас работа? Что нам нужно делать?

— Просто живите, — отвечает Эрин. — Живи-

те, как обычные люди, и дайте своим сезонам что-то такое, что послужит им якорем и будет напоминать, что люди должны жить в этом мире и разбираться с последствиями своих решений. Найдите работу, заведите детей (наверное, вам двоим это проще сделать, чем обычным сезонным владыкам, ведь вы и так уже парочка, но мало ли) и живите. Пока на вас короны, вы не будете стареть, не умрете от естественных причин.

— А какие бывают неестественные причины? — с сомнением спрашивает Гарри.

— Вы можете убить друг друга. Можно броситься под взлетающий самолет. Бывали случаи, когда кого-то лишали головы или сжигали в чрезвычайных обстоятельствах. До меня доходили слухи, что монарха можно и утопить, но вроде никто не знал наверняка, так что я списала это на досужие сплетни. Вас может убить любое воплощение. Учитывая вашу позицию в алхимической пищевой цепи, готова поспорить, что ваши служители могут вас убить, если того пожелают.

Джек бледнеет. Мел смотрит на нее, вопросительно подняв брови.

— Ни о чем не хочешь нам рассказать? — спрашивает она.

— Нет. Нет, мэм, — быстро отвечает Джек. — Мы

помогали вам добраться до лабиринта, потому что желали вашей победы. Какой смысл убивать вас теперь? Сами мы получить короны не сможем, а подготовить другого претендента времени не хватит.

— А что было бы, если бы следующая коронация началась прямо сейчас? — спрашивает Мел у Кэролин. — В смысле, сию секунду. Не завтра, не в следующем месяце, а прямо сейчас.

— В смысле, если бы я отравила ваши кексы или учинила еще какое-нибудь варварство? — уточняет Кэролин. — Ну, меня тогда сочли бы плохой хозяйкой, и тут я снова напомню вам про свою мамочку, которая восстала бы из гроба и явилась учить меня уму-разуму. Почему вы никак не хотите оставить в покое мою мамочку?

— Нет, если бы нас убили не вы, — отмахивается Мелани. — Если бы меня Эрин задушила или еще что-нибудь такое. Она же воплощение, значит, может меня убить.

— А, — Кэролин несколько раз моргает. — По правде говоря, я не знаю. Вряд ли такое когда-нибудь бывало. Но, наверное, бывало хотя бы раз, ведь, согласно нашим таинствам, нужно побыстрее увести новоиспеченных владык в безопасное место, пока остальные претенденты не оправи-

лись от потрясения. Значит, если их быстро не увести, может возникнуть проблема.

— Давайте спросим мистера Википедию, — Доджер добродушно пихает Роджера локтем в бок. — Эй, всезнайка, что это за таинства такие, о которых говорит госпожа Осень?

— Священные таинства существуют почти во всех религиях и верованиях, — пускается в объяснения Роджер. — Обычно их трудно растолковать непосвященным, им они кажутся бессмысленными; вряд ли можно счесть верованиями всю эту канитель: «Я в буквальном смысле живое воплощение сезона, спросите меня о чем угодно», но все же логично, что некоторые связанные с этим понятия трудно объяснить тем, кто не вхож в мир алхимии.

— Ладно. Можно в этом твоем непомерном мозгу откопать ответ на вопрос: почему нужно так быстро увести победителей подальше от проигравших? Проигравшие что — начинают швыряться тухлыми помидорами?

— Когда претенденты оказываются отрезанными от сезонов, они умирают, но не сразу, — говорит Роджер. — Они увянут и погибнут, словно отсеченные от дерева ветки. Но если ветку отделить от дерева, она проживет еще некоторое

время, именно поэтому деревьям часто делают прививки, можно, например, вылечить дерево, если его покалечило во время урагана. Почти всегда растения умирают гораздо медленнее, чем животные, и… — он умолкает под суровым взглядом Доджер. — И ты не об этом спрашивала, извини. Иногда я отвлекаюсь.

— Роджер не знает всего, — замечает Эрин. — Он в некотором роде может ответить на любой вопрос, но иногда ответ появляется, только когда спросишь. Роджер, почему нужно так быстро увести победителей от проигравших, если победители несут в себе свои сезоны, а проигравшие от них отрезаны? Если этого не сделать, какая возникнет угроза?

— А, все просто — древесная прививка, — говорит Роджер.

Все удивленно таращатся на него — все, кроме Гарри, который с самого детства изучал деревья, потому что собирался занять место в Виде-на-замок. Он молча в ужасе смотрит на Роджера, а тот улыбается, радуясь, что Гарри понял, и объясняет:

— Если на коронации на владык возложили короны, а потом кто-то из проигравших достаточно быстро убил одного из победителей, то он сможет

забрать корону, даже если не получил благословение сезона. Так уже бывало: в Африке в тысяча восемьсот двенадцатом, в Австралии в тысяча семьсот четвертом, в Европе около одиннадцати раз в девятом веке и два раза в четырнадцатом. В Северной Америке вообще никто никого не убивал, пока в результате колонизации здешние коронации не начали напоминать европейские, а поскольку с тех времен это лишь вторая коронация, на этом континенте подобного пока не случалось.

— Значит, потерпевший неудачу претендент на Лето мог бы убить Мел и получить Зиму? — спрашивает Джек.

— Именно, — соглашается Роджер.

Гарри и Мел сердито смотрят на Кэролин и Клиффорда, хотя вид у тех такой же изумленный, как и у остальных.

— Неплохо было бы нас хоть как-то предупредить, — пеняет им Мел.

— Мы и сами не знали, — оправдывается Кэролин.

— Вы знали, что нас нужно поскорее оттуда увести.

— Согласно таинствам, новоиспеченных короля и королеву нужно увести от лабиринта в

безопасное место, чтобы они могли спокойно поспать и в тишине и покое сродниться со своими сезонами, — поясняет Кэролин. — Там не сказано, что их могут убить, если бросить их ночевать на улице!

— Ужасно глупая система, — возмущается Мел. — Зачем мы вообще старались, проходили лабиринт и получали благословение сезонов — могли бы просто сидеть в «Уоффл-хаусе», попивая кофе, пока все не закончится, а потом кокнуть кого-нибудь и ограбить. Глупо и нечестно.

— Так уж все устроено, — говорит Роджер.

— А мне не нравится, — огрызается Мелани.

— Нам нельзя возвращаться домой, — вмешивается Гарри. — Авен не входила в лабиринт. Если уж кто-нибудь и захочет найти нас и убить, пока в нем еще теплится жизнь, так это точно Авен. Домой нельзя. Далеко отсюда до Висконсина?

— Можно за день доехать, если не очень часто останавливаться по дороге, — говорит Клиффорд. — Тут почти по прямой.

— Значит, поедем в Висконсин, — решительно заявляет Гарри.

— А что в Висконсине? — спрашивает Доджер.

Гарри смотрит на нее с таким видом, будто она задала глупейший на свете вопрос.

— Мой семейный замок, что ж еще.

— Что ж еще, — повторяет Доджер. — Что ж еще может быть у странного мальчишки с Летней короной и мертвой подружкой, если не семейный замок в Висконсине. Где ж еще строить замок? Логичнее некуда.

— Именно, — соглашается Гарри.

Он не говорит им, какие длинные в Висконсине зимы: там до сих пор должно быть достаточно холодно, чтобы Мелани не соскользнула слишком далеко в Весну, хотя бы еще чуть-чуть. И нужно посмотреть, что там у них с колледжами — лишь бы Мел большую часть года бодрствовала. И еще нужно, чтобы Гарри хватило времени на семейное дело.

В семье Марчей и раньше бывали разные заболевания, так что Гарри уверен, что все сумеет устроить. Может, на несколько лет раньше, чем он изначально планировал, но ведь он всегда это и собирался сделать, так или иначе.

— Мы не можем вернуться в Портленд, — благоразумно замечает он. — Авен не умерла в лабиринте, и, если служители не знали о… об этой штуке с прививкой… которую могут устроить потерпевшие поражение претенденты, значит, она, наверное, и на поле не погибла. Из всех

оставшихся претендентов на Лето по нашу душу явится, вероятнее всего, именно она.

— Думаешь, она бы тебя убила?

— Думаю, она бы нас обоих убила, — пожимает плечами Гарри. — Мел отвергла ее. А я «украл» у нее сестру. Не похоже, что она легко воспринимает отказы.

— Если она почти всю жизнь провела в алхимической коме, то, наверно, так и не научилась справляться с эмоциями, — медленно говорит Джек, лицо у нее испуганное. — Поэтому, когда Мел отказалась разорвать свою параллель, Авен почувствовала себя отверженной. Вопрос только в том, на кого из вас она больше зла.

— Решено, — говорит Гарри. — Едем в Вид-на-замок. Всего день пути.

— В общем-то, с этим мы можем помочь, — предлагает Доджер.

Вид-на-замок

ПО КАЛЕНДАРЮ:

5 марта 2017 года, первый месяц весны, нарастающая луна молодой травы.

Благодаря помощи Доджер (все это совершенно нелогично, с расстоянием не поспоришь, расстояние — это расстояние, четкое и незыблемое, его не может изменить какой-то чокнутый математик с прядкой, похожей на рождественский красно-белый леденец, внеся пару правок в карту, а потом вбив в навигатор особый произвольный маршрут) они умудряются добраться от Хантсвилла до Северного Висконсина меньше чем за час, и это учитывая остановку в «Старбаксе», чтобы купить Мелани кошмарное зелье из разнообразных сиропов.

Гарри ни за что бы не поверил, если бы сам не сидел за рулем, но навигатор пищит и объявляет: «Почти прибыли на место назначения», дорога изгибается, и впереди родной, любимый Вид-на-замок с серыми каменными стенами и башнями, примостившийся у леса на ладони.

Это не замок Барби — ничего такого простого и прямолинейного: бывшие хозяева в Шотландии унаследовали его от своих предков, то была длинная династия, и предкам, которые платили за эти камни и стены своей кровью, вероятно, совсем не понравилось бы, что замок обрел новый дом. Но теперь это действительно его дом; как и люди, которые его сюда привезли, он пустил корни. Может, не такие древние и основательные, как у некоторых здешних деревьев, ведь деревья выросли задолго до того, как эту землю начали возделывать, и будут расти здесь и после, но корни замка уходят достаточно глубоко, и он больше не двинется с места без человеческого вмешательства.

То есть, по мнению Гарри, замок здесь навсегда. Создав аварийную ситуацию, Гарри останавливается прямо на дороге и сумрачно улыбается, глядя на Вид-на-замок, в который с самого детства стремилось его сердце. Все его мечты, значительные и незначительные, сложные и простые, неизменно вращались вокруг этого места и будущего, связанного с ним.

— Чтоб меня черти драли! — почти с благоговением восклицает Джек.

— Вот уж это в ближайшее время тебе не све-

тит, — отвечает ошарашенный и радостный Дженни. — Следующие десять лет тебе предстоит оставаться ребенком.

Джек показывает ему язык. Дженни фыркает.

— Не поможет. Но здесь я с тобой солидарен: чтоб меня черти драли. Гарри, когда ты сказал, что мы едем в твой семейный замок, я думал, ты имеешь в виду просто очень-очень большой дом. До нелепости большой. Но не замок же.

Гарри удивленно моргает.

— А с чего ты так решил?

Гарри привык, что в школе все знают про Вид-на-замок, все видели фотографии, которые он показывал на школьных презентациях, слушали, как он зачитывал бесконечные нудные сочинения о том, как провел лето.

Закатив глаза, Мелани хлопает Гарри по плечу.

— Солнышко, не все выросли в твоем доме. Езжай давай, они привыкнут.

— Как скажешь, — ворчит Гарри, нажимает на газ, и машина неторопливо катится по дороге.

Здесь нельзя превышать скорость, только не под сенью Вида-на-замок, который появился тут раньше нынешней дороги; эту самую дорогу спроектировали и оплатили его обитатели, а значит,

она вполне отвечает их представлениям о гостях (им не очень рады) и безопасной скорости для автомобилей (она должна быть не очень высокой).

Когда они въезжают на ведущую к замку дорожку, на крыльце в окружении бронзовых львов уже ждет бабушка Гарри, вид у нее сияющий, руки прижаты к груди. Дождавшись, когда машина остановится, она спешит к ним, двигаясь очень легко и проворно для женщины шестидесяти с лишним лет, сразу видно, что она много ходит и много времени проводит на улице. Бабушка единственная из всех смеялась, а не сокрушалась, когда в то лето Мелани в буквальном смысле влезла на стену; при виде вышедшей из автомобиля Мел лицо бабушки озаряется радостью.

— Мел! Милая, как я рада тебя видеть, Гарри не сказал, что привезет тебя, — она бросает на любимого внука притворно гневный взгляд и обнимает Мелани, и Гарри, который тоже вышел из машины, качает головой. — Я не знала точно, увидим ли мы тебя еще когда-нибудь, после всего происшедшего. Соболезную твоей потере, дорогая.

Из машины выходят Джек и Дженни. Бабушка спешит к Гарри, а Мелани озадаченно смотрит ей вслед. Она же не имеет в виду Авен? Авен не

столько потеря, сколько временная и весьма нежелательная находка, и они очень надеются потерять ее насовсем, укрывшись в замке. Джек и Дженни становятся рядом с Мел, а бабушка обнимает Гарри, хлопочет вокруг него, сокрушается, какой он худой и усталый.

— …сказали, что ты уже едешь, мы тебя ждали несколько дней назад.

Гарри удивленно моргает.

— Родители тебе сказали, что я приеду?

— Разумеется. Гаральд, мы уже старенькие, нельзя нас так огорошивать. Кстати говоря, кто эти милые люди, которые приехали вместе с тобой?

— Джек, мэм.

— А я Дженс.

— Очень рада с вами познакомиться. Гаральд наверняка рассказал вам, чего ожидать от нашего скромного семейного гнезда, я Элайза Марч, добро пожаловать. Мой муж сейчас на работе. Так что я одна его ждала. Мы не знали точно, когда Гарри приедет, и нас не предупредили, что с ним будут гости… — многозначительная пауза сулит Гарри серьезный нагоняй с глазу на глаз, как это умеют только бабушки. — Идите, пожалуйста, за мной.

— Бабушка, ключи в замке зажигания, — гово-

рит Гарри, доставая сумку из багажника.

— Антонио перегонит машину в гараж.

Джек и Дженни переглядываются, вероятно, до них только сейчас дошло, о каких деньгах здесь идет речь; они идут к замку вслед за Мелани, бабушка впереди, а замыкает шествие Гарри.

Прихожая очень большая — размером с целую квартиру, стены обшиты гладкими дубовыми панелями, но мрачность скрашивается огромным количеством семейных фотографий: кое-где маленький Гарри, на многих мальчишка, очень похожий на Гарри, но с волосами потемнее, от снимка к снимку он взрослеет, пока наконец не появляется сам Гарри. Новоприбывшие сбиваются в кучку, и Элайза указывает на лестницу:

— Гарри, дорогой, твоя комната готова. Попрошу Пенни подготовить еще три гостевых, пока будем ужинать. Это не проблема.

Джек явно озадачена тем, как легкомысленно хозяйка дома отнеслась к дополнительным гостям за ужином, она вопросительно смотрит на Мел. А Мел пожимает плечами, мол, делай, как скажут, а потом поворачивается к Элайзе.

— Извините, но что вы имели в виду, когда сказали «после всего происшедшего»? — вежливо спрашивает она.

Элайза, которая как раз суетится вокруг Гарри, поворачивается к Мел, широко раскрыв глаза и разом побледнев. Прижимает ладонь к губам.

— Девочка, дорогая, я думала… То есть, отец Гарри решил… Мы думали, что Гарри сбежал к нам из Портленда, ведь все мы знаем, что он сбегает к нам, когда сильно расстраивается и… Прости меня. Я думала, ты знаешь.

Гарри встает за спиной у Мелани и обнимает ее рукой за плечи.

— Думала, мы знаем что, бабушка?

Элайза с сокрушенным видом отвечает:

— Что ее отца убили. Кто-то вломился в дом, и полиция… — она все говорит, говорит, но Мелани ничего не слышит. Только навязчивый гул, как бывает в телевизоре, когда отключили антенну.

Отец умер.

Ее отец, Роланд Косгроув, который ее вырастил, который, как она всегда верила, ее любил, который создал ее в лаборатории, алхимик, предназначивший ее для неизбежного и неминуемого будущего, — этот человек мертв. Теперь понятно, почему он не преследовал ее, хотя они этого так боялись. Никто из встреченных ею во время этого сумасшедшего приключения ни словом не упоминал, что можно воскресить кого-то из мертвых.

Что еще хуже, Мелани не знает, захотела бы она это сделать, если б знала как. Значит, отец мертв окончательно и бесповоротно.

Элайза все говорит, а Мел медленно подходит к лестнице и садится на ступеньку, свесив руки между колен. Элайза бросается было к ней, но Гарри хватает ее за локоть и что-то сердито выговаривает. Белый шум в ушах у Мелани не смолкает.

Он не смолкает еще много часов, возвращается домой дедушка Гарри, им подают ужин, видимо, превосходный, но Мел чувствует во рту лишь пыль и затхлость, Элайза отводит ее в комнату, в которой Мел уже жила, когда приезжала сюда, роскошную, розовую, немножко чересчур женственную, но у Марчей дочерей нет, и Элайзе, видимо, очень нравится обращаться с Мелани как с принцессой. Мел улыбается, что-то бормочет, не слыша саму себя, забирается на кровать и лежит там без сна, уставившись в темный потолок.

Почти месяц она ни разу не отходила так далеко от своих спутников, Мел чувствует, как ее по краешку обгладывает весна, выпивает ее силу. Мелани узна́ет, каково это — по-настоящему воплощать собой Зиму, только когда та снова наступит, ведь коронация случилась так поздно;

весной Мел будет убывать и чувствовать себя, как чувствовала всегда, а потом проспит все лето.

Вероятно, именно потому, что в ближайшем будущем ей предстоит проспать три месяца, сейчас сон не идет. Почти целый час Мелани крутится и вертится, а потом встает, медленно подходит к балконным дверям, открывает их и выходит в прохладную ночь. Она никогда не любила это место так сильно, как любит его Гарри (это просто невозможно), но все равно любила и всегда знала, что в один прекрасный день, если сердце выдержит, она назовет его домом. Возможно, это произойдет лишь через несколько лет, но Мел здесь уютно, она может расслабиться; облокотившись на каменный бортик, не дающий гостям свалиться в розарий, она слушает белый шум в голове.

Еще месяц назад Мелани была бы раздавлена. Безутешна.

А теперь…

Теперь мир поменялся, стал гораздо больше и гораздо меньше, чем она когда-либо представляла. Почему-то от этой мысли на душе спокойнее. Мелани кладет подбородок на скрещенные руки и улыбается. Она больше не больна. С ней все будет хорошо, и с Гарри все будет хорошо, и, может,

жизнь не будет такой, как они всегда мечтали, но они проведут ее вместе, а значит, справятся со всем, что она им подбросит.

Притом в замке, а этим немногие могут похвастаться.

Мелани разбирает смех. Она все еще хихикает, когда снизу внезапно доносится шуршание; прижав ладонь к губам и прищурившись, Мел вглядывается в сад. Город далеко, поэтому тут очень темно. Ничего не видно.

Может, енот пробежал или олень. Мелани возвращается в комнату и закрывает дверь. Ей не холодно, просто не хочется, бравируя своей устойчивостью к висконсинской весне, напороться на медведя.

Мел усаживается на краешек кровати, и тут балконная дверь тихонько открывается, и в комнату проскальзывает Авен, стараясь ступать как можно тише. Мелани наклоняет голову к плечу.

— И какой был план? — спрашивает она. — Убить меня, перекрасить волосы и занять мое место?

Авен замирает.

— Наш отец мертв, и ты умираешь. Неужели недостаточно смертей?

— Я знаю, что он мертв, — огрызается Авен. —

Это я его убила.

Мелани бы рассердиться. Прийти в ярость. Но она ощущает лишь усталость и тихую грусть.

— Значит, кроме меня, у тебя никого не осталось. Неужели ты сможешь меня убить?

— Ты выбрала его, а не меня, а теперь он получит меня вместо тебя.

— Так не объединишь сезоны, — с грустью отвечает Мелани и встает. — Ты можешь украсть Зиму, если будешь действовать достаточно быстро, но навсегда останешься привязанной к Лету, а двое Летних детей с краденой Зимой не смогут обрести баланс. Это просто издевательство.

— Мне плевать.

— А зря, если ты вздумала нести в себе Зиму. Это, знаешь ли, нелегкая ноша. Пока ты спала, мне пришлось жить в этом мире и учиться быть человеком; я жила с негодным сердцем, которое ломалось при каждом ударе. Я стала сильнее. А ты нет.

— Сейчас ты не кажешься особенно сильной, — шипит Авен.

— Может, и так. Но я знаю этот замок, а ты нет.

И Мелани срывается в бег.

Ее дверь выходит в длинный прямой коридор с ковровой дорожкой на полу, поэтому топота не

слышно. Она со всех ног бежит к комнате в дальнем конце, где спит Гарри. Если успеет добежать, если они будут вместе…

Мелани не знает, что из этого выйдет. Знает только, что с Гарри она станет храбрее. И поэтому бежит, слыша, как сзади с шумом несется Авен, врезаясь на ходу в стены. Авен плевать, пусть даже проснется весь дом. И Мел бежит и в самый последний момент, передумав, бросается в сторону, к длинной и крутой лестнице, на которой с непривычки можно не единожды поскользнуться и упасть.

Крепко ухватившись за перила, Мелани сбегает по ступеням, и гладкое дерево струится под рукой, словно лента дороги, которая привела их сюда. Она успевает добраться до первого этажа, и никто не хватает ее за волосы, не дергает за руку; на мгновение обернувшись на бегу, Мелани мчится к входной двери.

Авен прямо за ней, мстительный призрак Лета, длинные белые волосы развеваются за спиной, их хорошо видно в полумраке. Лицо перекосилось от ярости. Она готова убивать.

Мелани не доставит ей такой радости.

Входную дверь замка почти никогда не запирают. Зачем? Да, тут есть ценные вещи, но сам

дом прячется в глуши, да и потенциальные грабители, скорее всего, разбились бы в темноте на извилистой дороге. Мел со всей силы толкает дверь и выбегает на улицу.

Там жутко холодно. И Мелани сразу чувствует себя лучше, сильнее, бодрее. Она бежит дальше, камешки на подъездной дорожке царапают босые ноги. Позади топает Авен.

Может, бежать наружу — не самая разумная идея. Но Авен не знает Вид-на-замок. Не знает Мел. Не знает, как сестра любит бегать, не знает, что она любит мальчика, который любит это место так же сильно, как любит ее, безоглядно, всем сердцем. Мел была здесь лишь однажды. Но до сих пор знает тут все как свои пять пальцев. И потому бежит, заворачивает за угол и несется к шпалерам.

Авен тоже про них знает. Наверняка знает, ведь она залезла по одной такой в комнату Мелани. Но знает не так хорошо, как Мел, не лазала по ним вверх-вниз ради развлечения, ее не снимали оттуда перепуганные заботливые садовники.

В нос Мелани ударяет запах роз, и она бежит и вламывается прямо в переплетение колючих ветвей. Они цепляются за волосы и за ночную рубашку, за спиной совсем рядом слышны шаги

Авен, Мел надеется, что шипастые кусты задержат ее.

Добравшись до шпалеры, Мелани с проворностью белки карабкается по ней вверх к балкону Гарри. Рука Авен хватает ее за волосы, и Мел пинается в ответ.

— Прочь, — рычит она, даже не обернувшись. — Ты потеряна. Убирайся куда-нибудь умирать.

— Почему тебе можно жить, а мне нет? — гневно спрашивает Авен. — Не должно быть никакого состязания! Мы должны быть сестрами!

Мелани лезет дальше.

— Прости. Прости, что я родилась первой. Прости, что я буду жить, а ты нет. Прости, что все так вышло. Но в этом виноваты родители, не мы! Не я.

Авен снова хватает ее, на этот раз за лодыжку. Мел гневно смотрит на нее. А потом чуть оттаивает. Авен внизу кажется такой маленькой, такой печальной. У нее не было никаких шансов. Ее единственным шансом выжить были лабиринт и корона.

Гарри вошел туда, обладая всеми возможными преимуществами, а у Авен не было ничего. Это нечестно. Изначально было нечестно.

— Ты получила все, а я ничего, — рычит Авен,

и лицо ее искажается от гнева. — Ты этого не заслуживаешь. Я все у тебя заберу.

Сочувствие Мел мигом испаряется, она выдергивает ногу и стремительно лезет дальше.

— Ты ничего не получишь! — кричит она, надеясь, что вышло достаточно громко.

Но нет. Вот уже и балкон, а дверь в комнату Гарри по-прежнему закрыта, за стеклом никто не двигается. Нахмурившись, Мел подбегает к двери и хватается за ручку.

На этот раз повезло. Ручка поддается, Мел вбегает внутрь. А потом захлопывает дверь едва ли не в лицо Авен, с такой силой, что стекло громко звякает.

Гарри садится на постели, широко раскрыв глаза.

— Мел? Ты же знаешь, бабушка не любит, когда ты приходишь в мою комнату после…

— Тихо! — Мел изо всей силы вцепилась в ручку, удерживая дверь на месте. — Моя сестра здесь.

— Что? — соскользнув с кровати, Гарри подходит к ней. — Ты уверена?

— Прямо там, так что да, уверена, — Мелани тычет пальцем в маячащую за стеклом Авен. — И мы в общем-то равны. Думаешь, если убьем ее,

сезоны нас прикроют?

— Какая ты хладнокровная.

— Но я же воплощение Зимы. Мне можно.

С мгновение Гарри смотрит на нее широко раскрытыми глазами. Потом кивает, берет ее за руку. Вместе они делают шаг назад.

Дверь тут же распахивается, и в комнату вваливается яростно озирающаяся Авен. Она сразу впивается взглядом в Мел. Гарри не отходит в сторону, и Авен бросается вперед и с удивительной силой отталкивает его. Мел улыбается ей, воздух трещит от мороза, внутри у Гарри поднимается Лето и призывает Зиму в Мелани. Холод должен бы послужить предостережением. Но нет. Авен тянется к горлу Мел, скрюченные пальцы готовы хватать и давить, но ее останавливает Гарри: он берет ее руками за голову.

Резкий поворот, резкий щелчок, и все кончено. Авен беззвучно падает на пол. Мелани со вздохом качает головой, обходит тело сестры, которую она так и не узнала и которую оплакивала столько лет, и обнимает своего парня.

Они стоят рядом и смотрят, как тело Авен рассыпается розовыми лепестками и шипами, их уносит прочь задувающий в открытые балконные двери ветер, и так не обязательно должно

было быть, и так всегда должно было быть, алхимическая свадьба свершилась. К добру ли, к худу ли, короны обрели новых хозяев, и Круговороту сезонов нет конца.

Благодарности

И снова мы в алхимическом мире, который теперь гораздо более знаком, но в некотором роде не менее странен; честное слово, я понимаю, что происходит, и очень надеюсь, что вы тоже уже понимаете. Как и в случае с «Миттельшпилем», те, кто знает меня еще со времен «Живого журнала», наверняка узнают «Сезонные страхи», вспомнив тот переменчивый список проектов, который я тогда вела; можно вспомнить и предыдущее название — «Ядовитые яблочки». Первый набросок я сделала посреди зимы; возможно, именно поэтому Гарри так часто перехватывает повествование у Мел. Она была занята другим.

И вновь Диана Фокс и Ли Харрис помогли мне довести до ума и представить идею и мир, которые пробыли со мной так долго; лес Мел очень похож на мой собственный Вавилонский лес, а то, что бродит там, бродит в одиночестве.

Талис, Уэс и Мэри обильно питали дух и костяк этой истории, и она во многом раз за разом формировалась заново, когда я обсуждала с ними большие отрывки. Фил и Шон также поддержи-

вали все мои начинания. Я так рада, что знаю их, и горжусь всем тем, чего они помогли мне достичь.

Кейт Секор, моя прекрасная подруга, была глубоко беременна, пока я писала эту книгу, ее дочка родилась за два дня до ее окончания. Добро пожаловать, маленький человечек! Спасибо, Кейт, что обсудила со мной столько всего, пока мы уплетали индийскую еду и смотрели черт знает что по телику, что была той скалой, за которую я могла зацепиться, когда захлестывало с головой.

Спасибо Крису Мангуму, Таре О'Ши и Мишель Докри по прозвищу Викси: вы были самой лучшей технической командой и системой поддержки, какую только можно пожелать. Спасибо Дженнифер Брожек: ты подставляла плечо, на которое можно было опереться; и Урсуле Вернон: ты по моей просьбе распознавала очень странных птичек. Спасибо Эмбер Бенсон за прекрасную аудионачитку. Спасибо Уитни Джонсон: ты просто прелесть. И спасибо всем участникам чата PFER: вы помогли мне не спятить во время локдауна. Благодаря вам мир становится лучше.

Мы вместе претерпели, хоть пока еще и не пережили пандемию, и, хотя с нами остались не все, сезон меняется. Становится лучше. Скоро мы

увидим лето.

Эми… Я тебя люблю. Я так рада, что в моей жизни есть ты, я в любой момент готова пуститься с тобой по невероятной дороге.

И наконец, спасибо всем вам за то, что читали. Я не смогла бы рассказывать свои истории, если бы не было тех, кто хочет их слушать. Невозможный город совсем рядом, и, если пожелаете, я могу вас туда отвести. Просто возьмите меня за руку, закройте глаза и доверьтесь мне.

Я знаю дорогу.